

Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастной случай берегут;
В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не помеха.
Науки пользуют везде,
Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и наедине,
В покое сладки и в труде.

О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

«Карл Пятый, римский император, говаривал, что испанским языком с богом, французским — с друзьями, немецким — с неприятельми, итальянским — с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языков».

«Наука есть ясное познание истины, просвещение разума, непорочное увеселение в жизни, похвала юности, старости подпора, строительница градов, полков, крепость, утеха в несчастии, в счастии украшение, везде верный и безотлучный спутник».

М.В. Ломоносов

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

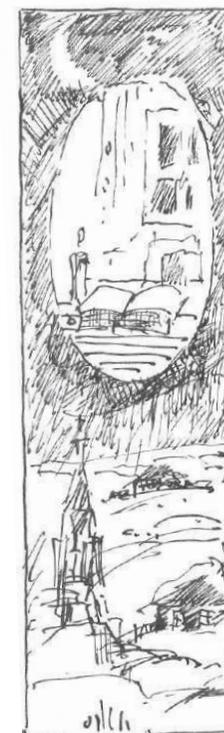
АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

В НОМЕРЕ:

К 300-ЛЕТИЮ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

N6(78)

АКТУАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ
РЕЦЕНЗИИ И ОТКЛИКИ
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

**АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ**

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

НОЯБРЬ
ДЕКАБРЬ **№6(78)**

МОСКВА 2011

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и
экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.
2011. № 6. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Редакционно-издательский совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан);
д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.э.н., проф. А.Ю. Архипов (Ростов-на-Дону);
д.э.н., проф. В.Д. Базилевич (Украина); д.и.н., проф. И.В. Бестужев-Лада;
д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону); к.э.н. К.А. Зимарин;
д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок; д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский);
д-р, проф. В. Драшкович (Черногория); д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар);
д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина);
к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый заместитель гл. редактора;
д.э.н., проф. О.В. Иншаков (Волгоград); д.э.н., проф. В.Я. Иохин;
д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза; д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев;
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.П. Колесов;
д.э.н., проф. В.И. Корняков (Ярославль); д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород);
д.э.н., проф. П.С. Лемешенко (Белоруссия); д.э.н., проф. С.П. Макаров;
д.э.н., проф. А.З. Новак (Польша); д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., проф. А.А. Пороховский; д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. В.Т. Рязанов (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров);
к.и.н., в.н.с. И.П. Смирнов; к.э.н., проф. В.М. Сологубов (Екатеринбург);
к.т.н., проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург); д.ф.н., проф. Л.А. Тутов;
д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. В.В. Чекмарёв (Кострома);
д.э.н., проф. В. Шмидт (Германия); д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, заместитель гл. редактора;
д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Научный редактор — *Е.С. Зотова*

Редактор — *Т.Г. Трубицына*

Художник — *Е.Ю. Осипова*

Оригинал-макет — *П.Г. Полунина*

Компьютерная верстка — *П.Г. Полунина, С.С. Нина*

Распространение — *И.А. Ольховая*

Научно-организационная работа — *А.А. Антропов, К.В. Молчанов, С.С. Нина,
С.Ю. Синельников, Т.С. Сухина*

**Издается с участием Академии философии хозяйства
и Философско-экономического ученого собрания**

**Издано при поддержке Краснодарского представительства
Центра общественных наук при МГУ (директор — д.э.н. Л.Н. Дробышевская)
и НИИ экономики ЮФО (директор — к.э.н. В.В. Чапля)**

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ, III учебный корпус,
экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183, факс (495)939-3496,
e-mail: <eszotova@mail.ru>

skype: <philosophy_of_economy>

<http://www.econ.msu.ru/cd/311/>, <http://www.css.msu.ru>

Учредитель ООО «Инвестиционная компания “БАРРЕЛЬ”»

тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2011 г.

Содержание

К 300-летию М.В. Ломоносова

Ю.М. Осипов

Историческая поступь великоросса: М.В. Ломоносов..... 7

Раздел I

Философия хозяйства

Ю.М. Осипов

Интеллект-революция: завораживающая реальность..... 17

И.В. Пшеницын

Духовный антагонизм хозяйства и экономики..... 22

П.В. Кухта

Полемичность марксистской концепции прогресса
через призму идей С. Булгакова 29

М.Р. Эляян

История философии хозяйства: ветхозаветная теология
и ее роль в становлении философии хозяйства иудаизма 38

М.А. Вахтина

Приносят ли экономические выгоды добродетельные поступки?..... 47

И.П. Смирнов

Идея прогресса в Европе и в России 55

Раздел II

Экономическая теория

С.С. Слепаков

Формирование типов экономического поведения 65

Г.И. Мойсейчик

Новая сущность денег в эпоху глобализации 76

К.В. Молчанов

О понятии экономического строя..... 87

С.Ю. Синельников

Общие вопросы мобилизационного потенциала
национальных экономических систем 103

В.Н. Прончатов

Из пункта А в пункт Б... 119

А.А. Соболевская

Государственное регулирование цены труда 129

П.С. Толкачев

Понятие экономической аксиологии..... 135

П.А. Краснокутский

Преимущества применения кластерного подхода с позиций теории
транзакционных издержек 139

Т.В. Мартыненко

Концепции государства и государственной собственности
в российской экономической мысли 147

Д.Э. Полонский

Диверсификация лояльности потребителей
в условиях сервизации экономики 155

В.П. Петров

О корректировке теории прибавочной стоимости 162

<i>А.С. Ламакин</i>	
Сетевая экономика — феномен информационной эпохи	174
<i>К.И. Сотникова</i>	
К вопросу о барьерах на пути инновационного развития	182
<i>А.В. Донченко</i>	
Особенности пакета антикризисных мер, предпринимаемых французским правительством, в период мирового финансового кризиса 2007—2009 гг.	188
Раздел III	
Актуальная философия	
<i>В.П. Океанский</i>	
Этика закона и благодати в миропонимании А.С. Хомякова и в контексте нашего времени	203
<i>Е.В. Радковская</i>	
Философские категории в исследованиях экономического развития	207
<i>Е.Ю. Колычева</i>	
Нравственное измерение экономической категории «богатство» в философских воззрениях Эпиктета	218
<i>К.В. Конорева</i>	
Социокультурное проектирование в образовании: синергетический подход.....	227
Раздел IV	
Рецензии и отклики	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Философия хозяйства сегодня — в 2011-м.....	235
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
София, Реквием, Россия	239
<i>С.С. Слепаков</i>	
Любовь еще быть может	267
<i>Н.Н. Ростова</i>	
Геронтофобия как антропологический диагноз	271
<i>И.И. Рудяк</i>	
Осипов и новая структура науки: душа как один из ракурсов Бога.....	275
Научная жизнь	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Мировой кризис и перемены	283
Наши авторы	293
Содержание за 2011 г.	295

Contents

<i>To the 300th Anniversary of M.V. Lomonosov</i> <i>Yu.M. Osipov</i> Historic Pace of a Great Russian: M.V. Lomonosov	7
Part I	
Philosophy of Economy	
<i>Yu.M. Osipov</i> Intelligence-Revolution: Dazzling Reality	17
<i>I.V. Pshenitsyn</i> Spiritual Antagonism of Economics and Economy.....	22
<i>P.V. Kukhta</i> Bulgakov's Polemics with the Mark's Conception of Progress	29
<i>M.R. Eloyan</i> History of Philosophy of Economy: the Old Testament Theology and its Role in the Formation of Philosophy of Economy of Judaism	38
<i>M.A. Vahtina</i> Are Virtuous Deeds Naturally Followed By Economic Profits?	47
<i>I.P. Smirnov</i> The Idea of Progress in Europe and in Russia.....	55
Part II	
Economic Theory	
<i>S.S. Slepakov</i> The Formation of Types of Economic Behaviour	65
<i>G.I. Mojsejchik</i> The New Entity of Money in Globalization Epoch.....	76
<i>K.V. Molchanov</i> On the Concept of Economic System	87
<i>S.Yu. Sineľnikov</i> The General Questions of Mobilization Capacity of National Economic Systems	103
<i>V.N. Pronchatov</i> From Point A to Point B	119
<i>A.A. Sobolevskaya</i> State Regulation of Labor Prices.....	129
<i>P.S. Tolkachev</i> The Concept of Economic Axiology.....	135
<i>P.A. Krasnokutskij</i> The Advantages of Using the Cluster Approach from the Point of the Theory of Transaction Costs	139
<i>T.V. Martynenko</i> The Concepts of State and State Property in the Light of the Russian Economic Thought	147
<i>D.E. Polonskij</i> Diversification of Customers' Loyalty in Conditions of Economy' Servization....	155
<i>V.P. Petrov</i> On the Adjustment of the Surplus Value Theory	162

<i>A.S. Lamakin</i>	
The Net Economy — The Phenomenon of Informational Epoch	174
<i>K.I. Sotnikova</i>	
To the Question of the Barriers to the Innovation Development.....	182
<i>A.V. Donchenko</i>	
Peculiarities of the French Economy Anti-Crisis Reforming in the 2007—2009 ..	188
Part III	
Actual Philosophy	
<i>V.P. Okeanskyj</i>	
The Ethics of Law and Grace in the World Outlook of A.S. Khomyakov and in the Context of Our Time	203
<i>E.V. Radkovskaya</i>	
Philosophical Concepts in Research of Economic Development	207
<i>E.Yu. Kolycheva</i>	
Moral Evaluation of the Economic Category «Wealth» in the Philosophical Views of Epictetus.....	218
<i>K.V. Konoreva</i>	
Social and Cultural Design in Education: Synergistic Approaches.....	227
Part IV	
Reviews and Responses	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Philosophy of Economy Today — in 2011	235
<i>N.B. Shulevskyj</i>	
Sophia, Requiem, Russia	239
<i>S.S. Slepakov</i>	
Love Still May Be	267
<i>N.N. Rostova</i>	
Gerontophobia as the Anthropological Diagnosis.....	271
<i>I.I. Rudyak</i>	
New Structure of Science by Osipov	275
Scientific Life	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
World Crisis and Changes.....	283
Our Authors	293
Contents of the Journal for 2011	295

К 300-летию М.В. Ломоносова

Ю.М. ОСИПОВ

Историческая поступь великоросса: М.В. Ломоносов

Аннотация. М.В. Ломоносов как великий ученый, мыслитель, реформатор, его непреходящее значение в истории России.

Ключевые слова: Ломоносов, Россия, наука, философия хозяйства, история.

Abstract. M.V. Lomonosov as a great scientist, thinker, reformer, his persistent importance in Russian history.

Keywords: Lomonosov, Russia, science, philosophy of economy, history.

Крепких родовых корней, судя по могучему телосложению, обширному уму и явно бойцовской фамилии, был *Михайло Васильевич Ломоносов* — великий сын и подвижник земли русской, явившийся в ее окамах в самый что ни на есть переломный момент ее затейливой истории, когда, продолжая еще содрогаться от безоговорочных и беспощадных петровских нововведений, земля эта вступила, сама не слишком это сознавая, на путь внезапного освоения Нового времени, уже весьма овладевшего Западной Европой и уже превращавшего Восточную Европу, еще погруженную в традицию, то ли в ней заблудившись, то ли попросту вместе с нею уснув, в передовое и развивающееся человечество. Не питая к традиции никакого сердечного пиетета, Петр Великий рванул разом к Европе, напялил стремительно на Россию новомодные заграничные одежды, перелопатил вживую и вмертвую родную страну, понасаждал в ней там и сям иностранные институты, сработал новую, уже совершенно европейскую, столицу, хоть и не перенес в Россию самих европейских порядков, изрядно от российских — все еще по преимуществу ордынских — отличавшихся. Загоняя Россию в Европу, а по сути-то Европу в Россию, Петр вовсе не собирался всерьез делать из России эту самую Европу — ему нужно было лишь идейно, образно и технически европеизировать Россию, превращая ее при этом в воистину ордынскую и службистскую — милитарную Империю, оплодотворяемую бодрим самодержавием, всепроникающим деспотизмом и подбадривающим кнутом, признававшую лишь трепетное служение себе барства и безропотную покорность народных масс.

Петр жаждал просвещения, разумеется, для дворянской и чиновничьей элиты, разнообразного трудового профессионализма, но он не признавал, — на что имел свои оправдательные царскоуправленческие виды, — никаких последовательных личных свобод. Слегка ослабив после смерти Петра (как всегда в таком роде внезапной, странной и по своему коварной) милитарно-созидательное рвение, но не изменив в корне имперско-ордынской системы Петра, послепетровская Россия, конвульсируя от переваривания противоречивого евроордынского петровского наследия и ища возможность какого-либо животворного себя продолжения, не могла уже ни консервативно «дезевропеиться», ни прогрессивно «доевропеиться» (точка невозврата к традиционному укладу была Петром успешно и надежно достигнута, а точка полного разворота к Европе была столь же успешно и столь же надежно Петром не достигнута). Так Россия и осталась где-то между европеизмом и ордынством, а в итоге, как раз ко времени явления зрелого Ломоносова, страна представляла из себя некую евроордынскую помесь, в которой ордынство было фундаментом (социальным базисом), а европеизм ему служило лишь внешней формой (культурной надстройкой). Тут-то и вышел на образовательно-научную, просвещенческую и общекультурную арену наш могучий Михайло Васильевич Ломоносов — вполне зараженный Европой, но и вполне обремененный Россией; этот русский европеец и европейский русский; этот великий идейно-духовный преобразователь русскости, но и великий духовно-идейный борец за органичную русскость.

Ломоносов выступил за свободный творческий ум, причем ум, хоть и европеизированный, но национальный, отечественный, русский. Выступил как академия, как университет, как энциклопедия. Полноценно, круговую, целостно! Включая в себя и культивируя в себе все возможное из тогдашнего знания, из бурно развивающихся наук, из высокого профессионализма; отдавая всего себя знанию, науке, профессионализму; выдавая из себя и культивируя вне себя все возможное из знания, из наук, из профессионализма.

В Ломоносове, в этом интеллектуальном гиганте, наделенном столь же мощным организмом, все сразу как-то сошлось — как от чаемого умом европеизма, так и от принятой сердцем русскости, а сойдясь, не замерло келейно-мавзолейно, а вылилось энергично вовне — и не в одну только учившуюся Россию, но даже и в саму учительствовавшую Европу.

Самое поразительное, что Ломоносов во взятой на себя по воле Провидения невероятной и непосильной функции русской академии, русского университета, русской энциклопедии был вполне *один*, так же, как и Петр-царь, он тоже ведь был *один*.

Не было и не могло быть в такие острые переломные исторические моменты каких-либо кластеров из великих гениев, ибо во-первых, где было таких гениев взять — для столь радикальной и масштабной новизны, а во-вторых, какого-либо числа подобных гениев и не нужно было, как и быть не могло, ибо исходить эта неожиданная историческая новизна могла вовсе не из многих, а как раз из совершенно *одних!*

Вот она, роль отдельных личностей в истории: либо гигантская по творческому потенциалу и фактической роли личность, либо ничего вокруг вообще гигантского!

Разумеется, ежели речь идет об именно гигантских, вполне сознательно вызываемых исторических переворотах, о выпадении на одного лишь человека-творца исключительной по значению исторической миссии.

Дело было ведь не только в просвещении отечественной элиты и создании в России класса светских интеллектуалов. На Ломоносова выпала гораздо более масштабная значимая и тяжелая задача — обновить российское сознание, осовременить и обогатить российскую ноосферу, подтвердить и идейно обосновать новый образ страны, обеспечить ее идейно-духовное возвышение, убедительно споспешествовать экономическому и производственному развитию России, начертать возможный абрис ее великого будущего.

Ломоносов — не просто академия с университетом, не только передовой интеллектуализм, это еще и «теневое» правительство России, ее непризнанный Госплан, равным образом и центральной очаг культуры.

Ломоносову пришлось доказывать глубокую историческую давность русскости и славянства, их органическую связь со славной Троей; первоисточность русского языка и древность российской государственности; участие венетов (венетов), руссов, россос, роксаланов, русских в великих деяниях и событиях древности, в том же судьбоносном разгроме Древнего Рима; принадлежность к славянству, если не прямую русскость, Рюрика и его замечательных варягов; великую значимость сначала Новгородской, а потом Киевской Руси, завидное могущество последней, ее многовековую тяжбу-«дружбу» с Византией, подогревавшуюся собственной империльной претензией; закономерность христианизации Руси, ее православного выбора.

Ломоносов — первый русский нововременский историк Руси-России, ее бескорыстный открыватель и добросовестный апологет, сумевший показать реальные истоки Руси-России, ее сложное историческое движение, закономерную самость и совсем не случайную пространственную и временную значимость.

Ломоносов писал древнюю историю Руси-России, но писал ее уже на обновленном им самим же русском, а точнее — великорусском — языке, на котором по сути говорим сейчас и мы — русские люди XXI в., разумеется, на языке, подвергшемся карамзинской, пушкинской, тургеневской, толстовской и иной литературной шлифовке, как и суетной обработке со стороны отечественных говорунов-интеллигентов и обывателей. Если, к примеру, тот же посошковский язык еще требует перевода, как и специального трактования, то ломоносовский язык ни в чем подобном уже не нуждается: это в полном смысле слова *наш* язык!

Ломоносов был не столько техническим — языкознательским — реформатором языка, сколько его благоносным творцом и классным мастером. Он писал воистину литературные тексты, даже в рамках деловой переписки, мало того, он стал и первым литератором — писателем, ритором и поэтом — нового российского времени. Именно Ломоносов заложил основы, как и саму архитектонику, ответственного литературного письма, присовокупив к уникальной, формоорганизующей методе еще и высокий поэтический «штиль». Довелось Ломоносову стать и первым поэтом обновлявшегося натужно и споро России, но не обычным поэтом-душеведом, коих кругом всегда хватает, а поэтом-трибуном, поэтом-глашатаем, поэтом-творцом — самой новоросской поэзии.

Более всего известна и признана роль Ломоносова в естественных науках, прежде всего, в химии, физике, астрономии. Широко и стабильно учитывается роль Ломоносова в постановке высшего образования, в создании того же Московского университета. Но гораздо менее замечается исполненная Ломоносовым гуманитарная миссия, а она была вне всякого сомнения великой, да что великой — судьбоносной!

Ломоносов не только сам стал первой университетской персоной нового российского времени — просвещенческого, исследовательского, научно-творческого, литературного, не только первым плодотворно заговорил на обновленном, им же реформированном, великоросском языке, не только сам стал первым послепетровским историческим летописцем, вытаскившим из небытия историческое предшествование Руси-России, но и выступил, о том совсем не думая, фактическим интеллектуально-мировоззренческим *отцом* новой русской — великоросской — нации, даровавшим ей в лице нарождавшейся умственной элиты новое национальное самосознание.

Но при этом Ломоносов — не просто герой исторический, эпохальный, эпический, он как бы сам по себе и сам себе российский новомировский эпос — как в своем лично-субъектном воплощении, так и в выпавшей на его долю уникальной творческой реализации.

Если Петр-царь проявил себя небезуспешно в образе этакого царя-отчима — радикального, беспощадного, грозного, а соотечественникам его досталась роль покорившихся ему вольно или невольно пасынков, то Ломоносову довелось стать уже отцом нововременских россиян, и последние не без удовлетворения почитают себя его добровольными сынами.

С философско-хозяйственной точки зрения Ломоносов самый что ни на есть реальный и эффективный *хозяйствующий субъект* — либо прямо идейно-духовный, либо в идейно-духовной сфере.

С Ломоносова началась новая концептуально-метафизическая история России, — причем не столько благодаря его конкретным деятельским усилиям, сколько по факту его личного персонального реально-трансцендентного бытия в ментально-культурном пространстве родной страны.

Ломоносов оказался со всем своим богатейшим личностным ресурсом в очень нужное время и в очень нужном месте, как раз тогда и там, где зарождалось новое российское сознание и активно обновлялась под него российская ноосфера. То ли Ломоносову тут очень повезло, то ли сам Ломоносов нечаянно попался в обстоятельственные сети, но переломной России явно сильно подфартило по причине такого вот реально-трансцендентного схождения-сочетания: Ломоносова с Россией, а России — с Ломоносовым!

То ли случай своевольный тут восторжествовал, то ли на то была воля самого Господа Бога, но взрывная энергия Ломоносова сопряглась вдруг с могучей энергией России открывавшейся в лице элитарного слоя к ренессансно-просвещенческой новизне. Увлекаемая вперед страна уже являла, пусть еще и зарождавшегося абрисно, новых сынов-интеллектуалов — адептов зарождавшегося российского концептуализма. Так или иначе, но вполне чудесный феномен вдруг состоялся: Россия обрела Ломоносова, а Ломоносов отдал себя России!

Несмотря на широкое свободомыслие и весьма скептическое отношение к практиковавшей Церкви и окаемному священству, Ломоносов был человеком вполне верующим, от религии и Православия не отрекавшимся, а Господа Бога искренне почитавшим. И ничего нет особенного в том, что Ломоносов оказался вполне *софийным* человеком, мало того, можно даже сказать, что он оказался в тот момент как бы светским наместником Софии Премудрости Божией на земле российской. Ломоносов, этот безусловный *философ хозяйства*, не только не отделен от Софии, но и как раз по нему, по его приоритетным заботам, мыслям и деяниям, по всему им с великим тщанием совершенно можно уверенно судить о присутствии Софии в текущих, но при этом и судьбоносных, делах человеческих. Не один Михаил Архангел,

но и София Премудрость Божия, плодоносно покровительствовали Михайле Ломоносову, укрепляя волю и оттачивая мужество, но еще и понуждая его ум и сердце к овладению разлитыми по мирозданию и человеческому общежитию потаенными смыслами.

Слово и смыслы — вот что покорялось провиденциально Ломоносову, укрепляло и вдохновляло его учению, но при этом и метафизическую натуру, взывало к стойкости и вело вперед, несмотря на все органические препятствия, необязательные вредительства и естественное сопротивление окружавшего его суетного контекста.

Ошибаясь, расшибаясь, рискуя и животом своим, Ломоносов упорно шел вперед, ни перед кем не унижаясь, себя никак тщеславно не возвеличивая, но зато требуя к себе и трудам своим достойного уважения и посильного понимания, разумеется, встречая оные далеко не всегда и вовсе не от всех, в особенности, среди коллег по Академии, ученым советам и диспутам, подвергаясь осуждениям, наветам и высокомерным насмешкам. Нет, Ломоносов не получил от современников адекватного себе и своим делам признания, хотя и не был совсем обойден вдохновляющим вниманием со стороны части коллег и даже покровительством сильных мира сего, нередко спасительным.

Трудно было Ломоносову с текущей Россией, как и тогдашней России было нелегко с Ломоносовым! Не мир тут был со взаимным согласием, а затяжная борьба с наперекорным напрягом. Такова она — судьба великого гения в великой России, когда два необыкновенных величия, хоть и полагают друг друга, но и вольно или невольно друг друга с неизбежностью отрицают. Гений и Россия более между собой несовместимы, чем совместимы, но... как же они могут обойтись друг без друга, порознь-то, без взаимной экзистенциальной схватки и непременной концептуальной разборки?

Ломоносову в целом повезло: он не только не был отвергнут навсегда Россией, но еще и безоговорочно возглавляет нажитый ею за последнюю четверть тысячелетия интеллектуальной арсенал. Ломоносов не забыт, его имя у всех в России на слуху, а у многих в интеллектуальной среде и на устах, его имя носит старейший российский университет, им же в решающей мере основанный, а также носят иные вузы и учреждения, корабли, как и многие места, поселения и точки на географических и астрономических картах.

Ломоносов известен, значим, велик! Но не все здесь так уж просто и однозначно, ибо вряд ли Ломоносов адекватно понят соотечественниками как действительное историческое лицо, как исторический деятель, как основатель и созидатель Новой России, творец национально-го, пусть и европеизированного, но при этом и по-новому самобытного

отечественного интеллекта, как верный и благоносный подвижник и строитель идейно-метафизического эгрегора России.

Ломоносов не Петр-командор, в его поступи нет ничего ни каменного, ни угрожающего, ни асфальтирующего; но это и не расслабленный интеллигент-всезнайка, книжник и фарисей, чьи неуверенные шуршащие шажки едва слышны в путаных ученых лабиринтах; если Ломоносов и командор, то командор-дух, командор-интеллект, командор-эгрегор, чья поступь вовсе не тяжела, не опасна, не убийственна, а всего лишь убедительна и утверждающа, ибо это поступь самой Софии Премудрости Божией, разумеется, очеловеченной.

А что сегодня? Да, Родина чтит Ломоносова, отмечает его 300-летний юбилей, им восхищается, хотя и весьма сдержанно, ибо на российском дворе вовсе не ломоносовское время — ни всеобщего порыва к творчеству, ни явного стремления к развитию, ни триумфа высокого интеллекта. Отечественные «ньютоны» и «платоны», которые, правда, уже никакие не Ньютоны и не Платоны, как само собой и не Ломоносовы, разбегаются по заграницам. На родине им нет места, как и Родина, наверное, им не место, а место их там, в зарубежье, где их ждут, принимают и охотно эксплуатируют. Россия ныне что-то вроде интеллект-колонии, свертывающей свой национальный интеллект и пополняющей интеллект заграничный.

Но дело не только в этом. Ломоносов жил и действовал во время чуть ли ни солнечного торжества науки и просвещения, несомненного триумфа творческого человека-интеллектуала, в момент исторического старта сообразовывшегося в деятельную целостность отечественного интеллекта, а сегодня уже время техно-интеллектуальных систем, решающих хоть и титанические, но уже как бы и *не-человеческие* (*сверх-человеческие*) задачи, а потому время теперь не столько субъектов науки и просвещения, а сколько расплодившихся по интеллектуальной сфере и в ней толерантно действующих суперсложных механических объектов.

Феномен Ломоносов был и остается в памяти людской, но он уже никогда не повторится, хотя подъем хай-науки и хай-просвещения в родной стране может неожиданно и состояться. Но это будет уже не ломоносовский подъем, а скорее, даже — *анти-ломоносовский*: Ломоносов, выражаясь по-современному, конечно, система, но и при этом и личность, и субъект, и персона-творец, а вот нынешние интеллект-системы совсем уже не личности, не субъекты и не персоны-творцы, так что ничего ломоносовского впереди, судя по всему, уже не маячит, впрочем... почему же не маячит, коли феномен «Ломоносов» — это не только личность, субъект, персона-творец, но еще и дух, и логос, и София?

I

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

Ю.М. ОСИПОВ

Интеллект-революция: завораживающая реальность

Аннотация. Рассматриваются феномен интеллекта, его роль в истории человечества и возможность существенной трансформации.

Ключевые слова: интеллект, человек, социум, сознание, ноосфера, наука, философия, философия хозяйства, научно-технический прогресс.

Abstract. The phenomenon of intelligence, its role in human history and the possibility of substantial transformation are considered.

Keywords: intelligence, human, society, consciousness, noosphere, science, philosophy, philosophy of economy, scientific and technical progress.

Интеллект — мыслительная способность человека, обязанная наличию в человеке не столько ума-разума, что свойственно и многим животным, сколько сознания, причем сознания обобщественного, разлитого по всему человеческому миру — мир-сознания, или ноосферы: без такого овнешненного относительно любой человеческой особи коллективного сознания никакого вообще сознания нет и быть не может, как не может быть и никакого вообще интеллекта.

Да, интеллект обязан своим проявлением уму-разуму, но вне сознания, т. е. в пределах ума-разума как такового, никакого интеллекта нет, ибо интеллект это не столько реализующийся ум-разум, сколько действующее через ум-разум сознание, в котором-то и сидит та самая способность мыслить, дающая интеллект, мало того, содержится и весь мыслительный резерв человека — знание, куда входят слова, языки, сведения, смыслы, т. е. весь оружейный запас интеллекта.

Отсюда интеллект — не одна сама по себе мыслительная способность человека, но и само реализующееся мышление вкупе с используемым им разнообразным мыслительным арсеналом.

Интеллект конкретного человека-особи — и ее интеллект, но по большей части это вовсе... не его и не ее интеллект, а интеллект внешний, коллективный, общественный, ибо знание, его выработка, хранение, переработка и т. д., функция общественная, коллективная и для отдельной особи в превалирующей степени внешняя.

Интеллект — принадлежность отдельного сознания, или человека-особи, но и принадлежность общественного сознания, или человека-социума, а лучше сказать — всего сознания вкупе со всей ноосферой.

Интеллекта нет без и вне сознания, без и вне ноосферы, но интеллект вовсе не все сознание, как и не вся ноосфера. Интеллект — особого рода проявление, выражение, действие сознания и ноосферы, специфическая их реализация. И тут-то как раз и важны ум да разум, как и сама по себе способность мыслить.

Выходя из всего сознания-ноосферы, эмануруя из них, интеллект пользуется умом-разумом как единственно возможными средством (механизмом) адекватной себя реализации — в виде как раз тех самых мыслей, для производства которых интеллект, собственно, и предназначен.

А коль скоро человек реально живет, действует, хозяйствует, а не только думает (как при этом и ничего не думает), то интеллект не может не иметь вполне приемлемых для человека и общества в целом практических реализаций, которые должны быть по возможности операциональными, действенными, практическими.

Волей-неволей, но интеллект обязан быть (становиться) «реализабельным».

Реализабельность — неперенное свойство интеллекта, а потому интеллект обычно связан не только с самими по себе мыслями, но и с решениями, действиями, проектами, от этих мыслей исходящими, в общем — с реальным жизнеотправлением человека, с хозяйством и с хозяйствованием.

Интеллект — средство хозяйствования, его элемент, орудие и достояние, но при этом и его продукт. Интеллект работает, делает, творит, но в то же время сам обрабатывается, делается, творится.

Вряд ли что-либо связано друг с другом теснее, чем хозяйство с интеллектом, как и интеллект с хозяйством. Оба феномена неразрывны, хотя хозяйство, конечно, первее, масштабнее и основательнее, ибо это само жизнеотправление, но зато интеллект подвижнее, гибче, глубиннее. Хозяйство — поле, ограниченное пространством-временем и обремененное тяжким физисом, а интеллект — свободное от пространства-времени и не отягченное физисом. По сути это трансцендентное «ничто». В интеллекте ведь сплошная метафизика, хотя без того же мозга как части физиса никакого интеллекта тоже нет, но в интеллекте главное не в нейронах, а в мыслях, в идейно-смысловой начинке.

Интеллект — вершитель хозяйства, хотя и не только интеллект как таковой. Есть еще и воля, и чувства, и стремления, и страсти. Но интеллект занимает, безусловно, ведущую позицию, ибо любое хозяйство — неперенное и непрерывное строительство (как и деконструкция), а строительство хоть и нуждается в воле, а иной раз и в страстях, но на одной воле и одних страстях никак не зиждется. Строительство

(неважно чего — жилья, механизма, продукта, семьи, социума, цивилизации, государства) всегда основывается на расчете — вовсе не всегда количественно-математическом, но всегда на расчете, пусть и качественно-изобразительном, а расчет — функция все-таки не воли и страсти, а... не горячего по преимуществу рассудка, вразумительных суждений, а потому и ума, и разума, и интеллекта.

Хозяйство человеческое — хозяйство не просто с интеллектом, но и интеллектообусловленное хозяйство, что не мешает, конечно, прорывам в интеллекте или рядом с ним того, что обычно называется тем же безумием, а в нашем случае попросту интеллектуальным сбоем, срывом, повреждением.

Интеллект вершит хозяйство, хозяйство ведет интеллект; интеллект созидает интеллект; интеллект обогащается, насыщается, расширяется, усложняется, становясь по качеству и способу реализации заметно другим. Интеллект интеллектуализирует хозяйство, поднимая его на более высокую интеллектуальную ступень. Приходит время, когда интеллект, освободившись от сдерживающих его природных и сакральных тенет, становится настолько сильным, мобильным и действенным, что превращает хозяйство с интеллектом сначала в интеллектуализированное хозяйство, а затем и в прямом смысле интеллектуальное хозяйство, когда само хозяйство уже выглядит интеллектом.

Интеллект свойствен каждому человеку (примем за аксиому). Но есть интеллект и интеллект: как свойственный непосредственно отдельной особи, так и ею, этой особью, используемый. Есть иерархия интеллектов (тут уж ничего не поделать!). И на самой вершине редкие и могучие по интеллекту особи, называемые обычно интеллектуалами.

Интеллектуал — человек с высоким и особо действенным интеллектом. И среди интеллектуалов не одни только ученые и писатели, среди них в общем-то кто угодно, ежели явлен бывает высокий интеллект. Но всегда есть кто-то, кто по действующему интеллекту заслуживает не наименования, а, скажем так, звания интеллектуала. Не каждый ученый или писатель по большому счету интеллектуал, как и по большому счету интеллектуалом может быть и в самом деле кто угодно — интеллектуалом из интеллектуалов, интеллектуалом в квадрате, интеллектуалом в степени.

Да, большой интеллектуал много знает, он живет большой интеллектуальной работой, но главное, он продуцирует что-то воистину новое, необычное, при этом весомое, значимое, что обогащает человечество, меняет мировоззрение, открывает новые горизонты бытия, ведет человека вперед. Будучи продуцентом оригинальной мысли, большой интеллектуал изменяет сознание и ноосферу, а вместе с этим и общий интеллект человека.

Современное передовое интеллектуализированное человечество очень обязано органичным ему интеллектуалам, заметно или не очень сделавшим его не просто интеллектуализированным, передовым и современным, но и крайне интеллектуально, действенно и созидательно в себе уверенным, если не самонадеянным. Человек почувствовал себя Богом-Творцом и, принявшись за пересотворение данного ему мира, достиг уже особого исторического момента — момента-предела, когда на смену миру данному (человеку данному Природой и Богом) пришел мир взятый (человеком взятый у Природы и Создателя), а на смену миру взятому вдруг явился мир сотворенный (уже человеком и только человеком) — мир искусственный.

И главным виновником всего этого демиургического действия оказывается как раз интеллект, ушедший от природы и сакрала сначала ради преодоления сакрала и покорения природы, а затем ради созидания своего собственного мира уже по своему собственному усмотрению и своим собственным лекалам. Из созерцательного и домостроительного в единении с природой и сакралом интеллект превратился в исследовательско-конструкторский, в прямом смысле слова мироустроительный, но действовавший уже вопреки природе и сакралу.

То была настоящая *интеллект-революция*, когда интеллект, воплотившийся в заметно денатурализованных и секуляризованных интеллектуалах (титанах Возрождения, героях Просвещения и бойких акторах Экономики, Науки и Техники), взял на себя и только на себя функцию интеллектуального обеспечения хозяйства, домостроительства и мироустройства, что и сказалось в конце концов на всем образе бытия человека и самого интеллекта.

Освобожденный от тенет Природы и Сакрала, интеллект мало что вошел в центр человеческого мыслительного мироздания (став сам себе причиной, смыслом и истиной), но еще и оказался главным мыслительным источником человеческого бытия, его неизменным и непрерывно действующим демиургом.

И все бы ничего, если бы при этом не изменялся сам интеллект, как и не изменялся бы способ его бытия.

Вырвавшись на свободу, интеллект резко обеднив себя по части метафизики (созерцательной мудрости), чрезвычайно обогатил себя в плане физического и технологического (научного, экспериментального и инженерного) знания. Интеллектуал-ученый (он же исследователь) оттеснил интеллектуала-мудреца (философа). Интеллектуал-физик победил интеллектуала-метафизика. В академиях и университетах воцарился незамутненный никакими природными и сакральными пред-рассудками (пред-интеллекциями), а потому и практически чистый интеллект, нашедший самое адекватное себе воплощение в интеллек-

туале-математике. Математика заняла место философии на царском знаниево-сознаниевом троне. Все поклонения теперь предназначались в первую очередь математике, потом физике, технике, архитектуре, но уж никак не философии, тем более метафизической. Религия была надежно отодвинута в тень. Информатика одолела смысловедение. Чистый интеллект торжествовал полную победу!

Над чем? Как оказалось, над... высшим интеллектуализмом, или же мета- или сверхинтеллектуализмом, причем вполне еще человеческого (в сознании и ноосфере) обитания. Интеллект как таковой остался один на один перед самим собою, полностью погрузившись в полезное, действенное, эффективное, верифицируемое знание. Информационно и технологически обогатившись, расширившись и усовершенствовавшись, интеллект явно обокрал, обеднил, сузил себя в смысловедческом аспекте, что не могло не сказаться на качестве и состоянии интеллекта, как и его необыкновенной судьбе.

Перед интеллектом открылась одна дорога — в информатику, физику, механику, расчет, технологию, конструирование, моделирование, систематику. Даже научные теории стали вскоре обременять чистый интеллект, ибо все более казались ему абстрактными мифологемами, лишь затруднявшими путь к операциональным решениям. От теорий к технологиям — таковым стал научно-исследовательский мейнстрим последнего времени. Теперь уже по преимуществу не от метафизики к физике, а от теоретической физики к физике технологической.

В итоге интеллект все более технологизировался, формализовался, становился расчетно-проективным. Но это был еще все-таки человеческий интеллект. А вот далее пошло ускорение развитие и *вне*-человеческого интеллекта, но не трансцендентно иномирного, сопряженного с метафизикой и мудрствованием а вполне сеюмирного интеллекта — технического. Интеллект не только все более изменял себя, двигаясь в технонаправлении, но и создавал рядом с собой, вкупе с собой и для себя *искусственный интеллект*, вовсе еще не замещавший полностью естественный интеллект, но его заметно, а потом уже и существенно, дополнявший и обогащавший. Та же экспериментальная физика — физика с тем или иным техническим, искусственным интеллектом, пусть еще и не думавшим самостоятельно, но всегда участвовавшим в думании экспериментатора. Теперь же подоспело время, когда никакого физика, а скоро и математика, не станет без и вне техно-искусственного интеллекта, обретшего уже вполне самостоятельную способность думать и решать.

На повестке дня симбиоз естественного и искусственного интеллектов. Не эффективное взаимодействие, а именно симбиоз, в котором приоритет может и не остаться за естественным интеллектом.

Все меньше в мировом интеллектуальном пространстве естественных интеллектуалов, а может, их вообще уже и нет; нынешний интеллект — вовсе не самостоятельная и тем более не самодостаточная интеллектуальная особь — локальный очаг целостного интеллекта, а всего лишь узкий специалист — элемент громадной техно-антропной интеллектуальной машины, работающей хоть и с сознанием и в ноосфере, но с диссипативным техносознанием и в сетеобразной техноноосфере.

Грядет, а может, уже и имеет место *новая интеллект-революция*, как, возможно, лишь просто вторая волна уже идущей с середины II тысячелетия от Р. Х. интеллект-революции. Техно-искусственный интеллект, бурно развившись, станет вести за собой интеллект собственно человеческий. Интеллект перестанет быть не только уникальным, но даже и приоритетным достоянием человека как такового. Весь мир человека станет *миром-интеллектом*. Интеллект как бы перельется из человека в окружающий человека и им созданный мировой контекст. Наступит время творящей среды, в которой уже вряд ли найдется место собственно человеку, физиологически мыслящему, но зато появится возможность для бытия какого-то эфирного («лучистого») *постчеловека* — столь же техно-искусственного, как и сама творящая его среда.

Интеллект — мощнейшее оружие в распоряжении... интеллекта. Свободное оружие свободного интеллекта! И никакого другого варианта, кроме предстоящего полного триумфа интеллекта и его же — этого интеллекта — полного отрицания, по-видимому, нет!

Что ж, пожалуй, это, наверное, и есть столь приветствуемый ныне путь человека во что-то *иное* — что-то вроде растворения в мироздании, в космосе, но совсем не мешало бы весь этот открывающийся великий эсхатологический шанс хорошенько осмыслить, для чего обратиться уже к *постинтеллектуальной метафизике*, той самой, что невольно испытывает великий негативный урок от беспрепятственной реализации восторжествовавшего вдруг на Земле и в Космосе человеческого интеллекта!

И.В. ПШЕНИЦЫН

Духовный антагонизм хозяйства и экономики

Аннотация. В статье анализируется воздействие хозяйственного уклада и экономики на духовный мир человека, рассматриваются специфика каждого воздействия и глубина антагонизма между ними. Рас-

крывается природа хозяйствования как жизненный уклад народа, накапливающий его потенциал.

Ключевые слова: хозяйство, экономика, природа, Родина, философия хозяйства, Бог, душа, мир, труд, работа, разделение труда, отчуждение труда, народ, общество, лад, клад, уклад.

Abstract. In the article an influence of economic pattern of life and economics on man's spiritual world is analyzed, specialties of each influence and depth of antagonism between them are studied. The nature of economic activity as vital pattern of folk's life accumulating his potential is shown.

Keywords: economics, economics, nature, Motherland, philosophy of economics, God, soul, peace, labour, division of labour, work alienation, folk, society, harmony, treasure, patterns of life.

Чтобы раскрыть духовный антагонизм хозяйства и экономики, попробуем отойти от описания «экономико-хозяйственной» реальности и выявить различие их природы. Иллюзия неразрывной близости хозяйства и экономики обусловлена отсутствием между ними разделительных границ. Кажется, они просто дополняют друг друга, поскольку домашние или семейные хозяйства являются субъектами рыночной экономики, наряду с фирмами и государством. В таком случае к идее «хозяйства» экономисты приходят, осознавая недостаточность рыночной экономики. При этом, как правило, экономику интуитивно сводят к экономическим отношениям. Ограничение экономики *отношениями* людей, а экономических отношений — возмездными отношениями, а по существу, эквивалентными отношениями обмена приводит к необходимости их дополнения хозяйственными отношениями, необходимыми для *жизнедеятельности* людей. В отличие от экономических отношений, хозяйственные отношения распространяются широко, затрагивают все сферы общественной жизни.

Однако при таком подходе экономика и хозяйство становятся неразделимыми, экономика дополняется хозяйством, и никакого антагонизма между ними нет. Они сосуществуют как близнецы-братья, а явно ощущаемый в нашей жизни антагонизм видится в другом, например, в политическом противостоянии России и Запада, или в противостоянии русской экономической мысли и экономикса и т. п.

Широту и универсальность экономики показал Аристотель. У него экономика не ограничена денежными отношениями, она включает домоводство, которое многие понимают как домохозяйство. При таком понимании экономики «хозяйство» как особое понятие кажется вообще излишним, достаточно рассматривать экономику в широком смысле. И тем не менее понятие «хозяйство» выражает нечто такое, чего нет даже в натуральной экономике Аристотеля. В хозяйстве выражает-

ся единство с природой, оно предполагает любовь к земле, единство с пространством, миром, в котором происходит хозяйствование, его безотходность. Если речь идет о крестьянском семейном хозяйстве, а не о хозяйстве только в доме, но и в миру вокруг дома. И широта пространства достаточна для безотходного хозяйствования. Экономика же порождается эффективной специфической деятельностью, которая создает экологические проблемы. В разделении экономики и экологии выражено коренное различие экономики и хозяйства.

Типичным примером хозяйства было общинное крестьянское хозяйство. Единство с природой в хозяйстве выражается в восприятии пространства и отчего дома как Родины, где у человека рождается душа. Крестьянин ощущает на уровне подсознания, что родная земля наделяет его душой, и бережно относится к окружающему миру. Только у отчужденного от земли человека рождается мысль, что от природы нельзя ждать милостей, а необходимо взять у нее все интеллектом и силой. В сознании такого человека Родина отделена от природы и сводится к отношениям между людьми. Патриотизм как любовь к Родине в отчужденном от природы сознании становится идеологией, средством борьбы.

Первооткрыватель философии хозяйства С.Н. Булгаков ясно сознавал, что главная проблема экономического развития, это вопрос «о человеке в природе и о природе в человеке». В напутствие к своей «Философии хозяйства» — «как выражение пафоса и устремления» этой книги — он привел цитату из «Бесов» Ф.М. Достоевского: «Богородица — великая мать сыра земля есть, и великая в том для человека заключается радость». Любовью к родной земле пронизана вся философия хозяйства Булгакова. Поэтому хозяйственная деятельность не сводится к отношениям между людьми, как собственно и экономика, которая основана на отчуждении от природы.

В русском языке очень точно выражено различие деятельности человека в хозяйстве и в экономике. Как крестьянин вел хозяйство? — Выращивал хлеб, выхаживал скотину, создавал семью, строил дом, воспитывал детей. Во всем видна созидательная сущность хозяйствования. А что человек делает в экономике? — Он работает, участвует в производстве. Сложилось убеждение, что производство было всегда. Тем не менее русские пока еще не говорят: человек производит дом, производит урожай, производит семью, производит сад; мы говорим: «человек создает, строит или выращивает», и в этом выражается глубокий внутренний смысл, проявляется антагонизм между хозяйством и экономикой в их воздействии на человеческую душу. Деятельность человека в хозяйстве хоть и трудна — душа обязана трудиться — но *не изводит* человека, поскольку он живет в единстве с природой, в мире

со своей душой. Живет так, как жил по своей природе. Хозяйство воссоздает духовный мир человека.

Изменение жизнедеятельности людей порождает изменение отношений между ними. В хозяйстве люди связаны родовыми связями, Родиной и живут общиной, образуя не общество, а народ. В экономике же люди образуют общество отчужденных людей, гражданское общество. Отчуждение от природы приводит к превращению городов в мегаполисы, внеприродные образования, а горожане становятся гражданами. Гражданское общество и народ также антагонистичны по своему воздействию на человеческую душу как экономика и хозяйство. Как учит история Древней Греции или Древнего Рима, гражданское общество оказывается последней стадией жизни народа. Гражданское общество утрачивает духовную мощь, и цивилизация не может противостоять варварам. В городах, в отчуждении от родной земли, дух народа умирает, народ превращается в демос, в социум. Усиливается атеизм. Прекрасной иллюстрацией этого антагонизма является роман М.Н. Булгакова «Мастер и Маргарита». Ощущая конец мира, граждане ищут спасения своей души и, не находя его, задают странный вопрос: есть ли Бог? Сомнения преодолеваются волевым усилием, верой. Но если в Бога надо верить усилием воли, значит, объективно Бога теперь уже нет.

В экономике человек ищет Бога вне себя, во многом из-за отчуждения от Родины и Народа, отчуждения, порождающего разложение народного духа и человеческой души. В гражданском обществе объективно Бога нет, поскольку оно основано на отчуждении, а не на любви. Отчуждение от земли, переход к жизни в мегаполисе, подрывает дух народа, нарушает его нормальное развитие. Анализ процесса отчуждения и разделения труда и разложения хозяйства дает объективный ответ на вопрос, который не сводится только к вере. Философия хозяйства, как полагал С.Н. Булгаков, должна рационально отвечать на вопрос о рождении в человеке души, о существовании Бога. Для человека величайшая радость, если у него есть «сырая земля», если он может на ней хозяйствовать, поскольку эта сырая земля, природа — Родина, которая рождает в человеке Божью душу, является Богородицей.

Особенность хозяйства и его философия в том, что в мире хозяйства у человека рождается душа. По воздействию на духовный мир человека хозяйство принципиально отличается от экономики, самой что ни на есть постиндустриальной и даже инновационной, поэтому хозяйство и обладает философией, высшим смыслом.

Действительное развитие всегда соответствует природе человеческого рода, приводит к накоплению духовного потенциала, творческих возможностей. Источником такого развития является *действенная*

жизнь народа, *целесообразная* чувственно-практическая хозяйственная деятельность.

Вообще целесообразность является атрибутом хозяйствования, совмещает удовлетворение общественных потребностей посредством создания орудий труда с развитием человека. Целесообразность хозяйствования *естественна*, она не является продуктом отчужденного от мира абстрактного сознания, обособленного от чувственно-практической деятельности. В силу целесообразности хозяйствования человек приобретал дар предвидения, видения во времени и таким образом человеческий род развивался.

Понимание природы хозяйствования осложнено смешиванием процесса труда и работы. Трудом называют непосредственное воздействие человека орудием на предмет труда. Однако непосредственно это только работа. Трудом же является целесообразная деятельность, развивающая человека, когда он работает. Работая топором, например, он предвидит строительство дома или «родового гнезда» с целью создания семьи, воспитания детей. Трудом является разведение домашних животных, которые в хозяйстве были главными орудиями труда; а также, выведение культурных растений; выращивание и переработка урожая и т. п. Хозяеству, человек воздействует орудием труда на предмет. Эти действия и принято ошибочно считать трудом, хотя в действительности они являются лишь его моментами.

В экономике эти моменты труда приобретают самостоятельность и утрачивают целесообразность в результате *разделения процесса труда*. Роль разделения труда в развитии экономики рассматривал Адам Смит. Специализация работ явилась важнейшим средством повышения производительности. Смит отметил *глубину* разделения труда, но не отделил разделения труда, ведущего к специализации человека, разрушению хозяйства, от образования новых видов труда как целесообразной чувственно-практической хозяйственной деятельности. В действительности *разделение труда*, что следует из этого сочетания слов, ведет к разрушению целесообразности, разделению труда на умственную и физическую работу. Возникает многогранный всесторонний процесс отчуждения труда от человека, разрушения хозяйства и его высшего смысла, его философии.

Хозяйство не просто источник материальных благ, наподобие производства в экономике. Хозяйствование всегда предполагает кооперацию, форму совместной деятельности. В крестьянском хозяйстве существовала сложная кооперация членов семьи и общины. При этом каждому виду труда хозяйство придавало целесообразность, он был сообразен родовой природе человека. Изменения в кооперации позволяет выразить изменения целесообразности и показать вызываемое

разделением труда разрушение сообразности цели деятельности человека его природе.

Обособление видов труда, разрушающее хозяйство, и последующее разделение процесса труда в мануфактуре привело к появлению совокупного работника, волю и сознание которого выражал владелец мануфактуры — капиталист. Возникла *капиталистическая кооперация*. В развивающемся таким образом капиталистическом способе производства частичный работник подчинен совокупному работнику и капиталисту. Возник основанный на разложении целесообразности чувственно-практической хозяйственной деятельности новый феномен — капитал. В капиталистической кооперации работа имеет *экономический смысл*, основанный на абсолютизации роста производительности. Хозяйство как колыбель рождения человека стало жертвой роста производительности, и чувственно-практическая хозяйственная деятельность человека разложилась в средство существования, в работу, которую наравне с работником выполняют машины.

Трактовка Смитом разделения труда как естественного явления, не связанного с капиталом, смешивание им разделения труда и кооперации, отождествление труда и работы отразились в современном понимании разделения труда как естественного явления, соответствующего природе человека. Это не позволяет понять духовный антагонизм хозяйства и экономики. Хотя именно общественное разделение труда ведет к разрушению народного хозяйства и развитию капиталистической экономики.

В народном общинном хозяйстве развивалась сложная кооперация. Изменения целесообразности труда, его отчуждения не происходило, труд не превращался в работу, в средство для существования, а оставался моментом родовой жизнедеятельности человека, ее смыслом. Труд был сообразен с целью жизни, с ее смыслом, поэтому оставался целесообразным. При анализе народного хозяйства следует говорить о сложной кооперации, основанной на естественном *распределении* видов труда, а не о разделении труда, которое в принципе не может быть естественным, соответствующим природе человека.

В *капиталистической* кооперации целесообразность труда исчезла. Работа не является чувственно-практической хозяйственной деятельностью, развивающей человека сообразно его природе. Возникает другая цель производственной деятельности — экономическая, абсолютизирующая рост производительности. Возникает цель, сообразная с ростом эффективности производства и производством прибыли. Некоторые моменты труда *распределены* между работниками, другие — между работниками и предпринимателями.

Разделение труда резко увеличило производительность, но разрушило целесообразность, превратило деятельность человека в работу, в средство существования, породило *отчуждение труда* от человека. Укрепили взаимосвязь и взаимообусловленность разделения и отчуждения труда. Процесс индустриализации значительно усилил отчуждение труда, разрушение жизненного уклада народа.

Отчуждение труда развивается одновременно во многих направлениях. Прежде всего, продукт превратился в отчужденный от человека товар, предназначенный для продажи. Натуральное хозяйство превратилось в товарное, т. е. хозяйство человека — в капиталистическую экономику. Природа как естественное тело человека, как среда, в которой человек трудился и жил, отчуждается от него. Индустриализация разрушает окружающую человека природу, разрушает его неорганическое тело. Разрушение единства с природой проявляется в росте мегаполисов, не осваиваемых отходов, изменении жизненной среды, нарастании экологических противоречий и угрозе экологических катастроф. Отчуждение труда, превращение жизнедеятельности в работу, создает отчуждение человека от народа. Разрушаются родовые связи и семья, в которой происходило развитие человека. Разрушение родовых связей выразилось в появлении личностной зависимости человека от отчужденных от него традиций патриархальной семьи и народа и последующего освобождения от них. Это привело к изменению государства, обретению человеком демократических прав и свобод.

В экономической теории отчуждение объективно выразилось в появлении «экономического человека», являющегося изолированным центром принятия рациональных решений в экономике. Именно отчуждение играет решающую роль в присвоении экономическим человеком имущества. В условиях отчуждения экономический человек присваивает товары, на базе отчуждения он преодолевает отчуждение и возникает феномен собственности.

Разделение труда разрушает природу человека, его внутреннее единство с народом и родом, поскольку деятельность человека утратила целесообразность, превратилась в работу. В результате специфического профессионального характера своей деятельности промышленные рабочие порождают всестороннее отчуждение. Сущность данного процесса как *отчуждения* выражается, с одной стороны, в *освобождении* работника от личной зависимости и освобождения общества от подчинения силам природы в результате развития производительности капиталистического способа производства; с другой стороны, сущность отчуждения выражается в необходимости подчинения общества *Капиталу*, естественному продукту труда промышленных рабочих. Капитал господствует через естественно создаваемую им систему об-

ественного разделения труда над каждым человеком. Он господствует и над «слугой капитала», его олицетворением — капиталистом, который воспринимает это господство как конкуренцию или как экспроприацию, но не осознает их как естественные действия общественного капитала. Капитал не является моментом труда как действительного источника развития человека, он — продукт разделения труда и порождаемого им отчуждения.

Проблема духовного антагонизма хозяйства и экономики многогранна. Прежде всего, это проблема смысла хозяйствования. Но это и требование глубины этого смысла. Признание у хозяйства философии предполагает принципиальное отличие хозяйства от экономики. Противоположность хозяйства и экономики заключается в качественном различии критериев развития. Именно в характере развития хозяйство противоположно экономике.

Концентрированное выражение антагонизма хозяйства и экономики дает анализ понятия уклада. Уклад в народном сознании имеет глубокий внутренний смысл. Основанием всего является лад или мир. Мир с природой, мир в общине, мир в душе. Когда такой мир, или лад, существует, возникает «к лад» — или клад. В жизненном укладе реализуется философия хозяйства. Накапливается духовный потенциал. В экономике же никакого уклада нет и быть не может. Основанные на отчуждении, отсутствии любви и лада экономические институты порождают разлад, конкуренцию, бессмысленный рост производительности и эффективности. Экономические институты, используя накопленный в человеке клад, прокладывают человечеству широкую дорогу в галактику «Кин-Дза-Дза». В этом заключается духовный антагонизм жизненного уклада человека и экономики.

П.В. КУХТА

Полемичность марксистской концепции прогресса через призму идей С. Булгакова

Аннотация. Обобщена эволюция взглядов Сергея Булгакова на марксистскую концепцию прогресса и критику им этой концепции — с пониманием прогресса как неразрешимой трагедии, где действует экономическая свобода волеизъявления падшей сущности человека. Оценка осуществлена в контексте тенденций внедрения деструктивных идеологий Запада.

Ключевые слова: концепция прогресса, эволюция взглядов С. Булгакова, марксистская концепция прогресса, деструктивные идеологии.

Abstract. The evolutions of Sergey Bulgakov ideas about Marks progress conception are reviewed in the article. There is an analysis of Sergey Bulgakov criticism of this conception. He realized progress as absolute tragedy where freedom of the fallen person exists. Estimation is given according to the modern destructive ideology.

Keywords: conception of progress, evolution of S. Bulgakov's ideas, Marx's conception of progress, destructive ideology.

На современном этапе исторического развития вследствие трансформационных процессов в нашем обществе осуществляется поиск возможных путей преодоления накопленных негативных явлений в социальной и хозяйственной жизни. В то же время все большую актуальность приобретает переоценка социально-экономических концепций развития в условиях, когда все существующие теории подвергаются критике.

Экономическая наука начала XX столетия была пронизана уверенностью в возможностях найти единые принципы общественного развития и рациональные формы для всего человеческого. В то время марксизм стал источником вдохновения и деятельного оптимизма для большинства молодежи. Он усвоил и с напористой энергией пропагандировал определенный, освященный вековым опытом Запада практический способ действий, а вместе с тем оживил веру в близость национального возрождения, указывая в экономической европеизации России верный путь к этому возрождению. Впрочем, как показала практика, теория Маркса, вызвавшая освободительные движения всемирного пролетариата и ставшая на длительное время единым идеалом, оказалась неспособной решить поставленные задания. И сегодня в своем первоначальном виде не может быть применима к существующим реалиям развития нашего общества, поэтому современные марксисты осуществляют переоценку всех своих ценностей.

Тема, которую исследовал С.Н. Булгаков, чрезвычайно интересна, но одновременно широка и мало разработана. Впервые, достаточно глубоко обосновывая свои выводы и аргументируя позицию, вступил в полемику с С. Булгаковым по поводу защиты марксистской концепции прогресса известный политический деятель и ученый А. Луначарский [1; 2, 492—553]. Критикуя теоретические построения С. Булгакова, он пытался выяснить и причины появления эксмарксистов. Другой известный российский экономист, М. Ратнер, критиковал попытки обосновать теорию прогресса через метафизические конструкции [2, 419—

452; 3]. К сожалению, в своих первых — программных — статьях эти ученые достаточно поверхностно рассмотрели проблематику прогресса марксистской концепции. В свою очередь А. Волжский встал на защиту построений С.Н. Булгакова, прогнозируя их дальнейшее развитие и показав ценность последовательного внедрения основных принципов его теории [2, 453—454; 4]. Интересные мысли по поводу методологии исследований указанной проблемы высказали А. Богданов (Малиновский) [2, 468—491; 5].

Среди работ последних лет следует выделить целый ряд ценных теоретико-практических разработок Ю.М. Осипова (тут укажем лишь на одну из подобных, например, [6]), В.Д. Базилевича [7], а также статью И. Роднянской [2, 885—901; 8].

Не подлежит сомнению, что научные работы отца Сергея Булгакова — одни из лучших в отечественной экономико-философской науке. Вместе с тем они являются интереснейшими и наиболее показательными явлениями современной экономической мысли. Об этом свидетельствуют и новизна его замыслов, и серьезная продуманность научно обоснованных идей, а также четкая логика изложения материала.

Каждый, кто ознакомился с исследованиями С. Булгакова, наверняка удивлялся титанизму его интеллектуальных и творческих возможностей. «Нельзя не восхищаться и внутренней мощью его испытующей мысли, и страстной жаждой истины, и силой его духа», — справедливо писал о нем известный историк В. Зеньковский [9, 457].

С. Булгаков — бывший марксист, переживший кризис, им самим охарактеризованный в заглавии сборника «От марксизма к идеализму» (1903). Увлечение Булгакова марксизмом можно условно разделить на три этапа. Первый — с 1896 г. до первой русской революции. Выпускник Московского университета, специализировавшийся на политической экономии, член РСДРП, корреспондент Плеханова, знакомый выдающихся немецких социал-демократов, автор фундаментальной магистерской диссертации «Капитализм и земледелие» — он покидает ряды социал-демократии и стан марксистов, поскольку начинает видеть, что этические цели социализма — не следствие материалистического понимания прогресса. На пути от Маркса он стремится подвести под программу социальных преобразований (которую можно определить как «частичный» социализм в условиях политической свободы) новый, «идеалистический», фундамент и, опережая свое время, приходит к идеям христианской демократии, близким современному европейскому их пониманию [2, 886]. Для С. Булгакова это разочарование скорее в инструментарии, чем в этике марксизма. В этот период был создан сборник статей «От марксизма к идеализму».

Второй этап — с 1906 по 1912 г. Полемика с марксизмом достигает кульминации. И это уже критика не интеллектуальных результатов учения, не его внутренней логики, движущих его замыслов, идей и исторических обещаний [2, 886]. Марксизм осознается им как учение о победе атеизма со своей эсхатологией — созданием глобального государства будущего. Такими мыслями наполнены публицистические работы С. Булгакова, объединенные двухтомным сборником «Два града» (1911).

Попытка С. Булгакова исследовать личность К. Маркса особенно интересна, он использовал доступные биографические материалы для его характеристики. Так, по отзывам современников, Маркс был неприятным человеком, в нем было что-то абсолютно недоброе — это подтверждается всеми данными его биографии и чувствуется в его трудах. Властное самоутверждение — вот основная черта Маркса; пренебрежение к человеческой индивидуальности — другая его черта, что добавила особенной окраски всему марксизму. Сердце Маркса было исполнено ненависти и злобы. Марксизм из недобрых чувств хочет создать счастливое будущее. По мнению С. Булгакова, Маркс принадлежит к числу людей, внутренне далеких от трагедии, индивидуальной судьбы. Он — самодовольный атеист, который стремится «вылечить людей... от духовного рабства». Эта борьба за постхристианское общество была, по мнению С. Булгакова, основным содержанием его деятельности, вдохновляла всю его теорию.

Докторская диссертация «Философия хозяйства» (1912) завершает этап максимально напряженного противостояния К. Марксу и приводит мыслителя к последнему этапу.

Говоря о своем опыте благосклонности к марксизму, вспоминая его, С. Булгаков со знаменательной частотой использует слово «очарование» и такие выражения, как «первоначальное обаяние русского марксизма, источник бодрости и деятельного оптимизма» [10, VI—VII], «особенная обаятельность марксизма» [10, XI], «обаяние, которое оказывал и на многих еще оказывает» [10, 159], «гипноз этого влияния» [11, т. 1, 70], «притягательная сила» [11, т. 2, 39], «своеобразное обаяние экономического материализма» [12, 3], «вовсе не испытать на себе этого обаяния, не ощутить его гипноза — это значит иметь какой-то дефект исторического самочувствия...» [12, 3]. Вот далеко не полный перечень высказываний С. Булгакова в разные годы [2, 886—887].

Сейчас принято иронизировать над словами В. Ленина: «Учение Маркса всесильно, потому что верно. Оно полно и стройно...» и т. д. Однако тут Ленин выразил настроение, общее для всех начинающих марксистов, при этом зафиксировав в себе и содержание идеологического оружия. С. Булгаков же — как вольный мыслитель — его в себе

не удержал: «От здания, которое еще недавно казалось столь стройным и цельным, остались одни стены» [10, XIII], — отмечает он в 1903 г., почти дословно повторяя ленинскую характеристику «здания». Но в чем заключается эта «полнота», «стройность», «цельность», обуславливающие привлекательность марксизма, по свидетельству тех, кто впервые столкнулся с ним? Суть, конечно, в том, что марксистское учение есть доктрина экзистенциальная, впечатление же последовательности и полноты — в однозначности и уверенности ответов на вопросы, которые принято называть «вечными»: откуда в мире неправда? как ей противостоять? принесет ли надежду завтрашний день?

Как писал С. Булгаков, «материалистическая философия истории... стремится объяснить весь ход нашей жизни, смену мировоззрений, чувств, интересов, словом, ставит себе задачи такой захватывающей широты, что в этом смысле она есть универсальное учение» [10, 154]. С. Булгаков под универсальностью понимает окончательность ответа на вопрос исторического человечества: марксизм, констатирует он, «воодушевлял своих сторонников верой в близкий и закономерный приход иного, совершенного общественного строя» [10, 154], — вот откуда убежденность всемогущей стройности и полноты [2, 888]. «Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют. Кто из марксистов не знал наизусть эти лапидарные строки и не повторял их с бьющимся сердцем!» [11, т. 1, 181]. Чтобы иметь право повторять эти зажигательные строки, но и с чистой научной сознательностью, в молодые годы С. Булгаков, по известному его выражению, «привязал себя к политической экономии» [13, 36].

Стоит задуматься над тем, с какой инстинктивной уверенностью молодой С. Булгаков нащупал в марксизме наиглавнейшее для себя — исторический материализм с его претензией на прогнозирование будущего, гарантированное будущее...

Отечественная экономическая мысль начала прошлого столетия оформилась и самоопределилась именно как альтернатива марксизму, преимущественно с христианско-социалистическими и демократическими проекциями в программах общественной жизни [2, 889]. Ссылаясь на весьма точное название книги Дж. Патнэма — «Русские альтернативы марксизму» [14]... С. Булгаков всякий раз припоминает, что именно это поколебало его марксистскую историческую убежденность.

Так, в момент трансформации, смены взглядов, среди решающих аргументов С. Булгакова против марксизма был тот, что в нем, как в любой позитивистской теории прогресса, в новом «царстве свободы» к счастью будущих поколений оказываются непричастны множество людей, в том числе исчезнувших с поверхности земли до наступления

этого самого царства, что, по-существу — «каннибальская», этически неприемлемая цель! (По словам Патнэма, здесь использовано доказательство немецкого идеалиста Р. Лотце: только личное бессмертие делает человека сопричастным всем плодам общечеловеческого прогресса...)

Молодой Булгаков-марксист пылко защищает от сомнений, высказанных Р. Штаммлером в Германии, П. Струве в России, идею объективной причинности и закономерности, действующих, по Марксу, в исторических процессах так же, как причинно-следственные связи управляют... процессами природными. «...В марксизме, — скажет С. Булгаков позже, — есть живое ощущение органического роста, исторического становления, могучего сверхиндивидуального процесса, который в его теории обозначается как рост производительных сил с его железной логикой» [11, т. 2, 39]. Это «ощущение» сначала для С. Булгакова было более драгоценным, нежели другое непосредственно данное ощущение — свободы воли, недетерминированности извне личных решений и деяний, — и последнее он, не колеблясь, объявляет психологической иллюзией [2, 890].

Позднее, когда С. Булгаков видит в марксизме натуралистический извод доктрины предопределения, он объясняет его мобилизирующую силу. Тут, по Булгакову, типологическое сходство и генеалогическое родство марксистского чувства прогресса с ожиданиями иудаизма с древнейших времен... [2, 891]. В марксизме как теории прогресса «...при общей секуляризации жизни секуляризовался и старый иудейский хилиазм и превратился в социализм» [11, т. 2, 114—115]. В глазах Булгакова — он давнее подобие социологии, очень сомнительной, по его теперешним взглядам, научной дисциплины, оперирующей в надежде спрогнозировать конкретные события будущими предельными абстракциями.

Невозможность спрогнозировать будущее на основе спекуляций теоретической политэкономии и крайне абстрактной материалистической социологии — таково одно из главных направлений критики марксизма в годы между двух революций...

«Научный социализм» переносит на будущее безличные тенденции прошлого и настоящего, т. е. пытается объяснить динамически новое, творимое в истории свободой, из статистического среза общественной жизни. Поэтому предсказания недостоверны [2, 892]. «Экономический материализм остается беспомощен перед антиномией свободы и необходимости», — резюмирует Булгаков в «Философии хозяйства» [12, 315].

Булгаковская теория исторического прогресса основывалась на сознательном отторжении марксизма. В сущности, у Булгакова не одна

концепция прогресса, а две: эсхатологическая и хилиастическая... Первая сложилась в оппозиции к прогрессизму О. Канта и К. Маркса — она трактует прогресс как созревание, самообнаружение и концентрацию исторически деструктивных и конструктивных сил с их финальным столкновением в перспективе. С. Булгаков стал видеть в марксизме не ошибку позитивистски ограниченной мысли, а целенаправленное создание постхристианской цивилизации (отметим, что взгляд этот оформился у него в период около 1906 г.), предельным выражением этих деструктивных сил стало для него учение Маркса.

Совокупность статей этого периода получила название «Два града». Вокруг первого града конструктивно мыслящих людей С. Булгаков надеется собрать новую общественность, предотвращая опасность ухода христианства из истории (и в противопоставление создания постхристианского общества цифровой цивилизации). Против и вопреки — строится другой град: вавилонская башня цивилизации, лишенной общечеловеческих ценностей («новоевропейской цивилизации» — уточнял обычно С. Булгаков).

Но именно такой анализ позволил С. Булгакову сделать ряд прогнозов относительно возможных последствий марксизма.

Пролетариату поручается историческая миссия создания постхристианского общества; именно отсюда в связи с этой миссией — «отрицание общечеловеческих ценностей и общеобязательных норм за пределами классового интереса» [11, т. 1, 103]; если бы не грандиозная цель, классовая этика у Маркса лишилась бы своего пафоса.

С. Булгаков безошибочно прогнозирует следствие такой полной социализации постхристианского, нового человечества — становление всемирной, тотальной государственности — «государства-зверя» — вопреки обещаниям социалистов относительно отмирания государства и наступления бесклассового царства свободы. Единое Всемирное глобальное государство является высшей и окончательная формой человеческого общества в представлениях социализма, — подытоживает С. Булгаков.

Впрочем А. Луначарский, полемизируя с С. Булгаковым еще в 1904 г., определил результат Всемирного прогресса: «Как бы ни раздувался капитализм сам по себе, но приобретя исполинский рост, он в конце концов должен бросить на рынок исполинское количество товаров для потребления. Отсюда погоня за потребителями, поиски за ними по всему земному шару. ...Рынок, хотя и возрастает также, однако не безграничен, и капитал не в силах создать себе безграничное число потребителей... Англия постепенно вытесняется с рынков... Она хватается за протекционизм и империализм. Заатлантический колосс (США. — П.К.) грозит и быстро надвигается.

Скоро дешевенькие товарцы капитализма, грозящие всему прекрасному на земле, заполонят все рынки... и капитализм начнет задыхаться. ...Синдикаты капитала быстро приберут к рукам средние классы, постепенно поставив их в полную зависимость от себя; начнутся неслыханные крахи... исступленная реклама, сокрушительная гигантомахия капиталистических громад, в которые сольются капиталы перед издыханием... И среди треска рушащихся предприятий, среди ужасов всевозможных бедствий, порождаемых учащающимися кризисами, среди грома и молний приведенной наконец в действие адской машины милитаризма, среди бешенства интернациональной потасовки... перед изумленными глазами... начнется величественный... (конец всего. — П.К.)» [2, 515—516].

Еще один прогноз С. Булгакова — о «культе личности» как побочном продукте марксистской доктрины. Усматривая в научном социализме единственное учение, не являющееся «идеологией» — «ложным сознанием», простым рефлексом экономических отношений, сторонники Маркса вынуждены негласно обосновывать также исключение из всеобщей закономерности верой в гений «не всех людей; но определенных... избранных» [12, 319]. «Вера в авторитет — такова гносеология экономического материализма»; «таким радикальным культом героев, в котором они, в сущности, наделяются атрибутом божества и способностью к высшему сверхприродному ведению, неожиданно заканчивается эта теория» [12, 319—320].

Отмеченность «зверем» — во всей неопределенности этого подobia — означает духовное падение, притом не по убеждениям, если можно про такое говорить в случаях этого духовного озверения, а по принуждению, под страхом или вследствие корысти. «Далее следует еще черта того же порабощения личности государству, которая еще не находила для себя полного осуществления в древности, но получает поистине пророческое подтверждение теперь. Это есть порабощение экономического характера, через карточную и тикетную систему распределения хозяйственных благ для удовлетворения насущнейших потребностей... Всем, сохраняющим и утверждающим свободу от деспотии зверя, объявляется хозяйственный бойкот, лишение «продовольственных карт» со всеми его страшными последствиями — угроза голода» [15, 113—116]. Отмеченность, «начертание» в данном случае выражает знак подданства и верноподданнических чувств в отношении к супергосударству будущего — всемирному тирану.

У С. Булгакова на этом этапе заостренная критика марксизма знаменательно совпадает с пониманием прогресса как трагедии, в которой действует человеческая свобода, — трагедии, неразрешимой в соб-

ственной пределах, — и координируется с четким противопоставлением эсхатологии и хилиазма [2, 897].

Человечество никогда не перестанет думать про завтрашний день и в свои представления о нем вводить то понимание действительности нынешнего и вчерашнего дня, которое дает современная социально-экономическая наука. И так, «там, где была идеология, ныне зияет черная дыра. И оттуда веет тревожным космическим холодком». Сейчас мы снова находимся на решающем переломе развития человеческой цивилизации, когда беспепелляционно внедряется новая деструктивная идеология «Нового мирового порядка», и ввиду этого снова и снова все более актуальным становится изучение исследований нашего великого соотечественника Сергея Николаевича Булгакова.

Литература

1. *Луначарский А.В.* Метаморфоза одного мыслителя // Правда (журнал). 1904. № 3, 5, 6.
2. С.Н. Булгаков: pro et contra. Т. 1. СПб., 2003.
3. *Ратнер М.Б.* Проблемы идеализма в русской литературе // Русское богатство. 1903. № 9.
4. *Волжский А.С.* Литературные отголоски. По поводу книги г. Булгакова // Журнал для всех. 1903. № 12.
5. *Богданов А.А.* Отзвуки минувшего. («От марксизма к идеализму». Сборник статей г. С. Булгакова. СПб., 1904) // Образование. 1904. № 1. Январь.
6. *Осинов Ю.М.* Философия хозяйства: В 2 кн. М., 2001.
7. *Базилевич В.Д.* Вплив творчості С.М. Булгакова на формування нової парадигми політекономії // С. Булгаков. Розмисли. Творча спадщина у контексті ХХІ століття / За ред. В.Д. Базилевича. К., 2006.
8. *Роднянская И.Б.* С.Н. Булгаков в споре с марксистской философией истории: отталкивания и притяжения // Немецко-русский диалог. М., 1993.
9. *Зеньковский В.В.* История русской философии. Т. 2. Париж, 1989.
10. *Булгаков С.* От марксизма к идеализму. СПб., 1903.
11. *Булгаков С.Н.* Два града: В 2 т. М., 1911.
12. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М., 1912.
13. *Булгаков С.Н.* Автобиографические заметки. Париж, 1946.
14. *Putnam G.H.* Russian Alternatives to Marxism: Christian Socialism a. Idealistic Liberalism in Twentieth-century Russia. Knoxville, 1977.
15. *Булгаков Сергей, прот.* Апокалипсис Иоанна (опыт догматического истолкования). Париж, 1948.

М.Р. ЭЛОЯН

История философии хозяйства: ветхозаветная теология и ее роль в становлении философии хозяйства иудаизма

Аннотация. Данная статья является продолжением цикла статей из серии «история философии хозяйства». В ней рассматриваются теологические предпосылки хозяйственной жизни еврейского народа, а также оценивается вклад научной библеистики и школы Ю. Велльгаузена в становление философии хозяйства иудаизма. По результатам анализа полемики между еврейскими богословами и их критиками о ранжировании божественных имен вводится понятие «иерархия библейских идей», в которой закон выше творчества, история выше природы, искусственное выше органического, потребление выше производства, а присвоение выше созидания.

Ключевые слова: научная библеистика, «теория двух школ», элогист, иеговист, «ветхозаветная наука», «новозаветная наука», политеизм, монотеизм, теизм, пантеизм.

Abstract. This article is a continuation of cycle of articles about «philosophy of economy». It deals with: theological preconditions of economic life of Jewish people, contribution to scientific Bible study and school of U. Velgauzen in the formation of philosophy of economy of Judaism. In the result of analysis of polemic between Jewish theologian and their critics about distribution of divine names, the notion «hierarchy of biblical ideas» is introduced. It consists in the following: the idea of creation was ranked lower than idea of morality and law and the idea of creation — lower than idea of appropriation and consumption.

Keywords: scientific Bible study, «theory of two schools», Elohist, Jehovist, «the Old Testament science», «the New Testament science», polytheism, monotheism, pantheism.

В языке древнееврейского текста Ветхого Завета встречаются различные наименования Божества, среди которых особенно выделяются два — Элогим и Иегова. В русском синодальном переводе Библии с еврейского языка, который был сделан в XIX в., им соответствуют слова Бог и Господь¹. Вопрос этот непростой, и на сегодняшний день существуют два различных подхода к его решению — научный и богословский. Научно-исторический подход настаивает на том, что за раз-

¹ В немецком переводе им соответствует Gott и Herr Gott; в английском — God и Lord; во французском — Dieu и L'Eterne (Вечный); в испанском — Dios и Senor.

личными наименованиями Бога в рамках одной религии скрываются два противоположных представления о Боге — политеистическое и монотеистическое, и соответственно с этим два противоположных религиозных мировоззрения — пантеистическое и теистическое. Богословский подход настаивает на несомненности еврейского монотеизма, который, в отличие от всех других религий Древнего мира, не знал политеистического прошлого, а различные имена Бога несут на себе не смысловое, содержательное противопоставление, а являются различными именами одного и того же Бога на разных уровнях его проявления в мире.

Научный подход начался с философской реакции против абсолютизма еврейского монотеизма, которая последовала от Филона — философа из Александрии, а затем была продолжена в рационализме и, прежде всего, у Спинозы, который по праву считается предтечей научной библеистики. Научная библеистика является второй по значимости, после схоластики, крупной вехой в изучении Библии. В противоположность схоластике, которая, обнаружив противоречия в Библии, пошла по пути их объединения и примирения, научная библеистика пошла по пути их изучения и разделения; а в противоположность схоластическому методу диалектики как метода примирения противоположностей она предложила общенаучные критические методы исследования Пятикнижия.

По большому счету научная библеистика начинается с «теории двух школ», родоначальником которой в XVIII в. стал французский библеист Жан Астриук, который первым обратил внимание на то, как по разному в первых книгах Ветхого Завета именуется Бог. Так, в первой главе книги Брейшит (в русском переводе Бытие) фигурирует Элогим, а начиная с четвертого стиха второй главы — Иегова, а затем, на протяжении почти всего Ветхого Завета, то один, то другой, а часто оба вместе. Из этого было сделано предположение, что Пятикнижие состоит из двух разных источников, которые изначально представляли собой два совершенно самостоятельных текста, а затем были соединены в общеизвестный вариант. Причем в некоторых случаях это было сделано осмысленно и связно, а в других — чисто механически, а отсюда и ряд противоречий, существующих в Библии. Скорее всего, эти два самостоятельных текста относятся к эпохе «двух царств» — израильского и иудейского, между которыми шла борьба за преобладание, в том числе и за религиозное. Израильское царство поклонялось богу по имени Элогим, тогда как иудейское — Иегове. Отсюда и название этих текстов — элогистский и иеговистский. В научной библеистике Элогист стал обозначаться буквой *E*, начальной буквой Elohim. Тогда как Иеговист — символом *J*, начальной буквой имени Jahwe, так как,

согласно преданию, после разрушения Иерусалимского храма правильное произношение имени Иегова было утрачено и заменено именем Яхве.

В XIX в. немецкий библеист Г. Гупфель выделил из элогистского источника часть текста — Моисеево законодательство, которое стало обозначаться буквой *P* и называться Жреческим Кодексом; а де-Ветте выделил в качестве самостоятельного источника Второзаконие, которое традиционно считалось повторным изложением Моисеева законодательства, доказав его более раннее (по отношению к тому) происхождение. В библеистике этот источник стал обозначаться буквой *D* — начальной буквой латинского *Deuteronomium* — Второзаконие. Тем самым были выделены четыре основных источника Пятикнижия Моисея, которые, по мнению библеистов, изначально существовали самостоятельно, но либо были утрачены, либо вошли в существующую книгу. К слову сказать, в XIX в. были даже осуществлены издания Библии, разумеется, нецерковные, где эти источники были представлены в раздельном виде [1, 33].

В результате такого деления состава Пятикнижия были сделаны два принципиальных вывода: во-первых, Пятикнижие, авторство которого традицией приписывалось Моисею, является продуктом народного творчества. И, во-вторых, время возникновения Пятикнижия относится не к XV—XIII вв. до н. э., а к VI—V вв. до н. э., т. е. к послевавилонскому пленению. Тем самым научной библеистикой были созданы все необходимые предпосылки для изменения традиционного взгляда на ветхозаветную историю, согласно которой вначале стоял Закон, а затем вся последующая история еврейского народа, которая измерялась этим Законом, где пророки выступали хранителями Закона, а Христос — его реформатором. И такой переворот во взгляде на ветхозаветную историю осуществил немецкий ученый Ю. Велльгаузен, который в буквальном смысле слова поставил ее с головы на ноги, заявив, что история первична, а закон вторичен, что законодательством Моисея не начинается, а завершается история Древнего Израиля.

Установление хронологической последовательности закона (*J*, *E*, *D*, *P*) имеет прямое отношение не только к истории еврейского народа, но и к определению сущности еврейской религии: если закон Моисея располагался в начале ее, то евреи — монотеисты, если в конце, то евреи — политеисты. Ю. Велльгаузен показал, что закон Моисея, по сути, является «законодательством пустыни» [2, 7] — места обитания еврейского народа на протяжении тысячелетий. Он развивался точно так же, как и любой другой народ Древнего мира — от политеизма к монотеизму. Попытка же придать ему божественное происхождение

есть попытка переписать библейскую историю (по сути, первая в этом плане крупномасштабная акция) с целью замаскировать прошлое еврейского народа, его кочевническую сущность, которая осталась неизменной даже в период его жизни в Ханаане. И, наконец, ветхозаветная школа Велльгаузена, наряду с исторической школой Г. Шмоллера, создала необходимые предпосылки для становления философии хозяйства иудаизма. Во всяком случае, только после установления хронологической последовательности закона, снявшего ореол святости и исключительности с еврейского народа, который, как и любой другой народ, решал, прежде всего, задачи своего материального существования, стало возможным появление таких работ, как «Аграрная история древнего Израиля» М. Вебера и «Евреи и хозяйственная жизнь» В. Зомбарта [3].

Благодаря усилиям Ю. Велльгаузена научная библеистика приобрела статус «ветхозаветной науки» [3, XII], которая, как и любая другая наука, имеет свой предмет и метод исследования. Предметом этой науки является Ветхий Завет, право на самостоятельное изучение которого, было отвоено Велльгаузенем, который, вместе с Давидом Штраусом, родоначальником «новозаветной науки», сняли запрет с изучения еврейской и христианской религии, долгое время казавшихся не доступными для критической научной мысли. Протестантская наука, со времен Лютера много сделавшая в этой области знания, тем не менее исповедовала точку зрения, идущую от апостола Павла, согласно которой религия Израиля является лишь подготовительной ступенью к христианству, а «ветхозаветная наука» — служебной дисциплиной. Благодаря Велльгаузену ветхозаветная наука превратилась в самостоятельную научную дисциплину, открывшую путь для сравнительного анализа христианского и иудейского толкования Пятикнижия Моисея. Методами исследования ветхозаветной науки являются общенаучные критические методы исследования. В XX в. ветхозаветная наука возлагала большие надежды на библейскую археологию — с ее стремлением найти элогистские и иеговистские тексты, но эти надежды не оправдались, поэтому основным методом доказательства существования таковых в ветхозаветной науке продолжает оставаться филологический, с которого началась критика Библии в XVIII—XIX вв.

И, прежде всего, это касается этимологического и грамматического доказательства пантеистического характера имени Элогим. Здесь критиками были выдвинуты два принципиальных аргумента. Во-первых, этимологическое родство имени Элогим с древнееврейским богом Эл, а также созвучие его почти со всеми именами древнесемитских богов — Ил, Илу, Или, Бэл, что подчеркивало его генетическую связь

с натуралистическими религиями древности, видящими в божествах силы природы. Особенно значимо имя Бэла, или Бааля, воплощавшее собой собирательный образ хозяина, господина природных сил, собственника земли, владычество которого имело определенные местные границы.

Во-вторых, по своей грамматической форме Элогим является существительным множественного числа, в котором критики видят «намек на многобожие» и «тень учения о троичности», позже воплотившуюся, по их мнению, в догмате Святой Троицы христианской церкви. Самым очевидным аргументом научной критики в пользу политеизма библейского представления о Боге является стих 26 первой книги Бытия: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему; и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всей землей, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле» (Быт. 1, 26). Этот стих, где Бог говорит о себе во множественном числе, вызывает у критиков ассоциацию с аспектом множественности Бога в смысле многобожия.

В противоположность богу по имени Элогим, которого знали все народы Древнего мира, Иегова был известен только одному еврейскому народу. Этимологический и генетический анализ этого имени, проведенный самими критиками, ничего не дал, что еще более подчеркнуло его своеобразие. А учитывая обстоятельства, при которых оно стало известно, когда сам Бог провозгласил его Моисею, это имя воспринимается критиками как нечто особенное и исключительное. Причем критиками явно не замечается очевидное, а именно то, что имя Иеговы было известно еврейскому народу до того, как было таинственным образом провозглашено на горе Синай, а имя матери Моисея — Иехведа — явно указывает на существование такой генетической преемственности.

Критики подчеркивают, что за особенным именем Иегова стоит особенное содержание: новое, более высокое представление о Боге, которого не знал Древний мир, насквозь проникнутый пантеизмом. Иегова не Бог в природе, а Бог над природой; не физическая сила, а духовная, не образная, несравнимая ни с чем конечным, мирским, материальным. Тем самым, вместе с именем Иегова в мир вошло новое — теистическое — религиозное мировоззрение, поведавшее миру о существовании Бога, стоящего над миром, в противоположность пантеистическому Элогим, олицетворяющему собой силы природного мира. Таков метафизический смысл ветхозаветного имени Элогим, олицетворяющему собой силы природного мира. Отсюда делался вывод, согласно которому в действительности никакого еврейского монотеизма в чистом виде никогда не существовало, а еврейская религия

вышла из политеизма, как и любая другая религия Древнего мира, которая на определенном этапе своего развития из пантеона языческих богов выделила одного верховного Бога, каким в еврейской религии и стал Иегова. И в этом смысле Иегова выше Элогима, как монотеизм выше политеизма, а теизм выше пантеизма.

Противоположная ей богословская точка зрения утверждает исключительность еврейского монотеизма, у которого нет ни политеистического, ни мифологического прошлого, как это было в других религиях древности. Бог единственный, он один, и нет никого кроме него — вот альфа и омега еврейского монотеизма. «Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь един есть» (Второзак. 6, 4). В этом стихе объединились первая и вторая заповедь, и «для еврея вся философия начинается с этой фразы и все логические рассуждения кончаются ею, все мировоззренческие принципы вытекают из нее и все научные выводы возвращаются к ней» [5, 1353]. Но определение Бога через «Единое» встречается и в пантеизме. Так в чем различие между определениями Бога как Единого в пантеизме и в теизме? Под пантеистическим определением Бога как Единого понимается единство множественных сил природы. Под теистическим определением Бога как Единого нужно понимать единство множественных сил самого Бога — полноту его внутренней жизни. Другими словами, политеизм признает множественность вне Бога, тогда как монотеизм признает многообразие и жизнь внутри Бога. С богословской точки зрения, в имени Элогим впервые была высказана мысль о внутрибожественной жизни, когда Бог предстал как существо живое, в отличие от мертвых и бездушных богов язычества, олицетворяющих собой множественные силы природы: жизнь есть только в Боге, в природе ее нет. А во множественном числе имени Элогим, как слове языка, в котором критики видят намек на политеистическое прошлое еврейской религии, речь идет не о политеистическом определении многобожия, а о «множестве высших сил», сосредоточенных в едином Боге. «Таким образом, в лице Мал'ак Ягве (Элогим. — М.Э.) мы находим не языческое представление, не результат скрытой инфильтрации политеизма, а, наоборот, явное торжество монотеизма» [1, 250].

Относительно множественного числа Элогим богословы дают следующий ответ: множественное в еврейском языке носит особый характер, не такой как в других языках, если везде множественное число означает количество, то в еврейском языке — это не количество, а превосходство и отрешенность. Именно в этом смысле и нужно понимать самый принципиальный аргумент научной критики — стих книги Бытия (1, 26), в котором нет «намек на многобожие», а есть превосходство Бога над человеком и человека (а критика не замечает,

что о человеке также сказано во множественном числе) над животным и растительным миром. В этом стихе Бог-Элогим предстал как предмирный и отрешенный: его содержание теистическое, а не пантеистическое. Общий вывод богословов: множественное число в еврейском языке представляет собой своеобразную лингвистическую форму, где имя Элогим относится к истинному, одному, единому Богу.

Таким образом, богословский взгляд, работающий в рамках ортодоксального монотеизма еврейской религии, соглашается с очевидным, что в Ветхом Завете действительно существуют различные имена Божества, но эти имена не носят противоположного характера, и уж тем более за ними не стоит различное содержание — пантеистическое и теистическое, политеистическое и монотеистическое. Это имена одного и того же единого Бога, предмирного и отрешенного, за каждым из которых стоит разный уровень проявления Бога в мире. Ведь «имя» в еврейском языке носит особенный характер, указывающий на характер проявления Бога в мире, и часто используется как синоним Божественного присутствия в мире. Всего таких имен 13, в каждом из которых выражаются свойство единого Бога и мера его проявления в мире.

Так в имени Элогим, под которым Бог является на первых страницах книги Бытия (Быт. 1, 1), где речь идет о сотворении мира и всего живого, он предстает как творец. В еврейском подлиннике это звучит так: «Берешить бара элогим эт гаш-шамаим ве эт га-арец», т. е. «в начале сотворил Бог небо и землю». Элогим остается с человеком и в момент его изгнания из рая, когда Бог воспринимается им как жестокий судья, изгнавший и наказавший его. То есть в имени Элогим Бог предстал как «Всесильный» — творец и судья. Тогда как в имени Иегова, под которым Бог впервые является, пусть и вместе с Элогим, во второй главе книги Бытия (Быт. 2, 4), где речь идет о человеке и его судьбе, он предстает как Всевышний — Бог милости, спасающий человека. В комментарии к книге Брейшит (Бытия) поясняется, что при сотворении мира Всевышний как бы рассуждает сам с собой: «Если Я создам мир, опираясь только на милость, — грех будет преобладать повсюду. Если Я создам мир, положив в основу принцип суда, — мир не сможет устоять. Поэтому Я использую как меру милости, так и меру суда». В первой главе книги Брейшит, в которой описано мироздание в целом, употребляется имя Элогим. Во второй главе, где начинается рассказ о человеке, на первое место выдвигается имя Адонай² (Иегова. — М.Э.)» [5, 15].

² Как уже отмечалось, после разрушения Иерусалимского храма правильное произношение имени Иегова было утрачено и заменено на имя Ягве. Согласно

Другими словами, в своем первом проявлении Бог раскрывается в имени Элогим как творец мира, но мира несовершенного, безнравственного, требующего исправления и обновления. Поэтому в своем втором явлении Бог раскрывается как Иегова — как Бог милости и спасения, т. е. не в качестве просто творца мира, а в качестве особой, так называемой новой нравственной силы, помогающей человеку исправить этот мир. Таким образом, если Элогим есть Бог в смысле творца и зиждителя Вселенной, а также судья, то Иегова есть спаситель и законодатель; если Элогим есть Бог природы, то Иегова есть Бог истории, управляющий судьбой еврейского народа, а через него судьбой всего мира; если Элогим есть Бог — создатель даров природы, то Иегова есть Бог — податель благодатных даров — Торы, манн небесной, земли Ханаан.

Многое действительно объясняется в библейском употреблении имен Элогим и Иегова именно с такой точки зрения. Причем у самих комментаторов Торы никогда не возникает трудностей в альтернативном употреблении божественных имен. Так, в Торе «Адонай», или «Тетраграмматон», употребляется всегда, когда говорится о проявлениях меры милости творца, а имя Элогим — тогда, когда говорится о проявлении меры суда. Эти имена сменяют друг друга в зависимости от контекста» [5, 256—257].

С богословской точки зрения провозглашение имени Иеговы Моисею в купине было не столько открытием этого имени как нового (евреи знали его и раньше), а скорее раскрытием для евреев новых свойств Бога, особенно нравственных. То есть это тот же единый Бог, который назывался раньше Элогим, но в новом качестве, которому теперь соответствует имя Иегова. И речь может идти лишь о ранге имен Божества, где Элогим есть первичный, низший уровень проявления Бога в мире, тогда как Иегова — более высокое проявление и раскрытие единого Бога.

Не вдаваясь больше в спор между критиками и богословами, нужно отметить, что в своем главном выводе относительно диалектики имен Элогим-Иегова в Ветхом Завете они пришли к одному общему знаменателю — что в Библии присутствует идея ранжирования божественных имен, в которой «Иегова» стоит выше «Элогим». Интересно по

второй заповеди, запрещающей произносить имя Бога впустую, имя Ягве не разрешалось произносить в обыденной жизни. Его мог произносить только первосвященник во время благословения в храме Йом-Кипур раз в году и больше никто, никогда и нигде. А с первой половины III в. до н. э. во время молитвы и при чтении Торы закон обязал заменить четырехбуквенное имя Яхве именем Адонай, а впоследствии — термином Тетраграмматон.

этому поводу замечание Хрисанфа, первого, из известных нам исследователей в отечественной мысли, кто проанализировал спор между критиками и богословами по проблеме Бога, что «если бы экзегеты и рационалисты на этом остановились, не изводя ее из политеизма, они были бы совершенно правы» [6, 37]. На наш взгляд, в этом «если» и состоит суть вопроса о принципиальном различии идеи ранжирования в понимании ее критиками и экзегетами. У критиков идея ранжирования выводилась из противопоставления политеизма и монотеизма, где монотеизм оценивается выше политеизма, а Иегова, воплощение еврейского монотеизма, выше Элогим, воплощения политеистического прошлого древнееврейского народа. У экзегетов идея ранжирования касается самого еврейского монотеизма — внутрибожественной жизни единого Бога, внутри которой выстраивалась вполне определенная иерархия — Иегова-Элогим («Господь, Бог ваш...»), причем более ошутимая, чем «тьнь многобожия в христианском догмате Троицы». Вполне возможно, что арианство имело своим источником вдохновения еврейскую идею ранжирования Божества, которая была напрочь исключена в христианском догмате Святой Троицы, принятом Никейским собором в 325 г. н. э.

Но, что наиболее важно, из идеи ранжирования Божества вытекает ранжирование библейских идей, где идея сотворения мира ставилась ниже идеи спасения еврейского народа и дарования Торы. И как тут не согласиться со словами С.Н. Трубецкого, что, несмотря на то, что история сотворения мира древнее и Моисея, и древнее самого Израиля, она имеет в еврейской религии «весьма второстепенное значение», уступая первенство идее единого Бога, под покровительством которого проходит история еврейского народа. Для благочестивого еврея Ягве выступает Богом решающим, прежде всего, задачи еврейского народа, когда он помогал его праотцам, когда он даровал им землю ханаанскую и победу над врагом, чем доисторические задачи творения. «В самом владычестве Ягве над природой благочестивый израильянин более поражается видимым настоящим, чем прошедшим творчеством» [7, 237—238].

В христианстве выше Бога-творца и выше идеи творения, в результате которой был создан совершенный мир, ничего нет. Показательно, что в своем предсмертном вопле на кресте Христос обращается не к Господу-Иегове — Богу нравственности и закону, а к Богу-создателю, к Элогим: «В девятом часу возопил Иисус громким голосом: “Элой, Элой! ламма савахвани?”, что значит: Боже мой, Боже мой! Для чего ты меня оставил?» (Мр. 15, 34), и еще в Евангелии от Матфея: «А около девятого часа возопил Иисус громким голосом: Или, Или! Лама

савахвани?» (Мф. 27, 46), где библейское имя Элогим дано в древнееврейской форме «Или, Или».

Таким образом, логика экзегетов противоположна логике критиков. Она не приемлет «теории двух школ» с ее идеей двух различных источников и двух разных Богов в еврейской религии: Бог один и текст один, а доводы критиков не убедительны. Но именно в этой полемике экзегеты договорились идею ранжирования Божества до ее логического конца — до ранжирования (иерархии) библейских идей, где закон выше творчества, история выше природы, искусственное выше органического, потребление выше производства, а присвоение выше созидания. На основании идеи ранжирования библейских идей будут решаться все вопросы еврейского вероучения — от космологических и антропологических до собственно философско-хозяйственных.

Литература

1. *Кривелев И.А.* Библия: историко-критический анализ. М., 1985.
2. *Велльгаузен Ю.* Введение в историю Израиля. СПб., 1909.
3. *Зомбарт В.* Евреи и экономика // Зомбарт В. Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. СПб., 2005.
4. *Никольский Н.* Введение к русскому изданию // Велльгаузен Ю. Введение в историю Израиля. СПб., 1909.
5. Тора: Пятикнижие и Гафтарат. М.; Иерусалим, 2006.
6. Хрисанф. Религии древнего мира в их отношении к христианству. Т. 3. СПб., 1878.
7. *Трубецкой С.Н.* Учение о логосе в его истории. Философско-историческое исследование. М., 1906.

М.А. ВАХТИНА

Приносят ли экономические выгоды добродетельные поступки?

Аннотация. В статье критически анализируется позиция, что в условиях рыночных отношений необходимость в этике отпадает. Аргументация строится на том, что добродетели относятся к категории смешанных благ и обладают целым рядом положительных внешних эффектов. Поэтому подходить к оценке выгод или потерь от добродетельных поступков хозяйственных субъектов следует с более широких позиций, учитывая фактор времени и широту охвата.

Ключевые слова: общественные блага, смешанные блага, положительные и отрицательные внешние эффекты, добродетели, этическое поведение, правила, нормы.

Abstract. This paper critically examines the position that the market relations do not require ethics. The argument hinges on the notion that the virtues belong to the category of mixed blessings and have a lot of positive externalities. The approach to assessing the benefits and losses of virtuous deeds should from the broader perspective, taking into account the time factor and the breadth of coverage.

Keywords: public goods, mixed goods, positive and negative externalities, the virtues, ethical behavior, rules, regulations.

Вопрос об оценке экономических выгод от сознательного следования субъектов добродетельным поступкам не лишен определенных недостатков. Во-первых, можно усомниться в правомерности подхода к этическим действиям с точки зрения оценки их экономического эффекта, во-вторых, имеет место определенная степень абстрактности, которая, с точки зрения классического экономиста, не позволяет проводить расчеты с достаточной доказательностью и «просчитанностью», ведь такого рода издержки и выгоды трудно поддаются учету. Однако, несмотря на эти сомнения, оценка экономических выгод от добродетельных поступков в аспекте выявления побочных воздействий между этикой и экономикой, даже для ортодоксального экономиста, представляется правомерной.

Существует позиция, согласно которой на конкурентном рынке отпадает всякая необходимость в этике, так как экономически правильные действия в случае всеобщего равновесия идентичны этическим действиям, поэтому рыночный обмен уже сам по себе является справедливым. С точки зрения классической экономической теории правильное поведение на конкурентном рынке заключается в том, чтобы приспособлять величину выпуска продукции к рыночной цене и расширять объем производства товаров до того уровня, когда рыночная цена сравнивается с предельными издержками. Согласно этой классической позиции, конкуренция извне в достаточной мере принуждает хозяйственных субъектов не только к эффективному, но и к честному поведению и обмену, поскольку в противном случае будет происходить отток ресурсов к другим участникам рынка.

Если следовать подходу о механистическом регулировании, то получается даже так, что этические действия могут оказаться нежелательными, так как способны создавать помехи для механизма конкуренции и исказить рыночные ценовые сигналы. Однако в ос-

нову этой аргументации положены необоснованная вера в механику ценовой системы и чрезмерный оптимизм в отношении возможности и скорости оттока и притока ресурсов и потребителей, в то время как в реальной действительности совершенная конкуренция остается только гипотетической моделью. Недостаточная мобильность факторов производства, выгоды монопольного характера, асимметричная информация приводят к тому, что на рынке возникают рентные доходы, к получению которых (с привлечением как конкурентных, так и неконкурентных преимуществ) стремятся хозяйственные субъекты. В таких условиях феномен погони за рентными доходами становится этически релевантным [1, 223]. Хозяйственные субъекты могут либо добросовестно следовать взятым на себя обязательствам, действовать честно, надежно и доброжелательно, либо нарушать обязательства, вести себя оппортунистически с применением коварства и обмана для получения личной выгоды.

В этой связи возникает вопрос о том, насколько этические действия достижимы, ведь хозяйственный субъект, который ведет себя этически, чаще всего вынужден нести дополнительные издержки, которые могут быть явными, связанными с прямыми потерями, или неявными — в виде дополнительной упущенной выгоды (например, отказа от неэтичных действий по отношению к партнерам). С другой стороны, недобросовестный участник может получать дополнительные выгоды за счет других, которые будут улучшать его конкурентное положение. Однако если бы прямо пропорциональные линейные зависимости между этическим поведением и издержками действительно существовали, то, как правильно замечает П. Козловски, самый неэтичный предприниматель всегда имел бы самые низкие издержки и наоборот [1, 224]. Очевидно, что такие зависимости не существуют в столь явной форме, так как неэтичное поведение может вызвать потери, порождаемые недоверием, нечестной конкуренцией или коррупцией. Эти потери (и выгоды) могут быть не столь очевидны и проявляются в течение более длительного периода времени. Во многом это связано с тем, что добродетели обладают многими признаками общественных благ и имеют положительные внешние эффекты, в то время как недобродетельные поступки, наоборот, разъединяют людей и влекут за собой отрицательные последствия, участниками или жертвами которых выступают другие субъекты или общество в целом.

Общественным благам присущи некоторые очень важные качества, отличающие их от частных благ, прежде всего, это касается неконкурентности, неисключаемости из потребления и неделимости. Вышеназванные материальные свойства общественных благ придают им особую роль в

экономической системе, изменяют способ экономической координации и заставляют экономистов (в том числе традиционных неоклассиков) делать вывод о провалах в идеальной системе рынка. Неприменимость принципа исключения подразумевает, что неплатежеспособные и не желающие платить потребители не могут быть исключены из потребления блага посредством простого рыночного обмена, так как эти блага неделимы и не поддаются расчету, поэтому трудно учесть тех, кто не заплатил. Последние не могут быть лишены возможности получать выгоду от использования общественных благ посредством рыночного обмена из-за их особых качеств. Неконкурентность потребления (или неизбирательность в потреблении), в свою очередь, означает, что потребление одного субъекта не конкурирует с потреблением другого, если речь идет об использовании общественных благ. Ценность последних в процессе их использования не расходуется и не изнашивается так, как это имеет место в случае с частными благами, а предельные издержки для дополнительного потребителя при любом заданном уровне производства остаются равными нулю. Вышеперечисленные свойства общественных благ (а если они обладают всеми тремя свойствами, то они попадают в разряд «чистых» общественных благ) делают неэффективным способ производства, определяемый только чистым частным интересом, так как потребители получают выгоды от потребления такого рода товаров независимо от того, платят они за них или нет. «Эффектом безбилетника» в экономической литературе называют такие действия, когда в своих узко рациональных интересах субъекты стараются сэкономить на расходах и пользоваться общественными благами за счет других в условиях, когда исключить их из числа пользователей не просто, а иногда и попросту невозможно.

Как видно, блага с высокими ценностными качествами, являющиеся источниками добродетелей и носителями духовных ценностей, отвечают многим признакам общественных благ (при том, что их нельзя отнести напрямую к «чистым» общественным благам). При этом одни из них носят личностный характер, такие как доброжелательность, великодушие, честность и — в высшем смысле — любовь, другие по своей природе являются коллективными, например, справедливость или демократия. Но у них есть одно общее свойство — человека трудно лишить возможности пользоваться данными благами, а с увеличением числа потребителей уровень потребления каждого из них не уменьшается. Эти блага трудно исключить из потребления, они неделимы и с трудом поддаются расчету. Кроме этого, они не теряют своей полезности, меньше изнашиваются и не расходуются в процессе использования, так как остаются при своем носителе даже тогда, когда переходят на других. Эти блага, с одной стороны, идут на пользу обществу, а, с другой, отдельному хозяйственному субъекту. Действительно, когда речь идет о добродетелях как этических бла-

гах, применяемых в хозяйственной деятельности, например, честности, надежности, доброжелательности и других, то трудно определить, сколько они стоят, но при этом положительный результат от таких действий может быть весьма ощутимым.

На первый взгляд, такой подход может показаться «чистой теорией», однако это не так, потому что конкретные экономические модели демонстрируют различия, которые играют существенную роль в зависимости от того, какое место в них отводится рыночным благам, с одной стороны, и смешанным благам — с другой. Мишель Альбер, в частности, отмечает, что в «неоамериканской» модели рыночные блага занимают значительно большее место, чем в «рейнской». (К группе стран рейнской модели М. Альбер относит Германию, Швейцарию, Нидерланды, с определенными ограничениями Скандинавские страны и с учетом особенностей Японию, а к неоамериканской — США и Великобританию.) Зато смешанные блага, которые частично относятся к рыночным, а частично к общественным, более весомы в рейнской модели. Например, если предприятие в неоамериканской модели такое же рыночное благо, как и другие, то в рейнской, наоборот, оно относится к числу благ смешанного типа — это в равной степени и сообщество людей, объединенных профессиональными интересами, и товар. Рейнский капитализм вообще характеризуется предпочтением предприятию, задуманному как сообщество, объединяющее капитал и труд. То же касается зарплаты, которая в рейнской модели в большей степени остается фиксированной, поэтому ее в меньшей мере можно считать «чисто» рыночной категорией, жилья, образования и здравоохранения, которые рассматриваются по-разному, в зависимости от их отношения к рынку, в обеих моделях. Альбер, в частности, приводит характерный пример заработной платы лиц свободных профессий в этих двух группах стран. Например, юристы, врачи в неоамериканской модели давно и прочно втянуты в рыночные отношения, в то время как страны рейнского капитализма считают более правильным оградить этих работников от нужды, чтобы они могли свободно посвящать себя «служению» обществу, без какой-либо материальной зависимости от клиентов. Понятие «честь», в данном случае, объясняет почему таким специалистам платят «гонорар» (от латинского слова «гонор» — честь), а не оплачивают простую рыночную стоимость их услуг [2, 116—118].

Блага с высокими ценностными качествами в силу их особых свойств способствуют ресурсосбережению в экономике, так как для их производства необходимо меньшее количество естественных невозобновляемых ресурсов — как с точки зрения доступности потребления, так и с точки зрения меньших количеств самого потребляемого блага, поскольку потребление их одним лицом не вытесняет из по-

требления других лиц. Они меньше расходуются и изнашиваются, поэтому в мире ограниченных ресурсов их производство может быть гарантировано на более длительный срок, чем производство частных благ. При этом сами смешанные блага воспринимаются как более длительные и ведут к более высокому ценностному наполнению и удовлетворению.

В этой связи важное значение имеет то, что блага с высокими ценностными качествами вызывают не разъединение, а объединение субъектов без специального на то принуждения. Это единение происходит не только вследствие простого рыночного обмена или централизованного государственного регулирования, оно имеет более глубокие духовные корни и основано на общности оценок и восприятия ценностей. В силу того, что этика расширяет индивидуальные целеустановки, происходят повышение степени охвата субъектов и интериоризация («овнутрение») положительных побочных воздействий этически действующих субъектов. Подобного рода единение лежит в основе морально-ассоциативного механизма доверия и имеет не меньшую ценность, чем вышеназванные механизмы координации. Оно выступает предпосылкой выработки эффективных и справедливых правил, основой их успешной реализации и надежной гарантией стабильности. При этом объединительный ресурс доверия сам становится своеобразным общественным, социальным капиталом, который значительно повышает экономический потенциал общества [3, 52].

Объединительный потенциал этики обладает побочными эффектами, значимыми для успешного функционирования экономики, — он создает мотивации, необходимые для того, чтобы соблюдались правила, и порождает положительные социальные эффекты примера, повышая тем самым гарантии всеобщности этического поведения. Этика, с одной стороны, приближает своего носителя к выполнению правил, причем это происходит добровольно, а соответственно, со значительно меньшими издержками, а с другой — дает положительные эффекты примера и обеспечивает объединяющие эффекты этического поведения, основанного на совершении добродетельных поступков, на выполнении правил и обязательств. «Эффект безбилетника», связанный с нежеланием нести расходы на производство общественных товаров, становится тем острее, чем большее количество людей ими пользуются. В случае с общественными благами, обладающими высокими ценностными качествами, все происходит как раз наоборот: чем большее количество людей разделяют добродетели и действует этически, тем меньше вероятность возникновения эффекта безбилетника и меньше условий для оппортунистического поведения хозяйственных субъек-

тов. То есть, вероятность этических действий будет тем большей, чем больше людей будут ей следовать.

Отрицательные побочные взаимодействия между экономикой и этикой возникают в случае, когда эгоистическое преследование собственного интереса индивидами в ущерб положению других нарушает процесс всеобщего соблюдения правил, что приводит к падению уверенности в добросовестном поведении и снижению общего уровня морали. Возрастающая эрозия общепринятых этических стандартов становится важнейшей хозяйственно-этической проблемой, так как распространение неэтических моделей поведения усиливает давление на отдельных субъектов и вынуждает их приспосабливаться к этой ситуации, положительный эффект этики, в этом случае, поглощается ростом числа «безбилетников».

Таким образом, блага с высокими ценностными качествами обладают целым рядом положительных внешних эффектов (или экстерналий). Эффекты называют «внешними», потому что они касаются не только участвующих во взаимодействии хозяйственных субъектов, но и третьих лиц, непосредственно не включенных в рыночное взаимодействие. Внешние эффекты бывают отрицательными, когда хозяйственная деятельность приводит к дополнительным издержкам другой стороны, непосредственно в сделке не участвующей. Они могут быть также и положительными, в случае, когда приносят дополнительные выгоды другим, причем это не отражается в ценах на производимое благо. Такое распределение затрат и выгод делает необходимым учет не только частных (внутренних) издержек (или выгод), но и учет затрат (выгод) всех сторонних субъектов, не принимающих непосредственное участие в сделках, но причастных к их последствиям. В совокупности первые и вторые образуют социальные (общественные) издержки (или социальные (общественные) выгоды). Хрестоматийными примерами отрицательных внешних воздействий служат случаи загрязнения окружающей среды предприятиями, когда последние способствуют ухудшению состояния воды и атмосферы, необходимой для нормальной жизни людей. В случае с положительными внешними эффектами проблем, связанных с компенсацией потерь и урегулированием возможных конфликтов, не возникает, однако проблема «недопроизводства» товаров с положительными внешними эффектами стоит в экономике не менее остро.

Блага с высокими ценностными качествами хотя и производятся частным образом, их полезность выходит далеко за пределы частного присвоения. Положительные побочные воздействия могут приносить непредвиденную пользу и выгоду действующим субъектам, открывать новые возможности для хозяйственной деятельности, в то вре-

мя как отрицательные, напротив, могут причинять непредвиденный ущерб и приводить к неудаче в осуществлении поставленных целей. Как убедительно свидетельствует практика, перерождение социально-экономической среды в направлении поиска только личной выгоды приводит к ее криминализации, что свидетельствует о негативных последствиях «рыночного империализма», вытесняющего этические соображения исключительно поисками выгоды [4, 398].

Исходя из вышеизложенного, отрицательный результат неэтической практики следует всегда соизмерять с издержками от этической деятельности, охватывая при этом более широкий круг последствий с учетом не только короткого, но и длительного периода. Эрозия этики не может пройти без серьезных потерь для общества, предприятия и в конечном итоге и отдельного работника. Кратковременные выгоды, проистекающие из неэтического поведения и злоупотребления принятыми правилами, должны сопоставляться с долгосрочными потерями от разложения морали и всего общественного устройства, когда нарушение правил становится всеобщей нормой. В равной мере кратковременные убытки от следования правилам и отказа от сомнительной ренты должны сопоставляться с выгодами жизни в обществе, основанном на доверии и добродетельных поступках. Если расширить рамки узкорационального подхода, связанного с локальной максимизацией, то можно доказать, что положительные внешние эффекты от этих действий будут превышать затраты, которые несут субъекты, поступающие этически. И наоборот, при полном экономическом расчете, учитывающем внешние эффекты, может оказаться, что неэтичное поведение приводит к затратам, которые будут значительно выше тех выгод, которые мог одновременно получить хозяйственный субъект. Все эти соображения следует включать в рациональный расчет при оценке выгод и потерь от совершения добродетельных поступков. Кратковременные выгоды, вытекающие из неэтичного поведения или из злоупотребления субъектов признанными правилами, должны сопоставляться с долгосрочными потерями от нарушения критериев справедливости. Точно так же и кратковременные убытки, вытекающие из соблюдения правил и отказа от использования «случайных возможностей» неэтического поведения, должны сопоставляться с долгосрочными выгодами создания климата доброй воли и доверия. При этом было бы неправильным ограничивать полезность этических действий только экономической, материально осязаемой пользой, забывая о моральном удовлетворении от сделанного.

Литература

1. *Козловски П.* Принципы этической экономики. СПб., 1999.
2. *Альбер М.* Капитализм против капитализма. СПб., 1998.
3. *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004.
4. Институциональная экономика: Учебник / Под ред. А. Олейника. М., 2005.

И.П. СМIRНОВ

Идея прогресса в Европе и в России

Аннотация. Статья посвящена вопросам прогресса, общим и различным точкам зрения, присущим отечественной и зарубежной теоретической мысли.

Ключевые слова: философия хозяйства, общественная теория, Россия и Европа.

Abstract. This article is devoted to the questions of progress, common and different points of view inherent in Russian and foreign theoretical thought.

Keywords: philosophy of economy, social theory, Russia and Europe.

Важным пунктом, в котором русская мысль принципиально не сходится с европейской мыслительной традицией, безоговорочно занимая позицию критики «извне», является теория прогресса, одна из ведущих и системообразующих идей в культуре и истории Запада. Причем с этим заключением согласны авторы, считающие русскую мысль производной от европейской, и авторы, убежденные в ее самостоятельности.

Учение о прогрессе двигало европейскую историю, с Нового времени превратившись в настоящий локомотив всех европейских начинаний, придавая европейской идее динамизм и обеспечивая внутренне необходимую ей экспансию — как вширь, так и вглубь. Развитие науки и техники, рост основанного на деньгах и кредите хозяйства, географические открытия и колонизация Нового Света — само становление европейского буржуазного общества и его самосознание — были бы невозможны без представления о прогрессе. Для того, чтобы люди могли жертвовать настоящим ради будущего, они должны в него верить. На прямую связь, существующую между этим постулатом и развитием европейского капитализма, указывает Гэри Норт. Он отме-

чает: «Экономический рост не автономен. Это продукт мировоззрения, поощряющего ориентацию на будущее, которая в свою очередь порождает бережливость. Капитал — это результат бережливости, а бережливость — это результат ориентации на будущее, которая в свою очередь покоится на идее прогресса» [1, 23].

Значение идеи прогресса чрезвычайно высоко оценивает Роберт Нисбет, который утверждает: «История всего, что есть великого на Земле — религии, науки, разума, свободы, равенства, философии, искусства и т. д. — прочно основывается на убеждении в том, что то, что человек делает в свое время, является признанием величия и неотъемлемости прошлого и проявлением уверенности в еще более золотом будущем» [1, 39]. Представление о прогрессе при этом сводится к общим гуманистическим постулатам о совершенствовании человеческой породы, возможности и необходимости окончательного достижения человечеством духовных и моральных добродетелей в земной жизни. Нисбет пишет: «Можно отметить по крайней мере пять основных предпосылок, которые были характерны для идеи прогресса на протяжении всего периода ее существования, начиная с древних греков и до наших дней. Эти предпосылки суть: вера в ценность прошлого; убежденность в величии Западной цивилизации и даже ее превосходстве над другими цивилизациями; высокая ценность, приписываемая экономическому и технологическому развитию; вера в разум и в тот вид научно-исследовательского знания, который может быть порожден только разумом; наконец, убежденность в ни с чем не сравнимой *ценности* жизни на этой Земле» [1, 475].

Указанные принципы сложились и получили заверченный вид под определяющим влиянием общенаучного мировоззрения XIX—XX вв., в первую очередь доктрин классической физики и механики, которым был имманентен жестко детерминированный стиль мышления. Идеалами научного знания считались рациональность, простота, полное исключение неопределенности и линейность, поступательность развития. Наука стремилась повсюду установить универсальные законы, или, по определению М.А. Румянцева, «предустановленную гармонию» причинно-следственных связей, которой подчинялись бы все явления действительности [2, 33—34]. Прямолинейная и безапелляционная теория прогресса замечательно этот тезис иллюстрирует, таков общий посыл русской мысли.

О мировоззренческих корнях западной доктрины прогресса писали многие отечественные мыслители, наиболее критично и последовательно, пожалуй, К.Н. Леонтьев и Ф.М. Достоевский. Первый считал «либерально-эгалитарный прогресс» «антитезой процессу развития». Отталкиваясь от идеи трехступенчатого процесса развития любой си-

стемы, будь то человек или государство, — первоначальной простоты, цветущей сложности и вторичного упрощения — К.Н. Леонтьев трактовал идею прогресса как признак приближения Европы к третьей стадии, т. е. как показатель смещения, упрощения и гибели. Проблема прогресса, ее возобладание в общественных интересах и настроениях эпохи, виделась ему главным образом проблемой кризиса самого человека. Он поднимал тему личного спасения в противовес стремлению к спасению всего человечества, называя свою позицию «трансцендентным эгоизмом» в противовес «розовому христианству» Достоевского. Федора Михайловича в первую очередь занимала, напротив, проблема цены прогресса именно с точки зрения человечества в целом. Никакой прогресс не стоит «слезинки ребенка», жертвы в настоящем не могут быть оправданы благополучием будущих поколений. Размышления писателя о «стоимости будущей гармонии» стали классикой отечественной духовной традиции.

Соответствующая аргументация в обобщенном виде, собирающем воедино наиболее характерные возражения русской мысли западноевропейской трактовке прогресса, содержится в работах С.Н. Булгакова. Он соединяет эсхатологически окрашенный пафос Леонтьева с этическим подходом Достоевского.

Уже в начале творческого пути, приблизительно с 1900 г., проблема религиозно-философского обоснования общечеловеческого прогресса становится для С.Н. Булгакова центральной проблемой мировоззрения. Современная философия обязана, по его убеждению, усвоить и переработать все конечные выводы современной положительной науки, выяснить свою связь с реальными задачами времени и установить к ним определенное принципиальное отношение, начертать, таким образом, и общую программу практической политики. С.Н. Булгаков приводит нравственную проблему в органическую связь с коренными вопросами метафизики, он ставит синкретическую задачу сделать жизненное начало христианства организующим принципом общественного творчества.

Позитивная наука своей теорией прогресса хочет поглотить и метафизику, и религиозную веру, но, оставляя нас относительно будущих судеб человечества в полной неизвестности, предлагает нам лишь догматическое богословие атеизма. Механическое миропонимание, все подчиняя фатальной необходимости, в конечной инстанции оказывается покоящимся на вере. Марксизм, рассматриваемый С.Н. Булгаковым как самая яркая разновидность «религии прогресса», воодушевлял своих сторонников верой в близкий и закономерный приход обновленного общественного строя; он был действительно силен не научными, а утопическими своими элементами. Мыслитель пришел к

убеждению, что прогресс является не эмпирическим законом исторического развития, а задачей нравственной, абсолютным религиозным долженствованием. Бытие не может обосновать долженствования, идеал не может вытекать из действительности. Учение о классовом эгоизме и классовой солидарности запечатлено, по убеждению Булгакова, характером поверхностного гедонизма. С нравственной точки зрения борющиеся из-за житейских благ партии вполне равноценны, поскольку ими руководит не религиозный энтузиазм, не искание безусловного и непреходящего смысла жизни, а обыденное себялюбие. Эвдемонистический идеал прогресса в качестве масштаба при оценке исторического развития приводит, по мнению Булгакова, к противонравственным выводам, к признанию страдающих поколений лишь «унавоживанием» грядущего блаженства потомков.

Мыслитель последовательно развивает идею о психологической несостоятельности эвдемонистической теории прогресса, ее нравственном абсурде. Проблема цены прогресса, по Булгакову, неразрешима с позиций господствующего в западной мысли эвдемонистического взгляда на будущее [3, 837—851]. Ссылаясь на Ивана Карамзова и других героев Достоевского, он писал, что этике необходима религиозная санкция, нравственности нет без веры. Позитивистские теории будущего отличал, по мнению Булгакова, неизбежный, имманентно присущий утопизм, поскольку они предусматривают цель, которая мыслится им вполне материально, в конечном пункте, воплощающем всю полноту совершенства. С ее достижением по сути прекращается история, которая есть движение. Теория прогресса, согласно мысли Булгакова, представляет собой логическую операцию, с помощью которой позитивизм уклоняется от своих последних выводов, не имея мужества быть последовательным. Герцена, сказавшего: «цель всего живого — смерть», Булгаков считал человеком, у которого хватило смелости пойти до конца там, где другие сворачивают в сторону [4, 1266].

Булгаков осуждает основное воззрение политической экономии начала XX в., согласно которому рост материальных потребностей является коренным принципом нормального экономического развития. Он признает экономический прогресс необходимым условием духовного преуспевания, но предостерегает от склонности заменять прогресс общечеловеческий и общекультурный одним лишь прогрессом экономическим. Нравственный материализм и духовная буржуазность, погубившие некогда римскую цивилизацию, — болезнь современного европейского общества. Неспособность удовлетвориться нарастанием внешних материальных благ и примириться с укоренившимися формами общественной неправды, стремление к общечеловеческим идеа-

лам, ненасытную потребность сознательной и действенной религиозной веры Булгаков признает самыми характерными и самыми счастливыми особенностями русского духа.

В русле С.Н. Булгакова развивались размышления и других отечественных мыслителей. Законы развития социума далеко не универсальны и во всяком случае не дают гарантии бесконечного прогресса. Процессы, кажущиеся незыблемыми, в силу своей же логики способны повернуть вспять. Как писал В.Ф. Эрн, даже если опыт прошлого подтверждает это, откуда можем мы знать, что развитие и дальше будет идти вперед, нарастать? Ведь закон — лишь пустая форма, констатирование того, что *при известных условиях* происходят известные явления, и не более. При исчезновении условий исчезают и явления [5, 200—201].

Отдельной темой стала новая историческая сила — техника, которая разлагает природные формы человека. Появляющийся новый «антропологический тип» — формулировка и тема многих русских философов, *homo europaeo-americanus* — такое имя дал ему Г.П. Федотов. Истощение творческих сил человека в результате отрыва его от духовного центра жизни и исключительного обращения к периферии жизни — к экономическому, технологическому и другим прогрессам — сопровождается гибелью всех гуманистических иллюзий. По замечанию Н.А. Бердяева, одно из определений человека как *homo faber* [существо, изготавливающее орудие], распространенное в историях цивилизаций, уже свидетельствует о подмене целей жизни ее средствами. Образ человека, его личность, которую выковало христианство, колеблется и разлагается. Человек как индивидуализированное существо перестает быть темой искусства, он погружается и проваливается в социальные, хозяйственные, космические коллективности. Экономист И.Х. Озеров посвящает ряд работ анализу появляющегося чувства подневольности человека, чувства тяжести жизненного процесса, безмерной его трудности. Н.А. Бердяев видел путь нового обретения человеком себя в возврате от гедонизма к некоторым элементам аскетизма. Только при этом условии могла бы быть продолжена та многовековая христианская работа над человеческим образом, которая составляет определяющий фактор в судьбе человека во всемирной истории.

Эсхатология, заключенная в этих размышлениях, никак не согласуется с учением о прогрессе, которое фактически берет на себя функцию философии истории. По замечанию Л.П. Карсавина, идея прогресса связана с более или менее бессознательным отрицанием единства развития [6, 30—33]. История же целостна, она имеет дело с единым. Сторонники теории прогресса, по оценке мыслителя, представ-

ляют процесс развития в виде прерывистого ряда сменяющих друг друга фаз или периодов. Лучшее для них лежит в будущем, настоящее и прошлое навсегда умирают. Данный момент развития, данная эпоха обладают значением не сами по себе, а только как средство или этап к будущему. Отсюда и столь характерная для современной эпохи погоня за так называемыми «последними словами» — науки, техники и т. д. Русские критики теории прогресса указывали на ее бесконечный пессимизм, в традиции Ф.М. Достоевского задаваясь вопросом о нынешних жертвах, которых требует будущая гармония, и олицетворяя прогрессивное будущее кучкой счастливых, благополучно устроившихся на костях предков. Трагизм жизни [важный термин для Вл. Соловьева и последующих русских мыслителей] разрешается только учением о спасении мира, т. е. сохранении всех подлинных ценностей, когда-либо созданных в этом мире.

Идея о том, что никакие мнимые победы добра во внешнем, материальном обустройстве жизни нельзя считать серьезными успехами, пока не преодолено крайнее зло, называемое смертью, стало общим достоянием русской мысли и ее философии истории. Экономисты, рассуждавшие об исторических перспективах с позиций своего профессионального знания, именно с этих позиций подвергались критике со стороны философов. Характерна полемика В.Ф. Эрн с М.И. Туган-Барановским: «Все, что говорит Туган-Барановский... о будущем человечества, — это только иллюзии, иллюзии потому, что во всех подобных мыслях о будущем отсутствует мысль о смерти» [5, 189—190]. Но позиция экономиста здесь упрощена. От внимательного читателя не скроется все тот же мотив, присутствующие в одной из, пожалуй, самых оптимистичных относительно будущего работ М.И. Туган-Барановского — «Социализме как положительном учении»: «Бессмертная смерть будет по-прежнему царить над миром — этот основной диссонанс нашей жизни всегда будет окутывать ее траурным покрывалом» [7, 436].

С.Н. Булгаков назвал господствующее настроение зарождающегося на Западе общества экономизмом, при котором абсолютное значение неправомерно придается относительным целям экономического роста, подчиняющим все сферы жизни человека и все его устремления. Экономизм и воспроизводимая им экономическая цивилизация, полностью согласуясь с идеей прогресса и питая ее, противоречат традиционному христианскому миропониманию. Христианство направлено на настоящее. Для него ценность представляет жизнь сейчас, поступки и мысли человека в настоящем. Экономизм высвободил стихии, главная из которых — страх перед будущим. Психологически этот страх и ле-

жит в основе теории прогресса, оправдывая его, говоря словами Булгакова, «каннибальскую цель».

Завершенный вид идеи С.Н. Булгакова получают не на этапе его перехода от экономической теории к философии, а значительно позже, когда мыслитель обращается к теологии. Свое понимание человеческой истории, свою эсхатологию, он излагает в трилогии «Свет нечерный».

Человеку дано было первоначально *даровое* существование — вкушением «плодов от древа жизни»; хотя он, призванный лелеять и холить сад Божий, и не был обречен на праздность, но райский труд его имел не подневольный, а вдохновенный характер любовно-творческого отношения к миру. Перемена в отношениях человека к миру, выразившаяся в том, что в них ворвалась стихия хозяйственности, получила выражение в суде Божиим после грехопадения. *Вся в целостности* жизнь человеческая получает привкус хозяйственности, пленяется суете стихий пустых и немощных. Во всех своих разветвлениях хозяйство одинаково подвержено власти ничто, актуализировавшегося в мире. Поэтому и все его достижения, имея положительную основу в творческих силах бытия, несут на себе неизгладимую печать этой власти. Этот модус бытия находит свое выражение во власти временности, т. е. истории.

Но цель истории ведет *за* историю, к «жизни будущего века», а цель мира ведет за мир, к «новой земле и новому небу». Лишь в царстве славы, когда окончится время, осуществится цель мироздания. Лишь тогда окончится сотворение мира, совершаемое Божиим всемогуществом на основе тварной свободы. В судьбах мира существеннейшую роль играет это соединение божественного могущества с тварной свободой, допущение участия твари в созидании мира.

Идея прогресса как обустройства земного существования теряется в этой перспективе. Человеку надо отречься от себя, «не восхотеть своего я», идти крестным путем смирения. Нет задачи для человека труднее победы над самим собой.

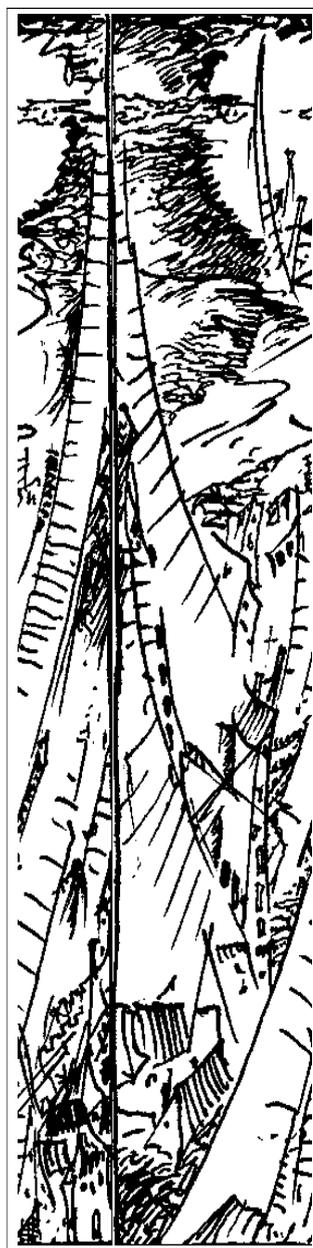
Литература

1. *Нисбет Р.* Прогресс: история идеи. М., 2007.
2. *Румянцев М.А.* Религиозные основания хозяйствования. СПб., 2005.
3. *Булгаков С.Н.* Иван Карамазов как философ // Вопросы философии и психологии. 1902. № 61.

4. *Булгаков С.Н.* Душевная драма Герцена // Вопросы философии и психологии. 1902. № 64.
5. *Эрих В.Ф.* Сочинения. М., 1991.
6. *Карсавин Л.П.* Введение в историю. Пб., 1920.
7. *Туган-Барановский М.И.* К лучшему будущему. М., 1996.

II

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

С.С. СЛЕПАКОВ

Формирование типов экономического поведения

Аннотация. В публикации дано определение и предпринято исследование сигналов, поступающих из внешней среды, которые, отражаясь в общественном сознании, осмысливаются, оцениваются и формируют типы социально-экономического поведения, прежде всего, его основу — генеральную экономическую идею — выражение типичного способа (характера) участия общества и его агентов в воспроизводственном процессе. Выявлена специфика формирования и развития данного феномена в современной России. Существенное расхождение между политическими транзакциями, социально-экономической реальностью и общественными ожиданиями и предпочтениями представлены в категориях «сенсбилизация», и «симулякр».

Ключевые слова: экономика, общество, индивид, тип, экономическое поведение, наноэкономика, сенсбилизация, симулякр, созидание, паразитизм, средний класс, бюджет.

Abstract. The publication gives definition and undertakes research of signals coming from environment, which being reflected in social consciousness, are given a meaning, are estimated and form types of social and economic behavior, first of all, it's basic — way (character) of society's and it's agents participation in reproduction process. Particularity of forming and development of the given phenomenon in contemporary Russia is revealed. Significant differences between political transaction, social economic reality and social expectations and preferences are presented in categories of «sensibilization» and «simulation products».

Keywords: economy, society, individual, type, economic behavior, nanoeconomy, sensibilization, simulation product, creational activity, parasitism, middle class, budget.

В основе экономического поведения лежит явление, которое экономической наукой до настоящего момента не исследовано. Речь идет о внутренних состояниях и реакциях экономических агентов на сигналы, воспринимаемые сознанием из внешнего мира. Наиболее адекватным обозначением категории, отражающей состояния и реакции, происходящие в человеческом мире «нано», нам представляется термин *сенсбилизация* (применительно к индивиду, группе, социуму). Понятие сенсбилизации (фр. *sensibilisation*, от лат. *sensibilis* — чувстви-

тельный) широко используется в различных отраслях знаний и означает: в медицине — повышение чувствительности организма к воздействию раздражителей, вызывающих аллергическую реакцию; в физике — передачу энергии возбуждения от одной молекулы к другой; в психологии — повышение чувствительности нервных центров под влиянием действия раздражителя; в фотографии — повышение светочувствительности фотоматериала. Одна из трактовок данного термина в медицине звучит как «приобретение организмом повышенной чувствительности к чужеродным веществам. Это скрытый период в развитии аллергии — человек даже и не подозревает о том, что его иммунная система уже активирована в нежелательном направлении. Образно говоря, сенсбилизация — это как дурное знакомство с далеко идущими последствиями. Только вся беда в том, что никогда не будешь точно знать, кто же окажется этим роковым «знакомцем» и когда последствия обрушатся на вашу голову» [1].

Применение термина «сенсбилизация» в экономических исследованиях открывает возможность обозначить реальное, социально значимое, малоизученное, по сути, неэкономическое явление, играющее ключевую роль в социально-экономическом развитии.

Сенсбилизация в экономике представляет собой интеллектуально-эмоциональное состояние реактивной чувствительности общества и его агентов к воздействиям политических, институциональных и хозяйственных процессов на условия социально-экономической жизнедеятельности.

Применение понятия требует определения и научного исследования всех системообразующих его элементов, в числе которых: *область существования сенсбилизации* — индивидуальное и общественное сознание как сфера жизнедеятельности наноэкономики (экономической субстанции); *сенсбилизаторы* — стимулирующие сигналы, поступающие из внешней среды (информационные потоки, энергии), являющиеся причинными раздражителями, воздействующими на условия жизнедеятельности социума и его агентов, которые, отражаясь в сознании, осмысливаются, оцениваются и преобразуются в определенные мотивы поведения; *механизмы воспроизводства сенсбилизаторов* институциональной системой; *трансферт сенсбилизаторов* из внешней среды в наносферу, реализующийся посредством *коммуникаций* — прямых и обратных связей между агентами социально-экономической жизнедеятельности; *природа сенсбилизаторов*, определяющая формирование доминирующих предпочтений в выборе обществом и его агентами определяющих, типичных моделей экономического поведения; *причины изменения уровня, восприимчивости и реактивной чувствительности* общества и его агентов, требующие

разработки методологии изучения превращения сенсibilизаторов в *факторы* сенсibilизации, их способности (или неспособности) сенсibilизировать, чувствительности реакций индивидуального и общественного сознания к восприятию сигналов внешней среды, с определением нормы и отклонений; *виды восприятия сенсibilизаторов*: прямое и косвенное, первичное и вторичное и проч.; *характеристики и оценки уровней восприимчивости*, реактивной чувствительности к воздействию сенсibilизаторов, например, нормальная и аномальная; *агенты влияния* (единичные, перманентные, постоянные, специфические и неспецифические) и изменение чувствительности под их воздействием.

Разработка основ теории сенсibilизации в экономике не может быть осуществлена в рамках настоящей публикации. Однако и в данном моменте исследования становится очевидным то, что сенсibilизаторы различной природы, воздействуя на общественное сознание, формируют типы экономического поведения и, прежде всего, его основу — содержание главной экономической идеи, определяющей типичный для данного общества характер (способ) участия его агентов в воспроизводственном процессе.

Каждый из агентов экономики определенным образом решает для себя этот вопрос. Проблема *выбора смыслов предпочтения: созидательной деятельности*, т. е. производства необходимых обществу товаров, работ, услуг, как *генеральной идеи*, определяющей способ реализации собственного интереса; либо *паразитической деятельности*, представляющей симбиоз как минимум двух агентов, один из которых (паразит) «питается» за счет другого, не производя ничего полезного; либо определенного *сочетания созидания с паразитизмом*.

Общее число паразитов в природе составляет не менее 50% всех видов живых организмов [2].

В обществе это соотношение не подсчитано, однако критическая масса тех и других зависит от сознательного, рационального выбора агентами между созидательной или паразитической моделями социально-экономического поведения, предпочтения ресурсов экономики либо хрематистики. Аристотель учил: «Так как хрематистика расположена рядом с экономикой, люди принимают ее за саму экономику; но она не экономика. Потому что хрематистика не следует природе, а направлена на эксплуатацию. На нее работает ростовщичество, которое по понятным причинам ненавидится, так как оно черпает свою прибыль из самих денег, а не из вещей, к распространению которых были введены деньги. Деньги должны были облегчить торговлю, но ростовщический процент увеличивает сами деньги. Поэтому этот вид обогащения самый извращенный». Аристотель также полагал, что из-

за хрематистики у людей появилось представление о безграничном имуществе и богатстве, однако он же предупреждал, что скатывание в хрематистику губительно [3].

Выбор определяется сигналами извне, сенсбилизаторами, которые воспринимают и осмысливают агенты. Какие же сенсбилизаторы формируют интеллектуально-эмоциональное состояние реактивной чувствительности российского общества и его агентов?

В дореформенный период: при низкой эффективности производства и качества продукции, дефиците товаров народного потребления и услуг, невысоком уровне жизни, «железном занавесе», уравнительном распределении и несовершенстве системы стимулирования, институт «тоталитаризма» обеспечивал, преимущественно неэкономическим способом принуждения к труду, всеобщую занятость и уравнительную систему минимальных социальных гарантий, т. е. практически полное отсутствие альтернативы участию подавляющего большинства членов общества в созидательном общественно-воспроизводственном процессе. Разумеется, в дефицитной экономике наибольшие доходы давала возможность участия в системе перераспределения дефицита, т. е. по сути паразитическая деятельность. Однако в этом участвовал ограниченный круг лиц. Критическая масса агентов была занята созидательной деятельностью. Вопрос, что и как производилось, этого положения не меняет. Идеология, мировоззрение социализма (в том числе в его «зрелой» и даже «перезрелой» стадиях) позитивному, созидательному характеру сенсбилизации общества не противоречили. Люди были готовы производить товары и услуги, но в своей значительной массе не верили в рациональность, дееспособность, социальную справедливость управляющих институтов.

Пореформенный период привнес в общественное сознание комплекс новых сигналов — сенсбилизаторов, в числе которых: сокращение численности населения (на 5—6% за 1990—2011 гг.) и тяжелые демографические проблемы; неэффективность бюджетной политики, падение доходов бюджета относительно ВВП; доминанту энерго-сырьевой экономики; «уход» государства из отраслей высокой социальной значимости; глубокие деструктивные процессы в территориально-экономическом развитии городских и сельских поселений, промышленности, сельском хозяйстве, отраслях инфраструктуры (нарастание угрозы системных аварий на объектах), ЖКХ, науке, культуре, здравоохранении, образовании, социальном обеспечении; низкий уровень производительности общественного труда, недопустимо высокая зависимость экономики от экспорта продовольствия, промышленных товаров, оборудования и проч.; фрагментарность, несистемный характер развития экономики и социальной сферы с крайне несовершенным

прогнозированием; неэффективность федеральных целевых программ, приоритетное развитие амбициозных, экономически и социально неэффективных проектов в ущерб экономическому социальному развитию; прогрессирующая межрегиональная социально-экономическая дифференциация; высокий уровень безработицы, низкий уровень доходов населения и углубление разрыва между богатыми и бедными; недопустимо высокий уровень коррупции и воровства, превратившихся в самоцель экономического и социального проектирования («откаты» достигают 30—50%); «бегство» капиталов «за рубеж»; криминализация экономики, барьеры на пути развития малого и среднего бизнеса и низкая доля среднего класса в обществе — и это далеко не полный перечень сигналов о проблемах и угрозах, которые носят нарастающий характер. Существенно то, что агенты экономической жизнедеятельности являются непосредственными участниками данных процессов, а инновационные возможности современных информационных систем служат инструментарием, обеспечивающим кумулятивный эффект сенсификационных реакций на преимущественно негативную информацию.

Под воздействием «пресса» осмысления и оценки событий новой и новейшей истории, реалий сегодняшнего дня у агентов сложившейся хозяйственной системы сформировалось и утвердилось интеллектуально-эмоциональное ощущение несправедливости, униженности, тщеты усилий, беспочвенности надежд, победы безотчетного эгоизма, деградации трудовых мотиваций, накопившейся усталости, апатии, разочарования. А главное, существенное сокращение сферы производства товаров и услуг, преимущественно перераспределительный способ обретения богатств, господство в российском обществе странного симбиоза монополизма с идеологией «либерального фундаментализма» и беспредельного криминала привели российское общество отнюдь не в пост- и не в доиндустриальное состояние, а к убеждению в том, что созидательный труд как источник благ, необходимых для благополучной и достойной жизнедеятельности, как правило, не престижен и бесперспективен, а сама возможность заняться созидательной деятельностью существенно сокращена. Иначе говоря, в новых условиях приоритетную роль по отношению к конструктивной идее созидания (производства товаров, работ, услуг) играет деструктивная идея паразитизма, участия в перераспределении общественного богатства на основе идеологии индивидуализма и безотчетного эгоизма.

В чем же специфика реализуемой российским обществом генеральной идеи обеспечения экономической жизнедеятельности? Исходными моментами определения идеи как таковой, на наш взгляд, являются ее: жизнедеятельность в реальном времени (не в прошедшем и не

в будущем, а исключительно в настоящем); реализация в системе координат: «общественные интересы — способы и эффективность их реализации»; консолидирующая роль в общественном развитии.

Например, потребность населения в защите должна обеспечиваться властью, действующей от имени народа: в реальном времени, в соответствии с общественными интересами, в необходимом масштабе от индивида до общества в целом. Однако *в современной России любые локальные события властью трактуются как частности, не требующие радикального изменения общих институциональных правил* (законов, порядков, условий жизнедеятельности).

В условиях неконсолидированного общества государство не способно воспринимать локальные события как глобальные вызовы. Тем самым возможность глобальной защиты общества блокирована. Защита в большей или меньшей степени вероятна лишь в отдельных частных случаях, когда это в русле интересов власти, необходимые действия не затрагивают основ, не требуют значительных усилий и средств.

Условия и возможности реализации генеральной экономической идеи обеспечения социальной жизнедеятельности, солидарно признаваемые социумом, отражают состояние общественного сознания и могут включать широкий диапазон охватывающих широкие слои общества моделей поведения. Молодые люди в современной России, в своем намерении преуспеть, стремятся работать банкирами, чиновниками в контролирующих органах и силовых структурах, предпринимателями в сферах, где есть возможность, спекулировать деньгами и товарами, получать административную ренту, приобщиться к коррупционной деятельности. Участвовать в производстве реальных товаров и услуг, за редкими исключениями (сырье, энергоносители проч.), не выгодно и не престижно. Такое целеустремление значительной и наиболее активной части общества к паразитированию и демонстрирует «срез» генеральной экономической идеи в современной России, точнее сказать ее отсутствие. Деидеологизация служит прямым результатом деструктивных процессов, о которых говорилось выше, получивших развитие в 1990-х и в «нулевых» (в прямом и переносном смысле) годах.

Граждане, с большим или меньшим успехом «пристраиваясь» в заведомо паразитической системе, потеряли представление о сути самого понятия «общественно полезный, созидательный труд», как правило, не затрудняясь мыслью о том, что это противостоит естеству, аморально и в жизни надо что-то менять. Не бедствует тот, кто паразитирует наиболее успешно. Генеральная экономическая идея не может существовать в подобном виде. Диктуя индивидуальную линию поведения, идея не консолидирует, а разобщает и дифференцирует гражд-

дан, превращая их не столько в конкурентов, сколько в антагонистов. Идея, по сути, не общенациональна, в силу чего является типичным *симулякром*.

В результате, в России получил развитие *кризис доверия* граждан экономическим и правовым, национальным и международным институтам. Россияне теряют веру в эффективность правительства. В марте 2011 г. большинство граждан (40% против 23) заявили, что не верят в способность правительства добиться в ближайшее время позитивных изменений в стране. Сегодня в целом одобряют деятельность правительства 48% россиян против 54 в прошлом году. Считают, что страна идет по правильному пути, теперь 40% граждан против 48 в прошлом году. Выросло число россиян, уверенных, что Россия сейчас движется фактически в неверном направлении, — с 34 до 42%. Относительное большинство россиян (40% против 23%) считают, что нынешнее правительство в ближайшее время не сможет добиться положительных изменений в России [4; 5].

Существенное расхождение между политическими транзакциями, социально-экономической реальностью и общественными ожиданиями и предпочтениями, по нашему мнению, имеют в основе события (явления, поведение, предметы), имитирующие с какой-либо целью другие события (явления, поведение, предметы). Такого рода события могут быть обозначены термином «симулякр» (от лат. *simulatio* — видимость, притворство). В словаре «Культурология XX век» читаем: «Симулякр (франц. — стереотип, псевдовещь, пустая форма). Симулякр — понятие, введенное в научный оборот французскими философами Жаном Бодрийяром, Жилем Делезом, означает продукт симуляции. Это копия, снятая с копии... фантом, который может принимать любые призрачные формы, оригинал которой не существует в природе» [6; 7].

В нашем случае представляет интерес явление симулякра в результате существенного расхождения между социально-экономической реальностью и ее политической витриной, демонстрирующей искаженную видимость, призванную служить своего рода «агитпунктом» интересов власти и капитала.

Термин «симулякр» в экономических исследованиях используется крайне редко (практически не используется). Между тем российская социальная и экономическая действительность полна симулякрами — от «Потемкинских деревень» в XVIII в. до рекламы ОАО «Газпром», «Роснефти», «Российской корпорации нанотехнологий» в новейшем времени. В экономике СССР к числу типичных симулякров можно было отнести, например, категории рыночной экономики, функционировавшие на основе общественной собственности и директивного пла-

нирования (рынок, деньги, цена, прибыль, рентабельность и проч.). В пореформенный период типичные симулякры — «ваучерная» приватизация, «рыночная» экономика, в которой есть место лишь для государства и монополий, но не для бизнеса и среднего класса.

Понятия о среднем классе у россиян размыты. Согласно опросу, проведенному ЦСИ компании Росгосстрах, по личным субъективным оценкам, сегодня (2011) доля среднего класса в общей численности населения России составляет 17%. Еще 27% россиян намерены стать средним классом через пять лет или менее того. Однако оптимизм Института социологии РАН превосходит самые смелые субъективные представления, относя к среднему классу сегодняшней России 28 млн человек, или около 20% жителей, а Президент РФ Д.А. Медведев ожидает, что к 2020 г. средний класс России составит 60—70%. Ректор ВШЭ профессор Ярослав Кузьминов в числе выдающихся экономических и социальных результатов развития российской экономики за десятилетие (2000—2010) отметил формирование среднего класса как значительной социальной группы, которая составляет от 20 до 30% населения России. По его мнению, в связи с резким ростом образованности российского общества средний класс — это не лавочник или рантье, это в первую очередь креативный работник — наемный или фрилансер. Его существование связано не с накоплениями, а с трудом. Это *новый средний класс* (НСК), или *креативный класс*. По грубой оценке, из 30% россиян, относящихся к среднему классу, 20% принадлежат к НСК и только 10 — к традиционному среднему классу.

Представленные позиции содержат в себе черты явного *симулякра* и опровергаются компетентными мнениями ряда российских экономистов и социологов, считающих, что реально (соответствуют по уровню благосостояния и другим усредненным показателям в развитых странах) к среднему классу в России относится только 7% населения, а не 20—25%, как считается официально. Руководитель Центра социальной политики Института экономики РАН, профессор Евгений Гонтмахер напоминает, что в России к среднему классу принято относить семьи, где на каждого приходится 13 тыс. ежемесячного дохода, 21 м² общей площади и половина легкового автомобиля на всех. «Очевидно, что это пародийная картина на реальный средний класс в развитых странах, где для попадания в этот слой обычно необходим постоянный месячный доход на каждого члена семьи в 2—2,5 тыс. дол., не менее 40 м² общей площади и 2—3 легковые машины на семью», — считает эксперт. В России такой образ жизни могут себе позволить не более трети из тех 20—25% населения, которых в стране принято называть средним классом. Президент Института энергетики и финансов, про-

фессор Леонид Григорьев наблюдает образование верхушки среднего класса в России, прежде всего, в среде тех, кто занимается управлением, финансовыми услугами, а также занят в обрабатывающих и добывающих отраслях. В ядре российского среднего класса слишком велика доля бюрократии, что отражает чрезмерные возможности для ее влияния. «В России средний класс, как и десять лет назад, — служивый, коррупционный и нефтяной», — показывают непредвзятые исследования ученых.

По другим оценкам (ЦСИ компании Росгосстрах), сегодня в России лишь более 15 млн семей имеют доходы более 20 тыс. дол. в год и 38 тыс. семей — более 500 тыс. дол. в год, что несколько превышает 10% населения, но уж никак не 20 и не 30%. При этом, если доля класса составляет от 7 до 10, или даже 30% населения страны, по нашему мнению, он не может быть «средним». Практически во всех развитых странах доля среднего класса составляет примерно 55—60% населения [8—10]¹.

Пропагандируемое властью искажение социальной реальности служит ложным сенсбилизатором, используемым с целью внедрения в общественное сознание неадекватных представлений об уровне развития страны и ее достижениях. Вместо реальных успехов в поддержку позиций власти обществу предложены симулякры успехов как основания для признания заслуг действующей власти, повышения уровня общественного доверия к ней.

Роль симулякров в современной России значима. Реализуемая модель транзита власти фактически задает ее долгосрочную конфигурацию — возможно до 2036 г. При этом создается видимость (симулякр) того, что ставка сделана не на личности, а на институты. Но совершенно очевидно, что главный институт России, это долговременный политический союз ее руководителей. Фактически под видом институтов страной не управляют, а располагают приватизировавшие власть персоны.

Рокировка в «тандеме» как бы задает традицию, уже во второй раз подряд партийный лидер возглавляет Правительство РФ: это *вроде бы* означает приоритет представительной власти и переход к партийному Правительству РФ. Тем самым правящая партия *как бы* сигнализирует обществу о развитии демократии вследствие того, что ответственность

¹ В публикации представлены точки зрения: Василия Колташова, руководителя Центра экономических исследований Института глобализации и социальных движений; Сергея Гаврова, профессора кафедры социологии и социальной антропологии Института социальной инженерии МГУДТ, политолога и др.).

Среднего класса в России в три раза меньше официальной статистики [10].

Правительства перед обществом (не конституционно, но реально), должна возрасти.

Вопрос в том, верит ли общество симулякру? Оно бы поверило, если бы правящая партия не монополизировала (не блокировала) законодательное собрание, реализуя тем самым свою главную функцию. Общество верит в то, что партия-симулякр послужила инструментом укрепления симулякра народной власти. Общество от власти, равно как и власть от общества, надежно изолировано и не имеет ни единого шанса обрести гражданское состояние.

Попытки создания «дружественного интерфейса» власти, обращенного к обществу, продвижения лозунга (слогана?) «Государство для человека» как квинтэссенции новой политической философии российской власти — симулякр. Основы нового электорального послания «Единой России», не сулят обществу никакого просвета: во власти остались те же люди, они будут проводить прежний, устраивающий лишь узкий круг заинтересованных лиц политико-экономический курс. Утверждение новых властных полномочий в форме представленной на всеобщее обозрение политической манифестации есть еще одно свидетельство устойчивости сложившейся в стране политической конструкции, укрепления режима несменяемости власти, сигнал о том, что сопротивление сложившемуся порядку вещей, попытки поиска и продвижения альтернатив в сложившейся институциональной системе бесполезны. Основания для такого предположения дает анализ структурной динамики поступившего в ГД РФ проекта бюджета РФ на период 2012—2014 гг.²

Федеральный бюджет РФ входит в десятку богатейших в мире и составляет от 11,8 до 14,1 трлн р. в год. Консолидированный бюджет с учетом дохода регионов вскоре достигнет 20 трлн р. в год (ожидаемый ВВП РФ в 2011 г. — около 50 трлн р.). В 2010 г. нефтегазовые доходы обеспечили 46% наполнения федерального бюджета.

По подсчетам директора департамента стратегического анализа ФБК Игоря Николаева, в 2012 г. доля расходов на образование достигнет 4,6% федерального бюджета и резко снизится к 2014 г. — до 3,3%. При этом расходы на школы упадут почти в два раза, на профессио-

² Одним из направлений бюджетной политики на предстоящие три года станет решение социальных проблем российского села — люди, по словам премьера, *должны, наконец, почувствовать* изменения к лучшему. Путин: приоритетами АПК должны стать развитие экспорта и животноводство. Подводя итоги 2010 г., В.В. Путин отметил, что «в целом, год заканчиваем весьма удовлетворительно», «рядовые люди *должны уже почувствовать* (курсив мой. — С.С.) изменения к лучшему».

нальные училища — в 10 раз. Доля расходов на здравоохранение составит в 2012 г. — 4,2%, но к 2014 г. доля упадет до 3%. Общие госрасходы на медицину за три года упадут на 9%. Бюджет Минздравсоцразвития РФ — на 15,4%, Минобрнауки РФ — на 60%, Минрегионразвития РФ — в 3,7 раза, Минэнерго РФ — в 4,2 раза.

Характерно, что общие расходы бюджета не только не сокращаются, за три года они должны вырасти на 30%. Сокращение расходов по ряду социальных статей будет компенсировано резким ростом расходов на национальную оборону, которые вырастут в 1,8 раза — до 2,7 трлн р. К 2014 г. расходы на полицию (за три года) увеличатся в 2,3 раза (только на новую форму будет израсходовано 45 млрд р.), на внутренние войска — в 1,7 раза. Весь силовой блок, включая органы нацбезопасности, в 2014 г. получит — 2,1 трлн р. против нынешних 1,2 трлн. Доля полиции в расходах федерального бюджета в 2014 г. составит 14,3% бюджетных денег, армии — 8,7%. Судя по структурной динамике данный бюджет не является социальным, кроме того совершенно очевидно, снижение уровня финансирования основных «социальных» статей в период после выборов [13]³.

Литература

1. <http://www.medactiv.ru/yguide/s/guide-s0130.shtml>; <http://www.edudic.ru/hie/4622/>; <http://childs-illness.ru/index.php/allergy-info/281-sensibilizaciya>.
2. <http://ekologiyastati.ru/parazitizm-kleshchej-i-nasekomyh-nazemnyh-pozvonochnyh/obshchie-osobennosti-parazitizma-kleshchej-i-nasekomyh.html>.
3. *Аристотель*. Политика // <http://lib.rus.ec/b/129778/read#t6>.
4. *Башкатова А., Сергеев М.* Абстрактная модернизация не вызывает доверия. Россияне теряют веру в эффективность правительства.

³ Бюджет РФ на 2012—2014 гг. одобрен правительством и поступил в Госдуму. Он сразу вызвал бурю эмоций и навлек немало критики. По сути, это документальное свидетельство — насколько сильно порой слова политиков расходятся с делом.

Не зря госбюджет называют вторым по важности документом после Конституции. По увлекательности он первый. Кому не интересно знать, сколько у государства денег? Округляя — от 11,8 до 14,1 трлн р. в год. Столько планируется собрать в федеральный бюджет в 2012—2014 гг.

Суммы внушительные по любым меркам, бюджет РФ входит в десятку богатейших в мире. К тому же это далеко не вся госкубышка. Консолидированный бюджет с учетом дохода регионов вскоре достигнет 20 трлн р. в год. Для сравнения: ожидаемый ВВП РФ в 2011 г. — около 50 трлн р. Значит, государство собирает и перераспределяет практически каждый второй рубль.

2011. 25 марта // http://www.ng.ru/economics/2011-03-25/1_modernizaciya.html?inside doc.

5. Делез Ж. Критика и клиника. СПб., 2002.

6. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция» // <http://exsistencia.livejournal.com/9726.html>; <http://politvolga.ru/analitika/simuljakra-filosofsko-politologicheskoe-yese.html>.

7. Делез Ж. Платон и симулякр // <http://www.philosophy.ru/library/intent/07deleuze.html>.

8. Минникова К. Среднего класса в России не было и не будет. <http://www.finam.info/need/news254EA00001/default.asp>.

9. Кузьминов Я. Явление среднего класса // http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1400517/k_novoj_socialnoj_politike#ixzz1c9eeYlxd.

10. http://www.insor-russia.ru/ru/news/about_insor/378.

11. <http://www.vesti.ru/doc.html?id=365804>.

12. <http://info.tatcenter.ru/article/95169/>.

13. Гурдин К. Полицейский бюджет // <http://www.argumenti.ru/economics/n311/131357>.

Г.И. МОЙСЕЙЧИК

Новая сущность денег в эпоху глобализации

Аннотация. В статье рассматриваются основные этапы генезиса новой системной роли денег, характерной для глобальной денежной олигополии и монополии, а также раскрываются основные сущностные характеристики категории транснациональных денег.

Ключевые слова: деньги, транснациональный долг, глобальная денежная олигополия и монополия, денежная метрополия, мнимые деньги, страны-эмитенты мировых валют, сеньораж, деривативы, свопы кредитных дефолтов.

Abstract. The article considers the main stages of the genesis of the new money system role, which is characteristic for the global monetary oligopoly and monopoly, as well as the main essential characteristics of transnational money categories are revealed.

Keywords: money, transnational debt, global monetary oligopoly and monopoly, monetary metropolis, imaginary money, countries issuing world currency, seniorage, derivatives, credit default swaps.

Первоначально, на докапиталистической стадии развития обществ, деньги выполняли вспомогательную функцию в организации и обслуживании обмена товарами. Затем, на капиталистической стадии, которая совпала с эпохой формирования нынешних национальных государств, деньги из посредника в торговых операциях превратились в инициатора процесса производства, начальный и конечный его пункт и главную цель. Тем не менее на обеих стадиях деньги, являясь средством, или опорным пунктом, товарообмена, служили осуществлению эквивалентного обмена. Системная роль всеобщего эквивалента была сущностью денег. В этой роли всеобщего эквивалента деньги отождествлялись с золотом и имели золотое наполнение. В смысле всеобщего сведения к золоту деньги различных государств были однотипны, однородны и однокачественны. Деньги стали экономическим выражением национально-государственного суверенитета государств, и положение денег тех или иных государств, как и позиции этих государств в мировом экономическом сообществе, зависело от золотого содержания денег.

Однако уже на этапе перерастания капитализма свободной конкуренции в стадию монополистического и государственно-монополистического капитализма (конец XIX — начало XX в.) деньги начали постепенно утрачивать системную роль всеобщего эквивалента и все более становились инструментом экспансии и защиты внешних завоеваний отдельных национальных государств — как в лице правительств, так и в лице крупных компаний, и осуществления неэквивалентного обмена между государствами. Именно в это время возникают первые крупные мировые биржи, правительства наиболее развитых в экономическом и финансовом смысле государств вступают в союз с биржами и, получив масштабную финансовую подпитку, развязывают две мировых войны. Все же вплоть до завершения Второй мировой войны деньги были вспомогательным средством экспансии, главная же роль отводилась открытым, непосредственным военным вторжениям и мировым войнам.

В это время деньги были привязаны еще к национально-государственной экономической детерминации. Иначе говоря, денежная эмиссия определялась объемами и динамикой дефицита государственного бюджета, т. е. внутреннего государственного долга. Внешние займы носили разовый характер, и их размер не оказывал решающего влияния на экономику государств. На этом этапе деньги были по своей смысловой природе долговыми обязательствами национальных правительств или государств. Эмиссия денег была ремиссией, т. е. уменьшением, облегчением, ослаблением протекания государственно-го долга, разумеется, прежде всего внутреннего.

В настоящее время, когда сложилась глобальная транснациональная монополистическая система, которая начала формироваться в 1950-х гг. и получила первое законченное воплощение в 1990-х, системная роль денег качественно изменилась. Изменения происходили на разных уровнях. Наиболее значимые из них, на наш взгляд, следующие.

Во-первых, *эрозия, разъедание национально-государственной детерминации денег*. Это было обусловлено формированием системы внешних задолженностей государств — устойчивой, постоянно действующей и неуклонно растущей. Соотношение между внутренним и внешним долгом неукоснительно и быстро прогрессировало в пользу внешнего долга. Соответственно страны-заимодавцы получили вполне реальную возможность утвердить особый, привилегированный статус своих валют. А национальные валюты стран-заемщиков стали постепенно вытесняться.

На наш взгляд, новая системная сущность денег заключается в том, что теперь это не национальные, а *транснациональные, или глобальные, деньги*. В ходе последующего анализа процессов трансформации денег и категории денег попытаемся подтвердить эту гипотезу.

Во-вторых, *диффузия, размывание, распыление сущности денег как всеобщего эквивалента*. Можно отметить следующие узловые моменты этого процесса.

Первый момент. Замена золотого стандарта долларовой системой. Функцию всеобщего эквивалента, начиная с Бреттон-Вудского соглашения (1944), выполняет доллар. Доллар становится первой в мире валютой, т. е. деньгами, предназначенными обмениваться не на товары, а на деньги других государств. На первых порах доллар все еще был привязан к золоту, а другие деньги национальных государств были привязаны к доллару. На этом этапе появляется конвертация, перевод денег государств в доллары США, денежных активов из одной валюты в другую как особая область финансовых операций. В эпоху золотого стандарта проблемы конвертации не было. Соотношение курсов валют и крепость национальных валют определялись их золотым содержанием.

Второй момент. *Отмена золотого содержания доллара и привязки валют других государств к доллару* (Ямайское соглашение 1976 г.). Доллар пускается в свободное плавание и становится биржевым товаром. Это означает также свободное плавание для остальных мировых резервных валют. Они становятся объектом торгов на мировых валютных биржах.

Валютой становятся деньги главных стран—мировых кредиторов, стран базирования мировых банков и бирж. В середине 1970-х такими

странами—основными мировыми кредиторами — являлись США, Великобритания, Швейцария, Япония.

В итоге деньги как таковые стали валютой, и деньги различных государств разделились на три основных группы валют:

- мировые резервные деньги (свободно конвертируемая валюта), в которой осуществляется подавляющий объем платежей по внешнеторговым операциям и обслуживанию внешнего долга;
- валюта с ограниченной конвертируемостью, например, по текущим внешнеэкономическим операциям в рамках многосторонних или двусторонних соглашений или региональных экономических объединений (зон свободной торговли, таможенных и платежных союзов, региональных финансовых центров и т. п.);
- валюта с внутренней конвертируемостью, т. е., собственно, и не валюта (и даже не деньги, если сравнивать их положение, распространение, масштаб функций, силу, в том числе экономическую и политическую, а также и психологическую (фетишизм), с образцами мировых резервных денег — не только государства, но и обычные граждане, как правило, предпочитают иметь сбережения в свободно конвертируемой валюте).

Третий момент. Характерная особенность, на которую не обратили должного внимания финансовые аналитики. Эмитентами, или выпускающими, мировых резервных денег, или свободно конвертируемой валюты (СКВ), выступают страны размещения глобальных финансовых центров. Эмитентами валют с ограниченной международной конвертируемостью выступают либо страны размещения региональных финансовых центров, либо страны, стоящие на пути создания подобных центров (яркий пример — страны БРИК: Бразилия, Россия, Индия, Китай). Эмитентами денег с только внутренней конвертируемостью — развивающиеся или же переходные страны. При этом страны базирования оффшорных центров, через которые проходит большая часть незарегистрированных транснациональных денежных потоков, чаще всего полностью отказываются от собственных денег, поскольку оффшорные центры осуществляют операции только в свободно конвертируемой иностранной валюте и объемы этих операций становятся наиболее важной статьей дохода этих стран.

Мировые резервные деньги занимают господствующее положение в системе, деньги с ограниченной внешней конвертируемостью — привилегированное, а неконвертируемые на мировых и региональных биржах и внебиржевых рынках деньги — подчиненное и ущемленное положение. Эмитенты мировых резервных денег и частично эмитенты региональных резервных денег, кроме традиционного дохода эмитентов в виде сеньоража (разницы между номиналом денег и фактической

стоимостью их выпуска, или эмиссии), облагают остальные страны валютным арбитражем (доходом от завышения обменного курса мировых резервных валют по отношению к остальным). Наиболее наглядно его размеры и развитие характеризует разница между значениями биржевых валютных курсов и курсов, рассчитанных по паритету покупательной способности (т. е. стоимостью сопоставимых групп товаров и услуг в долларах и иных валютах). Подобные расчеты до 2009 г. проводил Всемирный банк. Его данные приведены на рис. 1.

Из графика видно, что размер валютного арбитража достиг половины мирового ВВП. В итоге сложилась *своеобразная денежная метрополия, или имперский центр, и денежная периферия колониального типа*.

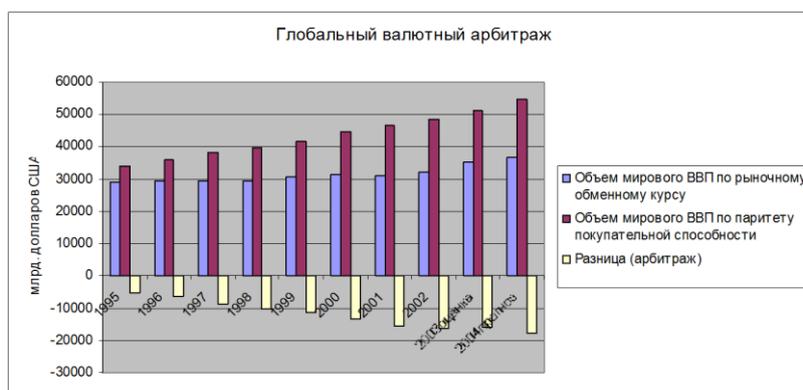

Рис. 1. Глобальный валютный арбитраж

В-третьих, национальные деньги стран — эмитентов ограниченно конвертируемых и неконвертируемых валют постепенно вытесняются *мировыми резервными валютами*. Это происходит по нескольким каналам.

Прежде всего, поборы и изъятия значительной части национального дохода стран — неэмитентов мировых валют, взимаемые при помощи сеньоража и валютного арбитража, приводят к перманентному ослаблению национальных валют этих стран.

Далее, девальвационное давление на эти страны — эмитенты национальных валют оказывается посредством методов управления мировым долгом, которые предполагают девальвацию национальных валют стран-должников «под флагом» создания условий для наращивания дешевого экспорта, а также ужесточение внутренней денежно-кредитной политики «под флагом» макроэкономической стабилизации

и, в частности, обуздания инфляции. Опасность последней постоянно исходит от постоянной девальвации.

В результате такой политики по сценарию и под наблюдением мировых кредиторов, включая глобальные финансовые центры и международные финансовые организации (МВФ, Всемирный банк и др.), мировые рейтинговые агентства, а также благодаря созданию мировой оффшорной сети, внутренние кредиты в национальных экономиках, кредиты в национальной валюте становятся более дорогими по сравнению с иностранными кредитами, кредитами в иностранной валюте. Национальные деньги повсеместно вытесняются иностранными (глобальными).

При этом роль региональных центров, которые являются эмитентами региональных валют, в том числе условных, таких как евродоллар или азиатский доллар, двойственна и нуждается в отдельном исследовании. С одной стороны, региональные центры являются проводниками политики глобальных центров, но с другой — в условиях глобальной финансовой олигополии — они являются, пожалуй, единственным способом организации достойного противодействия тоталитарной политике глобальных финансовых центров и, таким образом, единственно возможным способом сохранения национально-государственного суверенитета.

Иначе говоря, на наш взгляд, правомерно говорить как о появлении *новой категории — транснациональных (глобальных) денег*, так и о формировании системы транснациональных денег, которая сложилась и реализуется через систему мирового долга, через систему глобальных, региональных и оффшорных финансовых центров с внутренне присущей странам базирования глобальных и отчасти региональных финансовых центров денежной рентой в виде валютного арбитража, а также через ограничительную денежную и массивную девальвационную политику, навязываемую странами-кредиторами странам-должникам, в том числе через рекомендации международных финансовых организаций, котировки мировых рейтинговых агентств и т. п., через снятие барьеров для трансграничных перемещений капитала, присутствия иностранного капитала в лице ТНК и транснациональных финансовых корпораций (ТНФК) в банковской, страховой и инвестиционной деятельности⁴. Мировые (транснациональные) деньги становятся средством обслуживания не государственного уже долга, а мирового транснационального долга. В силу этой новой системной роли изменяется сама природа денег.

⁴ ТНФК типа HSBC, JP Morgan и т. п. компаниям, которые были на слуху, когда вспыхнул кризис 2008 г.

Парадокс, но роль собственно денег как резервных и кредитных даже в странах денежной метрополии и, таким образом, в транснациональной денежной системе в целом также ощутимо снижается. Доля денег в их традиционном понимании — как резервных и кредитных денег, эмитентами которых являются банки, в странах—эмитентах мировых валют составляет около 30—50% от общего объема денежных запасов (США — 27,8%, Япония — 52,7%, Германия — 51,5%) [1, 751, 421, 341].

Совокупные денежные запасы охватывают финансовые инструменты, эмитированные небанковскими финансовыми учреждениями, включая финансовые деривативы. Таким образом, значение резервных денег и кредитов в финансовой системе развитых стран и мировой финансовой системе упало. На первый план выдвигаются источники инвестиций, формируемые на рынке ценных бумаг, прежде всего в виде долговых обязательств небанковских финансовых учреждений, таких как акции, облигации, паи, а также производные финансовые инструменты, эмитируемые главным образом небанковскими финансовыми учреждениями (денежными, инвестиционными, страховыми и иными фондами).

Собственно деньги, выросшие из национально-государственных экономик, становятся архаичными, активно выводятся из системы и замещаются целым спектром новых, более доходных и более высокорисковых финансовых инструментов, производных от денег (деривативов⁵), таких как соглашения о купле-продаже денег по определенным ценам, о ценных бумагах под залог этих соглашений, о соглашениях по передаче прав по взиманию долгов и страхованию случаев невыполнения обязательств, непредвиденного изменения курсов валют или процентных ставок.

Таким образом, в структуру денежных обязательств вводится элемент игры, биржевой и внебиржевой, правила которой разрабатываются глобальными финансовыми центрами, но иногда весьма туманны и известны определенному узкому кругу игроков. Транснациональные денежные потоки, которые формально должны находиться под контролем центральных банков стран базирования глобальных или регио-

⁵ *Деривативы* — производные финансовые инструменты, механизм выпуска и обращения которых связан с куплей-продажей определенных финансовых или материальных активов. Цены на производные финансовые инструменты устанавливаются в зависимости от цен активов, которые положены в их основу и называются базовыми активами (ценные бумаги, процентные ставки, фондовые индексы, товарные ресурсы, драгоценные металлы, иностранная валюта и т. п.).

нальных финансовых центров или так называемых мегарегуляторов — органов объединенного надзора за денежными и финансовыми рынками — благодаря организованной системе финансовых центров, включая оффшорные (которые фактически выведены из юрисдикции органов надзора), остаются вне зоны досягаемости последних.

При этом делаются ставки и страхуются риски как органичный элемент игры и отчасти компенсатор ее разрушительных последствий, в результате чего происходит бурный и бесконтрольный рост финансовых активов на базе денег вследствие иррационального расширения спекулятивной, игровой и азартной составляющей. Появление и рост деривативов и деривативов от деривативов и даже деривативов от деривативов привели к гипертрофированному разрастанию мировой долговой системы при росте ее необеспеченности, спровоцировали дезорганизацию системы кредитов, ипотеки, инвестиций и колоссальный рост рисков на рынке ценных бумаг.

Серьезная опасность дезорганизации мировой финансовой системы исходит также и от распространения деривативов в оффшорах, т. е. в своеобразных придатках глобальных финансовых центров, которые недоступны органам финансового контроля, в результате чего деривативы становятся не только необеспеченными, но их система становится непрозрачной даже для самих ее участников.

Благодаря сохраняющимся остаткам приверженности к старым нормам и правилам банковского регулирования, банки становятся менее конкурентоспособными по отношению к небанковским финансовым институтам (денежным фондам, инвестиционным и страховым компаниям). Это побуждает их искать обходные пути, в том числе образовывать финансовые банковско-страховые, банковско-инвестиционные и иные финансовые группы и конгломераты. Несмотря на подготовку третьего Базельского соглашения, предписывающего, в частности, правила прозрачности и нормы безопасного и ликвидного функционирования для финансовых групп и конгломератов, они легко обходят их. В итоге возникла необходимость введения в систему не только пруденциального анализа, но и макроэкономического прогнозирования показателей леввереджа (безопасного соотношения заемных и собственных средств), которые отличны от требований Базельского соглашения. Они должны представлять собой более развернутый перечень показателей (выходящий за обязательный минимум критериев безопасности), но также и быть увязаны с соответствующими данностями международного развития, международных транзакций с тем, чтобы увязать аспект безопасности с аспектом поддержания конкурентоспособности, а также учитывать возможности системы хеджирования рисков. В частности, в июле 2010 г. Агентство по надзору за фи-

нансовыми рынками Швейцарии выступило с инициативой разработки Концепции левверджа [2].

В-четвертых, качественно новая ситуация в движении и эволюции мировых денег сложилась в конце 1970-х гг., когда США, будучи мировым денежным эмитентом по праву наиболее мощного из государств, не обремененных внутренним и внешним долгом, из мирового кредитора превратились в мирового должника. Иначе говоря, если до сих пор сальдо текущего платежного баланса и сальдо государственного бюджета были положительными, т. е. внешняя эмиссия долларов в экономическом и моральном смысле оправданной, то теперь США продолжали быть мировым эмитентом, имея все возрастающий внутренний и внешний долг, т. е. утратив экономическое и моральное право на эмиссию. Это усугубило неустойчивость глобальной финансовой системы, поскольку растущий внутренний и внешний долг, выражающийся в дефиците государственного бюджета и текущего счета платежного баланса, США пытаются погасить за счет печатания необеспеченных долларов.

Джорж Сорос, которого трудно заподозрить в несимпатиях к системе глобального финансизма, анализируя итоги первого глобального финансового кризиса 1987 г., писал: «Страна с большим бюджетным и с большим торговым дефицитом не может ожидать, что иностранцы смиряются со все возрастающим потоком ее валюты» [3, 408]. Сорос верно обратил внимание на истощение моральных и рациональных оснований для выполнения долларом функции мировых денег, однако не разглядел новой системной сущности денег и появления новой категории денег как уже не национальных, а мировых, транснациональных денег и недооценил их системообразующего значения. Наиболее верно будет говорить не об иностранцах, а о других взаимосвязанных участниках глобальной финансовой системы, точнее, об *управляемой транснациональной организации, глобальной денежной олигополии*, в которой США сохраняют господство. Речь идет не о долларе как одной из национальных денежных единиц, которая выполняет роль мировой денежной единицы, а о *транснациональной единице в форме доллара как символе и носителе глобальной финансовой власти*. Или об *условной единице*, которая подчинила себе доллар США и точно так же подчинила бы себе любую другую валюту, заставив ее выполнять имперские функции и взимать колониальную ренту с остального мира.

Сорос для стабилизации мировой денежной системы предлагал ввести хотя бы одну, равноценную доллару, мировую валюту, еще лучше две. В результате развития Евросоюза такая валюта появилась в лице евро, однако угроза стабильности так и не была устранена. Евросоюз развивается по тому же алгоритму, что и США. Он имеет расту-

ций дефицит госбюджета, дефицит текущего платежного баланса, отрицательное сальдо по международной инвестиционной позиции и рост доли деривативов в международной инвестиционной позиции.

В итоге развитые страны — эмитенты мировых резервных валют стали основными получателями прямых иностранных инвестиций и основными производителями финансовых инструментов, созданных на базе традиционных денег и работающих против традиционных денег. В частности, в США доля финансовых деривативов в международной инвестиционной позиции выросла с 10% в 2005 г. до почти 30% в 2008 г. [1, 752]. В Евросоюзе — с 1,8 до 4% [1, 315].

Таким образом, если подытожить, деньги претерпели *сущностные* изменения, направленные против их природы. Будучи однородными, однокачественными и сводимыми к золоту, деньги разделились на группы денег-валют, обладающих разной силой и властью в устройстве глобальной экономики. Будучи по природе своей всеобщим эквивалентом, они стали работать на неэквивалентный обмен и осуществлять явные и тайные, все более массивные, изъятия мировых доходов и богатства странами — эмитентами мировых валют, прежде всего США, из стран — неэмитентов мировых валют.

Все страны мира оказались втянутыми в систему мировой кредитной задолженности, которая породила сверхпропорциональный и все ускоряющийся рост производных финансовых инструментов на базе собственно денег, понимаемых как резервы и кредиты. В итоге доля собственно денег как резервов и кредитов стала сокращаться в мире в целом, но еще быстрее в странах — неэмитентах мировых резервных валют.

Деньги расстались с своим национально-государственным определением и бытием в качестве символа и носителя национально-государственного суверенитета. Деньги государств — эмитентов мировых резервных валют образовали глобальную денежную олигополию (метрополию) и стали транснациональными.

Глобальные, или транснациональные, деньги сводятся не к конкретным видам мировых резервных валют (доллару, евро, йене и т. п.), а к *некоей условной единице*, поскольку эмитируются уже не центральными банками государств, а глобальными финансовыми центрами и продвигаются через всемирную систему финансовых центров.

В структуре транснациональных денег все большее место занимает часть условных денег, включающая залоговое обеспечение, страхование рисков (кредитных, валютных, страновых и т. п., создаваемых крупными финансовыми спекуляциями). В системе транснациональных условных единиц доля и роль денег как резервных и кредитных

денег падают, зато растет роль производных от денег финансовых инструментов.

Транснациональные деньги обслуживают систему глобального долга, в которую втянуты все страны, но бремя долга падает на более слабые. Данной транснациональной условной единице внутренне присущи мировой сеньораж, мировой валютный арбитраж и мировая биржевая и институциональная рента, включая ренту своеобразного мирового денежного казино.

Изобретаются новые и теневые схемы изъятий, где глобальные центры получают еще ренту как авторы правил игры для системы в целом. Масштаб таких изъятий и их непредсказуемость и бесконтрольность для мирового сообщества ведут к кризисам и кризисной патологии финансовой системы. Банки как субъекты финансовых центров в результате применения новых финансовых инструментов и новых финансовых технологий и схем отказываются от резервных требований, соответствующих стандартным правилам банковской безопасности и минимизируют их до небезопасного, кризисогенного уровня. Это дало основание для серьезного обсуждения проблемы «глобальной теневой банковской системы»⁶.

Симптоматично появление такого финансового инструмента, как свопы кредитных дефолтов. Уже название говорит за себя и дает основание думать⁷, что глобальные финансовые кризисы становятся естественным и необходимым продуктом во многом абсурдной жизнедеятельности глобальной финансовой олигополии. Она породила громадный паразитический нарост над денежной системой — той, которая могла бы обеспечить здоровое функционирование, и которая превращается в остатки здоровой системы, изъедаемые наростом.

В итоге транснациональные деньги стали *всеобщим неэквивалентом*. В них растет доля *квази-денег*, мнимых денег, которые являются выражением искусственно создаваемого транснационального долга, непредсказуемого, подверженного колебаниям, игрового.

Кульминационными пунктами этих деструктивных процессов стали два последних глобальных финансовых кризиса. Транснациональным деньгам внутренне присуща роль всеобщего неэквивалента. Этот новый дух новых денег, на наш взгляд, хорошо характеризует образ «шагреновой кожи» финансовой экономики — со всем трагическим

⁶ Об этом говорят публикации Банка международных расчетов и МВФ (см., напр.: [4]).

⁷ «Есть опасения, что инвесторы, продающие своповые кредитно-дефолтные контракты, могут обанкротиться, вызвав тем самым обширный финансовый кризис» (см.: [5, 12]).

смыслом, который Бальзак вложил в этот образ как символ мощи владельца, которая истощается с каждым исполненным его желанием. Каждое исполненное желание глобальной империи денег подрывает ее мощь.

Кризисогенность становится внутренним свойством транснациональных денег.

Таким образом, глобальная финансовая система объявила войну не только своим наиболее слабым периферическим звеньям, но и собственным устоям. Деньги стали работать против денег. А система стала работать против системы. Назревает момент истины глобальной финансовой системы. Она вступает в эпоху Апокалипсиса⁸.

Литература

1. International Financial Statistics. Yearbook, 2010.
2. FINMA-Diskussionspapier «Anpassung der Eigenmittelanforderungen unter Säule 2 und Einführung einer Leverage Ratio» // http://www.swissbanking.org/en/20100722-3020-vertellungnahme_saeule2_leverage_ratio_versiondef-mst.pdf 11.01.2011.
3. Сорос Дж. Алхимия финансов. М., 1996.
4. Shadow Banking: Scoping the Issues // BIS Papers. 2011. April.
5. <http://www.research.by/pdf/pp2011r03.pdf>.
6. Осипов Ю.М. Деньги // Экономическая теория в XXI веке — 6 (13): Деньги / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М., 2007.

К.В. МОЛЧАНОВ

О понятии экономического строя

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые положения диалектического определения категории «экономический строй». Новое определение позволяет расширить представления и возможности экономической науки.

Ключевые слова: экономическая наука, диалектическое определение, общественная формация, экономический строй.

Abstract. The article discusses some positions of the dialectical definition of the category «economic system». New definition allows extending the representations and possibilities of the economic science.

⁸ Подробнее см.: [6, 7—15].

Keywords: economic science, dialectical definition, social structure, economic system.

В современной политической экономии установлено, что исследования по темам экономического развития и социального проектирования требуют более глубокого изучения не только современных реалий, но и теоретических положений, в том числе категориальных оснований экономической науки (см.: [1]). Это привело к необходимости возвращения к осмыслению экономических категорий. В процессе анализа, проведенного нами в предыдущей статье [2], была акцентирована известная, весьма существенная проблема, которая заключается в том, что ряд экономических категорий по-разному понимается многими специалистами. Это не позволяет эффективно и целевым образом использовать многие из категорий в экономических исследованиях. Также было установлено, что на основе диалектического подхода к *экономическому* категорию «экономика», как, впрочем, и многие другие категории, можно определить достаточно полно в их системе. В ней каждое определение неизбежно будет формироваться не само по себе, а системно, на основе комплексных представлений, и одни понятия будут корректироваться другими. Это важное положение, примененное к экономическим категориям, не ново: в частности, еще И. Кант обосновал необходимость и свой принцип *выстраивания* категориального аппарата для философии. Но проведение и иных исследований, в том числе в экономической науке и в области социального проектирования, не может обойтись без установления точного значения категорий и их системного отношения друг с другом. При этом многие предметные категории даже более неоднозначны, чем философские, в силу многих конкретных и даже психологических аспектов, а подчас и идеологических. Поэтому обычно упоминаемая *системность* при исследовании тех или иных вопросов должна не декларироваться, а реализовываться, в том числе и в категориальном аппарате. И, добавим, формирование категорий в системе позволит не только давать их более полные и точные определения, но и выявлять предметные расхождения и ошибки.

Изучение категориальных оснований современной экономической науки должно происходить не только благодаря определению новых категорий, но и за счет переосмысления и развития известных категорий, в первую очередь, в связи с новыми горизонтами познания и современными предметными содержаниями. При этом исследования категориальных оснований являются не только сугубо методологическими, но и, как показывает практика, предметными, т. е. они вызваны потребностью исследования социально-экономических и иных насущ-

ных вопросов. Однако именно в процессе предметных исследований выясняются обстоятельства связности категорий и их смысловой зависимости друг от друга, что и составляет объективную посылку исследования их системности.

Полученные в предыдущей статье общие представления о начале диалектического *доопределения* категории «экономика» должны быть увязаны в системе современных экономических понятий, в которой значимое место занимает категория «экономический строй». Более того, эта категория становится центральной для современных исследований как в связи с новыми развитиями теоретизаций в области социального проектирования, так и по причине осознания ее особой роли в системе экономических категорий, вопросу чего также посвящена настоящая статья.

Категория «экономический строй», на первый взгляд, интуитивно и по существу всем понятна, вплоть до такой очевидной ясности, что она... так и не была глубоко и всесторонне проработана, что, впрочем, объяснимо в силу, например, превалирования в свое время такого понятия, как «общественно-экономическая формация», грандиозность которого привела даже к тому, что забыли, что у самого К. Маркса было определено всего лишь... *три* общественные формации. В историческом материализме появились новые определения, что в значительной мере догматизировало марксизм, превратило его в СССР в неповоротливую несуразную декларацию возможности исследования экономики и общества. (Обозначение этого критического тезиса весьма существенно для акцентирования внимания на важности правильного понимания категорий — и не только в смысле их взаимного влияния друг на друга, но и по причине их системного влияния на проводимые исследования и даже на судьбу обозначаемой ими теории или учения.)

Одно из первых использований термина, а быть может, и самое первое, было в работе известного дореволюционного историка и социолога М.М. Ковалевского «Экономический строй России». Но в этой работе экономический строй понимался, скорее, как экономическая ситуация, которая рассматривалась под разными углами зрения. Затем этот термин вообще был подзабыт: в СССР использовался термин «общественный строй», который несколько тавтологично понимался как исторически сложившаяся *система общественных отношений* между людьми, но объяснялся, в основном, так: общественный строй выражается в характере производственных отношений и обусловленных ими формах государственного и политического устройства общества, в системе правовых и иных отношений. Иначе говоря,

подразумевалась практически Марксова общественная формация, понятие которой затмило категорию «экономический строй».

Категория «экономический строй» никогда не была центральной, и даже сколь-нибудь значимой, не только для экономической теории, но и для политической экономии (и, быть может, именно поэтому было утеряно различие Марксова понятия общественной формации, и оно было раздроблено в целях наглядного и упрощенного объяснения развития обществ, но потом не было воссоединено, что обусловило ее анализ в этой статье, который будет проведен ниже). Термин «экономический строй» редко, но использовали для выражения некоторого интуитивно понимаемого в конкретном смысле или контексте положения или даже оттенка смысла, касающегося разговора об экономике или взаимоотношениях ее субъектов.

А вот в современной России этот термин стали использовать достаточно часто. Однако он до сих пор не имеет однозначного понимания, причем не только в смысле концептуальных позиций, но и даже в смысле подходов к его определению, так как, по всей видимости, всегда принималась очевидность соответствующего понятия. В результате появилось множество его определений, страдающих, по меньшей мере, одним серьезным недостатком — субъективностью, порожденной, прежде всего, бессистемностью отношения к этой категории. При этом в ходе анализа современной научной литературы обнаружились весьма интересные нюансы, отражающие некоторую противоречивость и даже конфликтность обсуждаемой категории, что в то же время позволило акцентировать внимание на ряде несоответствий и на этой основе получить новый (политэкономический) подход к пониманию категории «экономический строй».

В целом категорией «экономический строй» занимались или ее использовали многие известные ученые: например, В.Т. Розанов, И.А. Гобозов, А.Г. Войтов, Б.Н. Кузык, Ю.В. Яковец и В.И. Видяпин — исследования которых образовали интересную совокупность положений, пусть и противоречащих порой друг другу, но все же позволяющих при решении образующихся вопросов выявить ряд конкретных моментов, способствующих прояснению ситуации с обсуждаемой категорией. Не приводя сейчас досконального анализа работ указанных ученых (для специалистов они и так известны, а для непрофессионалов лучше предложить предметное обобщение), для решения поставленных в статье задач целесообразно обрисовать в целом ситуацию, складывающуюся вокруг понимания категории «экономический строй», ибо именно это дает возможность предложить новый (современный политэкономический) подход к ее пониманию.

В целом, как показывает анализ научной литературы, имеются два базовых подхода к пониманию категории «экономический строй». Первый соответствует Марксовым исследованиям, когда акцент делается на формационные и производительные особенности общественно-экономического развития. Второй соответствует исследованиям буржуазной экономической науки, в основном, исторической школы, когда упор делается на выявлении общих исторических и специфических национальных особенностей, присущих тем или иным экономикам. Некоторые исследователи даже сделали вывод о том, что эти два противоположных подхода могут не противопоставляться, а интегрироваться. Однако если говорить по существу, а не во внешних формах, то интеграция обоих подходов для определения категории «экономический строй», как и по другим вопросам, является бесперспективной, что, в общем-то, известно из трудов классиков марксизма-ленинизма и советских ученых, которые, похоже, попросту забыты современными исследователями или не вспоминаются ими по определенным причинам. В целом понятно, почему интеграция обоих подходов бесперспективна. Дело даже не столько в неоднократно указываемых классиками марксизма-ленинизма левых заблуждениях, сколько в том, что Марксов подход был основан на материалистическом понимании истории и производственных отношениях. Этот подход предполагал рассмотрение социально-экономического устройства с точки зрения общественных формаций, причем учитывал классовые аспекты. Поэтому определялся не экономический строй капитализма, а капиталистический строй целиком, как общественный строй, и при этом выделялись господство частной собственности и фактор эксплуатации, что органично подходило под целевые установки марксизма, например, такие, как: «...революционное движение находит себе как эмпирическую, так и теоретическую основу в движении частной собственности, в экономике» [3, т. 42, 117]. А буржуазная экономическая наука, прежде всего, историческая школа главными считала исторические и специфические национальные особенности развития производства в конкретных странах. Более того, на основе ее рассуждений обрисовывается обобщенное экономическое неконфликтное устройство страны, а не то конкретное системное, порой противоречивое, что требует социальных изменений. В итоге в ней исследования специфики национальных экономик приводятся к положениям стадий экономического развития стран, их товарно-денежных отношений и т. п.

Итак, на основе интеграции указанных подходов нельзя получить обстоятельных представлений об экономическом устройстве страны. Однако можно в большей или меньшей мере принимать ту или иную сторону и тогда давать те или иные предметные формулировки.

Например, как считают одни специалисты, экономический строй можно ассоциировать с системой экономических укладов в обществе, определяемых доминирующей формой собственности на средства производства. А можно экономический строй неконфликтно понимать и через уровни экономики как совокупность мегаэкономики (мировой экономики), макроэкономики и микроэкономики. В конечном счете, можно открыто утверждать и отсутствие примата производственных отношений как базиса общества и вводить обобщенное определение экономического строя как одной из составляющих генотипа цивилизации или развитой страны. И тогда речь пойдет уже не о конфликтных социальных аспектах экономики, а об уровнях и темпах развития экономики, о государственном и общественном регулировании, о рыночной экономике, о социогенетических закономерностях изменений и т. п., т. е. о понятиях, набор которых присущ буржуазной экономической науке и экономиксу.

Иными словами, экономический строй *легко*, но неоднозначно и противоречиво может определяться учеными в смысле как политэкономии, так и экономикса, как экономической науки, так и социальной философии.

Таким образом, по существу, нет не только однозначного понимания категории «экономический строй», но и подхода к его определению и научной системы, в которой его можно осуществить.

Однако категория «экономический строй», так и не определенная в современной экономической науке, имеет краеугольное значение для социального проектирования и для решения многих насущных, ставших уже очевидными задач социально-экономического развития, причем как мировой экономики, так и хозяйства России. В настоящей статье мы обоснуем это в ходе реконструкции политэкономического подхода к определению существа категории «экономический строй», но проводимого не как обычно — не определения ее как таковой, что всегда односторонне — а путем осмысления ее по Канту, т. е. в отношении к некоей другой категории. Для этого укажем, что в существующей эклектике понимания категории «экономический строй» обрисовывается один момент, который так или иначе присутствует во всех рассуждениях экономистов: для характеристики экономической ситуации, анализа ее развития или обособления тех или иных ее аспектов существенным параметром в той или иной мере являются неэкономические формы, в частности, экономико-правовые формы и их устойчивое и воспроизводимое сочетание. И даже если этот момент порой и не акцентируется, но все равно понятно, что другие положения так или иначе зависят от него или связаны с ним. И хотя в ряде случаев экономический строй рассматривается только как совокупность принципов и

правил, законодательно закрепленных, определяющих форму и содержание экономической деятельности, но все же он может и в этих случаях *хотя бы отчасти* рассматриваться как исторически возникшая, действующая в стране система упорядочивания деятельности субъектов экономики и реализации их отношений (но не их структура). Именно это положение открывает путь к пониманию экономического строя.

Для осмысления указанных обстоятельств следует вернуться к теоретическим построениям, элиминированным в современных экономических исследованиях.

Понятие «общественная формация» было впервые использовано К. Марксом в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»: «Но как только новая общественная формация сложилась, исчезли допотопные гиганты и с ними вся воскресшая из мертвых римская старина — все эти Бруты, Гракхи, Публиколы, трибуны, сенаторы и сам Цезарь» [3, т. 8, 120]⁹.

В Предисловии к труду «К критике политической экономии» эта новая общественная формация определяется конкретно, а именно как *экономическая общественная формация* [3, т. 13, 7].

Однако К. Маркс только разъяснил понятие общественной формации, но не дал точного ее определения¹⁰, что потом породило многие домыслы и искажения. Например, если К. Маркс идентифицировал лишь *три общественные формации* и прогрессивные эпохи одной из них (причем не указал, что он перечислил все из них), то в советской политической экономии была распространена информация о *пяти общественно-экономических формациях*, причем понимаемых ряде случаев каждая как общество, а не как специфическая Марксова политэкономическая категория.

⁹ Сам термин «формация» (от лат. *formatio* — образование, вид) был заимствован К. Марксом из геологии как обозначающий комплексы пород, характеризующиеся совместным образованием и нахождением в земной коре и *имеющие общие черты*, обусловленные, в первую очередь, сходством состава и процессов их образования (интересно, что в середине XX в. время образования пород было окончательно исключено из понятия геологической формации).

¹⁰ Возможно, потому, что на основе диалектического материализма нельзя для общественной формации дать ее собственные различия (речь тут не об определениях). Поэтому у Маркса общественные формации различены в порядке (следования), последовательны, что соответствует тому, что государства должны постоянно развиваться, а Гегелем было постулировано наличие и перемещение центра всемирно-исторического развития, так что некоторые страны вне него могут даже приходить в упадок.

То, что К. Маркс выделил только три общественные формации понятно из текста набросков его ответа на письмо В. Засулич. Общественные формации позиционируются им однозначно: «“земледельческая община” повсюду представляет собой *новейший тип* архаической общественной формации, и поэтому же в историческом движении Западной Европы, древней и современной, период земледельческой общины является переходным периодом от общей собственности к частной собственности, от первичной формации к формации вторичной» [3, т. 19, 404].

Таким образом, по Марксу, суть первичная, или архаическая, общественная формации и вторичная, или экономическая, общественная формация, которая завершается капитализмом. Поэтому, очевидно, коммунизм представляет собою последующую общественную формацию, которую некоторые советские исследователи определили как третичную, или коммунистическую (таких определений у самого К. Маркса нет).

Далее, существенным является следующее замечание К. Маркса, ускользнувшее от дотошных исследователей его наследия: «Историю разложения первобытных общин (было бы ошибочно ставить их всех на одну доску; подобно геологическим образованиям и в этих исторических образованиях есть ряд типов первичных, вторичных, третичных и т. д.) еще предстоит написать» [3, т. 19, 404]. Для нас сейчас важно не столько разложение первобытных общин, сколько указание Маркса на то, что «в этих исторических образованиях есть ряд типов первичных, вторичных, третичных и т. д.», т. е. то, что даже простые первобытные общины подразделяется на типы, тем более сама архаическая общественная формация и, следовательно, остальные. А в Предисловии к труду «К критике политической экономии» указывается на деление вторичной общественной формации: «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации» [3, т. 13, 7]. Да и третичная общественная формация, как следует из работ классиков марксизма-ленинизма, включает ряд периодов, пусть и по-разному определяемых в разное время.

Иными словами, понятно, что, по Марксу, суть три общественные формации, каждая из которых подразделяется на несколько типов или эпох¹¹.

¹¹ Понятия «тип общественной формации» и «эпоха общественной формации» в общем случае различны и имеют разные определения, но для настоящей

А то, что в советской политической экономии говорилось не о трех общественных формациях, а о пяти общественно-экономических формациях связано с использованием В.И. Лениным термина «общественно-экономическая формация», возможно, под влиянием идей В.Г. Плеханова¹². «Как Дарвин положил конец воззрению на виды животных и растений, как на ничем не связанные, случайные, “богом созданные”» и неизменяемые, и впервые поставил биологию на вполне научную почву, установив изменимость видов и преемственность между ними, — так и Маркс положил конец воззрению на общество, как на механический агрегат индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства (или, все равно, по воле общества и правительства), возникающий и изменяющийся случайно, и впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений¹³, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс» [4, т. 1, 139]. И хотя В.И. Ленин много раз отмечал, что основное понятие — это «общественная формация» (см., напр.: [4, т. 1, 137]), и что доминирующим является экономическое основание (см., напр.: [4, т. 1, 135]), однако потом, в советской политической экономии, все свелось к бездумному повторению обозначенному им термину «общественно-экономическая формация».

(И при этом незаметно возвратились раскритикованные В.И. Лениным воззрения на общество и правила, допускающее всякие изменения по воле начальства и т. п., после чего понимание экономики и общества оказалось сведенным только к внешним формам, а их развитие — к директивам, т. е. экономическое основание уступило место идеологическим лозунгам и мнениям чиновников, что привело к искажению марксизма и, быть может, стало одной из главных причин распада СССР. Иными словами, произошло одно из того, чего боялись классики марксизма-ленинизма: «...Материалистический метод превращается в свою противоположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как готовым шаблоном, по которому кроют и перекраивают исторические факты [3, т. 37, 351]. А потом некоторые прежние политэкономы и проповедни-

статьи, в первом приближении, они могут пониматься как практически идентичные.

¹² Термин «общественно-экономическая формация» Плеханов применил раньше Ленина.

¹³ Производственные отношения — определенные, необходимые, не зависящие от воли людей отношения, в которые люди в общественном производстве своей жизни, и которые соответствуют определенной ступени развития материальных производительных сил [3, т. 13, 6].

ки марксизма вообще стали преподавать буржуазную экономическую науку и экономикс...)

А вот если принять то, что ленинский термин «общественно-экономическая формация» относится ко вторичной общественной формации, которая экономическая общественная формация, т. е. соответствует эпохе, образованной азиатским, античным, феодальным или буржуазным способом производства, то тогда становится очевидным, что именно эти составляющие характеризуются каждая соответствующей *экономической структурой общества*: как указал сам К. Маркс в Предисловии к труду «К критике политической экономии», совокупность производственных отношений «составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания» [3, т. 13, 6—7].

Таким образом, определяются, по меньшей мере, следующие положения (важные и для настоящего изложения, и для экономической теории, и для социального проектирования).

Во-первых, К. Маркс не дал определения общественной формации и тем историческим состояниям общества, которые им идентифицировались, что привело к искажениям теоретических положений его учения, относящихся к развитию общества.

Он только дал понять, что общественная формация — это нечто общее для обществ, или общее исторически обусловленное общественное состояние. Экономические эпохи характеризуются, в первую очередь, в смысле Предисловия к труду «К критике политической экономии» конкретными способами производства (а «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» [3, т. 13, 6—7]). Эпох экономической общественной формации столько, сколько основных экономических способов производства.

При этом надо еще раз отдельно отметить, что общественная формация — это не общество, как это часто указывалось в советской научной литературе, а то общее, что характерно ряду обществ, или как теперь говорят в современной социологии — всем социально-историческим организмам, обладающим конкретной социально-экономической структурой (правда, сама которая, если следовать Марксову определению, приведенному выше, идентифицируется, в конечном счете, производственными отношениями, т. е. составляющей способа производства, что показывает узость и несовершенство современного социологического подхода к обсуждаемой политэкономической категории, или это говорит о том, что социология имеет особый взгляд на общественную формацию, не соответствующий Марксовым

представлениям, т. е. взгляд, являющийся по существу своему буржуазным¹⁴).

Во-вторых, К. Маркс обозначил азиатский, античный, феодальный и буржуазный способы производства. И вопрос не в том, что в политической экономии не встречается соответствующая «азиатская общественная формация», а в том, что принципиально важный вопрос, обозначаемый этим Марксовым тезисом, вообще не был рассмотрен. Все закончилось на том, что В.Г. Плеханов в своей работе «Основные вопросы марксизма» решил парадокс расположения, или следования, азиатского, античного, феодального и буржуазного способов производства так, что объявил общества, соответствующие первым двум из них не последовательными, а параллельными, выросшими из первобытного общества, но развивавшихся в разных климатических условиях. Он основывал свои рассуждения на том, что свойства географической среды обуславливают развитие производительных сил, которые, в свою очередь, обуславливают развитие экономических отношений и, вслед за ними, всех остальных общественных отношений.

В-третьих, К. Маркс указал, что совокупность производственных отношений составляет экономическую структуру общества, различную, но не изолированную от надстройки, от юридических и политических процессов в обществе, т. е. правовые формы как составляющая надстройки общества не должны вообще исключаться¹⁵. Иными словами, при понимании экономической структуры общества не исключается, говоря словами В.И. Ленина, *политическая и идейная формы*, в том числе правовая форма, и это положение важно для предмета исследований настоящей статьи.

Тогда можно сделать вывод о том, что правовая регламентация объективно дополняет экономическую структуру общества в нечто *другом*, более общем. В то же время в обществе, тем более правовом,

¹⁴ Таким образом, привязка общественной формации в социологии к более общему на ее взгляд социально-историческому организму осуществляется не предметно, а формально, что отчасти обусловлено тем, что классики дали поводы для этого, употребляя соответствующие термины, хотя и проводили конкретный политэкономический анализ, который обычно не упоминается социологами. Например, В.И. Ленин писал: «Каждая такая система производственных отношений является, по теории Маркса, особым социальным организмом, имеющим особые законы своего зарождения, функционирования и перехода в высшую форму, превращения в другой социальный организм» [4, т. 1, 429], т. е. ясно, что категория «общественная формация» шире категории «социальный организм».

¹⁵ В.И. Ленин подчеркивал различие *экономической структуры как содержащая и политической и идейной формы* [4, т. 1, 429].

его экономическая структура просто не представляется без правовой регламентации, и первая в сочетании со второй уже представляет собою именно нечто *другое*, отличное от экономической структуры общества. При этом одним из главных моментов тут является то, что основы и существование такого сочетания определяются гарантированием форм и отношений собственности, являющихся, как известно, определяющими для производственных отношений, которые, обратно, определяют, по Марксу, экономическую структуру общества.

Или можно сказать, что экономическая структура общества характеризуется формой собственности и соответственно ее *оформлением*, правом. И это нельзя сбрасывать со счетов, даже отдавая приоритет производственным отношениям, ибо это не только не противоречит марксизму, но и определяется им и его методологией: «...согласно материалистическому пониманию истории, в историческом процессе определяющим моментом, в конечном счете, является производство и воспроизводство действительной жизни... Если же кто-нибудь искажает положение в том смысле, что экономический момент является будто бы *единственно* определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу» [3, т. 37, 394].

Итак, появляется основание для различения экономического строя через экономико-правовые формы как *другого* по отношению к экономической структуре общества.

Понимание экономического строя через экономико-правовые формы можно получить в контексте конкретной правовой системы осуществления экономической деятельности.

При проведении анализа можно базироваться на осуществленных, особенно в последнее время, исследованиях правовых оснований и принципов экономической деятельности (Г.А. Гаджиев, Ю.А. Тихомиров, Е.П. Губин и др.).

Для изучения соответствующих вопросов в целом следует обратиться к анализу основополагающих правовых положений — конституционных основ экономической деятельности. Именно при анализе конституционных положений как наиболее общих и фундаментальных положений можно получить представления об экономико-правовых формах, причем экономическую деятельность осмыслить не вообще, а конкретно, в русле актуальной реализации.

Экономические права и свободы и сама экономическая деятельность регламентируются в основном законе России — в Конституции Российской Федерации — рядом статей, в первую очередь, следующими: статья 8 — гарантирование единого экономического пространства, свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств,

поддержки конкуренции и свободы экономической деятельности; статья 34 — запрет экономической деятельности, направленной на монополизацию и недобросовестную конкуренцию; статья 35 — охрана законом частной собственности; статья 37 — свобода труда; статья 71 — вопросы государственного регулирования экономики; статья 74 — запрет на какие-либо препятствия для свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств.

Основами (вернее — одними из основ) организации экономической деятельности в России являются конкретные правовые положения: совокупность конституционных положений, закрепляющих государственное регулирование экономики, экономические права и свободы граждан, экономические нормы хозяйствования, формы собственности и др., а также их гарантии и защиту.

Таким образом, конституционные принципы определяют фундаментальные условия осуществления экономической деятельности.

При этом, с одной стороны, обрисовываются не что иное, как основные элементы экономической структуры общества и аспекты хозяйственной деятельности, включающие такие положения, как формы собственности, перемещение товаров, услуг и финансовых средств, конкуренция и другие

С другой стороны, обозначаются экономические права, которые, и это следует отметить отдельно, не только составляют особую отдельную группу прав, равноценную по своему содержанию политическим и гражданским правам, но и обособляют экономический предмет юридически. Это важно в том смысле, что, во-первых, подчеркивается обособление производственных отношений, выделенных отдельным образом К. Марксом.

Во-вторых, можно сделать вывод о том, что Конституцией Российской Федерации определены и защищены права граждан на собственность и отношения собственности, именно которые в смысле марксизма определяют производственные отношения и соответственно экономическую структуру общества, или конституционно закрепленные отношения собственности определенным правовым образом характеризуют производственные отношения. Иными словами, собственность и отношения собственности через правовые отношения сочетаются с правами на экономическую деятельность, характеризуют в обществе систему ее организации и осуществления и гарантируют любому гражданину свободное ее ведение и его отношения с другими (юридическими и физическими) лицами, т. е. некоторым образом определяются отношения людей по производству, или производственные отношения, которые, как было указано выше, по Марксу, составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором, об-

ратно, возвышается юридическая надстройка (и которому соответствуют определенные формы общественного сознания).

В-третьих, экономическая деятельность даже отдельного предпринимателя рассматривается как условие развития всего общества, как средство преобразования частной заинтересованности в возможности решения социальных задач, т. е. конституционное закрепление экономической деятельности выходит за рамки гарантирования только интересов личности, и оно имеет широкое социальное значение: можно говорить о более общих положениях, в том числе о формах государственного и политического устройства общества.

В таком случае не только подтверждается различие экономического строя именно как *другого* по отношению к экономической структуре общества, отличающегося правовыми формами, но и обозначаются его характерные черты, главное, относящиеся его к общественному устройству и при этом выводящие полученные определения, да и само сущее категории «экономический строй» из теоретической плоскости в сферу практическую, жизненную, связанную с нормативными порядками общества и с конкретикой его хозяйствования. Однако при этом в категорию «экономический строй» не включаются многие государственные, социальные и духовные аспекты, т. е. она отличается от категорий «общественный строй» и «общественная формация». Иными словами, в понимание экономического строя включаются производственные отношения и правовые формы, но не *политическая и идейная формы*.

Проведенные рассуждения позволяют сделать вывод о том, что экономический строй действительно отличается от экономической структуры общества сочетанием с правовыми нормами, включением их в его бытие. Если использовать сравнения В.И. Ленина, который писал о том, что Маркс при объяснении «строения и развития данной общественной формации исключительно производственными отношениями — он, тем не менее, везде и постоянно прослеживал соответствующие этим производственным отношениям надстройки, облакал скелет плотью и кровью» [4, т. 1, 138—139], то экономическая структура общества есть скелет, экономический строй — это скелет и плоть, а общественная формация — это скелет, плоть и кровь, или целостный, но обезличенный организм, организм вообще, нечто физиологическое общее для всех людей (а вот социальный организм, или социоисторический организм, раз уж вспоминали про социологию, — это конкретное общество, которое представляет собою единицу исторического развития, и понимается в приведенном сравнении как конкретный человек — мужчина или женщина — со своими особенностями, мыслями, болезнями и т. д.).

Итак, экономический строй — это не базис (общества), не экономическая структура общества, но и не общественная формация, а регулируемое правовое воплощение экономического устройства общества, которое невозможно без учета и регламентирования конкретного социального устройства, в первую очередь, форм собственности и правовых норм. Это положение важно, так как именно оно определяет, во-первых, большую общность понятия «общественная формация» по сравнению с категориями «экономический строй» и «экономическая структура общества», во-вторых, насущность экономического строя, в-третьих, то, что в отличие от общественной формации и социального организма ему не присущи идеальные отвлечения (например, социальные идеалы), и, в-четвертых, то, что правовые отношения в обществе характеризуют экономический строй (а это соответствует в целом тому, что представления о социально-экономическом устройстве общества всегда носили нормативный характер).

Таким образом, экономический строй по своему существу есть устойчивое и воспроизводимое сочетание экономического содержания (по Ленину — *экономической структуры*) и соответствующих ему правовых форм (но не *политической и идейной формы*), т. е. регулируемое экономическое содержание общества, его упорядоченное экономическое существование, упорядочиваемая экономическая деятельность его хозяйственных субъектов и т. п.

В заключение следует отметить, что при рассуждениях об экономическом строе обозначился ряд существенных положений, касающихся не только методологии экономической науки, проведения исследований в ней и других обозначенных выше ее предметных тем, но и осмысления социально-экономического развития, в том числе социального проектирования.

В частности, рассмотренный политэкономический подход к пониманию экономического строя и обозначенные положения позволяют сделать следующие выводы.

Во-первых, исходя из указанного понятия экономического строя, можно попытаться дать функциональное определение экономики, что значительно расширит представление о ней.

Во-вторых, становится очевидной роль способа производства не только самого по себе в жизни общества, но и в качестве основания понятия, позволяющего осмыслить существо и развитие общества, что важно для проектирования социального развития.

В-третьих, можно сделать утверждение о том, что экономический строй связан с представлениями о нормативном порядке устройства общества. При этом как форма должного в экономической деятельности и, одновременно, как сфера реализации требований текущей соци-

ально-политической организации экономический строй может быть одним из практических оснований социального проектирования, причем может выступать непосредственно или в оппозиции к полагаемому в проекте идеалу социально-политического устройства. Это утверждение раскрывается в том, что экономический строй является некой формой как случившегося в экономической деятельности, так и должного в ней, и при этом он подчинен требованиям социально-политической организации общества, а его аспекты связаны с укорененностью ряда экономических и правовых положений в общественных процессах.

Таким образом, можно сказать и так: экономический строй — *данность*, которую в проективном смысле требуется преодолевать, развивать и заменять на более совершенную хозяйственную реальность, что можно осуществлять различными социально-политическими мерами, в частности, такими как либерализация, стабилизация и т. д., что в данном случае не противоречит различию их социальных идеалов в смысле реализации именно нормативного экономического строя.

В-четвертых, обозначенные положения, в свою очередь, позволяют не только осуществлять общетеоретические экономико-философские исследования по вопросам конструирования экономических и других моментов новой общественной реальности, но и обратиться теоретические положения к существующей реальности и через формы должного более эффективно управлять экономической деятельностью в конкретной стране. Именно поэтому понятие экономического строя является важным как для выработки теоретических оснований для перспективных общественных решений, так и для реализации конкретной текущей хозяйственной деятельности и управления ею.

В-пятых, необходимо формирование новой актуальной науки (и это уже производится в современной политической экономии), исследующей условия и возможности развития общества в современных условиях на новой теоретической базе, в том числе включающей систему политэкономических категорий (в первую очередь, диалектически осмысливаемые категории «экономический строй», «способ производства» и «экономика»). Обособление такой науки вызвано тем, что необходимо создавать принципиально новые теоретические инструменты, направления познания и знания, предназначенные для решения именно конкретных современных задач, критичность которых всем понятна.

Литература

1. *Молчанов К.В.* Выявление современных парадигмально-гносеологических основ политической экономии. Дис. канд. экон. наук. М., 2003.
2. *Молчанов К.В.* К вопросу о социальном проектировании: диалектический аспект понятия «экономика» // *Философия хозяйства*. 2010. № 6.
3. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.
4. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч.

С.Ю. СИНЕЛЬНИКОВ

Общие вопросы мобилизационного потенциала национальных экономических систем

Аннотация. В статье рассмотрены отечественные теоретические взгляды на мобилизационный потенциал, мобилизационный тип развития общества.

Ключевые слова: мобилизационный тип развития, экономическая теория, Россия, военное хозяйство.

Abstract. The article deals with Russian theoretical views on the mobilization capacity, mobilization type of society development.

Keywords: mobilization type of development, economic theory, Russia, military economy.

Реальное состояние мобилизационного потенциала в виде государственного и мобилизационного резервов российской экономики может являться предметом открытого и широкого исследования и обсуждения с существенными оговорками. Это — объект повседневной заботы и анализа специальных органов и структур, иными словами, их содержание составляет государственную тайну, и любые конкретные материалы проходят под грифом «секретно» либо «для служебного пользования».

Мобилизационный потенциал национальной экономики в широком смысле этого слова в открытых и публичных исследованиях и обсуждениях может быть рассмотрен, вероятно, с точки зрения содержательного *определения* этих понятий, а также (с учетом конкретной общественно-экономической ситуации в отдельной стране, регионе и мире) — *выбора* конкретных сфер, отраслей и видов производств, спо-

собных оказать решающее, стимулирующее воздействие на развитие всей национальной экономики, всего национального хозяйства.

Тематика, касающаяся мобилизационного потенциала национальной экономики, мобилизационного типа общественного развития, в современной экономической литературе представлена весьма скупо и фрагментарно. Следует отметить немногочисленные публикации постановочного плана, в которых рассматривались проблемы соотношения мобилизационного и инновационного типов развития хозяйственных систем. Большая часть публикаций посвящена проблемам современной индустрии, состоянию оборонно-промышленного комплекса (ОПК), т. е. так или иначе освещает вопросы военной компоненты, входящей и входившей в национальную экономику.

Условно можно выделить два основных направления, наметившихся в общественно-экономической и экономической мысли.

Представители *первого направления* концентрируют свои усилия на построении оригинальных теоретических моделей российского государственного устройства, привлекая и группируя исторический материал в соответствии со своими логическими установками и построениями.

В рамках *второго направления* на основе анализа конкретных исторических этапов развития нашего государства, этапов, связанных с ведением войн и военных действий, выделяются закономерности военной экономики и военного хозяйства (к примеру, СССР во время Великой Отечественной войны). Правда, следует отметить чрезмерную идеологизацию работ, посвященных изложению опыта военной экономики СССР в период Великой Отечественной войны, политизацию, внесшую серьезные коррективы в объективное выяснение реального вклада мобилизационного режима в развитие военного хозяйства страны. Но в то же время подобный анализ представляет собой исследование реального исторического этапа в развитии России, этапа, завершившегося победой нового общественного строя в противостоянии с системой капиталистической, превращавшейся в то время в систему мирового господства империалистических государств.

Так или иначе мобилизационный потенциал национальной экономики, или мобилизационный тип общественного развития, представляется как некий идеальный образ реального явления, формируемый исследованиями достаточно произвольно, в соответствии со своим видением и логической системой изложения.

Глубинным методологическим водоразделом в этих исследованиях, в конечном счете, служит отношение к реальному историческому развитию страны, государства, иными словами, соотношение логического и исторического в подходе к выяснению существа мобилизационной

составляющей в общественном развитии вообще и нашей страны в частности.

1. Мобилизационный тип общественного развития (современная теория и моделирование)

Мобилизационный тип общественного развития рассматривается как развитие, сориентированное на достижение чрезвычайных целей с использованием чрезвычайных организационных форм, отличительной чертой которого является тот факт, что оно происходит под влиянием *внешних, экстремальных факторов*, угрожающих целостности и жизнеспособности системы. В этом случае резкое изменение состояния среды приводит к нарушению равновесия, установившегося до этого между системой и средой.

Чем выше степень опасности, порождаемая внешними возмущениями, тем выше требования к способностям системы противостоять им. Изменение характера взаимосвязей системы происходит только при наличии значительных возмущений и крайней необходимости на них реагировать. В долгосрочном плане характер внутренних связей под влиянием внешних возмущений и нарушений должен многократно и существенно изменяться, чему противостоит и мешает жесткая структура системы. Сила воздействия внешних факторов должна быть настолько велика, чтобы в рамках системы возникла необходимость разрушить сложившуюся жесткую структуру и ради выживания сформировать новую. Поэтому потенциал изменений накапливается и реализуется не постепенно (малыми долями), а ступенчато, дискретно. В сложившихся жестких социально-экономических системах обновление может протекать достаточно болезненно, принимая форму социальных потрясений и революций [1, 89].

Таким образом, процесс общественного обновления, а также инновационные процессы в различных сферах общества (производстве, науке и образовании, социальном секторе и т. д.) в мобилизационной разновидности развития имеют ряд общих закономерностей.

Во-первых, импульс к обновлению, перестроению и совершенствованию появляется извне, в форме неотложной и экстренной необходимости, а не как прямой результат внутренних тенденций саморазвития.

Во-вторых, непосредственная и наиболее вероятная реакция на внешние импульсы к обновлению проявляются, прежде всего, в двойственных процессах приспособления новых тенденций к сложившейся системе (к себе) и взаимоприспособления и изменению самой структуры, сформировавшейся к этому моменту.

В-третьих, в последнем случае дело доходит, как правило, до форсированного и широкомасштабного перехода к новому режиму, а сам

процесс приобретает характер радикальных (кардинальных) реформ. Подобные глубокие реформы — неперенный атрибут мобилизационного типа развития, а резкие и глубокие изменения всех структур и институтов общества суть форма приспособления мобилизационной системы к реальностям изменяющегося мира.

В-четвертых, переход от одной жесткой структуры к другой — процесс болезненный и неопределенный. В процессе разрушения старых связей полностью дезорганизуется сама система в целом, что в реальной жизни и истории характерно для периодов революционной ломки и фундаментальных общественных изменений. Социально-экономические потрясения — это плата за прогресс в условиях мобилизационного типа развития.

В-пятых, внедрение нововведений, сформировавшихся во внешней по отношению к сложившейся системе среде, приводит к тому, что они долгое время остаются локализованными и органичными новой структуре. Это служит дополнительным источником трудностей и противоречий в процессе притирки нового и старого. Причем система продолжает стремиться к отторжению нововведений, представляющих для нее некое инородное тело. В противном случае, если подобное отторжение и не происходит, в любом случае кривые развития содержат своеобразную «мертвую петлю», так как насаждаемые прогрессивные формы деградируют до более примитивных, и этого уровня развитие начинается как бы вновь [1, 98—99]. Представители психолого-исторического направления обществоведческой мысли, касавшиеся мобилизационного потенциала национальной экономики и мобилизационного типа развития общества, пытались по-своему объяснить реальные исторические тенденции и закономерности.

Исходным принималось положение, что на протяжении нашей истории, истории России, воспроизводится один и тот же тип развития, который называется мобилизационным. В одни периоды он проступает более явно, в другие менее, но полностью не исчезает никогда. Крупные государственные инвестиции в сельское хозяйство, железные дороги, оборонную промышленность выполняли важнейшую динамизирующую роль в хозяйственной жизни страны.

Теоретическая модель государства, представляющего собой мобилизационный тип общественного развития, включает в себя два основных признака. Во-первых, стремление к постоянному расширению территории и, во-вторых, пульсирующий характер своего развития, т. е. государственная система периодически переживает периоды расширения, обусловленные их экономическим, социально-политическим и культурно-идеологическим подъемом, и «сжатия», возникающего в результате кризиса, представляющего собой следствие достижения

пределов нормального функционирования, обнаруживаемых эмпирически. Под пределами нормального функционирования подразумеваются такие параметры, выход за рамки которых означал бы социально-экономический регресс, деградацию и саморазрушение системы [2, 148].

Эффект «пульсации» иллюстрируется фактами отечественной истории, которая, в отличие от традиционной периодизации, разбивается на *три условных периода*, каждый из которых включает три стадии, называемые «стабилизация», «нормальное развитие» и «упадок». На этой основе делаются выводы о наличии своеобразной территориальной пульсации и ее циклическом характере. Продолжительность одного цикла составляет примерно 345 — 376 лет [2, 151—153].

Выделяются и основные закономерности в указанных циклах.

Так, 15 — 20 лет всех этапов стабилизации характеризуются появлением исторически значимого завоевателя или собирателя новых земель (Святослав Игоревич, Иван Калита, Петр I).

В рамках этапов стабилизации в каждом периоде встречаются крупные государственные деятели (Ярослав Мудрый, Владимир Мономах, Дмитрий Донской, Иван III (Великий), Екатерина II и Александр II).

На этапе упадка наблюдается, как правило, попытка кардинального изменения углубляющихся кризисных тенденций (Андрей Боголюбский, Всеволод Большое Гнездо, Иван IV и т. д.).

Таким образом, главный вывод заключается в том, что на протяжении отечественной и российской истории было реализовано три различных модели государственного устройства, три различных типа культуры, возникавших последовательно друг за другом. *Общее*, что объединяет все три модели, — это *мобилизационный тип* общественного развития. Именно с этим социально-экономическим генотипом связаны взлеты и падения нашего общества на протяжении его более чем тысячелетней истории. Категория эта настолько богата и плодотворна, что не только выстраивает в причинно-следственный ряд факты, казавшиеся ранее случайными, но и проливают новый свет на привычные события и явления [1, 153—156].

Наиболее общее объяснение отмеченной закономерности давалось *теорией социально-экономического генотипа (СЭГ)*, согласно которой основу принятия политических, социально-экономических решений (и особенно крупных) субъекта, представляющего государственные интересы, составляет информационный механизм, обеспечивающий воспроизведение структуры, принципов формирования, процессов обучения, отбора и запоминания положительного опыта в системе социально-экономического управления. Подобный механизм, названный соци-

ально-экономическим генотипом, и определяет жизнестойкость общественной системы, ее способность к эффективному функционированию, выживанию и самосохранению.

Функционирование СЭГ предполагает наличие двух взаимосвязанных элементов: жесткой регламентации поведения в рамках самой системы в целом в виде строго расписанного набора действий и реакций на определенные внешние воздействия и создания условий для самообучения и налаживания системы в процессе ее жизнедеятельности. Свое конкретное воплощение оба аспекта находили в процессе функционирования общественной (государственной) плановой *системы управления*. Причем, чем более развитой и зрелой была система, тем большее значение приобретало ее качество к самореагированию и изменению, которое, в конечном счете, позволяло нейтрализовать действие факторов неопределенности, проводить настройку различных общественных подсистем в направлении выбора оптимальных путей реализации поставленных целей в среде постоянно меняющихся условий жизнедеятельности. От того, как и какими средствами система управления применяла механизм самообучения, обеспечивала выбор наиболее эффективной линии поведения субъектов общественного производства, добивалась сближения их интересов с интересами всего общества, от всей совокупности изложенных факторов зависело состояние и развитие общества в целом.

В нашей стране (в период существования Союза ССР) социально-экономический генотип сформировался с акцентом в сторону жесткой административной и централизованной регламентации поведения всех подсистем и субъектов общества. Преимущественное распространение получили механизмы социально-экономической и политической организации, приведшие страну к превращению ее в некое подобие военизированного лагеря с централизованным управлением, жесткой иерархией и регламентацией поведения, усилением административного контроля и сопутствующей этому бюрократизацией. При этом сама «боевая готовность» выражается в том, что формируется институциональная структура, определяемая потребностями мобилизационного типа развития, и последний постоянно воспроизводится ею, даже если страна находится в обычных условиях и решаются сугубо мирные задачи.

Другой характерной чертой мобилизационного типа развития являются особенности ситуации, в которых он используется, т. е. ситуации, когда необходима быстрая и оперативная реакция на изменившиеся условия. На различных уровнях государственного управления существуют организации и структуры, обладающие характеристиками, схожими (и являющимися по сути) с мобилизационными. Это Министерство чрезвычайных ситуаций (МЧС) РФ, комиссии, временно со-

здаваемые для ликвидации последствий экологических, природных катастроф, стихийных бедствий, для реализации важнейших экономико-производственных или социальных программ и связанных с ними неожиданных и тяжелых потрясений, диспропорций и нарушений.

Во время войны, военных действий или операций целые государства, группы государств и регионы, как свидетельствует опыт последних мировых войн и военных конфликтов, демонстрировали и могут демонстрировать мобилизационный тип функционирования и развития.

Строгая определенность целей, высокая интенсивность ведения действий и жесткая, высокоцентрализованная система управления считаются важнейшими составляющими мобилизационного типа развития.

Строгая определенность и четкость целей — обязательный атрибут мобилизационного типа развития, поскольку без этого исчезает основной мотивирующий и цементирующий элемент, а сверхусилия, обеспечивающие быстрое и беспрекословное достижение чрезвычайных целей, становятся невозможными. Соответственно ликвидация разрывов и отставаний, устранение угроз, выход и вывод на заданные рубежи и достижение лидерства в какой-либо сфере, иными словами, содержательные характеристики чрезвычайных целей, становятся фактически недостижимыми [1, 102—103].

Высокая интенсивность усилий в условиях мобилизационного типа развития определяется природой чрезвычайных целей, а их приложение в строго определенные сроки становится решающим условием выживания всей системы. Усилия, необходимые для оперативного достижения подобных целей, не могли быть обеспечены, как правило, чисто экономическими рычагами. Причина этого кроется не в ограниченности, а в самой сути экономических инструментов, поскольку их вовлечение в хозяйственный оборот вызывает с определенного момента непропорциональный рост цены продукта. Это — естественная реакция экономической системы на экстремальные режимы функционирования, грозящие разрушением последней, она преодолевается либо временным отключением экономических механизмов и рычагов (введение карточной системы, временная отмена обращения денег, прямое распределение ресурсов, административный контроль за производителями), либо усилением эксплуатации трудовой силы. Огромное значение в этих случаях приобретала практика моральных стимулов и поощрений, когда атрибуты славы, почета и уважения (ордена, медали, почетные грамоты, награды и т. д.) служили компенсацией за трудовые и боевые подвиги, напряжение, огромный риск, расходование жизненных сил и здоровья.

Жесткое централизованное управление в чрезвычайных обстоятельствах мобилизационного типа развития необходимо и закономерно. Сама суть чрезвычайных обстоятельств заключается в том, что общественная система в целом и ее ориентирующие элементы не могут быстро отреагировать на быстроменяющуюся ситуацию, требующую быстрых и действенных ответных решений. Наступает период, когда в условиях отсутствия автоматизма реакции и самонастройки, система управления вынуждена оперативно и точно реагировать и перестраиваться, что предполагает жесткие задания и обязательное *подчинение* всех подсистем, задействованных в реализации поставленной цели. Единственно возможный путь — это четкое распределение конкретных заданий, жесткий контроль за их выполнением, его качеством и другими параметрами [2, 104—105].

Характерной чертой российской истории считается обращение к чрезвычайным, мобилизационным средствам для выживания и сохранения общества и государства. Постоянное повторение этого процесса послужило причиной возникновения и укоренения мобилизационного типа общественного развития в нашей стране.

Исследования характерных особенностей русской исторической жизни, посвященные выяснению условий, которые привели к образованию в России «военно-национального» государства, выявили ряд существенных факторов.

Во-первых, было достаточно глубоко и всесторонне доказано, что основную пружину военно-национального государства составляли *потребности самообороны*. Незаметно и неволью они порождали политику объединения и территориального расширения. Под влиянием того и другого Московское государство уже в конце XV в. становится настоящим военным станом, главным штабом армии, нацеливаясь на колонизацию южных и восточных земель.

В этом упорном процессе старые хозяйственные заботы «прародителей» московских государей скоро отходят на второй план перед новыми, более сложными: как достать денег и войско. С конца XV в. эти два вопроса надолго и всецело поглощают внимание центральной власти. Все другие существенные реформы, особенно реформы в государственном управлении, в конце концов, вызываются двумя главными нуждами.

Во-вторых, в основе пяти радикальных реформ организации государственного управления с конца XV в. вплоть до смерти Петра I лежала необходимость *финансового переустройства* страны, вызванного, в свою очередь, удорожанием военных расходов вследствие тех или иных необходимых улучшений в технике военного дела [3, 149—150].

В-третьих, войско и финансы всегда составляли предмет главного правительственного внимания, что и проявлялось в доле государственных *расходов*, составлявших во второй половине XVIII в. 45—50% расходной части государственной казны, в первой половине XIX в. — 42—43% и в 1909 г. — 32% [3, 155].

Изучение послеоктябрьской истории страны позволяет сделать однозначный вывод в пользу того факта, что политико-идеологические установки первых лет Советской власти (неизбежность мировой революции, столкновения и противоборства двух социальных систем, агрессивная природа мирового империализма и т. д.) создавали чрезвычайно благоприятную почву для прорастания мобилизационного типа развития общества и государства. Цели безопасности и обороноспособности страны зависели от потенциальной и реальной угрозы предполагаемых противников и их сателлитов. Атмосфера капиталистического окружения, нарастающей военной угрозы во многом определяла политический и идеологический климат эпохи. Вся стратегия преобразований получала разнообразную направленность в зависимости от того, как оценивалась военная опасность и чему отдавались приоритеты в обеспечении обороноспособности.

2. Военная экономика — проявление мобилизационного потенциала национальной экономики

Великая Отечественная война 1941—1945 гг. создала в СССР особый период в развитии социалистической экономики — период военного хозяйства, которое характеризовалось особыми экономическими закономерностями в области производства и распределения.

Экономической основой военного хозяйства СССР являлось господство общенародной собственности на средства производства, которое обеспечило сосредоточение всех материальных сил народного хозяйства страны. Перестройка народного хозяйства на рельсы военной экономики, перемещение производительных сил и восстановление их в восточных районах подготовили общий хозяйственный подъем страны.

В целях перестройки народного хозяйства были проведены *мобилизационные мероприятия* в ключевых сферах народнохозяйственного комплекса страны:

- мобилизация производственных мощностей промышленности, рабочих и инженерно-технических кадров на военные нужды;
- мобилизация материальных ресурсов сельского хозяйства и труда колхозного крестьянства на обеспечение потребностей армии и городов, снабжающих фронт военной техникой;
- мобилизация и военная перестройка транспорта;

- мобилизация строительных кадров и механизмов на строительство военных заводов и кооперированных с ними предприятий;
- мобилизация рабочей силы, переквалификация рабочих в промышленности и подготовка новых кадров взамен призванных в армию;
- мобилизация продовольственных резервов страны для бесперебойного снабжения городов, перестройка розничного товарооборота, нормированное снабжение населения продовольственными и промышленными товарами (карточная система), устойчивые сравнительно низкие государственные цены на предметы первой необходимости, особое снабжение рабочих и инженерно-технических кадров ведущих отраслей;
- мобилизация средств населения и ресурсов народного хозяйства на финансирование войны, в результате чего вырос удельный вес военных расходов в государственном бюджете, *эмиссия* как один из дополнительных источников финансирования военного хозяйства;
- перестройка государственного аппарата для обеспечения мобилизации всех сил на военные нужды (новые наркоматы (танковой промышленности и минометного вооружения) по военному производству, оперативный контроль со стороны Государственного комитета обороны (ГКО) за выполнением военных заказов, перестройка систем планирования и снабжения военного хозяйства) [4, 32—36].

Период военной экономики характеризовался быстрыми темпами расширенного воспроизводства в восточных районах страны. Оно нашло свое выражение в росте численности рабочих, увеличении объемов промышленного производства и новых капиталовложениях, обеспечивших развитие производительных сил Союза ССР.

Отличительными особенностями военной экономики стали планирование баланса всего народного хозяйства, плановое перераспределение общенародного дохода, общественного продукта, материальных фондов и рабочей силы на военные нужды. Независимость военной экономики страны была обеспечена в результате осуществления социалистической индустриализации.

Сельское хозяйство, несмотря на временное отторжение наиболее богатых в сельскохозяйственном отношении районов, обеспечило продовольствием армию и население страны в период военной экономики; его товарные ресурсы по сравнению с периодом Первой мировой войны значительно выросли [4, 98].

Законы плановой социалистической организации труда и заработной платы действовали и в период военной экономики (распределение по труду, в зависимости от его количества и качества, на государственных предприятиях и в колхозах; равная плата за равный труд;

различия в оплате труда на госпредприятиях и в колхозах, определяемое различием форм собственности; закон повышения реальной заработной платы на госпредприятиях и трудодня в колхозах; механизация и электрификация труда в производстве; социалистическое соревнование, поощряемое системой премирования за лучшие показатели выполнения и перевыполнения плановых заданий). Государство обеспечило высокопроизводительную организацию труда и рост заработной платы рабочих и служащих при сохранении наиболее высокого уровня заработной платы в тяжелой промышленности [4, 120].

Нормированная торговля продуктами питания и другими предметами первой необходимости обеспечила в период военной экономики относительно лучшие условия снабжения рабочих, служащих и интеллигенции ведущих отраслей военного хозяйства. Устойчивый уровень реальной заработной платы был обеспечен в годы войны политикой твердых цен на основные продукты питания и предметы ширпотреба, проводившейся правительством страны [4, 130].

Финансовая система в период военной экономики решала три основных задачи:

- перераспределения национального дохода для финансирования военных расходов посредством мобилизации средств населения, его текущих доходов и довоенных накоплений;
- перераспределения материальных запасов и резервов в пользу нужд тяжелой промышленности и, прежде всего, военного производства;
- осуществления денежного контроля за производством и распределением общественного продукта в соответствии с потребностями военного хозяйства.

Государственный бюджет и кредит в годы войны сыграли роль мощного рычага мобилизации средств населения и перераспределения материальных ресурсов на военные нужды. Несмотря на увеличение выпуска денег в обращение, превышавшее потребности товарооборота в период военной экономики, денежное хозяйство, опирающееся на твердые государственные цены, оставалось сравнительно устойчивым [4, 140].

Военная экономика СССР дала богатейший опыт планирования и организации производства на предприятиях. Следует отметить следующие особенности и характерные черты:

- перестройка планирования, обеспечивающая *оперативную проверку плана* и первоочередное удовлетворение нужд решающих отраслей военного производства и, прежде всего, тяжелой индустрии и транспорта;

- развитие *металлургической и кузнечно-прессовой базы*, которая обеспечивала быструю перестройку производства на предприятиях для выполнения заказов фронта;
- развитие инструментального и станочного хозяйства, организация мощных инструментальных цехов по производству станков на машиностроительных предприятиях;
- организация *бесперебойного материально-технического снабжения* предприятий, обеспечение их запасами сырья, металла, топлива и полуфабрикатов; планирование запуска в производство деталей и полуфабрикатов на всех стадиях технологического процесса, что обеспечивало *равномерный* по графику выпуск готовой продукции (широкое распространение в военный период получило *поточное производство*);
- опережающая и образцовая работа заготовительных цехов, которые на передовых предприятиях толкали вперед выпуск продукции, обеспечивая насыщение всех стадий производства заготовками, поковками и деталями;
- *соблюдение хозяйственного расчета*, ведение счета прибылей и убытков, уменьшение издержек, осуществляемое через систему премирования, личных стимулов в сочетании с общественными принципами и задачами.

Важнейшим признаком *зрелого* планирования и организации признавалось *создание резервов* в производстве и обращении, в мощностях и готовых товарах, в рабочей силе и машинах. Исключительное значение придавалось накоплению государственных резервов. Накануне войны была выработана и осуществлена программа накопления государственных и мобилизационных резервов, и особенно *нефтепродуктов, цветных металлов и продовольствия*. Опыт показал, что в современной войне выигрывает тот, кто обладает производственными, людскими, сырьевыми и другими материальными резервами [4, 152—154].

За полтора года до начала войны государственные материальные резервы выросли с 4 до 7,6 млрд р., т. е. почти вдвое. В начале войны было осуществлено перемещение этих материальных резервов (в том числе продовольствия и топлива) в восточные районы страны.

Наличие резервов обеспечивало устойчивый плановый характер всего народного хозяйства, государству — силу управлять законом стоимости, а отсутствие необходимых резервов (топлива, металла и сырья) приводило к сезонному снижению роста производства в зимние месяцы, когда и создавались транспортные затруднения в перевозках сырья и топлива. На снижении производства страна теряла огромные объемы продукции, которые составляли бóльшую стоимость, чем по-

тери от закладки топлива, металла и сырья в неприкосновенный запас. В 1943 г. для роста производства было потеряно полгода, и эти потери могли были быть предупреждены лишь посредством создания в промышленности и на транспорте серьезных резервов и запасов сырья, топлива и металла. Временное омертвление материальных фондов в запасах с избытком окупилось впоследствии повышением темпов производства во всех отраслях промышленности.

Таким образом, народнохозяйственное планирование производства предполагало знание экономических законов производства и распределения и умелое использование их в общественных интересах. Опыт планирования в СССР свидетельствовал в пользу необходимости создания нормальных материальных резервов и запасов как условия ликвидации сезонного сокращения роста производства и ускорения темпов расширенного воспроизводства [4, 156].

Четкое знание противника, его систем вооружений, их качества, состава и количества, позволило глубоко и всесторонне проработать мобилизационную стратегию подъема отечественного производства и определить ее главного и решающего субъекта — социалистическое государство. Государство в качестве властного субъекта является исходным и решающим звеном, распространяющим и реализующим все инновационные процессы. Противовесом действиям государственных структур могли бы служить только взвешенность и разумность в действиях правительственных органов, их способность трезво и всесторонне соизмерять интересы высших эшелонов государственной власти с интересами других субъектов в обществе. В качестве абсолютного противовеса постоянно растущим аппетитам государства могут служить естественные пределы существования общественной системы в целом, выход за которые означает однозначное начало саморазрушения государства и общества. Как правило, такие пределы находятся эмпирически и с этим связана одна из особенностей деятельности в условиях мобилизационного типа развития [1, 145].

Другой существенной чертой мобилизационной экономики по праву считается ее функционирование практически без учета экономической рентабельности и эффективности. Подобная экономика, строго говоря, формирующаяся и действующая под воздействием преимущественно внеэкономических факторов, могла бы быть названа «хозяйством», т. е. сферой, где действие экономических рычагов и инструментов (стоимость, цена, прибыли, денежные доходы и т. д.) ограничено и решающей роли не играет. Подготовка и реализация хозяйственных решений не находятся в прямой и жесткой связи с оценками экономической эффективности и осуществляются вопреки логике этих оценок. Правда, систематическое игнорирование требований объек-

тивных экономических законов приводит, в конечном счете, к расстройству экономических регуляторов, определяющих поведение субъектов общественного производства, производителей и потребителей. Поэтому мобилизационная система хозяйства должна дополняться мощной компенсационной системой, препятствующей блокировке экономических каналов и параличу процесса общественного воспроизводства [1, 124—125].

Хозяйственная система в условиях мобилизационного типа развития включает в себя три главные подсистемы: *административно-командную, экономическую и компенсационную*.

В рамках мобилизационного типа развития именно административно-командная система образует основную несущую конструкцию, поддерживающую жизнедеятельность системы. Она обеспечивает развитие последней, переводя ее из застойного состояния в поступательное, а также включает каналы, обеспечивающие переток необходимых ресурсов из компенсационной системы в хозяйственную.

Система компенсации — это часть мобилизационной хозяйственной системы, ориентированная на сглаживание и ликвидацию острейших дефицитов, дисбалансов и диспропорций, неизбежно возникающих при длительном и широком расходовании ограниченных ресурсов и производственных факторов вопреки требованиям экономической эффективности и целесообразности. Процессы, происходящие в рамках компенсационной системы и связанные с масштабным и массовым вовлечением в хозяйственный оборот ресурсов, представляют собой общую закономерность и наблюдаются во всех хозяйственных системах.

Источники подобных ресурсов представляют собой совокупность внешних по отношению к хозяйственной системе стабилизирующих факторов, в качестве которых, как свидетельствует исторический опыт, всегда выступали *природные ресурсы, принудительный труд* и военные приобретения.

Влияние богатейших природных ресурсов и условий, в которых протекала и формировалась отечественная хозяйственная жизнь, проявлялось в безвозмездном отчуждении природных богатств и продаже их за границу.

На протяжении всей российской и советской истории природные богатства и ресурсы страны служили мощнейшим источником компенсации сложившихся методов хозяйствования. Эксплуатация природных богатств страны в критические для государства периоды позволяла подключать практически неисчерпаемые факторы стабилизации и существенно тормозить сползание страны к кризису [1, 135].

Выводы

1. Реальное состояние мобилизационного потенциала национальной экономики в виде государственного и мобилизационного резервов является объектом повседневной заботы и анализа специальных органов и структур и составляет государственную тайну любой страны, включая Российскую Федерацию.

2. Содержательный анализ мобилизационного потенциала в открытых публикациях и обсуждениях может быть сведен, очевидно, к разносторонним и глубоким категориальным исследованиям и выбору на этой основе конкретных сфер, отраслей и видов производства, способных оказать решающее, стимулирующее воздействие на развитие всей национальной экономики, всего национального хозяйства.

3. Анализ литературы, касающейся вопросов мобилизационного типа развития общества, хозяйства и экономики, несмотря на фрагментарность, неполный объем и разнообразие подходов, позволяет выделить ряд признаков, отражающих, как представляется, существо этого сложного общественно-социального явления.

На протяжении всей российской истории было реализовано три различные модели государственного устройства, наблюдалось три различных типа культуры, возникавших последовательно друг за другом. *Общее*, что объединяло все три модели, — это *мобилизационный тип* общественного развития. Категория эта богата и плодотворна, поэтому позволяет не только выстраивать факты, казавшиеся ранее случайными, в строгие причинно-следственные ряды, но и по-новому освещать привычные события и явления.

4. Во время войны государство (государства) неизбежно демонстрировало (демонстрируют) мобилизационный тип функционирования и развития: строгую определенность целей, высокую интенсивность ведения действий и жесткую, централизованную систему управления.

Великая Отечественная война явила собой особый период в развитии национальной экономики — период *военного хозяйства*, которое характеризовалось особыми экономическими закономерностями в области производства и распределения.

Ключевую роль в переводе народного хозяйства страны на военные рельсы сыграли *мобилизационные мероприятия* в ключевых сферах народнохозяйственного комплекса (промышленности, сельском хозяйстве, транспорте, строительстве, подготовке и переквалификации рабочей силы, в области продовольственных резервов, продовольственным и материально-техническим снабжении, розничном и оптовом товарообороте, финансово-банковской сфере и государственном аппарате).

5. Отличительные особенности военного хозяйства заключались в централизованном и общенациональном планировании баланса народно-хозяйственного комплекса страны, плановом перераспределении национального дохода, общественного продукта, материальных фондов и рабочей силы на военные нужды. Были обеспечены высокопроизводительная организация труда и стимулирующий рост заработной платы рабочих и служащих в отраслях тяжелой промышленности, а также устойчивый уровень реальной заработной платы, определявшийся политикой твердых цен на основные продукты питания и предметы широкого потребления. Государственный бюджет и кредит сыграли роль мощного рычага мобилизации средств населения и перераспределения материальных ресурсов на военные нужды. Военное хозяйство СССР накопило богатейший опыт планирования и организации производства: оперативность и четкость составления и проверки планов, планирования производств и продукции, ориентированной на военные нужды; быстрое развитие металлургической и кузнечно-прессовой базы, инструментального и станочного хозяйства, бесперебойное материально-техническое снабжение, строгое соблюдение требований всех стадий технологических процессов и хозяйственного расчета (ведение счетов прибыли и убытков, уменьшение издержек, сочетания личных стимулов и общественных интересов).

6. Современная мобилизационная стратегия России должна включать в себя, очевидно, помимо чисто военной компоненты (строгое определение и исчерпывающее знание противника, характера современных войн и военных угроз, военной геополитической обстановки и т. д.), общие, точные перспективные ориентиры по достижению чрезвычайных целей с применением особых организационных форм по развитию страны, которое будет проходить под воздействием целого комплекса внешних, чрезвычайных факторов (планетарных, геополитических, природно-климатических, эколого-социальных и т. д.), факторов, непосредственно угрожающих целостности, суверенитету и жизнеспособности всей общественной системы страны.

Литература

1. *Фонотов А.Г.* Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М., 1993.
2. *Майминас Е.З.* Управление хозяйственным механизмом и экономическая кибернетика // Экономика и математические методы. 1976. Т. 12. Вып. 4.
3. *Миллюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Ч. 1. СПб., 1909.
4. *Вознесенский Н.А.* Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. М., 1948.

В.Н. ПРОНЧАТОВ

Из пункта А в пункт Б...

Аннотация. В статье анализируется место транспорта в системе экономических отношений производства, обмена, распределения и потребления сущностных сил человека. По мнению автора, транспорт существует в структуре общественных отношений как способ их реализации. В этом своем качестве он становится элементом картины мира.

Ключевые слова: общественные отношения, объект общественно-го отношения, транспорт, транспортное средство, картина мира, транспортное средство как элемент картины мира.

Abstract. The place of transport in the system of economic relations of production, exchange, distribution and consumption of essential powers of man is analyzed in the paper. According to the author's opinion, transport exists in the structure of social relations as a way to implement them. In this capacity it becomes part of the world picture.

Keywords: social relations, object of social relations, transportation, vehicle, world picture.

В действительности человек не может ничего другого, как только соединять тела природы. Остальное природа совершает внутри себя.

Ф. Бэкон

Постановка проблемы. Экономической основой любого общества марксизм называет отношения производства, обмена, распределения и потребления сущностных сил человека. В этой стройной и красивой по своей законченности теории не остается места для транспорта и мировых торговых путей. По мнению Маркса, они не создают прибавочной стоимости, поэтому не являются *отношениями производства* и не могут претендовать на статус идеологического отношения, потому что их объективное существование в качестве *общественного отношения* не требует предварительного существования в качестве идеи.

Преодолением этого теоретического затруднения может стать растворение транспорта и торговых путей в структуре *всех* общественных отношений в качестве их системообразующего элемента. Для реализации подобной парадигмы потребуется нетрадиционное понимание транспортного средства и того социального пространства, в котором оно перемещается.

Объект отношения как транспортное средство. В структуре любого общественного отношения его объекты выступают в качестве идеальной мыслительной схемы и связанной с нею предметности. Понятие *предмет* указывает на совокупность процессов, совершающихся без вмешательства извне. Соединяясь с различными мыслительными схемами, одна и та же предметность рождает совершенно разные *вещи*.

Опредмечивание и последующее распредмечивание мыслительной схемы действия, напоминает погрузочно-разгрузочные работы на транспорте, где специфика груза определяет характер его крепления и способ транспортировки, но при этом не становится предметностью самого корабля, самолета или грузовика. Неразрывная, но неслиянная связь идеального со своим материальным носителем позволяет потомкам восстанавливать образ жизни своих далеких предков по его вещественным артефактам, переместившим древнюю культуру через тысячелетия.

Способность предметности к транспортировке идей и отношений используется самыми разными социальными институтами, специфическая деятельность которых создает самые неожиданные средства передвижения. В экспериментальной деятельности физиологов транспорт меченых ионов через клеточную мембрану осуществляют неэлектролиты и клетки пищеварительного тракта, цитоплазма которых замещена искусственной солевой средой [1, 3]. Искусство управления кораблем стало названием одного из разделов математики, а в религии храм в виде корабля помогает верующим под руководством искусного кормчего Господа Иисуса Христа «переплыть бурное море житейских страстей и достичь тихой пристани — царства Небесного» [2, 7].

Способ реализации общественного отношения как транспортная артерия. Сверхчувственное общественное отношение материализуется в предметной практической деятельности своих субъектов. Погружаясь в идеальную мыслительную схему, объект отношения становится его предельно насыщенной концентрацией. Перед отправлением в долгий путь рюкзаки туристов, багажники автомобилей и грузовые отсеки кораблей принимают в себя продукты питания, лекарства, инструменты, средства самозащиты, продукты духовной культуры и одежду для непредвиденных ситуаций. Если маршрут в течение долгого времени остается неизменным, то часть экипировки как бы оседает вдоль всей трассы. Мотели и придорожные закусочные освобождают шоферов от необходимости вести с собой продукты, а развернутая вдоль трассы система травмпунктов позволяет ограничиться стандартной автомобильной аптечкой для оказания первой помощи. Подобно прохуdivшемуся мешку с зерном, движущееся по определенному маршруту транспортное средство как бы «рассыпает» по обочинам

свое содержимое, и эти рассыпавшиеся зерна прорастают необходимой для любого движения пространственно-временной инфраструктурой.

Специфика трассы и перемещающиеся по ней транспортные средства предполагают друг друга. Поезда нуждаются в разветвленной системе железных дорог, для речных судов требуются обставленный бакенами фарватер и навигационная обстановка. Отсутствие необходимой инфраструктуры преодолевается изменением конструкции транспортного средства. Повышение проходимости автомобиля или простое изменение его маршрута становятся средством дорожного строительства, которое транспорт осуществляет «в себе для себя».

Транспортные модели механистического мира. Отличительной особенностью механистического мироощущения становится уверенность в абсолютной предсказуемости любых изменений. Эпоха промышленных революций не любит случайностей грунтовых дорог и зависимости парусных судов от силы и направления ветра. Она не может предсказать своеволие замерзающего в степи ямщика и аэродинамику парусов, поэтому ее транспортным символом становятся предсказуемое в любой точке пространства движение барки в искусственном русле каналов. Механическим сооружением канал становится благодаря системе шлюзов, с помощью которых суда поднимаются или опускаются с одного уровня канала на другой. Система шлюзов делает канал сложным инженерным сооружением.

Идущую по каналу барку тянули две лошади и обслуживали восемь человек. За один рейс они доставляли к месту назначения 3000 т угля, для перевозки которого гужевым транспортом потребуется 6 тыс. телег. Экономическая выгода промышленного производства соединилась здесь со спецификой научного познания с характерной для него жесткой причинно-следственной связью.

Для метафизического мышления механистического мира каналы были не только транспортной артерией, а универсальным способом реализации *всей* совокупности общественных отношений. Железным дорогам с паровой тягой предшествовали заводские чугунные колеи для транспортировки тяжелых заготовок и доставки руды к плавильным печам. Эти, как тогда говорили, «чугунные колесопродовы» были сухопутными каналами для перемещения грузов и пассажиров.

Первая в России железная дорога для общего пользования была сдана в эксплуатацию 27 октября 1835 г. В этот день лошади впервые провезли по рельсам несколько вагонов от Петербурга до Царского Села. Вагоны напоминали повозки разных видов и названий: «шарабаны», «дилижансы», «берлины». На станциях были конюшни. Конные поезда отправлялись только по воскресеньям и праздничным дням.

В эстетических отношениях каналом для движения художественных образов стали незыблемые каноны классицизма, ширина газетных полос определяла способ подачи информации, а тиски женских корсетов диктовали социальные каноны телесности. Их шнуровка, подобна шлюзам, поднимала или опускала талию и грудь, а женские прически копировали форму наполненных ветром парусов (см.: [3, 79]).

Оставаясь транспортной артерией, каналы вторгаются в естествознание в качестве научных лабораторий. Движение баржи по каналу позволило шотландскому кораблестроителю Дж. Скоту Расселу (1808—1882) открыть уединенную волну (солитон), которая распространяется в некоторых средах, наблюдатель планет И. Шретер из Лиленгалея обнаружил каналы на Луне, а Персиваль Лоуэлл (1855—1916) основал обсерваторию в Флагстаффе (штат Аризона) для изучения марсианских каналов.

В тесных желобах каналов стиснутые берегами транспортные средства становятся символами господствующей над человеком внешней ему силы, освобождение от которой предполагает полное подчинение в стиле Баруха Спинозы. Протест индивидуальности против подчинения мертвой необходимости торжествовал на грунтовых дорогах, под парусами и на неведомых путях первопроходцев. Подобно готическому роману, «охота к перемене мест» и «прииск новых земель» дополняли характерную для механистического мироощущения рассудочность перемещения по заранее предначертанным маршрутам. Такими людьми были русские путешественники XVI и XVII вв. Их экспедиции снаряжали купцы и государство, но, подобно Семену Дежневу, они шли, «не зная своего пути». Их вело неосмысленное стремление России к Океану и мировым торговым путям.

Начиная с эпохи Просвещения, в механическом мироощущении стали возникать отдельные элементы мышления при помощи противоречий, которым приходилось в буквальном смысле «проталкиваться» через слишком узкие для него транспортные артерии существующих в обществе отношений.

Во времена Жана Батиста Мольера (1622—1673) настоящим искусством считалась трагедия. Фарсы играли только в ярмарочных балаганах, куда приходила крайне непритязательная публика. Соединив фарс со стилем, Мольер изобретает комедию, где роковой судьбой становятся человеческие заблуждения [4, 364]. В условиях просвещенного абсолютизма предпринятое Мольером утверждение принципов диалектического мышления посредством театра не могло осуществиться без властной и одновременно спасительной опеки «короля-солнца».

Транспортные модели диалектического мышления. Всякая эпоха сохраняет свою генетическую связь с прошлым, и чтобы определить

ее специфику, надо отыскать то, что появилось впервые и до этого не существовало. Перевозки людей и товаров на дальние расстояния осуществлялись во все времена, но только в XIX в. это движение становится *регулярным*. Двигаясь по одному и тому же маршруту, стоящие на линии транспортные средства преодолевают огромные расстояния и прибывают в конечную точку в полном соответствии с расписанием.

Первую трансатлантическую линию основал американец Сэмюэль Кунард (1787—1865). По условиям договора с английским Адмиралтейством, построенные им двухпалубные пароходы «Британия», «Акадия», «Каледония» и «Колумбия» должны были два раза в месяц доставлять пассажиров и почту из Ливерпуля в порты Галифакса и Бостона. 4 июля 1840 г. в 14 часов «Британия» вышла в свой первый рейс, положив начало регулярному трансатлантическому судоходству. Через 14 суток и 8 часов, после семичасовой стоянки в Галифаксе «Британию» с восторгом встречали в Бостоне [5, 24].

В современной Японии, где отсутствуют складские помещения и продукция смежных предприятий прямо с колес поступает на сборочный конвейер, даже незначительное опоздание с доставкой угрожает остановкой гигантского предприятия. Но в трансатлантических перевозках минутное опоздание не сопровождается многомиллионными убытками и может нанести ущерб только человеческим амбициям, которые вместе с экономической выгодой стали психологической предпосылкой нового способа передвижения.

Зимой 1844 г. акваторию Бостонского порта сковал ледяной панцирь толщиной 2 м, поэтому груженная хлопком «Британия» не могла своевременно отправиться в Ливерпуль. За двое суток непрерывной работы жители Бостона вручную прорубили канал длиной 7 миль и шириной 30 м. Участники этого трудового марафона отказались от вознаграждения, сказав, что совершили невозможное исключительно ради престижа родного города [5, 24].

Пока трансатлантические лайнеры и пассажирские поезда передвигались независимо друг от друга, оставалась возможность опоздания без серьезных претензий со стороны пассажиров первого и второго классов. С возникновением единой транспортной системы, даже небольшая задержка парохода становилась опозданием пассажира на поезд, поэтому транспортникам приходилось указывать день, час и даже минуты прохождения каждого отрезка пути. В сочетании с общей протяженностью маршрута пересечение штормовой Атлантики и прибытие с точностью до минуты становятся событием поистине грандиозным.

Регулярное движение по транспортным линиям с обязательным соблюдением интервалов и расписания нуждалось в диалектическом мышлении с характерной для него способностью человека видеть развитие противоречия и находить различные варианты взаимного проникновения полярных противоположностей. Здесь каждый отдельно взятый работник обслуживает отдельную частичку многокилометрового маршрута, и его самооценка определяется способностью утверждать себя через причастность к большому количеству людей, объединенных единой задачей. Если в механическом мироощущении индивидуальность утверждает себя посредством отождествления с объективной необходимостью, то в диалектике необходимость утверждает себя через обретенную ею индивидуальность.

Привнесенный в мышление принцип линейного движения из пункта А в заданный пункт Б стал способом построения диалектической системы Гегеля, материалистического понимания истории и многочисленных эволюционных теорий. Кант и Лаплас обнаружили эволюцию в Солнечной системе, Ляйелл — на поверхности земли, Гердер — в истории, Ньюман — в церковных доктринах, а Спенсер — почти во всем на свете [6, 107]. Если у Маркса человечество по ступеням общественно-экономических формаций восходит к обществу, где будет преодолена частная собственность, в эволюционной теории Дарвина принцип направленности эволюции, предложенный американским геологом Джеймсом Д. Данном (1813—1895), приводит человечество к научному мышлению, с помощью которого оно осознает свою историческую миссию.

Транспортные артерии релятивизма. В мире механики и диалектики тела движутся по одним и тем же предписанным им траекториям, но в диалектике они могут превратиться в свою противоположность. Единая транспортная артерия и строгое соблюдение графика движения позволяют пассажирам, не тратя времени на ожидание, менять способ своего перемещения, что прекрасно продемонстрировал Жюль Верн в романе «Вокруг света за 80 дней».

Открытые Джеймсом Максвеллом (1831—1879) законы электродинамики превратили движение тел в *движение систем*, транспортными путями которых стали линии электропередач, радиоволны и электромагнитное поле.

В 1881 г. французский физик Марсель Депре (1843—1918) теоретически обосновал возможность передачи электрической энергии по проводам на большие расстояния, а уже на следующий год построил первую ЛЭП постоянного тока длиной 57 км. По мнению Ф. Энгельса, это событие стало началом колоссальной промышленной революции [7, 374]. Рожденная вращением турбины в потоке движущейся воды,

электрическая энергия при помощи линии электропередач перемещается на гигантские расстояния, чтобы в конце пути превратиться в теплоту, механическое движение, магнетизм или свет. Запасенная в аккумуляторах, электроэнергия становится основой индивидуализма, возведенного до уровня сверхчеловека.

18 декабря 1898 г. в небольшом городке Ашер под Парижем началось противостояние электромобилей конструкции француза Шарля Жанто и бельгийца Камиля Женатци, по прозвищу «рыжий дьявол». 29 апреля 1899 г. на обтекаемом рекордном автомобиле «Всегда недовольный» с электромотором мощностью 40 л. с. бельгиец впервые преодолевает стокилометровый барьер — 105,876 км/ч [8, 24—25].

Линии электропередач транспортировали не только промышленную энергию. Вместе с электромагнитными полями и проложенными по дну океанов тысячекилометровыми лентами кабеля они становились транспортными артериями информации. Мелодии условных сигналов универсальной азбуки Морзе вызвали рост или падение стоимости ценных бумаг, собирали корабли в эскадры и переводили деньги с одного счета на другой.

Одновременное существование традиционных транспортных средств и принципиально новых способов перемещения становилось диалектическим противоречием с многообразными вариантами его разрешения.

Своеобразным отрицанием прогресса стала идеализация прошлого во всех его проявлениях.

В картине И. Шишкина «Рожь» (1878 г., Третьяковская галерея) тема дороги решена совсем не так, как она трактовалась в живописи 1860—1870-х гг., например, в «Последнем кабаке у заставы» В. Перова или в «Оттепели» Ф. Васильева, где она ассоциировалась с тоскливой дорогой жизни. Дорога у Шишкина пролегает среди расступившейся, давшей простор движению тучной нивы. Мы словно ощущаем присутствие человека, твердо стоящего на родной почве. Идущий по этой дороге среди просторов полей дышит полной грудью, воображая себя частью огромного целого. Величественные сосны, которые обобщенным силуэтом рисуются на фоне голубого неба, возвышаются над стеной ржи «как колонны портала» (В. Стасов). Нарисованная художником дорога исчезает во ржи и как бы приглашает зрителя к вечности.

На рубеже XIX—XX вв. идеализация незыблемых основ человеческого существования в виде *грунтовой дороги* сопровождалась мечтой о «лучистом человечестве» (К. Циолковский), перемещающемся в открытом космосе в потоках солнечного света. Впервые солнечный парусник появился на страницах фантастического романа Жоржа Лефора и Анри де Граффины «Необыкновенные приключения русского уче-

ного» (1888—1896). В 1899 г. Петр Николаевич Лебедев доказал предсказанную Максвеллом способность света оказывать давление на тела, и в 1908 г. Фридрих Цандер (1887—1933) предлагает лететь к звездам на «космических парусниках» с парусами из тончайших листов полированного алюминия, жесткость которым должны придать центробежные вращения. Идея воодушевила русского фантаста Бориса Красногорского на создание научно-фантастических романов «По волнам эфира» (1913) и «Острова эфирного океана» (1914).

Для описания теплового излучения Макс Планк предлагает свою знаменитую формулу, но в начале XX столетия человечество еще не собирается становиться «лучистым». Ему хочется сохранить привычное механистическое мироощущение в пугающе непривычном мире электродинамики, непривычных условиях существования. На уровне картины мира эту задачу решает специальная теория относительности А. Пуанкаре, Х. Лоренца и А. Эйнштейна. Этот завершающий аккорд механической картины мира оставлял людям надежду на сохранение привычного социального пространства, поэтому маленькая девочка пишет письмо Эйнштейну — с целью убедиться в его реальном существовании.

Автомобильные аналоги теории относительности. Специальная теория относительности давно преодолела рамки физической теории и стала символом изменяющейся эпохи, которая на рубеже XIX—XX вв. стремилась согласовать привычную систему межличностных связей с изменяющимися общественными отношениями. Транспортным аналогом подобного стремления стали шоссе и дороги и массовые автомобили, первые образцы которых появились практически одновременно со знаменитой статьей Эйнштейна об электродинамике движущихся тел.

Первые автомобили создавались как механические аналоги аристократических карет. Они поднимали социальный статус своих владельцев, поэтому высокая цена покупателей не смущала. Массовый потребитель довольствовался телегой или санями, пользовался конкой, нанимал извозчика или копил деньги на велосипед.

В начале прошлого века в Могилеве велосипед «Россия» стоил 85 р., рабочую лошадь можно было приобрести за 50 р., проезд на конке обходился в 5 к., извозчики просили от 15 до 20 к., железнодорожный билет в третьем классе стоил 1 р. 25 к. за каждые 100 верст.

Создатели первых массовых автомобилей (Р. Олдс, Г. Форд, А. Лефевр) захотели сделать автомобиль доступным для большого количества покупателей. Подобно велосипеду, эта машина должна была быть относительно дешевой, простой в обслуживании и хотя бы отдаленно напоминать роскошные экипажи аристократии.

Основатель марки «Oldsmobile Model R» (1901) Ранс Эли Олдс впервые в истории начал собирать свою машину на движущейся ленте конвейера. От велосипеда автомобиль унаследовал колеса с клинчерными шинами, спицами и втулками, цепную передачу, ленточный тормоз прямо на трансмиссию и рулевое управление рычагом. В качестве сигнала использовался велосипедный звонок. В конструкции машины не было ничего такого, чего бы не мог починить любой кузнец из американской глубинки. При этом «Oldsmobile» оставался самым настоящим автомобилем. В гоночном варианте со снятым кузовом и дополнительными бензобаками он в 1903 г. установил мировой рекорд для сверхлегких машин, промчавшись со скоростью 54 мили в час!

Знаменитый «Форд» тоже собирался на конвейере и был прост в эксплуатации, но благодаря двухдверному корпусу «Тюдор» (1915) отдаленно напоминал роскошный «Роллс-Ройс» модели «Сильвер Тост» выпуска 1906 г.

В 1990 г. был прекращен выпуск французского ситроена 2CV, знаменитого «Де Шво» («Deux chevaux»). Концепция автомобиля предполагала его способность перевозить крестьянина, его дородную супругу и мешок картошки по плохим сельским дорогам со скоростью до 60 км/ч при расходе бензина до 3 л на 100 км пробега. Идея автомобиля принадлежала Пьеру Буланже, конструкция — Анри Лефевру, кузов — Фламинио Бертоне. Многочисленные поклонники этой машины с восторгом рассказывают о ее неприхотливости. Говорят, что один французский крестьянин не подозревал о необходимости регулярно менять моторное масло, и, несмотря на это, неприхотливый ситроен исправно служил ему долгие годы. Сложная техника становится доступной малообразованным людям. Они многократно увеличивают скорости своего передвижения, но система их отношений и межличностных связей не меняется, поэтому предоставленный им автомобиль превращается в телегу, движущуюся по разветвленной сети дорог с твердым покрытием. Это очень напоминает специальную теорию относительности, где разогнавшаяся до скорости света масса становится такой огромной, что дополнительное ускорение и отклонение от траектории прямолинейного движения уже невозможны.

Дороги квантового мира и теория струн. Соединив механику с электродинамикой, специальная теория относительности вернула ощущение неизбежности механического мироощущения, но Поль Дирак согласовал теорию Эйнштейна с квантовой механикой, и, казалось бы, неизбежный мир вновь стал многовариантным.

В мире механики движущиеся по каналам барки везли предметы труда, а грузчики переносили их на склады. Диалектическое мышление создает транспортную линию для перевозки, прежде всего, рабо-

чей силы, «складирование» которой осуществляется с помощью вокзалов, гостиниц, терминалов и других форм временного проживания. В мире электродинамики дорогой становятся линии электропередач, по которым с помощью электронов и электромагнитного поля перемещается электрическая энергия, движение которой может быть остановлено с помощью аккумуляторов. В мире Эйнштейна движущийся по шоссе массовый автомобиль становится мобильной частью неподвижного жилища.

В квантовом мире «дорогами» для перевозящих информацию фотонов становятся оптоволоконные кабели, проводные и беспроводные сети компьютеров, сохраняющих свой «груз» на жестких и оптических дисках.

В настоящее время теоретическая физика пытается создать универсальную теорию, возлагая свои надежды на теорию струн, где Вселенная предстает в качестве вибрирующего первоначала. Подобно струне оно способно издавать разные звуки, но, независимо от тона, они являются разными проявлениями одного и того же первоначала. Может быть, теория струн станет элементом принципиально новой картины мира или, как это сделала специальная теория относительности, согласует новый квантовый мир со ставшей привычной материалистической диалектикой. В любом варианте она завоюет мир только при поддержке столь же универсального способа передвижения — по любым транспортным артериям и даже без них.

Литература

1. *Веренинов А.А.* Транспорт ионов через клеточную мембрану. Анализ потоков. Л., 1978.
2. Учебное руководство «по Объяснению Богослужения и Церковного устава». Для духовных училищ и второклассных церковных школ. Смотритель духовного училища К. Соколов. Рязань, 1915.
3. *Кратива В.* Женщина на корабле и корабль на женщине // Судоводство, информационно-аналитический журнал. 1996. Август.
4. *Бордонов Ж.* Мольер. М., 1983.
5. *Белкин С.И.* Голубая лента Атлантики. Ленинград, 1990.
6. *Ирвин У.* Обезьяны, ангелы и викторианцы. Дарвин, Гексли и эволюция. М., 1973.
7. *Энгельс Ф.* Письмо к Бернштейну. 1 марта 1883 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 35.
8. *Кочнев Е.* Люди. Автомобили. Рекорды. М., 1982.

А.А. СОБОЛЕВСКАЯ

Государственное регулирование цены труда

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы государственного регулирования цены труда (зарботной платы) в современной экономике. Его главными целями являются поддержание баланса спроса и предложения на труд, борьба с инфляцией, поддержание справедливого распределения доходов. Проблема справедливого распределения вновь становится актуальной в экономическом, социальном и политическом планах.

Ключевые слова: государственное регулирование, политика доходов, минимальная зарботная плат, коэффициент неравенства.

Abstract. In the article it is analyzed the problems of labor cost (wage) regulation by government in modern economy. The main goals of the regulation are: to maintain balance between supply and demand of labor, to minimize inflation, to maintain fare distribution. Last problem is actual now.

Keywords: government regulation, income policy, minimum wage, inequality coefficient.

Неоклассическая теория рассматривает цену труда как один из трех факторов производства, а под ценой труда фактически понимается зарботная плата. Для работодателя зарботная плата представляет собой издержки производства, и он старается их минимизировать, особенно в расчете на единицу изделия, для работника зарботная плата является доходом, и он стремится ее максимизировать, оговаривая достаточно высокий уровень оплаты. За длительный период существования рыночной экономики на Западе сложились определенные параметры, очерчивающие макроэкономические контуры зарботной платы, а также и механизм регулирования цены труда, отнюдь не ограниченный только лишь рыночной конкуренцией. Огромную роль играет государственное регулирование. Тремя главными целями государственного регулирования цены труда являются поддержание баланса спроса и предложения на труд, борьба с инфляцией, поддержание справедливого распределения. В связи с этими тремя целями и сложился механизм государственного регулирования цены труда. Его главными рычагами являются: осуществляемая в той или иной форме политика доходов и связанные с ней антиинфляционные меры, законодательство в области оплаты труда, главным образом определение минимума зарботной платы, и, наконец — налоговое регулирование в сфере доходов.

От движения цены (оплаты) труда зависит как спрос на труд, так и его предложение. Согласно постулатам теории рыночной экономики, спрос на труд со стороны работодателей и соответственно занятость растут по мере снижения реальной заработной платы (цена труда), а предложение труда растет по мере роста реальной заработной платы. В точке пересечения кривых, отражающих изменения этих двух параметров, спрос и предложение совпадают, т. е. возникает равновесие на рынке труда. Если цена труда выше равновесной, возможно возникновение безработицы, если ниже — дефицит рабочей силы. Подобная гипотетическая схема лежит в основе дискуссий между работодателями и профсоюзами по поводу повышения заработной платы.

Основываясь на точке зрения неоклассической теории, предприниматели практически единодушно утверждают, что всякое повышение реальной заработной платы ведет к удорожанию продукции, что неминуемо толкает их к сокращению производства, чтобы хотя бы сохранить прежний уровень прибыли. Таким образом, повышение заработной платы трактуется как главный ограничитель роста прибыли. Однако существует и более современная точка зрения, выраженная известным американским ученым М. Портером по поводу неэффективности и порочности ограничительной политики в отношении заработной платы: «Политические решения, направленные на замедление роста зарплат, часто оказываются ошибочными. Следует допускать рост зарплат, идущий в ногу с производительностью труда или слегка опережающий его. Это создает благотворные стимулы к поиску более передовых источников конкурентного преимущества и ведению конкуренции в отраслях и сегментах с производством более сложного характера. Рост зарплат ведет также к повышению покупательной способности, направленной на приобретение товаров большего количества и более высокого качества» [1].

Действительно, в развитой рыночной экономике не только сформировались условия, способствующие росту заработной платы, но и проявилась тенденция повышения реальной и номинальной заработной платы, сочетающаяся с возможностью максимизации прибыли. Об этом свидетельствуют экономические показатели США за XX в., когда, исключая период глубокого экономического кризиса 1929—1933 гг. и Великой депрессии, рост номинальной заработной платы устойчиво опережал рост и оптовых и потребительских цен, что означало устойчивую тенденцию повышения реальной заработной платы: примерно в пять раз за весь указанный период [2].

Важным фактором максимизации прибыли при росте заработной платы является расширение в этом случае платежеспособного спроса на макроуровне, так как заработная плата аккумулирует подавляю-

щую долю доходов. В национальном доходе США, который характеризует первичное распределение доходов, заработная плата составляет более 70%. До недавнего времени в США рост производительности труда практически гарантированно приводил и к росту зарплат. Правда, в последние годы рост производительности труда перестал оказывать подобный эффект. В период с 1995 по 2005 г. производительность труда в США выросла на 33,4%, а зарплаты среднестатистических американцев за этот период времени выросли не более чем на 10%, и их социальные пакеты (различные страховки, пенсии и льготы, оплачиваемые работодателями) — менее чем на 5% [3]. Почему? Видимо, потому что реального роста не было, а был рост финансовых активов США в долларовом выражении.

Современный механизм регулирования цены труда сложился в рамках так называемой политики доходов, активно применяемой в 1970 — начале 1980-х гг. В ее основе лежал принцип параллельного использования мер государственного контроля за ростом цен и зарплат. Субъектами разработки и реализации политики доходов в развитых капиталистических странах явились три контрагента, полномерно представлявших основные заинтересованные стороны — государство, профсоюзы и союзы предпринимателей, в состав которых входили и представители банковских кругов. Целью политики доходов явилась разработка мер по стимулированию платежеспособного спроса и борьба с побочным эффектом — растущей инфляцией [4].

Обычно сторонники идеи «инфляции издержек» решающую причину ее видят в давлении на цены роста заработной платы как решающей части издержек производства. По сути, на вооружение принято учение о спирали «зарплата—цены». Механизм этой спирали достаточно прост: устойчиво повышающаяся зарплата ведет к общему росту издержек производства, что, в свою очередь, вынуждает частные компании, чтобы сохранить прибыли, поднимать цены на свою продукцию. Возросшие цены, в том числе и на потребительские товары, стимулируют трудовое население к борьбе за дальнейшее повышение зарплаты; увеличивающаяся зарплата вновь подталкивает цены вверх и т. д.

Экономическая теория предлагает три возможных решения проблемы инфляционной спирали: осуществить авторитарное регулирование роста цен и доходов; согласиться, более или менее вынужденно, на беспорядочную эволюцию доходов, что ведет к скачкообразному развитию, к чередованию фаз роста, стабильности и спада (подобная «беспорядочность», да еще с отпущенными ценами, привела в России «к шоку без терапии»); проводить политику доходов, разрабатываемую при сотрудничестве и с согласия «социальных партнеров», ставя

двойную цель: добиться, насколько возможно, регулярного роста национального дохода и обеспечить *справедливое распределение плодов развития*. Последний вариант направлен на то, чтобы определить и соблюдать условия эволюции доходов и цен, совместимых с уравновешенным ростом. Это — наиболее плодотворный вариант, но и наиболее трудоемкий, чего наше руководство очень не любит. Уж скорее оно согласится на первый вариант.

Постепенно от политики доходов в чистом виде в развитых странах, особенно в США, стали отказываться, хотя ее фундаментальные элементы сохраняются и поныне. Более того, подвергнута сомнению сама догма об инфляционной спирали. Выдвигается предположение, что не инфляция заработной платы вызывает инфляцию цен, а наоборот, инфляция цен — инфляцию заработной платы. И это вполне понятно, так как не работники диктуют цены и заработную плату, а предприниматели, производители вменяют рынку цены, а не работники им уровень своей заработной платы. Рост заработной платы обычно связан с ростом производительности труда и поэтому никак не может влиять на рост цен. Наоборот, рост предложения в связи с ростом производительности труда позволяет производителям поднимать заработную плату [4].

Если говорить о России, то обычно низкий уровень заработной платы оправдывают ссылкой на более низкую производительность труда по сравнению с Западом. Однако это оправдание далеко от реальности. На 1 дол. заработной платы российский среднестатистический работник производил в начале 2000-х гг. конечной продукции примерно в 3 раза больше, чем аналогичный работник в США. По сравнению с 16,4 дол. часовой заработной платы американского рабочего он получал примерно 1,7 дол., тогда как ООН давно признала, что часовая зарплата ниже 3 дол. является запредельной [5]. Но при этом нашему работнику приходилось обменивать свой труд на продукцию и услуги, цены которых близки или уже сравнялись с мировыми. За прошедшие 11 лет мало что изменилось. Более того, теперь перестали говорить о низкой производительности труда российского работника, но платят по-прежнему очень мало.

Границами заработной платы служат два важных фактора, являющихся одновременно и показателями ее эффективности. Верхнюю границу определяет предельная производительность труда по той оценке, которую ей дают главы фирм. Ни один из них не должен платить работнику больше того дохода, который он приносит предприятию. Нижняя граница намечается либо как официально гарантированный минимум, либо как итог сравнения с оплатой в других фирмах. Считается, что за этой границей предложение труда уменьшается

настолько, что становится невозможным планируемый уровень производства.

Гарантированный минимум является одним из основных моментов регулирования цены труда. В большинстве развитых стран в настоящее время действуют нормативные акты о минимальной заработной плате. Общенациональный, законодательно устанавливаемый, т. е. государственный минимум (помимо США, где соответствующий закон был принят администрацией Рузвельта в 1938 г.), существует в таких странах, как Франция, Испания, Португалия, Нидерланды. Роль минимальной ставки заработной платы, определяемой государством, различается по странам и меняется во времени. В США она всегда имела смысл социальной защиты, гарантируя работникам, получающим самые низкие вознаграждения, их покупательную способность и участие в развитии национальной экономики. Поэтому она представляет собой экономически значимую величину. Хотя ее отношение к среднечасовой ставке сократилось с 50% в 1950-х гг. до примерно 35% в 1990-х, ее абсолютные размеры выросли за те же годы с 0,75 дол. до 5,15 дол. в 2000 г. [5]. В 2007 г. минимальная заработная плата была установлена в размере 5,85 дол. в час, в 2008 — 6,55 дол., а в 2009 г. — 7,25 дол. в час. Но в большинстве штатов минимальная ставка выше, чем по Федеральном законе [6].

В России государственный минимум заработной платы с самого начала вхождения в рынок не стал фактором роста экономики, отражая кризисное состояние с заработной платой вообще. Гарантируемый государством минимальный размер оплаты труда (МРОТ) не обеспечивал даже элементарного физиологического выживания работников и практически означал вообще отказ от каких-либо требований к работодателю по уровню оплаты труда работников и перенесения на уровень предприятия также и решения вопроса о минимальной заработной плате. В 2000 г. минимальная зарплата (месячная) равнялась 132 р., что составляло 8% прожиточного минимума трудоспособного населения, который равнялся 1700 р., а средняя заработная плата — 171% от него [5]. За 10 лет положение радикально изменилось. В 2011 г. МРОТ по всей РФ был определен в 4611 р., а процентное соотношение МРОТ к размеру прожиточного минимума в I квартале 2011 г. составляло 66,8% [6].

Однако если говорить не об относительных росте МРОТ, а об абсолютных размерах оплаты труда, в том числе минимальных его размерах, то положение совсем не такое радужное. Так, согласно расчетам Европейского статистического бюро — Eurostat за 2010 г., минимальная месячная зарплата составила в Болгарии 123 евро (ок. 4920 р.), в Румынии 142 евро, в Литве 232 евро, в Латвии 254 евро, в Эстонии

278 евро (ок. 11120 р.). В масштабах всего ЕС наибольшими минимальными заработными платами могут похвастаться Люксембург (1683 евро), Ирландия (1462 евро) и Нидерланды (1408 евро). Для сравнения: минимальная зарплата в США составляет 872 евро [6].

В ходе экономических преобразований социалистическая нерыночная модель экономики, в которой заработная плата являлась формой доли работника в национальном доходе и росла, хотя и медленно, была поэтапно трансформирована в несоциалистическую, но по сути отличающуюся и от рыночной модели. Она стала определяться не рынком и не государственным регулированием, а новыми собственниками, причем достаточно произвольно, и является по существу формой доли работника в доходе предприятия, а не ценой труда. Сокращение реальных доходов населения и увеличение неравенства в доходах стали главными тенденциями уровня жизни в России на протяжении последних двадцати лет, результатом чего стало беспрецедентное повышение численности бедных, т. е. живущих на доход ниже прожиточного минимума.

Инструментом выравнивания доходов с целью стабилизации социально-экономической ситуации является налоговый механизм. Практически во всех развитых капиталистических странах индивидуальные подоходные налоги облагаются по прогрессивной шкале, хотя изменение задач налоговой политики может повлиять на величину дифференцированных ставок подоходного налога. В США, например, переориентация ее роли со стабилизирующей рост доходов в отдельные фазы делового цикла на стимулирующую экономический рост привела к тенденции снижения высшей ставки подоходного налога на богатейшие слои населения. Так, в 1954—1962 гг. эта предельная ставка составляла 91%, в 1962—1981 гг. — 70, с 1981 г. — 50% [5]. Изменяется и сумма дохода, по отношению к которой применяется дифференцированная ставка, что связано с непрерывно идущей инфляцией, а также число интервалов доходов, подлежащих налогообложению. Очевидно, что наше налоговое законодательство с его единой 13%-ной налоговой ставкой никак не может способствовать решению проблем выравнивания доходов и социальной стабилизации, которая связана с ростом средних слоев.

Измерению неравенства, которое может угрожать социальной стабильности, в допостиндустриальной экономике придавалось большое значение. Его результаты использовались в целях разработки социальной политики, направленной на смягчение этого неравенства. Возможно несколько способов его смягчения, в том числе расчет децильных коэффициентов, показывающих различие доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных групп населения. Считается, что границей социальной стабильности является ситуация, когда этот разрыв

превышает десятикратную величину. В середине 1990-х гг. децильный коэффициент составлял, по некоторым подсчетам, в США чуть более 10, в странах Западной Европы — 8, а в России — 16 раз [5]. В настоящее время, по официальным данным, он остался на том же уровне, хотя более реальной цифрой считается 30, а то и 40 раз. В начале 2000-х гг. высказывалась точка зрения, что раз дифференциация растет практически во всех странах, то не о чем и беспокоиться. Но беспокоиться, видимо, есть о чем, если в сентябре этого года в Ярославле на ежегодном Мировом политическом форуме прошла секция с названием «Богатые и бедные — где справедливость?». Выступивший там профессор Принстонского университета (США), лауреат Нобелевской премии по экономике Пол Кругман заявил: «Экономические показатели ужасны по обеим сторонам Атлантики. И, очевидно, если вы спросите, кто возьмет это бремя на себя, то это будут бедные. Именно они возьмут на себя бремя серьезной экономии. Это будет откат бедных в их положении... Это экономическая катастрофа в истории экономики» [7].

Литература

1. *Портер М.* Международная конкуренция. М., 1993.
2. Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 7.
3. *Соболевская А.А., Попов А.К.* Постиндустриальная революция в сфере труда. М., 2009.
4. *Соболевская А.А.* Заработная плата и инфляция в рыночной экономике // Труд за рубежом. 2010. № 1—2.
5. *Соболевская А.А.* Роль заработной платы в рыночной экономике // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 12.
6. <http://mojazarplata.ru/main/minimumwages>.
7. Завтра. 2011. № 37.

П.С. ТОЛКАЧЕВ

Понятие экономической аксиологии

Аннотация. В статье анализируется двуединый духовно-материальный характер всех экономических процессов и отношений. Обосновывается тезис, что экономическая аксиология характеризует экономические явления в их совершенном духовно-материальном состоянии.

Ключевые слова: экономика, духовно-материальный процесс, экономическая аксиология.

Abstract. The article analyzes the dual nature of the spiritual and material of all economic processes and relationships. Substantiates the thesis that economic axiology characterizes the economic phenomena in their perfect state of spiritual and material.

Keywords: economy, spiritual and material process, economic axiology.

Данной статьей мы завершаем исследование проблемы, озаглавленной нами «Духовный вектор экономического развития» (см.: [1—3]). В предыдущих публикациях нами были исследованы движущие духовные силы экономического развития, и в этом аспекте были рассмотрены высшие хозяйственные цели современных мировых цивилизаций и национальных государств. В настоящей работе мы остановимся на характеристике категории «экономическая аксиология», поскольку она играет ведущую роль в понимании духовно-нравственных начал экономики, но до сих пор не имеет, образно говоря, официального экономического статуса и выносится за скобки предмета экономической теории.

Термин «аксиология» был введен в научный оборот французским философом Полем Лапи в 1902 г. В философии аксиология (греч. *axia* — ценность; *logos* — слово, учение) — дисциплина, занимающаяся исследованием ценностей как смыслообразующих оснований человеческого бытия, она изучает структуры и иерархии ценностного мира и способы его познания. В философии сложились два основных аксиологических направления: субъективное и объективное. Для первого характерно релятивистское понимание ценностей. Объективное же течение полагает, что ценности не зависят от субъекта и его оценочных суждений. Здесь ценность признается первичной по отношению к оценивающему. Объективистская аксиология, составляющая прямую противоположность субъективистской, настаивает на существовании онтологически независимого от субъекта царства ценностей, по отношению к которым он оказывается в положении реципиента [4].

В современной литературе под *экономической аксиологией* понимаются ценностные характеристики экономических отношений. «Экономическое бытие, — утверждает А.И. Субетто, — пронизано ценностными отношениями. Оно есть аксиологизированное бытие» [5]. Как и в философии, тут противостоят оба вышеназванных направления. Сторонники субъективного подхода отвергают объективный характер экономической аксиологии. «Сфера анализа ценностей и оценок (красиво именуемая “аксиологией”), — пишет О.Ю. Мамедов, — сфера иррационального таинства, ибо по природе

своей есть область субъективного и произвольного. И какие бы мощные интеллектуальные потуги объективирования (в чем, собственно, и состоит “онаучивание” любого направления познания) аксиологии ни демонстрировали социологи, не дается им это уже века полтора... Стараниями Г. Риккерта, М. Вебера и П. Сорокина в социологии произошел “аксиологический переворот” — ценности были признаны главной побудительной силой общественного развития... Аксиологическая реальность предстает истязательным интеллектуальным занятием, будучи трудным восхождением от знания к оценке: *знание* → *понимание* → *применение* → *анализ* → *синтез* → *оценка*. Акция личностного самоопределения — такова социальная парадигма социологии» [6, 5—6].

В вышеприведенной цитате в критической форме обозначена теоретическая и методологическая незавершенность концептуальной разработки объективистского направления в экономической аксиологии. Зачастую, представители последнего сводят экономические ценности к одним только духовно-нравственным категориям: справедливости, достоинства, честности, милосердия и т. д. Упускается из вида двойственный — духовно-материальный — характер экономического процесса. Экономика в своем самом глубинном сущностном понимании есть духовно-ориентированное воспроизводство материальной жизни человека и общества. *И как человек есть единство духовных и материальных свойств, так и экономика выражает то же самое диалектическое единство противоположностей.*

Существование человека (и общества) в природе связано с необходимостью создания материальных средств к жизни. Однако человек, в отличие от природной системы и всех ее элементов, — несовершенен. И все, что он создает, несовершенно. Благодаря своему разуму человек понимает, что *устойчивое земное существование могут иметь только совершенные явления*. Поэтому он с абсолютной внутренней необходимостью формирует внутри своего сознания *идеальный образ совершенного земного бытия* — как в духовном, так и материальном аспектах. *Противоречие между несовершенным состоянием человека (и общества) и необходимостью его совершенного бытия разрешается в направленности процесса материального воспроизводства жизни к достижению этого совершенного состояния.*

Совершенное материальное бытие предполагает четкую взаимосвязь духовных и материальных компонентов земной жизни человека и общества. Например, прокламируемая *экономиксом* безграничность материальных потребностей (при ограниченности имеющихся ресурсов) есть однозначная нравственная установка для западного социума

любым путем добиваться своего земного идеала¹⁶. Совершенно ясно, что этот духовный вектор *a priori* предписывает Западу завоевание ресурсной базы планеты. Отсюда вытекает продолжающаяся уже половину тысячелетия постоянная агрессивность западного общества по отношению ко всему остальному человечеству.

Общественно-признанные формы экономического идеала различны у различных человеческих социумов. Есть, разумеется, некоторые общие свойства, однако аксиологические разногласия внутри человеческого сообщества не только существуют, но могут послужить причиной военных конфликтов. Это особенно характерно для современной эпохи, чреватой цивилизационным противостоянием¹⁷.

На фоне осмысления национальных экономических ценностей происходит пересмотр экономических взглядов и воззрений и в среде российских экономистов. Расширяющийся у нас в последнее время интерес к исследованиям в области экономической аксиологии вовсе не связан, как пишет цитируемой нами выше О.Ю. Мамедов, с уходом от экономической реальности в некие надмирные области, а поиском собственного — российского — пути социально-экономического развития, ибо усиленная реализация за последние двадцать лет западной экономической модели не прижилась на российской почве.

Литература

1. Толкачев П.С. Духовно-нравственные начала экономики // Философия хозяйства. 2011. № 2.
2. Толкачев П.С. Духовно-нравственные ориентиры мировой экономики // Философия хозяйства. 2011. № 3.
3. Толкачев П.С. Цели национального экономического развития // Философия хозяйства. 2011. № 5.
4. Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. М., 2004.
5. Субетто А.И. Введение в философию экономики и экономической науки. На базе какой философии формировать философию экономики и экономической науки? // Академия Тринитаризма. М., Эл № 77-6567, публ.11781, 28.01.2005.

¹⁶ По отношению к другим обществам, ресурсы которых Запад использует для достижения своих экономических идеалов, эта же самая аксиологическая установка вряд ли может вызвать ответное нравственное сочувствие.

¹⁷ На опасность приближающейся цивилизационной войны указывает в своих работах известный американский историк и социолог Самюэль Хантингтон [7].

6. Мамедов О.Ю. Экономическая аксиология: поветрие в безветрие? // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2003. № 4. Т. 1.

7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.

П.А. КРАСНОКУТСКИЙ

Преимущества применения кластерного подхода с позиций теории транзакционных издержек*

Аннотация. В статье анализируются перспективы снижения основных видов транзакционных издержек при использовании современных форм пространственной интеграции — экономических кластеров.

Ключевые слова: транзакционные издержки, кластерный подход, формы пространственной интеграции, точки экономического роста.

Abstract. In this article author analyses the prospects for reducing core types of transaction expenses by using modern forms of space integration — economic clusters.

Keywords: transaction expenses, cluster approach, forms of space integration, points of economic growth.

Экономический кластер — одна из наиболее перспективных современных форм интеграции представителей научно-образовательной среды, территориальных органов власти и бизнес-сообщества, получившая свое развитие с 1970—1980 гг. и к настоящему моменту нашедшая самое широкое распространение практически во всех экономически развитых странах. Причиной успеха применения кластерной парадигмы в практической деятельности является то, что кластер обеспечивает для всех его участников целый ряд преимуществ, недостижимых при иных формах пространственного взаимодействия. Как подчеркивает профессор А.Е. Шаститко, «...один из фундаментальных тезисов, которые объясняют актуальность кластерной проблематики, сводится к следующему: повышение конкурентоспособности на

* Публикация подготовлена на основе поисковой научно-исследовательской работы «Моделирование региональных инновационных систем на основе кластерного подхода», проведенной при поддержке ГК-П1089 в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009—2013 гг.

уровне сектора и/или региона может быть достигнуто только усилиями многих компаний, которые, конкурируя друг с другом и/или взаимодействуя друг с другом в рамках вертикальных или конгломератных соглашений, создают локальную бизнес-среду, опираясь на свойства которой выявляют новые возможности использования известных ресурсов и создают новые ресурсы...» [1, 27]. Выгоды, извлекаемые из применения данного подхода участниками кластера, подробно рассмотрены в трудах крупных зарубежных ученых, в частности, основоположника кластерной теории профессора М.Э. Портера и его последователей — К. Кетелса, О. Солвелла и др. В отечественной экономической литературе данной проблематике посвящены работы Г.Б. Клейнера, А.Е. Шаститко, И.В. Пилипенко, А.Н. Киселева, Е.С. Куценко, Е.В. Беляковой и др. Вместе с тем в указанных работах дается лишь описание инновационных кластерных эффектов или же анализ создания цепочки добавленной стоимости в рамках кластера, но при этом практически не затрагивается такой важный аспект, как экономия на издержках, прежде всего, транзакционных (одной из немногих статей, посвященных данной проблематике, является работа А.Е. Шаститко «Кластеры как дискретная структурная альтернатива управления транзакциями»). В этой связи целью настоящей работы является анализ преимуществ применения кластерного подхода с позиций теории транзакционных издержек.

В современной экономической теории сложился целый ряд подходов к определению транзакционных издержек. Фундаментальные основы данной теории были изложены в работах лауреата Нобелевской премии Рональда Коуза «Природа фирмы» (1937) и «Проблема социальных издержек» (1960). Исследователи понятия «транзакция» отмечают, что «...транзакция — любая операция (действие, акт) субъекта экономики, в котором участвует хотя бы один контрагент...» [2, 111]. При этом, как подчеркивается, оно не тождественно понятию «операция», поскольку операция может быть осуществлена без контакта с кем-либо, транзакция же предполагает именно взаимодействие субъектов рынка. Таким образом, в наиболее общем виде под транзакционными издержками принято понимать издержки сбора и обработки информации, издержки проведения переговоров и принятия решений, издержки контроля и юридической защиты выполнения контракта [3, 57]. При этом следует особо обратить внимание на тот факт, что в современной экономической литературе понятие транзакционных издержек применяется как к издержкам внешних контрактов, так и к издержкам контроля (внутренним издержкам), а также к так называемым политическим издержкам.

В экономической теории встречается понятие нулевых транзакционных издержек, однако для большинства исследователей, равно как и

для самого Коуза, «...случай с нулевыми транзакционными издержками был лишь переходной ступенькой для рассмотрения реальных жизненных ситуаций, где транзакционные издержки положительны...» [4, 213]. Действительно, сами по себе «...транзакционные издержки могут быть скрыты от стороннего наблюдателя, однако непосредственные участники экономического процесса все равно вынуждены считаться с ними...» [4, 205]. Следовательно, транзакционные издержки необходимо рассматривать в качестве объективно существующей экономической реалии, играющей важную роль в рыночных взаимодействиях фирм и других институтов.

Существует несколько классификаций транзакционных издержек, однако для достижения цели данного исследования будет целесообразно воспользоваться следующей классификацией их видов (рис. 1).

Рис. 1. Классификация видов транзакционных издержек

Кроме того, представленную на рис. 1 классификацию следует, на наш взгляд, несколько расширить. В частности, в ряде работ выделяются также издержки выявления альтернатив; издержки спецификации и защиты прав собственности; издержки оппортунистического поведения и др. [5]. При этом следует помнить, что издержки оппортунистического поведения могут возникать как внутри фирмы, так и в резуль-

тате ее взаимодействия с рыночными контрагентами, а, следовательно, их достаточно сложно отобразить в рамках представленной на рис. 1 классификации. Вместе с тем, как показывают работы ряда исследователей, они играют исключительно важную роль в обеспечении эффективной работы фирмы на рынке.

Рассмотрев классификацию видов транзакционных издержек, представленную на рис. 1, целесообразно, на наш взгляд, перейти к анализу базовых аспектов функционирования кластеров, способствующих снижению указанных издержек.

1. Внутренние транзакционные издержки. Как уже отмечалось, кластер представляет собой форму пространственной интеграции представителей трех основных экономических институтов — бизнес-среды, органов власти и научных организаций. При этом в процессе функционирования кластера формируются преимущества, недостижимые при иных формах интеграции. В частности, для того, чтобы воспользоваться преимуществами от взаимодействия с научно-исследовательской средой, фирме следовало бы либо приобретать научные разработки на рынке, либо формировать вертикально интегрированную структуру первого типа (интеграция ресурсов). В первом случае существует вероятность приобрести технологию, не полностью соответствующую потребностям фирмы, или заплатить за это большую цену. Реализация второго сценария с необходимостью предполагает снижение внешних транзакционных издержек, но он, по мнению ряда исследователей, «...связан с усложнением процесса управления вместе с увеличением масштаба фирмы, следовательно, с ростом издержек на управление...» [6, 206]. В данном случае применение кластерного подхода позволяет в некоторой степени снизить издержки контроля, поскольку ряд непрофильных функций в рамках кластера передается специализированным экономическим субъектам посредством механизма аутсорсинга. В частности, по мнению Т.Б. Батуевой, в данном контексте «...использование аутсорсинга позволяет... использовать ряд преимуществ при создании новых проектов так, что достижение целей и задач будет осуществляться не только за счет низких затрат, но и за счет лучшего качества...» [7].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что интеграция фирм в рамках кластера позволяет им снизить внутренние транзакционные издержки (издержки контроля) за счет применения механизмов аутсорсинга.

2. Политические транзакционные издержки. Следует отметить, что при использовании кластерного подхода органы власти играют достаточно специфическую роль. С одной стороны, как подчеркивает И.В. Филипенко, «...кластерная политика, безусловно, необходима,

ведь она по своей сути концентрируется на решении главных проблем российской экономики...» [8, 1]. С другой стороны, по словам Е.С. Куценко, «...наиболее полемичным вопросом в отношении процесса формирования кластеров является вопрос о возможности искусственного создания кластера...» [9]. Сущность проблемы, о которой идет речь, заключается, следовательно, в возможности директивного создания кластера. Большинство исследователей данной проблемы сходятся во мнении, что кластер выступает формой добровольного объединения на основе общности интересов его участников. В этой связи, формирование кластеров на основе одной лишь политической воли не является возможным. Вместе с тем, как подчеркивает в своей работе А.Е. Шаститко, «...существуют примеры целенаправленного формирования кластера, как это, например, произошло во Франции с кластером высоких технологий София-Антиполис (Sophia-Antipolis), который начал формироваться в последней трети XX века и в настоящее время представляет собой сложившийся кластер компаний, специализирующихся на производстве программного обеспечения, медицинской техники...» [1, 40].

Таким образом, роль органов власти как политических институтов в данном процессе в целом сводится к обеспечению условий для формирования кластера на данной территории (развитие инфраструктуры, совершенствование нормативно-правовой базы и т. д.). Как показывает практика, в российских реалиях достаточно высок риск оппортунистического поведения со стороны органов власти, что является серьезным препятствием для проведения эффективной кластерной политики. Оппортунизм при этом проявляется, прежде всего, именно в вопросах, касающихся непосредственного обеспечения необходимых условий (особенно острой представляется проблема инфраструктурного обеспечения). В целом стоит отметить, что в последнее время необходимость применения кластерного подхода получила законодательное закрепление в ряде важных документов, что, на наш взгляд, следует отнести к числу положительных тенденций, поскольку служит свидетельством проявления политической воли высших органов государственной власти. В частности, в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации», утвержденной распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р, в разделе, посвященном основным приоритетам социальной и экономической политики в области сбалансированного пространственного развития, предусмотрено «...формирование ряда инновационных высокотехнологических кластеров в европейской и азиатской части России...» [10]. В рамках указанной Концепции сформирован целый ряд документов регионального уровня, в которых необходимость создания кла-

стеров также нашла свое отражение. Кроме того, разрабатываемый проект «Инновационная Россия—2020 (Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года)» определил развитие инновационных кластеров в качестве одного из приоритетных направлений в разделе IX «Территории инноваций» [11, 83].

3. Внешние издержки. При рассмотрении возможностей снижения внешних транзакционных издержек в рамках кластера следует помнить о специфических особенностях данной формы пространственной интеграции, достаточно подробно рассмотренных выше. В частности, ранее подчеркивалось, что предприятия объединяются в кластер на добровольной основе. Следовательно, между внутрикластерными фирмами существует не только и не столько конкуренция (являющаяся, безусловно, неотъемлемой составляющей кластера как рыночной экономической системы), но, что более важно, определенная общность интересов, т. е. сонаправленность векторов развития. Указанная общность интересов и является в данном случае основой для снижения внешних транзакционных издержек.

Согласно мнению В.В. Разумова, следует выделять следующие группы расходов, связанных с информацией и ее поиском при подготовке контракта [2, 118].

1. Издержки, связанные с «общением» сторон. Поскольку кластер пространственно локализован в рамках определенной, чаще всего, достаточно ограниченной территории, данный тип издержек при применении кластерного подхода может быть существенно снижен.

2. Издержки поиска информации о ценах различных поставщиков и покупателей того или иного продукта. Данный тип издержек при применении кластерного подхода также может быть существенно уменьшен, поскольку в рамках кластера, как правило, объединяются не только производственные, но и сбытовые фирмы, что позволяет избежать вертикальной интеграции (второго типа) и связанных с ней негативных последствий, которые частично были рассмотрены выше.

3. Расходы на тестирование и контроль качества. Возможности снижения данного типа издержек при применении кластерного подхода достаточно ограничены и обусловлены, в основном, тем, что предприятиям, интегрированным в рамках кластера, изначально невыгодно производить продукцию низкого качества, что связано с внутрикластерной конкуренцией и риском для фирмы, производящей подобный товар, лишиться долгосрочных преимуществ, связанных с объединением.

4. Издержки подбора квалифицированного персонала. Как подчеркивают многие исследователи, данная проблема является одной из крупнейших в сфере услуг. Подбор квалифицированного персонала —

внутрифирменная статья транзакционных расходов компаний, работающих в данной области. Возможность снижения степени остроты данной проблемы при применении кластерного подхода вытекает из структуры самого кластера. Как уже упоминалось, в его состав часто включаются научно-исследовательские организации, чаще всего подразделения профильных вузов. Следовательно, существует возможность подготовки высококвалифицированного персонала, профессиональные навыки и качества которого изначально ориентированы на потребности рынка. Подобная практика получила широкое распространение в ряде западных стран, где кластеры успешно развиваются уже в течение нескольких десятилетий. В качестве примера можно привести *ICT*-кластер Финляндии, успешность функционирования которого, по мнению специалистов, во многом обусловлена тем, что входящие в его состав «...университеты и исследовательские институты поддерживают развитие кластера путем обучения высококвалифицированных специалистов...» [12, 378].

5. Расходы на заключение контракта. По мнению ряда исследователей, «...эти издержки возникают в том случае, когда суть сделки примерно ясна и стороны торгуются, пытаясь получить для себя наиболее выгодные условия... Это значительная категория расходов уже потому, что ведение переговоров и принятие решений — функция самых высокооплачиваемых сотрудников компании» [2, 119]. Безусловно, данный вид издержек сохраняет свою значимость и для фирм, входящих в кластер. Вместе с тем, на наш взгляд, их снижение в данном случае представляется в некоторой степени возможным в том случае, если указанные издержки будут распределены между интегрированными фирмами.

6. Расходы на мониторинг и отстаивание своих интересов. Как отмечает в своей работе В.В. Разумов, «...в условиях трения, присущего реальному рынку, невозможно полностью контролировать своего контрагента... вступая между собой в контрактные отношения, субъекты неизбежно теряют часть своих ресурсов в результате “оппортунизма” партнеров и несовершенства информации» [2, 121]. Действительно, несмотря на описанные выше преимущества кластера в данном отношении, полностью устранить риски, связанные с данным видом издержек, в настоящий момент не представляется возможным.

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что, несмотря на изложенные в данной работе преимущества применения кластерного подхода, не следует воспринимать его как некий универсальный инструмент, способный решить все существующие проблемы. В этой связи верным представляется подход А.Е. Шаститко, определившего в своей работе кластеры именно как альтернативу управления

транзакциями. Следовательно, подчеркивая безусловную перспективность развития кластеров, не нужно забывать о том, что они неспособны в полной мере устранить ни проблему несовершенства информации, ни риски оппортунистического поведения, являющиеся наиболее сложными составляющими транзакционных издержек. Кроме того, сам механизм управления транзакциями в рамках фирм, интегрированных в кластер, существенно отличается от подобного механизма в неинтегрированных структурах и требует, безусловно, более детального рассмотрения с позиций не только транзакционных издержек, но и микроэкономической теории в целом, что может послужить основой для проведения дальнейших исследований в данной предметной области.

Литература

1. *Шаститко А.Е.* Кластеры как дискретная структурная альтернатива управления транзакциями // Научные исследования экономического факультета МГУ. Электронный журнал. 2009. № 1.
2. *Разумов В.В.* Неоинституциональная экономическая теория. М., 2005.
3. *Николаева Е.В.* Эволюция взглядов на проблему транзакционных издержек // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 1 (102).
4. *Коуз Р.* Фирма, рынок и право. М., 2007.
5. Виды транзакционных издержек // <http://www.gk.econ.msu.ru/%CC%E4%F3%EB%FC%5.doc>.
6. *Авдашева С.Б., Розанова Н.М.* Теория организации отраслевых рынков. М., 1998.
7. *Батуева Т.Б.* Особенности использования аутсорсинга как механизма эффективного взаимодействия предприятий и формирования кластеров // Вестник Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2008. № 3 // <http://www.oad.rags.ru/vestnikrags/issues/issue0308/issue0308.htm>.
8. *Пилипенко И.В.* Проведение кластерной политики в России // «Стратегия 2020»: от экономики «директив» к экономике «стимулов» / Приложение 6 к Ежегодному экономическому докладу Общероссийской общественной организации «Деловая Россия». М., 2008.
9. *Куценко Е.С.* Кластеры в экономике: основы кластерной политики государства // Обозреватель. 2009. № 11.
10. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. М., 2008.

11. Инновационная Россия—2020 (Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года) (проект). М., 2010.

12. *Romanainen J.* The Cluster Approach in Finnish Technology Policy // *Innovative Clusters: Drivers of National Innovation Systems*. OECD, 2001.

Т.В. МАРТЫНЕНКО

Концепции государства и государственной собственности в российской экономической мысли

Аннотация. В статье речь идет о влиянии мировоззрения на формирование концепции государства. Дается краткий обзор основных взглядов на государство и государственную собственность, основанных на православном мировоззрении.

Ключевые слова: государство, государственная собственность, мировоззрение, концепция.

Abstract. The article is about the worldview influence on the formation of state concept. Here is given the synopsis of main concepts of the state and state property, based on the orthodox point of view.

Keywords: state, state property, worldview, concept.

В науке принято за аксиому, что ученый должен проводить свое исследование в рамках определенной методологии. Любая методология основана на мировоззрении ученого. В частности, профессор-физик Томас Кун считал, что научные факты, которыми оперируют ученые, придерживающиеся разных мировоззрений, могут быть практически одинаковыми, а выводы при этом будут делаться совершенно противоположными. Он же ввел в научный оборот термин «парадигма». Под ней он понимал признанные всеми научные достижения, которые дают ученому сообществу через принимаемый им взгляд на мир методы решения научных задач [1, 170, 262].

К настоящему времени сформировалось два основных мировоззрения — религиозное и материалистическое. Все остальные являются частными случаями этих двух. В рамках первого мировоззрения существует понимание, что направление исторического процесса зависит от Бога и свободной воли людей. Второй подход опирается на материалистическое мировоззрение и идею развития, основанную на борьбе человеческих интересов.

Различие в мировоззрении приводит к тому, что прямо противоположным является понимание целей существования на земле человека и человеческого общества. По мнению Л. Тихомирова, взяв за основу то или иное мировоззрение, люди стремятся всего к двум целям: в одном случае — к осуществлению Царства Божия, в другом — к осуществлению вселенского царства человеческого [2, 27]. Соответствующим образом различаются и концепции государства, а следовательно, и государственной собственности.

В данной статье мы остановимся на рассмотрении государства и государственной собственности в российской экономической школе, опирающейся на православное мировоззрение. В связи с тем, что в России до начала XX в. существовала православная цивилизация, которая в хозяйственной сфере опиралась на религиозные ценности, необходимо учитывать прошлый опыт развития страны. Исследованиями ряда авторов установлено, что социо-код цивилизации сохраняется длительное время неизменным¹⁸ [4, 28—40; 5]. Данные социологических исследований подтверждают эту гипотезу. В современной России по-прежнему существует высокая однородность базовых ценностей многонационального населения Российской Федерации, что является духовным основанием целостности российского общества¹⁹.

Важность взаимосвязанного анализа концепции государства и государственной собственности обусловлена тем, что в православном мировоззрении существует тесная связь государства, власти, собственности с идеей Божеского устройства и направления дел человеческих. Нет власти не от Бога. Но верховная власть не абсолютна. Она ограничена волей и законом Бога, которому она должна служить.

Мировоззренческой и теоретической основой для исследования государственной собственности являются Ветхий и Новый завет, Домострой, труды представителей широкого спектра русской экономической школы. Фундаментом на пути становления целостного представления о собственности являются труды отцов церкви Иоанна Златоуста, Кирилла Александрийского.

В России была разработана методология философии хозяйства. В ней осуществляется мировоззренческое осмысление проблем соб-

¹⁸ По мнению Г. Морозовой, существует социогенетический культурный код, который включает в себя механизм наследственности, изменчивости и отбора в динамике цивилизации. Этот своеобразный культурный геном передается из поколения в поколение и является стержнем его цивилизационного сознания населения (см.: [3]).

¹⁹ Ядро базовых ценностей россиян составляют семья и порядок (см.: [6, 210—231]).

ственности во взаимосвязи с духовными факторами. В русской философии эти проблемы рассматривали Н.А. Бердяев («Философия неравенства», «Смысл истории», «Новое средневековье», «Истоки и смысл русского коммунизма»), С.Н. Булгаков («Философия хозяйства», «Свет невечерний»), Н.Ф. Федоров («Философия общего дела»). С.Н. Булгаков писал, что политическая экономия без философских основ «превращается в сумму эмпирических знаний и наблюдений, едва ли даже заслуживающую название науки» [7].

В российской экономической науке вопросы философии хозяйства разрабатываются школой профессора Ю.М. Осипова. В его работе «Опыт философии хозяйства» хозяйство рассматривается как феномен культуры и самоорганизующаяся система. Считается, что в процессе хозяйственной деятельности на поведение людей влияют, помимо экономики, культура, религия, право. Методология философии хозяйства позволяет религиозно осмыслить любую хозяйственную проблему. Философия хозяйства использует исторический подход к исследованию собственности и государства.

Теперь рассмотрим более подробно некоторые концепции государства и государственной собственности, основанные на православном мировоззрении.

Термин «концепция» в современном экономическом словаре определяется как генеральный замысел, определяющий стратегию действий при осуществлении реформ, проектов, планов, программ, или как система взглядов на процессы и явления в природе и обществе. Концепция государства помогает понять, в каком направлении оно движется и для каких целей используется его собственность.

Значительный вклад в исследование российского государства на основе православного мировоззрения внесли славянофилы К. Аксаков, П.Я. Данилевский, И.В. Киреевский, К.Н. Леонтьев, Ю.Ф. Самарин, Л.А. Тихомиров, А. Хомяков. Рассматривая эволюцию российского государства, К.С. Аксаков считал, что оно возникло путем призвания из-за моря для защиты общины от внешних врагов иностранных князей. Причем заморские князья были добровольно призваны народом, и эта добровольность положила начало мирному сосуществованию общины и государства, которые никогда не смешивались. Власть изначально выполняла защитную функцию. Существовало доверие между народом и представителями государства. Эта особенность была характерна для Московской Руси. Князья и царь считались с мнением народа (Вече, Земский Собор). Славянофилы подчеркивали, что такие отношения между властью и народом возможны только при наличии нравственности у народа.

Другой важной особенностью взаимодействия российского государства и общества было наличие самоуправления в рамках общины. По мнению К.С. Аксакова, государство было необходимо народу для защиты православной веры, традиционного народного быта, общины. Фактически славянофилы признавали существование двух видов власти: земли (общины) и государства. По мнению славянофилов, со времен Петра I был нарушен союз между Землей и Государством, и тем самым нарушилась гармония развития России [8, 115—118]. Все беды русского государства и русского народа пошли от этого разрыва, от того, что Россия ушла со своего пути и стремится подражать Западу.

Профессор права В.Н. Лешков также считал, что община (земство) послужила основой и почвой для государства. Наличие общинных начал доказывается существованием вече, народных собраний. По мнению В.Н. Лешкова, «русская общинность содействовала союзу народа в обществе и в государстве, родила указанные различия от Запада, образовала русскую историю и приобрела два великих начала общественности — личную свободу и общественное владение в земле» [9, 41]. Проводится четкая взаимосвязь между общинными началами в жизни русского народа и общим владением землей. Славянофилы считали, что Основой русского государства было не римское право, а мир и нравственное единство власти и народа, основанное на православной религии.

В концепции государства, разработанной славянофилами, выделяются следующие черты: а) признание России самобытной цивилизацией и, как следствие, отрицание слепого заимствования чуждого для нее западного опыта; б) выделение двух видов власти: государственной и общинного самоуправления; в) рассмотрение государства как необходимого зла, предназначенного выполнять функцию защиты общины и церкви, православной веры и народного быта; г) в правовых вопросах они считали, что для России свойственно преобладание внутренней правды над формальным законом [10, 68].

Наиболее полно, на наш взгляд, идею государственной власти, соответствующей идеалу православия, выразил Л. Тихомиров. В частности, он выступал за развитие России в рамках экономической автаркии и отдавал приоритет развитию внутреннего рынка. Л. Тихомиров отрицательно относился к политике, направленной на привлечение большого количества иностранного капитала в экономику страны, так как считал, что это «затягивает петлю на шее национального русского труда, все более нарушая необходимое его равновесие» [11, 42].

По мнению Л. Тихомирова, «государство должно всех подчинить требованиям национально-государственной задачи» [12]. Он выделяет

несколько важных принципов, на которых должно строиться государство. Во-первых, верховная власть должна быть независимой от посторонних влияний и подчиненной только Богу. С точки зрения христианина, верховная власть обязана исполнять не волю парламента и народа, а Божию, т. е. быть на страже справедливости, хотя бы против нее и стояло «большинство». Во-вторых, необходимо разделение верховной и управительной власти. Верховная власть должна отражать народный идеал, а правительство воплощать его в жизнь. В-третьих, необходим сильный социальный строй, включающий в себя все возможные в данной стране сословия, которые бы поддерживали власть и принимали живое участие в государственном строительстве. В-четвертых, нужно самостоятельное местное самоуправление. В-пятых, необходимо выдвинуть идею, объединяющую все народы, проживающие на территории данной страны. В-шестых, необходим бюрократический аппарат, который не должен быть чрезмерным и всевластным. Он должен быть гибким и персонально ответственным. В-седьмых, государство должно заботиться о нравственном здоровье нации и воспитывать ее. В-восьмых, это освобождение человека от «полного подчинения государству», ибо двух «полных подчинений» не может быть и, подчиняясь всецело Богу, христианин тем самым мог уже только условно подчиняться государству [13].

Из религиозного понимания власти в государстве логически вытекает теория государственной собственности.

Сформировалась русская философия собственности. Ее характерной чертой является связь собственности с человеческой личностью. Значительное внимание в своих работах проблемам государственной собственности уделил Н. Бердяев. Он был противником полного огосударствления собственности и считал, что если государство делается единственным собственником материальных благ, то полная экономическая зависимость лишает человека свободы. Никто не может быть абсолютным собственником, так как абсолютное право собственности принадлежит только Богу. Собственность дана как отдельному человеку, так и государству в пользование и должна быть употреблена на пользу. Поэтому право государственной собственности является ограниченным, а не безграничным.

Другой представитель русской экономической школы Б.Н. Чичерин отмечал, что существование государственности тесно связано с наличием собственности и свободы. Роль государства заключается в узаконивании собственности и свободы, но сущность собственности выводится им также из личности человека.

Современный исследователь проблем собственности Г.С. Солодова отмечает, что истинный христианин рассуждает о соб-

ственности лишь как приставник чужого имущества и это положение распространяется не только на каждого отдельного человека как мелкого собственника, но и на крупные предприятия разных сфер и форм собственности, вплоть до государства. Являясь лишь временным и не полным и безусловным собственником своих благ, человек выступает скорее как пользователь и управленец вверенных ему материальных ценностей [14, 161—162]. Таким образом, собственность, как и все в этом мире — лишь временное благо, а не вечное и неизменное как в западном праве.

В России сложилось представление, что собственность — функция труда, а не капитала. Легитимной признается только собственность, созданная трудом. Об этом свидетельствуют данные комплексных социальных исследований РАН при поддержке Фонда имени Ф. Эберта в Российской Федерации на роль собственности в современном российском обществе и отношения к ней россиян. В целом население страны поддерживает необходимость существования государственной собственности. 83% населения признают «правильной» только такую собственность, которая заработана честным трудом, а крупные состояния считаются нелегитимным [15, 13].

Рассматривая проблему границ государственной собственности, следует обратить внимание на то, что в православии существует понимание того, что блага мира предназначены для всех людей. По мнению Климента Александрийского, «Бог создал человечество для братского общения... все доставляя всем, даровав в общее достояние для всех. Бог дал нам наслаждаться, но только в пределах необходимого, и по Его воле наслаждение должно быть общим» (цит. по: [16, 208]). Исходя из такого понимания собственности, все природные богатства страны должны использоваться на благо всего общества, а не отдельных людей.

В связи с тем, что собственность — ценный дар, полученный от Бога, недопустимы расточительство, безумное растраниживание имущества. В современной России, к великому сожалению, действует противоположный принцип. Об этом говорят следующие данные. Выставлены на продажу даже блокирующие пакеты акций крупнейших российских портов: ОАО «Самарский речной порт», ОАО «Тверской порт», ОАО «Северо-Западное пароходство» (SZRP), ОАО «Туапсинский морской торговый порт» (ТМТП), ОАО «Енисейское речное пароходство» (ЕРПА). Кому же перешли инфраструктурные отрасли?

Основным акционером ОАО «Туапсинский морской торговый порт» (ТМТП) — основного оператора морского порта в Туапсе — является международный транспортный холдинг Universal Cargo Logistics Holding BV. Ему принадлежит 69,25% ценных бумаг ТМТП.

Туапсинский морской порт входит в пятерку крупнейших портов в России. Общий грузооборот порта в Туапсе составляет более 20 млн т, в том числе свыше 14,5 млн т нефтепродуктов [17]. Фактически государство передает стратегический объект в руки международной транснациональной корпорации. Более того, облегчен доступ иностранцев в другие стратегические отрасли. Правительство России расширило возможности для доступа к приватизации иностранных инвесторов. Предполагается, что будет предоставлена возможность продавать активы не по конкурсу, как сейчас, а на основе так называемых прямых продаж определенному инвестору, а также передачи в управление на бесконкурсной основе стратегическому партнеру на длительный срок 20—30 лет. При продаже и оценке государственных активов в качестве консультантов должны использоваться инвестиционные банки. При этом преимущества предоставлены иностранным консультантам.

Минимизация государственного участия в российской экономике работает не в интересах национальной экономики, а в интересах крупного международного капитала, способствует выводу капитала из российской экономики. Только в I квартале 2011 г. чистый отток капитала из России составил 21,3 млрд дол. За 2010 г. отток капитала достиг 35,3 млрд дол. [18]. За передачей в руки иностранных инвесторов стратегических объектов последует сильная зависимость от иностранного капитала.

Управление государственной собственностью — это тяжелый крест. Чтобы исполнять свое предназначение власть должна служить Богу и делать добро. Покойный патриарх Алексий II писал: «Принимать решения, от которых зависит судьба или жизнь миллионов, — не столько привилегия, сколько тяжелая ноша, испытание, выдержать которое возможно только с помощью Божией, стяжав дар мудрости и самоотвержения, любящего сердца и твердого духа» [19].

Обобщая взгляды различных представителей русской философской и экономической мысли, основанной на православном мировоззрении, на государство и государственную собственность, можно выделить ряд базовых принципов:

- доминирование религиозного понимания государства и государственной собственности;
- нравственная оценка государства и собственности и признания ответственности за принимаемые решения;
- богатство, материальный успех рассматривается не как цель деятельности человека и развития общества, а как средство для достижения царства Божьего;
- выведение любого вида собственности, в том числе и государственной, из человеческой личности, ее свободы;

- рассмотрение государства как духовной общины, отражающей общие интересы ее членов, но в то же время как силы, сдерживающей распространение зла;
- признание относительности всех прав собственности, их ограниченности: Верховный собственник — Бог, а все остальные лишь управители доверенной им собственности;
- необходимость соблюдать земной закон, если он не противоречит Божественным заповедям, стремление к правде.

Литература

1. Кун Т. Структура научных революций. М., 2003.
2. Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории. Приложение к журналу «Москва» // http://www.hrono.ru/statii/2005/tikhomirov_relig.html (дата обращения: 15. 10.2011).
3. Морозова Г.А. Третий Рим против нового мирового порядка / Под ред. О.А. Платонова. М., 2009 // <http://www.rusinst.ru/>.
4. Бессонова О.Э. Институциональная модель российской экономики: ретроспектива и современный вектор развития // Экономическая наука современной России. 2008. № 4.
5. Бессонова О.Э. Интегрально-институциональная парадигма цивилизационного развития как новая методология познания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. XI. № 2 (43).
6. Лапин Н.И. Базовые ценности, социальное самочувствие и доверие институтам власти // Модернизация экономики и общественное развитие. Т. 2. М., 2007.
7. Булгаков С. Философия хозяйства. (Мир как хозяйство) // <http://magister.msk.ru/library/philos/bulgakov/bulgakov01.htm> (дата обращения: 15.10.2011).
8. Белов А.В. Тема «государство» и «народ» в концепции славянофила К.С. Аксакова // Русская философия и российская государственность. Ростов н/Д, 2009.
9. Лешков В. Русский народ и государство: История русского общественного права до XVIII в. М., 1858.
10. Васильев А. Государственно-правовой идеал славянофилов / Под ред. О. Платонова. М., 2010.
11. Тихомиров Л.А. Земля и фабрика. М., 1899.
12. Тихомиров Л.А. Политика путей сообщения // Московские ведомости. 1909. № 206.
13. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность // http://www.russia-talk.com/mg/mg_0.htm (дата обращения: 15.10.2011).

14. *Солодова Г.С.* Некоторые воззрения христианства: собственность, богатство и бедность. Новосибирск, 2006. № 1.
15. *Горшков М.* Эволюция общественного мнения россиян в период рыночной трансформации // Общество и экономика. 2006. № 7—8.
16. *Сомин Н.* Климент Александрийский и Иоанн Златоуст: два взгляда на собственность // http://ruskline.ru/analitika/2011/01/05/klient_aleksandrijskij_i_svt_ioann_zlatoust_dva_vzglyada_na_bogatstvo_i_sobstvennost/.
17. Федеральное агентство по управлению государственным имуществом. Мониторинг СМИ. Обзор информации 11 января 2011 года // <http://ca.rosim.ru/press.aspx?CatalogId=315796&year=2011> (дата обращения: 19.02.2011).
18. *Васильева К.* В I квартале 21,3 млрд дол. покинули родину // Экономика и жизнь. 2011. № 13 (9379).
19. *Патриарх Алексий II.* Церковь. Общество, политика: взгляд из Москвы // Европейский взгляд. 2007. № 7.

Д.Э. ПОЛОНСКИЙ

Диверсификация лояльности потребителей в условиях сервизации экономики

Аннотация. В условиях постиндустриальной экономики с преобладанием доли услуг как третичного сектора в экономике развитых и развивающихся стран особое значение принимает исследование сервисной составляющей услуг, в частности, лояльности и антилояльности потребителей, в связи с чем интерес представляет клиентоориентированный подход к оценке ресурсов фирмы, в том числе нематериальных.

Ключевые слова: постиндустриальная экономика, сервизация, лояльность и антилояльность потребителей, клиентоориентированный подход, кастомизация, нематериальные активы.

Abstract. In the conditions of postindustrial economy with prevalence of a part of services as a tertiary sector in economy of developed and developing countries, there is some special value in the research of a service component of services, in particular, loyalty and antiloyalty of consumers; in this connection, some interest represents the client-oriented approach to the assessment of resources of a firm, including intangibles.

Keywords. Postindustrial economy, servization, loyalty and antiloyalty of consumers, client-oriented approach, customization, intangible assets.

В постиндустриальную эпоху экономика из индустриальной преобразовывается в сервисную. *Сервисный менеджмент* — система управления, согласно которой операторы рынка принципиально ориентируются на удовлетворение потребностей конкретного клиента. Менеджмент в сервисной экономике носит интегративный характер и охватывает функции маркетинга, управления операциями и управления человеческими ресурсами.

Ход экономической истории в XX в. в известной мере подтвердил теоретическую концепцию Д. Белла о стадиях развития цивилизации как доиндустриального, индустриального и постиндустриального обществ [1].

Экономически наиболее развитые страны Запада более 20 лет назад вступили в новую постиндустриальную стадию развития. По словам профессора В. Иноземцева, «постиндустриальная доктрина, будучи адекватной теорией, выдвинула несколько важных положений, что позволяет ей рассмотреть целый ряд исключительно важных проблем. В рамках постиндустриализма эмпирический материал всегда оказывается первичным по отношению к теоретическим тезисам, и это также представляется ценным качеством этой теории» [2, 104].

По общему признанию сторонников концепции постиндустриального общества, наиболее фундаментальным признаком происходящих перемен являются переориентация производства с просто создания материальных благ на предоставление услуг в широком смысле слова и генерирование информации. В свою очередь внутри сервисного сектора наиболее интенсивно процессы изменения структуры рабочей силы и занятости идут не в отраслях, предлагающих традиционные услуги (бытовые, транспортные, торговые), а там, где потребители выступают как индивидуальности, где производство услуги и ее потребление персонифицированы и неразрывно связаны.

Таким образом, современные взгляды на будущее общества основываются на представлении о предопределенности развития и совершенствования самого человека как личности и как работника. Это ставит во главу угла выявление длинных и сложных цепочек личных и общественных потребностей, в том числе в создании благоприятной среды обитания, поддержании здоровья, росте информированности, постоянном повышении интеллектуального уровня и т. п., и их операционное обеспечение через рыночные и нерыночные институты. Соответственно на вершине потребностей оказываются услуги здравоохранения.

нения, образования, индустрии отдыха и развлечений, телекоммуникаций и других отраслей подобного рода.

Качественные изменения в характере и ориентации современного общества, происходившие в XX столетии, обусловили хронологию последовательной смены конкретных экономических моделей развития и соответствующих парадигм управления хозяйственными объектами, совпадающую в целом с периодизацией, представленной в модели Д. Белла:

- начало — середина XX в. — период, характеризующийся ориентацией предприятий на эффективное использование своего ресурсного потенциала и предложение совокупному потребителю товаров и услуг, которые хозяйствующие субъекты могли и считали нужным производить (наиболее выразительной моделью такого предприятия является массовое производство стандартной продукции в течение многих лет или даже десятилетий);
- 1950-е гг. — середина 1980-х гг. — период доминирования производственно-маркетингового подхода с ориентацией на крупные сегменты массового рынка;
- с середины 1980-х гг. — современный этап экономического развития, когда главным для успеха бизнеса являются своевременное обнаружение и реальное обеспечение потребностей клиентских групп и по возможности конкретного клиента.

Последний феномен, получивший первоначально в англоязычной, а затем и мировой научной литературе по сервисному бизнесу название «кастомизация» (от англ. *customer* — потребитель), означает особый, индивидуализированный подход к удовлетворению потребностей отдельного клиента и считается идеалом взаимодействия по линии «поставщик услуг — клиент». Он не только привлекателен по этическим соображениям, но и экономически выгоден, поскольку обеспечивает конкурентное преимущество благодаря созданию более высокой стоимости (ценности) для клиента. Данная концепция, получившая научное развитие у ряда исследователей под названием «сервисная фабрика», распространяется помимо сектора услуг на любую бизнес-деятельность, а применение соответствующих принципов и приемов работы рассматривается как обусловленная конкуренцией необходимость, которую часто называют *сервисным императивом* [3, 61—69].

В этой связи производство услуг, призванное по своей сути обслуживать клиента, удовлетворяя его насущные личные или корпоративные потребности, становится доминантой для менеджмента современных организаций, его концепций, методов и приемов и определяет конкурентные стратегии, основанные на навыках и умениях предоставлять высококачественный сервис. Общество, институты которого,

прежде всего экономические, готовы реализовать такие подходы, становится в подлинном смысле сервисным, а экономика из индустриальной преобразовывается в сервисную.

Возникновение и развитие рынков услуг, усиление конкурентной борьбы за клиентов придают новый, качественно иной, чем ранее, смысл деятельности предприятий, требуют их ориентации не только на общественные запросы, но — и прежде всего — на личные потребности человека.

Сервисная экономика отличается изменением мировоззрения руководителей и менеджеров предприятий. Для достижения успеха нужны новый менталитет, иные способности и организационные формы. Главные различия между сервисной и индустриальной экономикой заключаются в следующем.

В индустриальной экономике производители нацелены на максимизацию выпуска товарной продукции; понятие «полезность» отождествляется с материальным продуктом; качество является синонимом понятия «хорошо изготовлено»; основные технологии сосредоточены в области преобразования сырья в готовую продукцию; менеджмент носит «механистический» характер из-за чрезмерной упорядоченности и иерархической организации.

В сервисной экономике предприятия и фирмы, прежде всего, стремятся повысить эффект полезности путем более полного удовлетворения специфических потребностей клиента; полезность определяется характером использования и уровнем совершенства так называемого сервисного продукта — самостоятельной услуги или системы, объединяющей материальный продукт и соответствующие услуги; в отношении качества речь идет об установлении интерактивных и постоянно отслеживаемых отношений с потребителем, что позволяет максимизировать степень его удовлетворенности; основные технологии связаны с поставкой услуг и функционированием материально-сервисных систем; управление отличается быстротой принятия решений, гибкостью и информационно-сетевой организацией.

Потребители являются важнейшим активом постиндустриального предприятия. Лояльность потребителей — это «их длительно поддерживаемое обязательство перед фирмой, проявляющееся в повторных покупках, росте расходов и позитивных рекомендациях другим покупателям» [4, 2]. Признаки лояльности: верность, привязанность, преданность. Компоненты лояльности: рациональная и эмоциональная удовлетворенность продуктом/качеством; реализация предложенной ценности и самореализация в ней.

В 1970-е гг. в ходе исследования маркетинговой рентабельности PIMS (Profit Impact of Market Share) среди маркетологов преобладал взгляд: «рыночная доля — главный фактор рентабельности бизнеса».

Лояльные потребители являются ценнейшим активом фирмы. Маркетинг лояльности вносит в потребительские активы долгосрочную ценность, тем самым увеличивая рыночную стоимость базы лояльных потребителей за пределы их фрагментарной, очередной *i*-й покупки продукции данной фирмы. Стоимость потребителей должна включать текущую *i*-ю прибыль и изменения в потребительском капитале (customer equity). В отличие от материальных активов, инвестиции в собственный потребительский капитал — постоянно инновационные, креативные и на стыке маркетингового искусства и науки. Лояльность со стороны предприятия означает удержание потребителей в сфере господства собственности. Отсутствие управления лояльностью означает, что в среднем обычная американская компания теряет половину потребителей из ее базы данных каждые пять лет [4; 5, 1].

Лояльность со стороны суверенных потребителей — это результат предложения им рыночных ценностей со стороны фирмы [6, 34]. Чтобы создать и поддерживать лояльность, фирмы разрабатывают стратегию лояльных клиентов по продажам, прибыли. Инвестиции в лояльность формируют капитал (лояльных) потребителей фирмы, который основан на жизненном стиле B2C потребителя и производственном формате B2B клиента [7].

Стратегически лояльность потребителей играет роль ключевого преимущества компании, демонстрации компанией способности к инновациям. Управление отношениями с потребителями сначала строилось на активности только менеджера по продажам и его помощников, а планы продаж были коммерчески засекречены. После стабилизации планирования потребителей переходят к взаимному процессу развития партнерства. Потребители приглашаются к сотрудничеству. Таким образом, лояльность — это партнерство, доверие, репутация со стороны потребителей, персональные отношения самоориентации и адвокатные рекомендации другим покупателям [8]. Так формируется «win-win» — стратегия отношений партнерства.

Лояльность потребителей обычно определяется несколькими критериями:

- уровня удовлетворенности;
- намерения повторить покупку;
- намерения потребителя купить другой продукт у этой же фирмы;
- намерения перейти к конкуренту;

- намерения рекомендовать этот бренд, компанию другим потребителям.

Приемы лояльности активно развиваются практиками, но это не снижает важности теоретической разработки данного направления маркетинга, что представлено в работе концептуальным подходом диверсификации лояльности и определением содержания антилояльности.

Диверсификация лояльности предполагает многоуровневое и разнонаправленное воздействие на формирование достаточно устойчивой приверженности или пристрастия определенной группы покупателей не только к некоторому товару, товарной марке или бренду, но и к процессу обслуживания в конкретном торговом предприятии, к различным компонентам торгового и сопутствующего сервисов. Привязанность покупателя к определенной торговой фирме обуславливается в рамках его лояльности мотивированной привычкой из совокупности конкурирующих фирм обслуживания выделять конкретный розничный магазин и устойчиво отдавать ему предпочтение. Данное предпочтение торговой компании является основой как для отторжения альтернативного предложения конкурентов, так и для преодоления возможных условий антилояльности.

Понятие антилояльности разработано с целью преодоления возможных причин отторжения обслуживания в сфере торговли, которые могут быть связаны с самыми различными условиями. Так, следует не допускать оттока постоянных покупателей, посещающих магазин из мотивов территориального удобства, вследствие утраты конкурентных позиций и действий напрямую раздражающих покупателей. Таким образом, в условиях разворачивающегося кризиса в России розничным торговым точкам и сетям в целом следует не стремиться к достижению клиентской лояльности, а избегать состояния антилояльности клиентов. Такой образ действий представляется наименее затратным и наиболее успешным с точки зрения повышения устойчивости розничных торговых организаций.

Диверсификация лояльности предполагает комплексный подход к комфортному обслуживанию потребителей, чего невозможно добиться, если сотрудники торговой компании не лояльны к своей организации, не стремятся к сотрудничеству с ней, а выполняют свои функции только в рамках дисциплинарных требований.

Только полностью реализовав клиентоориентированный подход, возможно осуществить диверсификацию лояльности, которая понимается как «умное обслуживание», когда каждому клиенту, несмотря на необходимость обеспечения массового сервиса, предлагается то, что способно удовлетворить его запросы. Подход, основанный на дивер-

сификации, позволяет выделять группы потребителей, которые могут стать лояльными клиентами, не только на основе их отношения к реализуемым товарам и сервису продажи, но и относительно предлагаемых дополнительных услуг. Для этого можно выделить группы покупателей-пешеходов и покупателей-автомобилистов, для привлечения которых могут быть предложены услуги, не имеющие прямого отношения к функционированию торговой фирмой, но влияющие на степень удовлетворенности потребителей [9].

Выявить подобные сферы диверсификации лояльности можно на основе проведения мониторинга лояльности, в ходе которого формируется информационно-аналитическая база, позволяющая точно определять эффективный состав маркетинговых и других мероприятий, точно воздействующих на запросы потребителей с целью повышения их лояльности. Кроме того, накапливаемые данные позволяют выявить сферы диверсификации лояльности, уникальные для конкретной фирмы и образующие ее конкурентные преимущества. Проведение подобной работы позволит сделать функционирование розничных торговых предприятий более устойчивым, а потребителям — получать качественный и своевременный сервис, точно отвечающий их запросам.

Литература

1. *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society: A Venture of Social Forecasting. N. Y., 1973.
2. *Иноземцев В.Л.* За пределами экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М., 1998.
3. *Chase R.B., Garvin D.A.* The Service Factory // Harvard Business Review. 1989. 67. No. 4.
4. Customer Loyalty: The New Competitive Advantage // White Paper. 2001. Siebel. Sept.
5. *Reichheld F.* The Loyalty Effect. Bain, 1996.
6. Вестник ассоциации менеджеров. 2004. № 3 (62). Апрель.
7. *Кузнецов С.Ю.* Стратегическое управление маркетинговыми нематериальными активами предприятия. М., 2008.
8. *Peppers D.* Trust Stakes its Claim to Customer Value // Itol Magazine. 2004. Nov. // www.itol.com.
9. *Акулич М.В.* Способы повышения эффективности использования глобальных стратегий бизнеса и маркетинга // Маркетинг в России и за рубежом. 2006. № 6.

В.П. ПЕТРОВ

О корректировке теории прибавочной стоимости

Аннотация. Показана теоретически некорректность представлений основоположников марксизма о живом труде как единственном факторе получения прибавочного продукта и прибыли и о падении нормы прибыли с ростом капиталовооруженности. В статье предлагается соответствующая коррекция теории прибавочной стоимости.

Ключевые слова: К. Маркс, М.И. Туган-Барановский, необходимый продукт, прибавочный продукт, прибавочная стоимость, прибыль, норма прибыли.

Abstract. Article shows theoretically the incorrectness of Marxism founders' views on human labour as the only factor of achieving surplus product and value and on the decline of the rate of profit with growth of capital-labour ratio. The article provides the corresponding correction of the surplus value theory.

Keywords: K. Marx, M.I. Tugan-Baranovsky, necessary product, surplus product, surplus value, profit, profit rate.

Теория прибавочной стоимости нуждается в доработке. Это следует из расхождения с практикой двух ее существенных утверждений. Первое заключается в особой важности живого труда для получения прибыли. Второе гласит о том, что норма прибыли снижается с ростом капиталовооруженности (органического строения капитала, по Марксу). В реальности прибыль имеет место и при полной автоматизации производства, т. е. без использования живого труда, а норма прибыли с увеличением капиталовооруженности не падает.

Создатель теории прибавочной стоимости К. Маркс (по некоторым данным, к сему имел отношение также Родбертус [1; 2]) физическим источником прибыли видел прибавочный продукт, создаваемый живым трудом в прибавочное время. Реализуя прибавочный продукт, его собственник обеспечивает себе прибыль в виде прибавочной стоимости m . Стоимость W партии товара вычислялась по формуле:

$$W = C + V + m, \quad (1)$$

где V — стоимость рабочей силы, отражающей наличие живого труда (заработная плата), C — постоянная составляющая стоимости товара, отражающая стоимость исходных материалов и затраты на амортизацию оборудования. Норма прибавочной стоимости $m^* = m/V$ Марксом полагалась одинаковой для всех отраслей, в силу чего наблюдающееся в практике равенство прибыли P на единицу капитала для всех отраслей в виде средней нормы прибыли $P^* = P/(C + V)$ объяс-

нялось перераспределением прибавочной стоимости из отраслей с меньшей капиталовооруженностью в отрасли с большей капиталовооруженностью.

Необходимо заметить, что еще сто лет назад несогласие с утверждениями создателя теории прибавочной стоимости об исключительной роли живого труда в создании прибыли и снижении нормы прибыли с увеличением органического строения капитала высказывал в ряде своих работ (например, [3; 4]) русский экономист, исследователь, педагог и просветитель М.И. Туган-Барановский. Он подкреплял свое несогласие критикой утверждения Маркса о распределении всеобщей прибыли равномерно по отраслям за счет перераспределения общей прибавочной стоимости [3, 151—153; 4, 491—492], а закон падения нормы прибыли с ростом капиталовооруженности опровергал числовым примером [3, 163—168]. Характеризуя теорию прибавочной стоимости, он заявлял: «Как теория социальной природы прибыли теория Маркса оказывается совершенно правильной и является одной из главных заслуг *Маркса* в теории экономической науки; как теория эксплуатации рабочего капиталистом она также должна быть принята; но как теория факторов, определяющих высоту процента прибыли, как теория распада капитала на постоянную и переменную части, она не имеет никакой научной ценности и должна пасть» [4, 493]. Нам надо понимать, что падать ничему не надо. Просто теория прибавочной стоимости классиков должна быть доработана в направлении ликвидации отмеченных ее недостатков внесением в нее соответствующих поправок

Настоящая статья ставит целью выработать эти поправки. Краткое изложение методологии и самого исследования представлены в нашей статье «Теорию прибавочной стоимости надо доработать» [5]. Здесь этот анализ приводится в более развернутом виде.

При создании теории прибавочной стоимости использовались категории классической трудовой теории стоимости. В настоящее время исследователи располагают неоклассической теорией стоимости А. Маршалла, которая позволяет создать экономическую модель, более приближенную к реальности, нежели теория трудовой стоимости. Было бы крайне нелепо ныне, располагая более совершенной теорией, пользоваться менее совершенной. Поэтому данная работа ориентируется на представления неоклассической теории стоимости, и категория цены производства, а также другие категории, которые вводились К. Марксом на основе трудовой теории стоимости, здесь не используются.

Известно, что создатели теории прибавочной стоимости акцентировали свое внимание на создании прибавочного продукта и прибыли исключительно за счет использования прибавочного времени. Правда,

они отмечали, что увеличение производительности труда приводит к увеличению нормы прибавочной стоимости, так как появляется *добавочная* прибавочная стоимость. Действительно, из-за возросшей производительности труда работник быстрее изготавливает необходимый продукт, что означает рост прибавочного времени. Добавочный прибавочный продукт появляется как по причине более высокой производительности труда в прибавочное время, так и из-за роста прибавочного времени. Но они недостаточно полно оценивали влияние, в том числе количественно, прогрессивной технологии в части отдельных факторов производства W , C , V и автоматизации производства на получение прибавочного продукта и прибыли.

Между тем известно, что в процессе становления человечества был длительный период, когда древний человек потреблял без остатка все, что производил [6]. Говоря современным языком, он производил только *необходимый* продукт и ничего не инвестировал в развитие производства. На создание необходимого продукта уходило все его рабочее время. Тем не менее и тогда ему была свойственна *новаторская*, творческая функция, благодаря которой производство развивалось (т. е. создавались новые орудия и технологии, например, способы охоты) и жизненный уровень человечества повышался. Новаторская функция проистекает как из генетически наследуемых свойств человека (например, любопытства), так и в силу стремления человека в максимальной степени удовлетворять свои потребности. Именно в силу наличия у человека новаторской функции происходит развитие производительных сил. Со временем благодаря этой функции у человека стал создаваться *избыточный* продукт, т. е. продукт сверх необходимого, который он уже не мог потребить. На создание необходимого продукта стала уходить только часть его рабочего времени. Оставшаяся часть времени человек использовал для создания избыточного продукта, который в теории прибавочной стоимости именуется прибавочным продуктом. Отсюда ясно, что в деле создания избыточных благ значение имеет не только труд в добавочное время, но и новаторская функция человека. В.С. Автономов для современного производства использование новаторской функции именуется *предпринимательской* функцией, а прибыль, получаемую за ее счет, предпринимательской прибылью [7].

На практике наблюдаются два производственных режима работы: 1) *пассивный* режим, когда в получении прибавочного продукта предпринимательская функция не используется, и он вырабатывается при обычной производительности труда только за счет труда работников в прибавочное время; 2) *активный* режим, когда задействована предпринимательская функция, т. е. в дело введена прогрессивная техноло-

гия, в силу чего имеет место дополнительный рост прибавочного продукта.

Создатели теории прибавочной стоимости, в сущности, проводили исследование только пассивного режима работы. Поэтому основная наша задача заключается в проведении исследования активного режима работы.

С этой целью проследим, как будет изменяться прибавочная стоимость от изменения факторов производства при введении прогрессивной технологии. В качестве *исходного положения* возьмем пассивный режим с неизменными ценами и постоянными W_0 , C_0 , V_0 и m_0 для рабочей смены продолжительностью t_{CM} , которая содержит время t_H для выработки необходимого продукта и время $t_{ПР}$ для выработки прибавочного продукта. Здесь в получении прибавочного продукта *предпринимательская функция не участвует*, и он вырабатывается при обычной производительности труда только за счет труда работников в прибавочное время. Для простоты будем считать, что весь авансируемый капитал ($C_0 + V_0$) уходит на производство партии товара полностью. Рыночную стоимость товара в период действия прогрессивной технологии полагаем неизменной.

Прежде всего необходимо уточнить понимание необходимого и прибавочного продукта. Ту часть рабочего времени, в продолжение которой работник производит дневную стоимость рабочей силы, К. Маркс именует необходимым рабочим временем. Второй период процесса труда, который хотя и стоит работнику затраты рабочей силы, но не образует никакой стоимости для него, а образует прибавочную стоимость, К. Маркс называет прибавочным рабочим временем [8, т. 23, 228]. Заметим, однако, что в стоимость продукта, производимого в необходимое время, т. е. в стоимость необходимого продукта, помимо стоимости рабочей силы будет входить стоимость C_H , т. е. той части постоянного капитала, которой оплачиваются исходные материалы и компенсируются амортизационные отчисления, затраченные в необходимое время. Аналогичным образом в стоимость прибавочного продукта помимо прибавочной стоимости будет входить стоимость $C_{ПР}$ той части постоянного капитала, которой компенсируется амортизация и оплачиваются исходные материалы, приходящиеся на прибавочное время. Иначе говоря, необходимый продукт и прибавочный продукт по стоимости будут превышать соответственно заработную плату и прибавочную стоимость на надлежащую часть постоянной составляющей капитала. Отсюда также следует, что величина необходимого времени (а значит и прибавочного времени, и прибыли при неизменной рыночной стоимости товара) зависит не только от V , но и от C_H . Если некоторые функции работника предприниматель станет перекладывать на автоматы и за этот счет сокращать живой труд, то понятно, что часть прибыли (а значит и прибавочной стоимости) будет создаваться уже не человеком, а автоматом, заменяющим функции человека. В принципе пред-

приниматель может вообще отказаться от использования живого труда, заменив человека роботом. Представляется, что в этом случае под необходимым продуктом будет подразумеваться продукт, стоимость которого равна амортизации за износ робота в течение полного рабочего дня плюс стоимость исходных материалов и амортизация остального оборудования за необходимое время. Разумеется, предприниматель поступит таким образом только тогда, когда амортизационные затраты за износ робота в течение полного рабочего дня не будут превышать дневной заработной платы работника.

Исходное положение характерно тем, что в идеале все отрасли производства имеют равную норму прибыли P_{CP}^* . К этому экономика приходит в силу того, что отклонения от нормы вызывают соответствующие действия инвесторов, направляющих (при увеличении нормы прибыли в одной из отраслей) или отзывающих (при уменьшении нормы прибыли) свои капиталы в этой отрасли. Инвесторы поступают так в стремлении получить максимальную прибыль. Механизм их воздействия следующий. Увеличение отраслевого капитала вызывает рост предложения и падение рыночной стоимости товара. В результате возрастает время t_H , необходимое для компенсации заработной платы V , уменьшается прибавочное время t_{PP} , а также соответственно прибавочная стоимость и прибыль. Такое автоматическое саморегулирование длится до тех пор, пока норма прибыли отрасли не снизится до средней нормы P_{CP}^* . Уменьшение отраслевого капитала означает уменьшение предложения и повышение рыночной стоимости товара. В результате необходимое время уменьшается, а прибавочное время и прибавочная стоимость растут. Опять-таки до тех пор, пока норма прибыли отрасли не повысится до среднего значения. Таков механизм перераспределения капитала инвесторами, обеспечивающий выравнивание прибыли до P_{CP} . Имеем систему с отрицательной обратной связью, чем обеспечивается устойчивость пассивного режима работы экономики.

Согласно теории прибавочной стоимости, норма прибыли P^* равна

$$P^* = m^* / (1 + C/V). \quad (2)$$

Полагая в (2) $P^* = P_{CP}^*$, находим норму прибавочной стоимости в каждой отрасли

$$m_0^* = m_0 / V_0 = P_{CP}^* (1 + C_0 / V_0).$$

Она своя в каждой отрасли, и именно это обеспечивает равную прибыль на капитал при одной и той же P_{CP}^* в каждой отрасли. Отсюда ясна ошибочность утверждения К. Маркса, будто капиталисты «получают не ту прибавочную стоимость, а следовательно, и не ту прибыль, которая произведена в их собственной отрасли при производстве этих товаров, а лишь столько прибавочной стоимости, а следовательно, и прибыли, сколько при равномерном распределении ее приходится на каждую соответствующую часть совокупного общественного капитала из всей прибавочной стоимости, или всей прибыли, произведенной в течение данного промежутка времени этим совокупным общественным капиталом во всех сферах производства, вместе

взятых» [8, т. 25, ч. I, 172]. Под действительно произведенной в отрасли прибылью К. Маркс понимал расчетную прибыль, которая вычислялась им, исходя из органического строения капитала в данной отрасли и *неизменной* нормы прибавочной стоимости для всех отраслей (см. таблицу [8, т. 25, ч. I, 170]). На самом деле, например, для средней прибыли в 22%, что принята в таблице, норма прибавочной стоимости для II и IV отраслей будет равна соответственно 73,3 и 146,6% вместо 100%, принятых К. Марксом. В действительности отрасли не производят никакой, свойственной им, особой прибавочной стоимости и соответственно прибыли помимо фактически полученных прибавочной стоимости и прибыли, которые обусловлены реальной нормой прибавочной стоимости в отрасли.

Перераспределение «всей прибыли, произведенной в течение данного промежутка времени этим совокупным общественным капиталом во всех сферах производства, вместе взятых», означало бы *перераспределение прибавочного продукта, а этого нет на практике*.

В норме производитель не может получить прибыли, не располагая прибавочным продуктом, ибо тот является ее вещественной основой. Нет такого механизма. Никто конкретному предпринимателю никакого прибавочного продукта (прибавочной стоимости и прибыли) не подкинет, каждый из них создает свою прибыль сам, стараясь и принимая меры к получению максимальных прибавочного продукта и прибыли. Другое дело, что вырваться «вперед всех» не дает соответствующее перераспределение совокупного общественного капитала, т. е. имеет место не механизм перераспределения прибыли, а механизм перераспределения капитала инвесторами (о котором говорилось выше), обеспечивающий создание в каждой отрасли равной прибавочной стоимости и равной прибыли на капитал. Именно поэтому утверждение К. Маркса о наличии перераспределения прибыли является ошибочным. М.И. Туган-Барановский здесь совершенно прав.

Интересно, что каждое отклонение рыночной стоимости товара от той стоимости, которую просчитал производитель, вызывает соответствующее перераспределение необходимого и прибавочного времени, а также, естественно, изменение прибавочного продукта и прибавочной стоимости. Пусть, к примеру, стоимость товара возросла на ΔP . Тогда уменьшается время t_H компенсации заработной платы и увеличивается прибавочное время t_{HP} . Соответственно уменьшается количество продукции, компенсирующей заработную плату, в объеме всей продукции увеличивается доля прибавочного продукта, и прибавочная стоимость возрастает на ΔP . Соответственно меняется и норма прибавочной стоимости. Иначе говоря, норма прибавочной стоимости не только определяется производством, но и меняется в процессе продажи товара при изменении рыночной стоимости товара. Прибыль никогда не «отрывается» от своей вещественной основы — прибавочного продукта и всегда равна прибавочной стоимости, причем последняя при рыночных сделках всегда «подстраивается» под прибыль.

Теперь обратимся к активному производственному режиму.

В результате введения прогрессивной технологии будем иметь W_K , C_K , V_K и m_K . Введем понятия коэффициентов изменения параметров:

$$K_W = W_K/W_0; \quad K_C = C_K/C_0; \quad K_V = V_K/V_0; \quad Km = m_K/m_0,$$

которые характеризуют изменение параметров в результате введения прогрессивной технологии. Коэффициент K_W отражает рост выпуска товара за смену, т. е. рост производительности труда, K_C учитывает прирост стоимости C за счет оборудования новой технологии, K_V отражает сокращение рабочей силы, Km отражает рост прибавочной стоимости. Обычно K_W , K_C и Km равны или больше единицы, K_V равен или меньше единицы. С учетом этих коэффициентов и (1) можно записать выражение

$$Km = [K_W - (K_C C_0^* + K_V V_0^*)] / [1 - (C_0^* + V_0^*)], \quad (3)$$

где $C_0^* = C_0 / W_0$; $V_0^* = V_0 / W_0$, т. е. для удобства будем оперировать относительными величинами при базовой величине в виде W_0 .

С учетом приведенных выражений формула (2) приобретает вид

$$P^* = [K_W / (K_C C_0^* + K_V V_0^*)] - 1.$$

Из нее следует, что в случае действия предпринимательской функции норма прибыли не зависит от органического строения капитала, но зависит от производительности труда и степени участия наемного труда в производстве. Иначе говоря, М.И. Туган-Барановский прав: нет никакого закона падения нормы прибыли с ростом органического строения капитала. Рис. 1 иллюстрирует изменение P^* от производительности труда (K_W) при $C_0^* = 0,3$; $V_0^* = 0,3$; $K_V = 1$ и $0,5$; $K_C = 1,2$ и 2. Пересечение графиков с линией $P^* = 1$ создает точки с ординатами K_W , при которых P^* активного режима равно P^* режима пассивного.

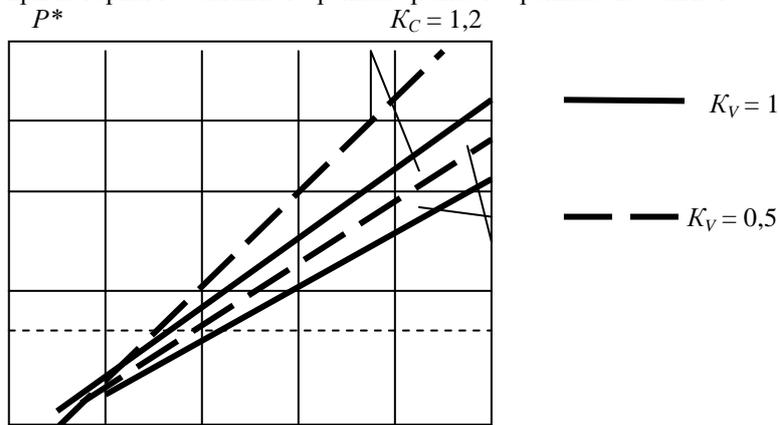

Рис. 1. Изменение нормы прибыли от производительности труда при различных K_C и K_V для активного производственного режима

Рассмотрим три наиболее интересных направления введения прогрессивной технологии.

Первое. Прогрессивная технология с повышенной производительностью труда, т. е. направленная на рост производства товара, вводится при неизменной заработной плате V . Тогда K_V равен единице и из (3) имеем

$$Km = [K_W - (K_C C_0^* + V_0^*)] / [1 - (C_0^* + V_0^*)]. \quad (4)$$

Km растет за счет роста K_W и уменьшается при увеличении K_C . На рис. 2 в виде примера представлены эти зависимости для $K_C = 1,1$ и 2, отражающих увеличение стоимости C из-за аппаратуры прогрессивной технологии, при $C_0^* = 0,3$; $V_0^* = 0,3$.

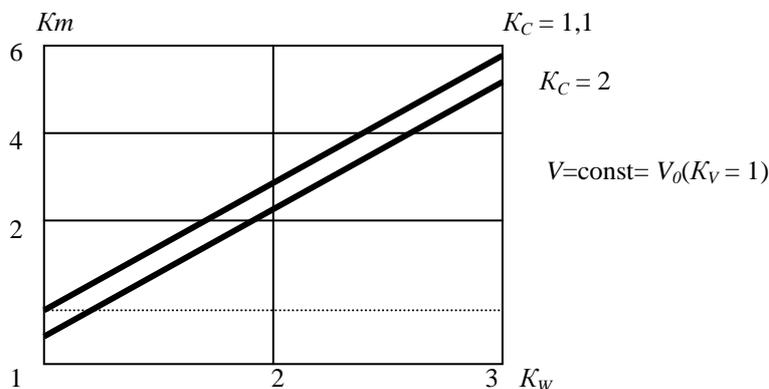

Рис. 2. Изменение Km от производительности труда при неизменном живом труде и различных K_C для активного производственного режима

Из формулы (4) и рис. 2 видно, что с ростом производительности труда (что выражается в увеличении выпуска товара за рабочую смену и отражается величиной K_W) прибавочная стоимость возрастает. Причем при $Km > 1$ она возрастает в большей степени, чем рост производительности, т. е. K_W . Однако при значительных расходах на автоматизацию производства (что характеризуется ростом K_C) она может оказаться меньше базовой (m_0), о чем будет свидетельствовать $Km < 1$ (в примере для $K_C = 1,1$ в интервале K_W от 1 до 1,06, для $K_C = 1,5$ в интервале K_W от 1 до 1,15 и для $K_C = 2$ в интервале K_W от 1 до 1,3). Величина $K_{CГР}$, которую K_C не должен превышать во избежание попадания прогрессивной технологии в область $m_K < m_0$, получаем из (4), положив $Km = 1$,

$$K_{CГР} = (C_0^* + K_W - 1) / C_0^*.$$

Второе. Прогрессивная технология не направлена на рост производства товара, а только уменьшает использование рабочей силы, т. е. V , посредством автоматизации. Тогда K_W равняется единице, а K_V уменьшается от единицы до нуля. Формула (3) приобретает вид

$$Km = [1 - (K_C C_0^* + K_V V_0^*)] / [1 - (C_0^* + V_0^*)] \quad (5)$$

В виде примера на рис. 3 дана зависимость Km от K_V , т. е. степени снижения рабочей силы, для $K_C = 1,2; 1,5$ и 2 при $C_0 = 0,3; V_0 = 0,3$.

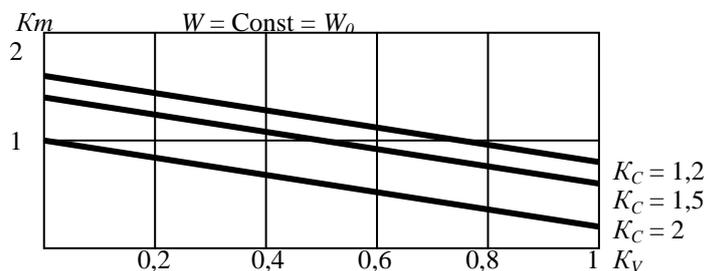

Рис. 3. Изменение Km от степени участия в производстве живого труда (K_V) при неизменной производительности труда и различных K_C для активного производственного режима

Из формулы (5) и рис. 3 видно, что с уменьшением числа работников (уменьшением K_V), путем автоматизации производственных процессов, прибавочная стоимость возрастает. Соответственно растет прибыль. Однако надо понимать, что рост этот обеспечивается уже не только прибавочным продуктом от живого труда, но и продуктом, изготавливаемым автоматами. Например, если предприниматель, сохраняя прежний уровень W , за счет автоматизации сократит живой труд на 50% ($K_V = 0,5$) и при этом уложится в увеличение стоимости C на 50% ($K_C = 1,5$), то прибавочная стоимость (и прибыль) останется прежней, т. е. равной m_0 ($Km = 1$), причем половину этой стоимости создают уже автоматы. Если он уложится в меньшее увеличение стоимости C , скажем, 20% ($K_C = 1,2$), то прибавочная стоимость составит $1,225 m_0$ ($Km = 1,225$). Если же для этого ему потребуется увеличить C в 2 раза ($K_C = 2$), то прибавочная стоимость составит $0,625 m_0$, т. е. этот вариант для него убыточен. Если предприниматель пожелает избавиться от живого труда на 80% ($K_V = 0,2$) и уложится при этом в $K_C = 1,5$, то получит прибавочную стоимость (и прибыль) $1,225 m_0$, а если уложится в $K_C = 1,2$, то прибавочная стоимость повысится до $1,45 m_0$. При этом в последнем случае 20% прибавочной стоимости будет создаваться живым трудом (живая прибавочная стоимость $m_{ж}$), а 80% — автоматами

(машинная прибавочная стоимость m_M). В данном случае трактовка нормы прибавочной стоимости (как отношения всей прибавочной стоимости к V) в качестве показателя эксплуатации была бы ошибочной. Показатель эксплуатации равен $m_{ж}/V = mK_V/V$.

Подчеркнем вновь, при больших затратах на автоматизацию прогрессивная технология может себя не оправдать, что будет следовать из $Km < 1$ (в примере рис. 3 при $K_C = 1,2$ для K_V от 0,8 до 1, при $K_C = 1,5$ для K_V от 0,5 до 1, при $K_C = 2$ во всем интервале изменения K_V).

При полной автоматизации, т. е. при отсутствии рабочих ($K_V = 0$, зарплатой предпринимателя пренебрегаем) прибавочный продукт вырабатывается только автоматами. Здесь эксплуатация человека человеком отсутствует и формула (5) принимает вид

$$Km = (1 - K_C C_0^*) / [1 - (C_0^* + V_0^*)]. \quad (6)$$

В работах К. Маркса влиянию машин на экономические процессы уделяется большое внимание (см., например, раздел «Машины и крупная промышленность» [8, т. 23, 382—515]). В частности, там он показывает неизбежность роста безработицы с ростом механизации производства. Однако его ошибочное представление об «отсосе» прибавочной стоимости из более прибыльных отраслей производства в менее прибыльные при установлении P_{CP} видимо помешало ему внести ясность в вопрос полной замены рабочих автоматами. Между тем ныне исследование этого вопроса крайне важно, поскольку развитие серийного (массового) производства движется именно в этом направлении. Здесь содержание необходимого времени и необходимого продукта несколько видоизменяется. Если у классиков оно было связано с компенсацией заработной платы работника, то теперь оно связывается с компенсацией амортизационных отчислений за износ робота в течение рабочей смены. Вспомним, что за необходимый продукт принимался продукт, стоимость которого равнялась полной заработной плате (скажем, за смену), плюс стоимость исходных материалов, использованных в необходимое время, и амортизационных отчислений за износ оборудования в течение необходимого времени. В случае замены работника роботом за необходимый продукт следует принимать продукт, стоимость которого равна амортизационным отчислениям за износ робота в течение рабочей смены плюс стоимость исходных материалов и амортизационные отчисления за остальное оборудование, приходящиеся на необходимое время. Уровнем амортизационных отчислений можно менять необходимое время. Прибавочным продуктом будет по-прежнему именоваться продукт, изготовленный в прибавочное время, прибавочной стоимостью — прибыль, т. е. разница между рыночной стоимостью товара и его себестоимостью. Себестоимость включает в себя стоимость исходных материалов и амортизационные отчисления за использованное оборудование, в том числе роботов.

Увеличение прибыли в данном случае объясняется уменьшением себестоимости за счет того, что амортизационные отчисления за использование робота меньше заработной платы работника, которого робот заменил. Если это будет не так, то прибыль будет уменьшаться.

Третье. Случай, когда прогрессивная технология обеспечивает не только замещение работников автоматами, но и повышение производительности труда, т. е. рост K_W . Здесь необходимое время и необходимый продукт, как и в предыдущем случае, связаны с компенсацией амортизационных отчислений за износ роботов в течение рабочей смены. Данный случай также полностью обязан предпринимательской функции.

Формула (3) в этом случае имеет вид

$$Km = (K_W - K_C C_0^*) / [1 - (C_0^* + V_0^*)]. \quad (7)$$

Для данного случая в виде примера зависимость Km от K_W и K_C при $C_0^* = 0,3$; $V_0^* = 0,3$ представлена на рис. 4. Из формулы (7) и рис. 4 видно, что при полной автоматизации с ростом производительности труда Km растет в большей пропорции, чем K_W (скажем, для $K_C = 1,2$ при $K_W = 2$ рост Km составляет 4,1). Также видно, что при той же производительности увеличение K_C снижает рост Km .

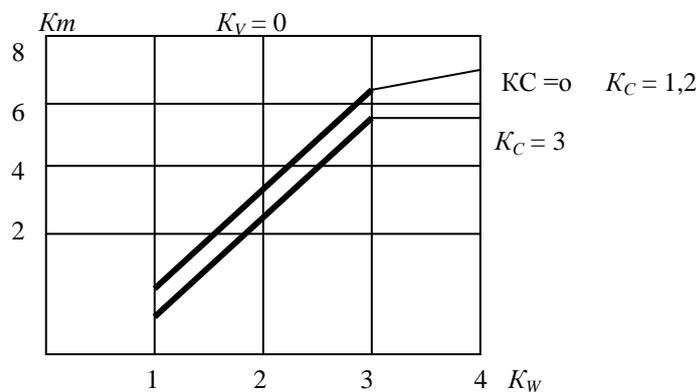

Рис. 4. Изменение Km от производительности (K_W) при полной автоматизации производства и различных K_C для активного производственного режима

Действие предпринимательской функции имеет ограниченный срок. Инвесторы, привлеченные возросшей прибылью от введения прогрессивной технологии, направляют в прибыльную отрасль инвестиционный капитал, что влечет за собой внедрение прогрессивной

технологии на других предприятиях отрасли, рост предложения и снижение стоимости товара. Начинается процесс саморегулирования через механизм, описанный выше для пассивного производственного режима, конечным результатом которого станет сведение нормы прибыли в данной отрасли к средней норме прибыли, т. е. переход экономической системы в пассивный производственный режим. При этом прибавочная стоимость будет равна

$$m_K = P_{CP}^*(V_K + C_K).$$

Итак, удалось теоретически показать, что прибавочный продукт и соответственно прибыль возможно обеспечить не только путем использования наемной рабочей силы, но и *при отсутствии человека* в производственном процессе вообще (в идеале), за счет полной автоматизации процесса, т. е. технологического замещения работника. Автоматы изгоняют живой труд из *массового* производства, но не изгоняют прибыль. Формула (2) этого не учитывает, поскольку отражает только процесс получения прибавочного продукта при обычной технологии, т. е. в пассивном производственном режиме, при неизменном m^* . На самом же деле увеличение капиталовооруженности C/V связано обычно с увеличением C из-за уменьшения V в связи с автоматизацией производства, т. е. сопровождается соответствующим изменением m^* , чего К. Маркс не учитывал в своем предположении постоянства m^* . Из-за роста капиталовооруженности норма прибыли в реальности не снижается (напомним, что такое снижение прогнозировали экономисты, в том числе и западные, см., например, [9, 754]) именно по причине действия предпринимательской функции.

Таким образом, следует признать ошибочным утверждение К. Маркса, что капиталисты производят в своей отрасли одну прибыль и прибавочную стоимость, а получают другую, среднюю, обусловленную совокупным общественным капиталом во всех сферах производства, вместе взятых. Данное утверждение означает наличие *перераспределения прибавочного продукта* (и прибыли), а такого механизма на практике нет. Имеет место не механизм перераспределения прибыли, а механизм перераспределения капитала инвесторами, стремящимися получить максимальную прибыль. Такой механизм в силу наличия отрицательной обратной связи обеспечивает стабилизирующий эффект в создании каждой отрасли равной прибавочной стоимости и равной прибыли на капитал. Ошибка К. Маркса коренится в том, что он в своих расчетах брал норму прибавочной стоимости одинаковой для всех отраслей, в то время как она разная и обусловлена органическим строением капитала каждой отрасли.

Прибавочный продукт и, соответственно, прибавочную стоимость можно получать как живым трудом, так и в случае замены его автома-

тами. Последнее рентабельно, если затраты на амортизацию автоматов не будут превышать заработной платы работников.

Следует также признать, что никакого закона падения нормы прибыли с ростом капиталовооруженности не существует.

Таковы основные поправки, которые надлежит внести в теорию прибавочной стоимости времен классиков.

Литература

1. *Туган-Барановский М.И.* Экономические очерки. М., 1998.
2. *Чичерин Б.Н.* Собственность и государство. СПб., 2005.
3. *Туган-Барановский М.И.* Теоретические основы марксизма. М., 2003.
4. *Туган-Барановский М.И.* Основы политической экономии. М., 1998.
5. *Петров В.П.* Теорию прибавочной стоимости надо доработать // Экономическая и философская газета. 2011. № 33, 34.
6. *Алексеев В.П., Перишц А.И.* История первобытного общества. М., 1999.
7. *Автономов В.С.* Актуальные проблемы политической экономии капитализма. Предпринимательская функция в экономической системе. М., 1990.
8. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.
9. *Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р.* Экономика, М., 2002.

А.С. ЛАМАКИН

Сетевая экономика — феномен информационной эпохи

Аннотация. В статье ставится цель проиллюстрировать феномен возникновения сетевой экономики и обсудить главные моменты формирования сетевых форм экономического управления, которые существенным образом отличаются от уже хорошо известных рыночных и командно-административных (иерархических). Также в статье показано, что сетевая экономика представляет собой качественно новую форму экономического порядка с присущей ей соответствующей (сетевой) инфраструктурой.

Ключевые слова: сеть, сетевая среда, сетевая экономика, новая экономика, постиндустриальная экономика, информационная эпоха, информационное взаимодействие, глобальная коммуникационная сеть,

интернет-технологии, Интернет, электронная коммерция, сетевая организация, цифровая продукция, интернет-банкинг, телеработа, сетевой механизм координации, сетевая инфраструктура.

Abstract. In article has been put the purpose to illustrate a phenomenon of occurrence the network economy and to discuss the main moments of the network forms of economic management formation which significantly differ from already well-known market and command-administrative (hierarchical). Also in article it is shown, that the network economy represents qualitatively new form of the economic order with a corresponding (network) infrastructure.

Keywords: network, network environment, network economy, new economy, postindustrial economy, information epoch, information interaction, global communication network, internets-technologies, Internet, electronic commerce, network organization, digital production, internet-banking, telework, network mechanism of coordination, network infrastructure.

В конце XX в. определились некоторые черты, которые, по всей видимости, становятся доминирующими признаками современной экономики. Развитие технического прогресса, а именно информационно-коммуникационных технологий (ИКТ²⁰) и глобальной электронной сети — Интернет (ГЭСИ)²¹ привели к формированию некой новой среды для реализации социально-экономических задач стоящих перед человеком. Данные преобразования, привлекают пристальное внимание ученых всего мира.

²⁰ Информационно-коммуникационные технологии — совокупность методов, производственных процессов и программно-технических средств, интегрированных с целью сбора, обработки, хранения и распространения информации, а также совокупность средств коммуникации между людьми, включая коммуникационные интернет-технологии.

²¹ Глобальная электронная сеть — это множество взаимосвязанных компьютерных сетей, в которую входят правительственные, академические, коммерческие, военные и корпоративные сети всего мира. Входящие в нее сети логически взаимосвязаны друг с другом посредством уникального адресного пространства, основанного на протоколе передачи данных TCP/IP (TCP (Transmission Control Protocol) — протокол управления передачей, интернет-протокол, отвечающий за разбиение данных на пакеты, которые протокол IP передает по сети; обеспечивает надежный последовательный поток данных для сетевых коммуникаций). ГЭСИ обеспечивает доступ к компьютерам, электронной почте, доскам объявлений, базам данных и дискуссионным группам, а также публично или частным образом, коммуникационный сервис высокого уровня.

В опубликованных материалах предпринимаются попытки сформулировать главные особенности формирующегося нового экономического порядка взаимодействия хозяйствующих субъектов. В результате, разные исследователи предлагают свои названия современному состоянию экономики. Ей даются разные названия — такие как «новая экономика» (New economy)²², «инновационная экономика» (Innovative economy) [2; 3], «информационная экономика» (Information economy), «цифровая экономика» (Digital economy), «виртуальная экономика» (Virtual economy), «электронная экономика» (Electronic economy), «высокотехнологичная экономика» (Hi-Tech Gift Economy) [4; 5], «экономика знаний» (Knowledge economy) [6], «экономика внимания» (Attention Economy) [7], «сетевая экономика» (Network Economy) [8].

Такая обширная терминологическая база говорит нам о сложном сплетении последних достижений научно-технического прогресса и психологии экономического поведения хозяйствующих субъектов, которое оказывает сильнейшее влияние на социально-экономическое развитие общественных отношений в целом. Мы считаем, что последний термин — «сетевая экономика» — наиболее точно характеризует новый общеэкономический порядок взаимодействия хозяйствующих субъектов и является наиболее распространенным в научной литературе. Так, С.И. Паринов определяет сетевую экономику как разновидность онлайн-общества, члены которого реализуют преимущественно экономические цели и интересы [9, 5].

Р.И. Цвылев связывает возникновение феномена сетевой экономики с переходом к постиндустриальному обществу и развитием информационных технологий, что приводит к эволюции современных экономических систем, формированию нерыночных механизмов регулирования и сетевых организационных структур. «В итоге возникает своего рода безотраслевая, сетевая экономика, основанная преимущественно на горизонтальных связях» [10, 141].

На наш взгляд, в настоящее время важнейшими процессами, формирующими сетевую экономику и определяющими основные тенденции развития информационного общества, являются: 1) бурное развитие и внедрение средств сетевого подключения, информационно-коммуникационных технологий на базе глобальной электронной сети Интернет; 2) повсеместный перенос экономической активности в онлайн²³; 3) при переносе различных организационных образований в

²² Следует упомянуть, что уже существуют целая энциклопедия по «новой экономике» [1].

²³ Онлайн (англ. online, от англ. on line — «на линии») — «находящийся в состоянии подключения».

глобальную сетевую среду происходит создание сетевых организаций (СО)²⁴; 4) создание в глобальной сетевой среде необходимых условий для взаимодействия сетевых организаций и самостоятельных экономических агентов, включая адекватные новым условиям институциональные структуры («правила игры»), соответствующую сетевую инфраструктуру (СИ)²⁵ и сетевой механизм координации (СМК)²⁶. Исследование этих процессов позволяет понять отличие сетевой экономики от предыдущих ее форм: рыночной и командно-административной.

При переносе экономической активности в онлайн происходят модернизация традиционных организаций и создание новых по принципу сетевой формы управления (СФУ)²⁷. Этот процесс охватывает всю иерархическую вертикаль в общеэкономических процессах (микро- и макроуровни). На практике процесс сетевой модернизации существующих традиционных организаций, как правило, означает активное использование информационно-коммуникационных технологий и определенное уменьшение доли традиционных иерархических форм управления за счет повышения доли коллективно-сетевых форм.

Эксперты «McKinsey & Company», исследовавшие сетевые формы организации, определили следующие общие характеристики компаний, образующих сети: единые стандарты обмена информацией; распределение преимуществ ведения бизнеса в рамках сети между всеми

²⁴ Сетевая организация — организация, образуемая группой физических и/или юридических лиц, объединенная определенными организационными рамками, осуществляющая свои взаимодействия на базе интернет-технологий, как правило, в режиме онлайн. Такой высоко технологический базис сетевой организации позволяет создать более гибкую и эффективную организационную структуру, по сравнению с традиционными формами организации. Так, один из первых исследователей сетевых организаций японский ученый К. Имаи в 1970-е гг. прошлого века дал определение сетевой организации как «системы единиц, между которыми в рамках определенных отношений поддерживаются более или менее постоянные связи» [11, 203].

²⁵ Сетевая инфраструктура — инфраструктура, использующая для своего функционирования (обеспечения информационных взаимодействий) коммуникационные технологии на базе глобальной электронной сети Интернет и сетевой механизм координации.

²⁶ Сетевой механизм координации может использоваться как в сетевых организациях, так и в сетевой экономике для согласования совместной деятельности всех ее участников. Главным отличием данной формы от рыночной и командной является равноправное участие всех членов в процессе согласования их деятельности посредством прямых информационных обменов в реальном времени.

²⁷ То же самое, что и сетевой механизм координации.

участниками; доступность информации обо всех бизнес-процессах в реальном времени; совместное развитие и апробация новых возможностей с членами сети [12]. «В информационную эпоху компании стремятся к меньшим активам, быстрому росту и меньшему количеству видов деятельности в рамках одного предприятия. Это и есть особенности сетевой формы организации» [13].

Когда сетевые формы организаций начнут доминировать в общеэкономической среде, можно будет сказать, что на данном рынке или на данной территории сформировались необходимые условия для развития сетевой экономики. При этом сетевая экономика будет обладать следующими свойствами [14].

1. Будут покупаться только те продукты, которые потребитель в состоянии попробовать до совершения покупки (experience good). «Вы не можете убедить своих покупателей в ценности вашего продукта пока вы не позволите им его попробовать».

2. Структура затрат сетевой экономики (почти нулевые предельные затраты на расширение выпуска информационной продукции/сетевых благ) не позволяет выживать многим конкурентам в одном сегменте рынка/экономики. Отсутствуют «сильнейшие», так как затраты потребителя на переключение от одного продавца на другого практически равны нулю.

3. Чем больше единиц продукции продано, тем больше вероятность того, что пользователь найдет дополнительные продукты или услуги, которые будут использовать и усиливать ценность основного продукта (примером основного продукта является операционная система Windows, для совместного использования с которой были произведены дополнительные продукты). В сетевой экономике высокий объем производства не только дешевле обходится производителю, но и является более ценным для потребителя. Отсюда следует, что рост производства становится стратегическим императивом, так как только большой объем выпускаемой продукции может сделать данный продукт ценным для потребителя.

Создание в глобальной сетевой среде институциональных структур обуславливает образование горизонтальных экономических связей, которые интерпретируются как система соглашений между большей частью членов сети и определяют общие правила для наиболее типичных видов сетевых взаимодействий. В настоящее время сетевые технологии используются наиболее активно тремя экономическими институтами: торговля, финансы и трудовые отношения.

Далее следует раскрыть вышеприведенное понятие сетевой инфраструктуры как элемента, формирующего глобальную электронную среду взаимодействия. Взаимодействующие экономические агенты

социально-экономических систем, включая показанные выше сетевые организации и институциональные структуры, осуществляют свою деятельность в рамках горизонтальных социально-экономических инфраструктур. Данные инфраструктуры, к которым относятся такие системы, как финансовая, транспортная, судебно-правовая и др., в общем случае обслуживают определенные виды взаимодействий между экономическими агентами в рамках всего общества в целом. В той степени, в которой эти взаимодействия носят информационный характер, к ним применимы инновации, связанные с интернет-технологиями. Перевод деятельности данных инфраструктур в глобальную электронную сеть — Интернет, скорее всего, не должен существенно менять их функций и основное содержание, при этом следует ожидать снижения затрат и увеличения интенсивности их функционирования.

Существует еще один вид общеэкономических инфраструктур, которые могут претерпеть в результате внедрения в них интернет-технологий серьезные изменения. Это инфраструктуры, обслуживающие глобальные экономические процессы и систему общественного разделения труда, а среди них главным образом те, которые играют роль социально-экономических механизмов координации и регулирования общественных отношений. Такого рода инфраструктуры задают общие рамки и формы социально-экономических взаимодействий для всех действующих экономических агентов. Поэтому изменения в них могут иметь достаточно радикальный характер и выглядеть как изменения доминирующей формы общественного устройства. При этом что взаимодействия между агентами, опосредуемые данными инфраструктурами, носят исключительно информационную природу, внедрение в них интернет-технологий несет комплексный и фундаментальный характер.

Самыми известными примерами данных инфраструктур являются рыночный механизм ценовой координации («невидимая рука» рынка) и командно-административный механизм, используемый в иерархических организациях («видимая рука» менеджера). Менее известна третья форма координации, реализуемая через прямые равноправные согласования совместной деятельности по типу «все со всеми», которая используется главным образом в небольших коллективах. Влияние интернет-технологий на данные механизмы координации приводит к тому, что они превращаются в сетевые инфраструктуры.

В настоящее время хорошо известны предельные масштабы каждого из механизмов координации. Рыночный механизм позволяет координировать деятельность участников общественного разделения труда по всему пространству социально-экономической системы. Командно-административный механизм работает в масштабах гигантских транс-

национальных корпораций, но при этом, как показал опыт бывшего Советского Союза, он не может заменить рыночный механизм на всем пространстве больших систем. Третья форма, как уже упоминалось выше, может работать только для координации совсем небольшого количества участников совместной деятельности.

Важно то, что разные механизмы координации адаптированы к разным условиям для информационных взаимодействий экономических агентов, которые встречаются в социально-экономических системах. Поэтому каждый из них имеет свою нишу, а все вместе, где-то дополняя друг друга, а где-то и конкурируя, обеспечивают координацию экономических агентов на всем пространстве экономической системы. При появлении новых возможностей для осуществления информационных взаимодействий — таких как интернет-технологии — устоявшаяся ситуация взаимодействия различных механизмов координации может существенно измениться²⁸.

В настоящее время в общеэкономической системе рыночный и командно-административный механизмы имеют уже достаточно развитые инфраструктуры, которые обеспечивают их надлежащее функционирование. С большой вероятностью можно предположить, что широкое развитие и внедрение информационно-коммуникационных технологий на базе Интернета, а также идущий параллельный процесс создания сетевых организаций создают условия для расширения рамок функционирования третьей (сетевой) формы координации. Третья форма координации лучше двух других форм соответствует новой (сетевой) природе осуществления информационных взаимодействий в современной экономике. Превращение третьей формы координации в сетевую инфраструктуру²⁹ приведет к ее расширенному использованию в социально-экономических системах. Фактически это означает появление (дополнительно к уже действующим рыночному и командно-административному механизмам) нового сетевого механизма координации (СМК).

Как уже было отмечено, широкое внедрение интернет-технологий способствует формированию и развитию сетевого механизма координации

²⁸ «...Природа технологии определяет конфигурацию и характеристики режима регулирования», т. е. технология массового производства ведет к централизованному режиму регулирования аналогичного регулированию менеджерами работы больших корпораций с их иерархической техноструктурой, а интернет-технологии ведут к саморегулирующимся сетям с минимальным централизованным контролем [15, 330].

²⁹ Для такого превращения необходимо создание поддерживающих институциональных (законодательных, культурных и др.) и технических условий, которые обеспечат работоспособность соответствующих «правила игры» в рамках всей социально-экономической системы.

нации. В ближайшем будущем можно ожидать, что сетевой механизм координации станет доминирующим инструментом согласования совместной деятельности экономических агентов. Из истории развития экономических систем следует, что тип социально-экономического порядка, как правило, отождествляется с доминирующей формой механизма координации информационных взаимодействий³⁰. В этой связи говорить о существовании сетевой (информационной) экономики можно будет лишь тогда, когда будет закончен процесс создания инфраструктуры сетевой экономики и запущен в полном объеме ее сетевой механизм координации. Тем не менее наступления времени сетевой экономики — феномена информационной эпохи — выглядит как неизбежность, поскольку в своей социально-экономической нише она имеет функциональные преимущества над другими существующими формами экономического управления.

Затронутые в статье процессы и тенденции имеют как позитивные, так и негативные моменты. Для основной массы населения в странах с доминирующим проявлением сетевой экономики жизнь станет дешевле и будет давать больше возможностей для самореализации людей. С другой стороны, конкуренция станет сильнее и потребует дополнительных усилий для освоения новых принципов выживания в сетевой экономике. Следует также ожидать появления нового фактора социально-экономического неравенства: те кто имеют лучший доступ к сети и лучше адаптированы к ее особенностям, будут иметь преимущества над остальными. В завершении, учитывая глобальность виртуализации социальной среды и глубину трансформации общественных институтов, уместно вспомнить высказывание А. Маршалла, сделанное в начале XX в.: «...мы не можем двигаться безопасно, если мы движемся настолько быстро, что наши новые жизненные планы полностью обгоняют наши инстинкты» [16, 182]. А также существует библейское, так называемое, Вавилонское предупреждение: если скорость принятия обществом глобальных решений опережает скорость анализа возможных последствий от этих решений, то существование общества находится под угрозой.

Литература

1. Encyclopedia of the New Economy // <http://www.hotwired.com/special/ene/>.

³⁰ В рыночной экономике основную роль играет рыночный механизм координации. В индустриальной экономике усилили свои позиции корпоративные (командно-административные (иерархические)) методы координации.

2. *Ракитов А.И.* Информация, наука, технология в глобальных исторических измерениях. М., 1998.
3. *Тоффлер Э.* Третья волна. М., 2004.
4. *Barbrook R.* The Hi-Tech Gift Economy // http://www.firstmonday.dk/issues/issue3_12/barbrook/index.html.
5. *Barbrook R.* Imaginary Futures: from Thinking Machines to the Global Village. L., 2007 // <http://www.imaginaryfutures.net>.
6. Экономика знаний Экология и жизнь. 2003. № 1 // <http://www.ecolife.ru/jornal/econ/2003-1-1.shtml>.
7. *Goldhaber M.H.* Attention Economy // <http://goldhaber.org/blog/?cat=3>.
8. *Kevin K.* New Rules for the New Economy // WIRED. 1997. Sept. // <http://www.wired.com/wired/5.09/newrules.html>.
9. *Паринов С.И.* Онлайн-общества: методы исследования и практическое конструирование. Автореф. дис. ... д-ра техн. наук. Новосибирск, 2000.
10. *Цвылев Р.И.* Постиндустриальное развитие. Уроки для России. М., 1996.
11. Японская экономика в преддверии XXI века: становление конкурентного корпоративно-государственного капитализма / Под ред. Зайцева В.К. М., 1991.
12. *Hacki R., Lighton J.* The Future of the Networked Company // The McKinsey Quarterly. 2001. No. 3.
13. *Hagel J., Singer M.* Unbundling the Corporation // Harvard Business Review. 1999. March—April.
14. *Long De, Bradford J.* How «New» Is Today's Economy? // http://econ161.berkeley.edu/Comments/How_New.html.
15. *Freeman Ch., Louca Fr.* As Time Goes By: From the Industrial Revolutions to the Information Revolution. Oxford University Press, 2001.
16. *Маршалл А.* Принципы политической экономии. Т. 3. М., 1984.

К.И. СОТНИКОВА

К вопросу о барьерах на пути инновационного развития

Аннотация. В работе рассматриваются барьеры, препятствующие инновационному развитию российской экономики. Утверждается, что на макроуровне в отсутствие системной промышленной политики инструменты селективного отбора приоритетных отраслей или предприятий в наукоемком технологическом секторе не дают ожидаемого эффекта, а на микроуровне превалирующие в российских корпорациях

подходы к управлению становятся тормозом для инновационного развития. Трансформация же системы управления, направленная на раскрытие творческого потенциала сотрудников организации, повышает инновационный потенциал компании и упрощает задачу по реализации инновационной промышленной политики на макроуровне.

Ключевые слова: инновационное развитие, системы управления, промышленная политика, стимулирование инноваций, инновационная среда.

Abstract. The article considers barriers which hinder innovative development scenario of Russian economy. It is claimed that absence of systematic industrial policy at macro level actions aimed at selective picking of winners among technologically advanced productions have not proved to be efficient, while at micro level the prevailing management system in Russian corporations contradicts the idea of innovative development. Transformation of the management system, focused on revealing the creative potential of personnel, will foster the innovative potential of the company, while raising the chances for success for national innovative industrial policy.

Keywords: industrial policy, innovative development, innovative environment, management system, stimulation of innovations.

Со стороны государства и научной общественности в последние годы постоянно высказывается обеспокоенность высокой сырьевой зависимостью российской экономики. Очевидным решением политикам и ученым представляется развитие высокотехнологичных наукоемких технологий и производств с высокой добавленной стоимостью, переход к так называемой *инновационной модели развития*.

Данная модель получила свое развитие в 1970-е гг., когда индустриально-развитые страны, столкнувшись с ужесточением международной конкуренции в традиционных отраслях промышленности со стороны развивающихся стран, значительным удорожанием минеральных ресурсов, а также с замедлением темпов роста производительности труда, начали терять конкурентные позиции на мировых рынках.

Попытки в 1980-е гг. вернуть прежние позиции за счет использования традиционных мер стимулирования экспорта и защиты импортозамещающих отраслей, а также активизации процессов дерегулирования с помощью приватизации и отказа от прямых методов регулирования экономики оказали определенное воздействие, однако не улучшили ситуацию с исторически низкими темпами роста производительности (см.: [1, 1003—1026]). Ключевыми направлениями промышленной политики становятся меры по увеличению инвестиций в основные средства, НИОКР и человеческий капитал (образование, повышение квалификации).

Построение экономики, основанной на знаниях и инновациях, стало основной целью стратегии развития постиндустриальных экономик. Россия в данном случае не исключение. Инновационная стратегия развития экономики объявлена официально одним из приоритетных направлений государственной экономической политики. Предполагается, что страна при этом перепрыгнет промежуточные стадии технологического развития (см.: [2]). В качестве удачных примеров реализации такой стратегии приводятся Япония, Сингапур, Южная Корея и другие азиатские страны.

Технологическая модернизация, создание научного центра в Сколково, государственные инвестиции в нанотехнологии — примеры стратегии технологического прорыва, или скачка. Есть ли причинно-следственная связь между технологическим прорывом в отдельных отраслях и ростом экономики? Недавние исследования свидетельствуют о том, что убедительных доказательств эффективности такой стратегии пока нет.

Как показывают те же исследования, важной частью государственной политики в быстрорастущих странах Азии была открытость для международной торговли и иностранных инвестиций [1, 6]. Государством были созданы условия и убраны барьеры для участия местных фирм в международной торговле и открыты двери иностранным фирмам для участия в конкуренции внутри страны. А мягкая промышленная политика создания условий (таких как инфраструктура, разумное регулирование, повышение конкуренции) для привлечения иностранных инвестиций работает лучше, чем жесткая промышленная политика «назначения победителей». В этом смысле последние экономические исследования говорят о том, что модернизация по выбранным направлениям технологического прорыва не приведет к более высоким темпам роста. Кроме того, создание парков высоких технологий или специальных прорывных кампаний оттягивает ресурсы от других, потенциально быстрее растущих отраслей, что приводит к прямо противоположному эффекту замедления темпов экономического роста.

Макроэкономические стимулы повышения инновационного потенциала экономики — предмет промышленной политики, которой, к сожалению, в нашей стране не было и нет. Однако существует еще одна фундаментальная проблема, которая существенно затрудняет развитие инновационного потенциала отечественных предприятий, о которой пойдет речь ниже.

В условиях отсутствия системной государственной промышленной политики правительство использует инструменты микроменеджмента (или ручного управления) для стимулирования инновационного спроса со стороны госкорпораций. Примером являются многочисленные поручения Президента РФ и главы правительства о повышении инновационного потенциала в российских госкомпаниях, адресованные лично

главам этих компаний. Как можно судить из прессы, несмотря на жесткое давление, на сегодняшний день прогресса нет.

Административный подход к стимулированию инноваций, когда решения спускаются сверху, а не иницируются через рыночные стимулы, порождает целый ряд неразрешимых проблем. Как показала практика, давление на менеджмент госкомпаний с целью увеличения расходов на НИОКР, формальные назначения выделенных людей в структурах на должности вице-президентов по инновациям, угрозы увольнений за неисполнение инновационных планов фактически приводят к имитации деятельности. Статьи инвестиционных расходов подгоняются под инновационные критерии с целью увеличения их доли в общем объеме затрат, на позиции назначаются люди без четко прописанных ответственности и полномочий, для правительства готовятся формальные отчеты. И чем больше давление извне, тем больше времени и ресурсов менеджмент будет тратить на выстраивание защитных барьеров.

И это подводит нас к гипотезе о несоответствии системы управления в госкорпорациях целям создания инновационной среды. Важная деталь, которая ускользает из поля зрения наших государственных деятелей, заключается в том, что инновационный потенциал компании определяется не жесткостью внешнего давления или материальной стимуляцией, но прежде всего возможностью раскрытия творческого потенциала людей, работающих в организациях (см.: [3]). Как показывает практика, даже в странах с благоприятной внешней средой, способствующей развитию инновационного потенциала, одни компании достигают значительно лучших результатов, чем другие.

В современном мире в последние годы для многих компаний инновации становятся не просто модным течением, но образом жизни. При этом часто можно столкнуться с мнением, что в традиционных отраслях инновациям нет места, что изменение процессов или характеристик продукта является источником риска как для компаний, так и для потребителей. По всей видимости, источником подобных суждений является страх менеджмента перед возможными изменениями, которые часто приводят к потере контроля, а также в том, что традиционные системы управления не ориентированы на инновации как на источник постоянных улучшений в бизнесе.

Изучив опыт большого количества компаний, можно утверждать, что способность инициировать и доводить до рынка инновационные продукты и решения зависит вовсе не от отрасли, в которой работает компания (например, компьютерное производство, био- или нанотехнологии), но гораздо в большей степени — от системы управления компании [3]. При этом иногда бывает верно и обратное: компании, с определенной системой управления, выбирали отрасль, которая считалась инновационной (пример — компания 3М). Сложно спорить с тем,

что одной из наиболее инновационных компаний мира является «Гойота», где в год сотрудниками подается более 20000 новаторских предложений [4]. В то же время в США (как и в России) автомобилестроение считается традиционной отраслью (см.: [2]).

Под инновацией мы, прежде всего, будем понимать внедренное новшество, обеспечивающее качественный рост эффективности процессов или продукции, востребованное рынком. Различают несколько видов инноваций:

- технические появляются в производстве продуктов с новыми или улучшенными свойствами,
- технологические возникают при применении более совершенных способов изготовления продукции,
- организационно-управленческие связаны с процессами оптимальной организации производства транспорта сбыта и снабжения,
- информационные решают задачи рациональной организации информационных потоков в сфере научно-технической и инновационной деятельности повышения достоверности и оперативности получения информации,
- социальные направлены на улучшение условий труда, решение проблем здравоохранения, образования, культуры.

Для упрощения картины мы можем рассматривать продуктовые инновации, т. е. такие инновации, которые связаны с появлением новых продуктов (услуг) или изменением потребительских характеристик уже существующих продуктов (услуг), или процессные инновации, которые связаны с изменением процесса производства продукта (услуги). Принципиальным требованием для того, чтобы изменения потребительских характеристик или изменение процесса производства продукта стали инновацией, мы будем считать создание в результате дополнительной ценности. Другими словами, инновация должна принести дополнительную пользу для ее потребителя.

Инновации являются конечным результатом интеллектуальной деятельности человека, его фантазии, творческого процесса, открытий, изобретений и рационализации. Для создания инновационной среды в организации ключевой становится задача раскрытия творческого потенциала ее сотрудников, создания такой атмосферы, в которой люди постоянно думали бы о совершенствовании продуктов и способа их производства. При этом, как показывают многочисленные исследования, задача не является тривиальной. Наиболее простые пути — например, материальное поощрение за инновационные идеи — ведут в тупик.

Компании, которым удалось создать такую творческую инновационную среду, не рассматривают эту задачу в отрыве от остальной деятельности организации [2]. Наоборот, всю деятельность организации

они подчиняют идее постоянного совершенствования, под это они выстраивают и систему управления.

Рассматривая ситуацию в российских компаниях, с сожалением приходится отметить крайне значительное наследие советской эпохи в том, что касается подходов к менеджменту. Это проявляется как в используемых инструментах (жесткое целевое планирование, административный контроль), так и в подходах к управлению людьми. Персонал в большинстве российских компаний по-прежнему считается таким же фактором производства, как и оборудование, со всеми вытекающими из этого последствиями. Если работник не справляется с работой, его нужно уволить — если он не думает об инновациях, нужно найти на его место другого. Такой подход провоцирует жесткое сопротивление как со стороны работников, так и со стороны менеджмента. Ведь любое улучшение, скажем, производительности труда, может привести к тому, что завтра начнутся увольнения. В то же время инновации — это всегда риск, если ожидания не оправдаются — виновато начальство, и своих мест уже может лишиться менеджмент. В итоге административная система управления оказывается несовместимой с идеей инновационного развития, предполагающего значительную степень свободы, как личностной, так и профессиональной.

Подводя итоги, вернемся еще раз к стратегии инновационного развития.

Сложность и нелинейность организации всех элементов системы инновационного процесса порождают существование провалов рынка в этой области, что определяет необходимость государственного стимулирования инноваций. Вместе с тем вмешательство государства следует ограничить общесистемными мерами поддержки, такими как упрощение доступа к источникам финансирования производства наукоемкой технологической продукции, адресные налоговые льготы при финансировании НИОКР, программ повышения квалификации сотрудников, разработка система патентования и защиты интеллектуальной собственности, развитие университетов и исследовательских центров. При этом не стоит ожидать, что в России модернизация станет магическим рецептом роста и заменит «старомодные» способы создания экономики мирового уровня, улучшения инвестиционного климата и открытости к конкуренции и торговле.

В то же время, если мы хотим перевести наши компании на инновационный путь развития, инструменты административного давления оказываются неэффективными, и даже вредными. Для достижения устойчивых долгосрочных результатов необходимо понять внутренние пределы, которые задаются существующей системой управления, и начать трансформацию этой системы, направленную на создание инновационной среды организации через раскрытие творческого персонала ее сотрудников. И не стоит при этом пренебрегать зарубежным

опытом, ведь многие японские компании стали мировыми лидерами вовсе не благодаря поддержке знаменитого министерства международной торговли и промышленности Японии, занимавшегося промышленной политикой в послевоенное время, они просто это заслужили [5, 1504—1517].

Литература

1. *Murphy K.M., Shleifer A., Vishny R.W.* Industrialization and the Big Push // *The Journal of Political Economy*. 1989. October. Vol. 97.
2. *Гуриев С., Цывинский О.* Ratio economica: Это нужно заслужить // *Ведомости*. 2011. 05 июля.
3. *Сенге П.* Пятая дисциплина. Искусство и практика обучающейся организации. М., 2009.
4. *Лайкер Дж.* Дао Toyota: 14 принципов менеджмента ведущей компании мира. М., 2005.
5. *El-Agraa A.M.* UK Competitiveness Policy vs. Japanese Industrial Policy // *The Economic Journal*. 1997. September. Vol. 107. No. 444.

А.В. ДОНЧЕНКО

Особенности пакета антикризисных мер, предпринимаемых французским правительством, в период мирового финансового кризиса 2007—2009 гг.

Аннотация. Статья посвящена особенностям антикризисных мер, предпринимаемых французским правительством в период мирового финансового кризиса. В ней рассмотрены основные проблемы французской экономики в указанный период. Приведены статистические данные основополагающих экономических показателей. Отмечены возможные сценарии развития экономики страны в послекризисный период.

Ключевые слова: мировой финансовый кризис, французская экономика, антикризисные меры, реформы.

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of the anti-crisis measures undertaken by the French government during the world financial crisis. It describes general problems that the French economy faces in the period indicated above. It includes statistical data on the most important economic indicators. It underlines possible scenarios of the country economy development in the post crisis period.

Keywords: global financial crisis, French economy, antirecessionary measures, reforms.

2008 г. стал одним из самых тяжелых для французской экономики. Стране не удалось избежать грозившего ей «официального» вступления в период экономической рецессии. После констатации отрицательных темпов роста во втором квартале 2008 г. (–0,3%), в третьем квартале французская экономика вышла на положительный результат, хотя и близкий к нулю (+0,1%). Наконец, в четвертом квартале темпы снижения ВВП составили уже 1,2% с прогнозом в –1% на 2009 г. Таких плохих показателей Франция не знала с 1974 г.

Финансовый и экономический кризис 2008 г. в значительной степени скорректировал планы французского правительства по стабилизации национальной экономики. В связи с резким ухудшением мировой экономической конъюнктуры оно оказалось в довольно сложной ситуации, столкнувшись с необходимостью реализации двух, если не взаимоисключающих, то во всяком случае трудно совместимых задач: с одной стороны, это необходимость принятия срочных мер по поддержанию функционирования французской экономики, сопряженных с неизбежным увеличением бюджетных расходов, с другой — основные задачи последних лет — оздоровление системы государственных финансов и достижение структурного равновесия в данной области к 2012 г., предполагающие, в частности, постепенное сокращение расходов госбюджета. Стратегия оздоровления госфинансов, в свою очередь, разрабатывалась с учетом приоритетных потребностей французской экономики: повышения конкурентоспособности предприятий и усовершенствования социально-трудовой сферы [1]. В этой связи была необходима взаимная увязка принимаемых в различных областях мер, т. е. своего рода интеграция плана по поддержке экономики (как рассчитанного на более короткий срок) в среднесрочную стратегию развития Франции. Итоговым документом стала Программа стабилизации Франции на 2009—2012 гг.

Важным событием 2008 г. явилось председательство Франции в Евросоюзе во второй половине года, совпавшее с основным периодом кризиса. Франция стала инициатором многих мер, направленных на общую стабилизацию ситуации и повышение качества регулирования финансовых рынков. В частности, стоит отметить усилия, призванные:

- повысить прозрачность финансовых рынков: на общеевропейском уровне была согласована «отчетная модель» (*modèle de reporting*), в соответствии с которой банки должны предоставлять соответствующую информацию;
- стимулировать сотрудничество и координацию действий между европейскими наблюдательными органами финансового сектора: по инициативе Франции будут приняты меры по гармонизации страновых норм, регулирующих данную сферу, а также будут усилены инструменты сотрудничества между контрольными органами, в част-

ности теми из них, которые наблюдают за деятельностью одних и тех же финансовых групп;

- улучшить регулирование деятельности рейтинговых агентств: учитывая роль данных агентств в функционировании финансового сектора, страны — члены ЕС приняли решение о необходимости введения единой системы регистрации и регулирования деятельности подобных агентств в рамках Евросоюза, о чем готовится соответствующая директива;

- более тщательно контролировать деятельность страховых органов: в ходе прошедшего под председательством Франции Совета министров финансов Европы (ЭКОФИН) было достигнуто рамочное соглашение о контроле за деятельностью страховых компаний с целью более тщательного учета рисков при оценке рыночной стоимости их активов и пассивов. Впервые были введены механизмы, позволяющие соотносить потребность компании в оборотных фондах с циклом экономической деятельности (с целью избежания процикличности); кроме того, министры согласовали два инструмента противостояния кризису: операции по рекапитализации и государственные гарантии банковских займов для восстановления доверия к финансовому сектору³¹;

- совершенствовать правовое поле банковского сектора: пересмотр банковской директивы (*capital requirement directive*) позволит существенно модернизировать правила регулирования банковского сектора на общеевропейском уровне: в частности, будет обеспечен лучший учет рисков ликвидности и степени концентрации банков, кроме того, согласно ужесточенным правилам, банки обязаны сохранять на балансе средства, необходимые для покрытия, минимум, 5% рисков, связанных с выпуском ценных бумаг [2; 3].

По итогам 2008 г. дефицит внешней торговли Франции составил 55,7 млрд евро.

По результатам заседания Совета ЭКОФИН (1—2.12.2008) и Совета Европы (11—12.12.2008), проведенных под председательством Франции, был одобрен *План по поддержке европейской экономики*, предусматривающий принятие мер как на общеевропейском, так и на национальном уровнях [4].

Меры, заявленные в национальных планах стран-членов, должны были отвечать трем критериям: они должны быть целевыми (направленными на наиболее уязвимые секторы экономики), способными дать немедленный результат и носить временный характер.

Французский «План поддержки экономики» (ППЭ), представленный президентом Саркози 4 декабря 2008 г. в г. Дуэ, полностью отве-

³¹ В целом, к концу председательства Франции в ЕС страны-члены договорились выделить 280 млрд евро на рекапитализацию и 1800 млрд евро на гарантирование банковских кредитов.

чал данным требованиям. Меры, изложенные в нем, вступили в силу в 2009 г. и были предусмотрены бюджетом 2008 г., а также пересмотренным бюджетом 2009 г.

План по поддержке экономики оценивался в 26 млрд евро (1,3% ВВП) с акцентом на инвестиционную составляющую. По направлениям финансирования он может быть представлен следующим образом³²:

- 11,6 млрд евро: поддержка оборотных фондов предприятий (преимущественно за счет мер налоговой направленности, в частности, ускоренного возмещения уплаты различных налогов);
- 10,5 млрд евро: меры инвестиционной поддержки (включая прямые государственные инвестиции в размере 4 млрд евро, инвестиции госкорпораций в размере 4 млрд евро и инвестиции территориальных органов власти, стимулируемые выплатами государства из фонда досрочного возмещения НДС, в размере 2,5 млрд евро);
- 2 млрд евро: поддержка секторов, наиболее пострадавших от кризиса: сектор жилищного строительства и автомобильный сектор;
- 2 млрд евро: меры поддержки занятости и доходов наиболее уязвимых слоев населения.

Финансирование Плана должно было происходить, с одной стороны, за счет сокращения налоговых поступлений государства (меры налоговой направленности), с другой — за счет дополнительных расходов бюджета в размере 15,5 млрд евро. Уже после нескольких лет реформ и после принятия ряда срочных мер по поддержке экономики стали проявляться и некоторые негативные результаты активной реформаторской деятельности Н. Саркози.

В частности, в первом полугодии 2009 г. значительно возросла налоговая нагрузка на территориальном уровне. Согласно экспертным оценкам, уровень налогообложения вырос в среднем по всем административным единицам и по всем видам налогов на 3,6%. В особенности этот рост коснулся тех коммун, где более активно происходили инвестиционные процессы, а также где были приняты повышенные социальные обязательства.

По субъективным оценкам ряда экспертов, совокупная эффективность (кпд) большинства реформ Н. Саркози не превышает 10% [5].

Несмотря на то, что многие меры 26-ти миллиардного Плана поддержки экономики уже прекращают свое действие (досрочные налоговые компенсации, выплата единовременных пособий и пр.), некоторые из них, оказавшиеся наиболее действенными, по-прежнему будут финансироваться из госбюджета (беспроцентный кредит на покупку жи-

³² Данная разбивка содержится в Обзоре Плана по поддержке экономики, но является достаточно условной, поскольку меры по поддержке деятельности предприятий могут являться одновременно мерами по поддержке занятости населения и финансироваться за счет одного источника.

ля, *prime à la casse* и др.). Кроме того, в настоящее время реализуется множество инвестиционных проектов, направленных одновременно на обеспечение рабочих мест и на улучшение инфраструктуры, а также планы действий социального характера, предназначенные для поддержки определенных групп населения (молодежь, пенсионеры). Многие из этих мер уже приносят определенные плоды, однако иногда реформаторская деятельность президента встречает достаточно негативную оценку экспертов в связи с низкой (пока) отдачей от дорогостоящих мер [6; 7].

«Не сбавлять темп реформ» — таков новый девиз президента Франции после лозунга «больше работать, чтобы больше зарабатывать», под которым он пришел к власти. За время своего президентства он стал инициатором огромного числа реформ и нововведений: за два года было принято порядка 70 законов, вносящих серьезные изменения во все сферы деятельности в стране, проведено множество дебатов и дискуссий, потрачено значительное количество бюджетных средств, реализованы 138 из 316 мер, рекомендованных Комиссией по выявлению факторов, препятствующих экономическому росту («Комиссия Аттали») [8].

Во время правления Ж. Ширака была создана комиссия по либерализации экономического роста Франции под руководством известного французского экономиста Жака Аттали. Весной 2007 г., накануне президентских и парламентских выборов, был опубликован большой доклад комиссии, где была предложена модернизация множества областей экономической и социальной жизни. В докладе Аттали анализируются следующие основные направления: инновационная деятельность; положение новейших производств (прежде всего информатики и современных направлений связи, медицинской промышленности, фармацевтики, биотехнологии, транспорта); состояние конкуренции на внутреннем рынке страны (где до сих пор ряд подотраслей сферы услуг от нее защищен); эффективность государственного управления экономикой; современные особенности участия профсоюзов и предпринимательских организаций в выработке основных решений по трудовому законодательству; состояние образования, здравоохранения и пенсионной системы, рынка труда, положение иммигрантов и возможности их более активного включения в жизнь страны [8].

В докладе предлагается более 300 мер, имеющих стратегическое значение. Автор доклада особо подчеркивает, что «страна больше не может позволить себе рассматривать каждое из предложений годами и по отдельности, а также принимать или не принимать его в зависимости от политических воззрений той или иной группы электората». После прихода к власти в 2007 г. администрация Саркози активно начала претворять положения доклада Аттали в жизнь.

Второй доклад был подготовлен комиссией под руководством Ж. Аттали уже по поручению президента Н. Саркози и премьер-министра страны Ф. Фийона. Предложения Комиссии были учтены при подготовке и принятии более 20 законодательных актов. С учетом анализа принятых мер и текущей экономической и социальной ситуации. Комиссия внесла ряд новых предложений и рекомендаций, которые были опубликованы на 177 страницах доклада, основная цель которого — предложить рекомендации, формирующие стратегию преобразования французского государства в течение предстоящих десяти лет на основе единого фундамента реформ, которые *должно* проводить *любое правительство*, независимо от его политической ориентации и независимо от других реформ, которые, в частности, проводит французское правительство на благо будущих поколений своего общества.

В докладе отмечается, что при проведении реформ необходимо соблюдать три фундаментальных требования.

1. *Достоверности, правдивости (une exigence de vérité)*. Согласно этому требованию, страна должна знать масштабы реалий. Франция находится в очень трудной ситуации: снижение уровня конкурентоспособности, нехватка программ по поддержке молодежи, исследователей, предпринимателей, огромный размер государственного долга, безработица.

2. *Справедливости (une exigence d'équité)*. Каждый житель страны должен ощущать, что предпринимаемые правительством усилия справедливо распределены и что существуют реальные возможности социального роста (*mobilité sociale*), перехода в иную социопрофессиональную группу. Страна имеет много преимуществ. Система социального обеспечения во Франции уникальна и, несмотря на кризис, Франция остается одной из стран, где неравенство в доходах граждан наименее выражено. Франция — страна, где процент бедности лиц пожилого возраста продолжает неуклонно падать.

В докладе отмечено, что 10% наиболее богатых граждан Франции владеют 38% всего имущества страны (в Германии — 54% , в Швеции — 58 и в США — 71%) [9].

3. *Законности, обоснованности (une exigence de légitimité)*, т. е. того, что должно обеспечить поддержку общества в проведении реформ и контроль за их реализацией в реальном времени, а также оценку их эффективности. Однако, несмотря на очень развитую демократию и чрезмерную активность общества, многие граждане отмечают слабость государственной власти во Франции.

Лейтмотивом доклада является лозунг о том, что восстановить экономический рост во Франции необходимо и возможно.

Для этого, по мнению Аттали, необходима новая политика занятости и восстановления финансового равновесия. Старение нации и раз-

балансированность государственных финансов подталкивают Францию к опасности наращивания государственного долга до 100% ВВП уже к 2020 г., даже без учета дефицита пенсионного бюджета. Уровень жизни французов неуклонно падает, средства от прироста налоговых поступлений будут направляться в первую очередь на покрытие государственного долга. Единственный выход — наращивание экономического роста. Франция способна достигнуть экономического роста, минимум, 2,5% ВВП в год ежегодно до 2020 г. при снижении структурной безработицы до 4,5% экономически активного населения.

При этом для реализации поставленных стратегических задач необходимо выполнить две срочные задачи.

Первая задача. Франция должна снизить свой государственный долг к 2020 г. до уровня, близкого 60% ВВП.

Кризис 2008 г. привел к резкому снижению доходной части бюджета и увеличению расходной, что выразилось в ухудшении показателей бюджетного дефицита и государственного долга Франции. Дефицит бюджета вырос с 3,3% в 2008 г. до 7,5% в 2009 г.; государственный долг соответственно вырос с 67,5 до 78,1% ВВП между 2008 и 2009 гг. [10]. Чтобы выполнить эту задачу, необходимо как можно скорее, а именно в 2013 г., довести бюджетный дефицит до 3% ВВП и затем сохранять бюджет в активном сальдо. Для достижения этой цели прирост ВВП (экономический рост) должен составлять 2% ежегодно, прирост государственных финансов — 25 млрд евро ежегодно, или 75 млрд евро за три года. Такое значительное выравнивание финансовой ситуации должно произойти за счет сокращения расходной части бюджета на 50 млрд евро и прироста налоговых поступлений на 25 млрд евро. Очевидный приоритет — это снижение расходов (50 млрд евро за три года), которое должно быть достигнуто за счет упорядочения административного аппарата и численности государственных служащих, а также быстро растущего количества *окологосударственных* структур, усиления применения электронной администрации, улучшения управления государственными учреждениями (университетами и госпиталями).

Однако одной экономии будет недостаточно, необходимо увеличить поступление от налоговых и социальных выплат (25 млрд евро в течение 3 лет). Такие меры применяются всеми развитыми экономиками. В частности, необходимо уменьшить или упразднить налоговые и социальные ниши, имеющие антиперераспределительный эффект или способствующие получению дополнительных привилегий [2]. Необходимо также пересмотреть налогообложение наследства (наследуемого имущества).

Совокупность увеличения налоговых поступлений будет осуществлена без изменения налогового щита.

Устойчивое выравнивание государственных финансов должно базироваться на пяти принципах:

- сосредоточения на экономии расходов;
- приоритета программам будущего;
- способствования уменьшению «перекосов»: расходы государства должны быть направлены на первоочередные нужды, и налоговая система должна стать более справедливой, с устойчивыми обязательными удержаниями в виде уплаты соответствующих налогов и взносов;
- проведения налоговой политики, направленной на экономический рост: в основе политики должны быть сохранены регулярные выплаты, рост потребления и ненанесение ущерба окружающей среде; с другой стороны, политика должна способствовать росту заработной платы;
- усиления управления государственными финансами (*Renforcer la gouvernance des finances publiques*): организация парламентских слушаний по французской программе стабилизации экономики и ответственности государства, местных властей и органов социального обеспечения.

Франция должна активнее включиться в исполнение *Пакта стабильности и роста*, развивать и больше применять европейское государственное финансирование на исследовательскую деятельность и инновации, особенно при реализации во Франции средств европейских венчурных фондов для малых и средних предприятий [11].

Комиссия считает, что бюджетная политика Франции должна базироваться на следующих принципах:

- осуществления структурного оздоровления государственных финансов (25 млрд в год); соблюдения обязательств Франции перед Еврокомиссией и принятых в последней программе стабилизации (страна должна выйти из опасной зоны, для этого при гипотетическом экономическом росте в 2% в год необходимо в 2011—2013 гг. найти 75 млрд евро дополнительных средств. Необходимо также снизить уровень государственных затрат (затраты на содержание государственного аппарата не соответствуют сегодня уровню предоставляемых гражданам услуг) [12];
- снижения затрат и увеличения налоговых поступлений (очевидный приоритет должен быть отдан экономии затрат).

Вторая задача. Создание рабочих мест и обеспечение будущей занятости молодежи.

Комиссия рекомендует сохранить сущность налоговых льгот и перенести часть расходов (отчислений) на социальное обеспечение на TVA (налог на добавленную стоимость). Развитие конкуренции, особенно в сфере услуг (телекоммуникации, банки и страхование, энерге-

тика), также является стимулом для развития инноваций и создания рабочих мест.

При этом следует учитывать два долгосрочных приоритета: 1) модернизация системы образования (низкий уровень образования и механизм работы, в частности, начальной школы, является явным барьером для роста); 2) защита окружающей среды и управление редкими ресурсами.

Помимо указанных приоритетов, бесспорным остается приоритет модернизации в области научных исследований (в целом около 22 млрд евро направлены в эти области, в том числе в рамках национального займа).

Многие меры были приняты в 2009 и 2010 гг. для усиления привлекательности Франции, особенно в плане улучшения критичных инфраструктур.

Частично были введены такие важные меры, как:

- реформа, касающаяся строительства торговых площадей — для стимулирования покупательского спроса и экономического роста;
- частичное снижение административных барьеров (либерализация ряда профессий) — планируется с 1 января 2012 г. по регламентируемым профессиям (адвокаты, фармацевты, таксисты, нотариусы, судебные исполнители) — для увеличения доступа в эти профессии, эта норма уже применяется с 2008 г. к такси, что позволило увеличить количество парижских такси с 15600 единиц в июле 2008 г. до 16623 в декабре 2009 г.;
- поддержка малых и средних предприятий (*PME*) и очень маленьких предприятий (*TPE*);
- введение режима индивидуального предпринимателя (*auto-entrepreneur*), который имел большой успех и широко известен (в этом режиме зарегистрировано более половины из 580200 предприятий, созданных в 2009 г.);
- учреждение меры *NACRE (nouvel accompagnement pour la création et la reprise d'entreprise)* — нового сопровождения при создании или покупке предприятия, предусматривающего предоставление ссуды с нулевым процентом на эти цели;
- снижение сроков платежей до 45 дней, что привело за два года к снижению сроков платежей в среднем на 11 дней; увеличение санкций в случае просрочки платежа;
- облегчение доступа очень маленьких предприятий (*TPE*) к финансированию;
- законодательное закрепление возможности государственным заказчикам резервировать определенную часть их контрактов, касающихся высоких технологий, для инновационных *PME*.

Правительство оценило, что данные меры должны увеличить уровень роста французской экономики минимум на 0,3% ВВП в год, начиная с 2009 г., и способствовать созданию занятости в сфере производства товаров (в среднем 50000 мест в год в течение 5 лет) [13].

Исходя из вышеизложенного, в докладе предлагается рассмотреть возможные сценарии развития экономики Франции на ближайшее десятилетие.

Франция в 2020 г.: сценарии развития и составляющие

1. Риски. Кроме рисков, связанных с быстрым наращиванием государственного долга, которое может привести к потере контроля над государственными финансами и тяжелым политическим и социальным последствиям, отмечаются еще три типа рисков, связанных с кризисом: риски превращения конъюнктурной безработицы в безработицу постоянную; инвестиционные риски; риски снижения производительности труда.

2. Демографическая ситуация. Средний возраст жителей ЕС в 1960 г. был 32 года. К 2050 г. он может достигнуть 50 лет. Численность населения Франции может увеличиться на 9% и достигнуть 70 млн человек. Во Франции увеличивается число лиц старшего возраста, стабилизируется число молодежи. Иммиграция (+100000 чел. в год) компенсирует падение рождаемости. Если во Франции в 1960 г. на одного пенсионера приходилось 4 работающих, то сейчас 1,8. К 2050 г. ожидается 1,2 работающих на 1 пенсионера, т. е. фактически каждый работающий должен будет содержать 1 пенсионера [14].

Сегодня во Франции насчитывается 1 млн лиц пожилого возраста, нуждающихся в помощи. Удвоение числа лиц старше 85 лет до 2015 г. может увеличить численность лиц, нуждающихся в помощи, на 25%³³ [14; 15].

3. Модернизация системы высшего образования, предоставление большей свободы при осуществлении набора преподавателей и отборе студентов.

4. Оптимизация качества оценки деятельности университетов и преподавателей.

Существует два положительных и один отрицательный возможных сценария потенциального экономического роста в 2013—2020 гг., разработанные Генеральной дирекцией казначейства Министерства экономики, промышленности и занятости Франции.

Два первых сценария демонстрируют влияние на экономический рост увеличения объемов производства (роста производительности) и

³³ По мнению экспертов МВФ, влияние этого процесса на дефицит бюджета будет сильнее, чем влияние финансового кризиса.

возврата к полной занятости. Третий сценарий является неблагоприятным и означает «плыть по течению» (*fil de l'eau*).

- *Неблагоприятный сценарий* «плыть по течению» предполагает гипотетический рост 1,6% в год на неопределенный срок. Он сочетает темп роста производительности в размере 1,5% в год и структурную безработицу 7%. Этот сценарий может рассматриваться как сценарий дореформенного периода и без положительного воздействия от применения новых технологий [16; 17].

- *Благоприятный сценарий* сочетает тенденции более высокого (на 0,3 процентных пункта в год) роста производительности, чем при неблагоприятном сценарии, и структурной безработицы на 2,5 процентных пункта ниже на неопределенный период. Этот сценарий предполагает благоприятное влияние новых технологий на производительность и проведение новых реформ, улучшающих функционирование рынка труда и профессиональной подготовки. Эти благоприятные факторы позволят увеличивать экономический рост на 0,3 пункта в год.

- *Промежуточный сценарий* — с процентом структурной безработицы, идентичным тому, что в благоприятном сценарии, но с меньшими показателями роста производительности (+0,1 пункта по отношению к показателям неблагоприятного сценария). Этот сценарий подразумевает лучшее функционирование рынка труда, но при этом не ожидается больших достижений в плане профессиональной подготовки и инновационной деятельности.

При этом необходимо отметить, что две международные структуры — Европейская комиссия и ОЭСР — считают, что потенциальный экономический рост во Франции в 2010—2020 гг. будет ниже, чем в докризисный период [18].

Франция, какой ее хотели бы видеть французы в 2020 г., по мнению Комиссии Аттали, должна быть процветающей, конкурентоспособной, справедливой, с развивающейся экономикой, без долгов и более интегрированной в европейское окружение. В общих чертах это сводится к следующему:

- экономический рост не менее 2,5% в ближайшей перспективе и 3% к 2020 г., основанный на более конкурентоспособной экономике;
- положительный баланс бюджета, позволяющий уменьшить государственный долг до 60% ВВП;
- солидарное общество с полной трудовой занятостью, больше доверяющее государству.

Комиссия предлагает снизить бюджетный дефицит до 3% ВВП к 2013 г., что позволит стабилизировать показатели государственного долга на основе ежегодного роста ВВП в среднем на 2% между 2011 и 2013 гг.; продолжить предпринятые усилия также и после 2013 г. с

тем, чтобы довести государственный долг до 70% ВВП, а затем, к 2020 г., до 60% ВВП.

Бюджетное, менее жесткое выравнивание, чем это было предусмотрено до 2013 г., потребует сильнее наращивать потенциал между 2013 и 2020 гг., чтобы достичь снижения государственной задолженности.

Прогноз Комиссии по экономическому росту более консервативный, чем прогноз правительства и останавливается на 2% в 2011, 2012 и 2013 гг. (против 2,5% на эти же годы у правительства).

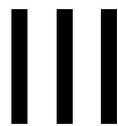
Анализ антикризисных мер, предпринимаемых правительствами различных стран, продемонстрировал если не разочарование в глобализации, то, по крайней мере, требования пересмотра мировой системы хозяйствования, в особенности ее финансовой инфраструктуры, сложившейся системы международного разделения труда, позиционирования экономик в структуре мирового распределения факторов производства, потоков товаров и услуг. Единого представления о выходе из глобального экономического кризиса 2008 г. нет. Это во многом усложняет антикризисное регулирование, делает непредсказуемым последствия современного этапа экономической нестабильности, способно превратить кризис 2008 г. в самое важное событие наступившего века, существенным образом трансформировавшее сам уклад международного хозяйства [19].

Не вызывает сомнений, что, преодолев кризис, французская экономика выйдет из него в значительной мере обновленной. Ускорится развитие малого бизнеса, в том числе и в инновационных областях. Либерализация деятельности университетов будет способствовать переходу к экономике знаний. Улучшится состояние производственной инфраструктуры. Результаты краткосрочных мер, принимаемых государством, ощутимы уже сегодня. Последствия долгосрочных мер будут видны, как представляется, ближе к середине следующего десятилетия. Впереди — в соответствии с докладом Аттали — существенные изменения.

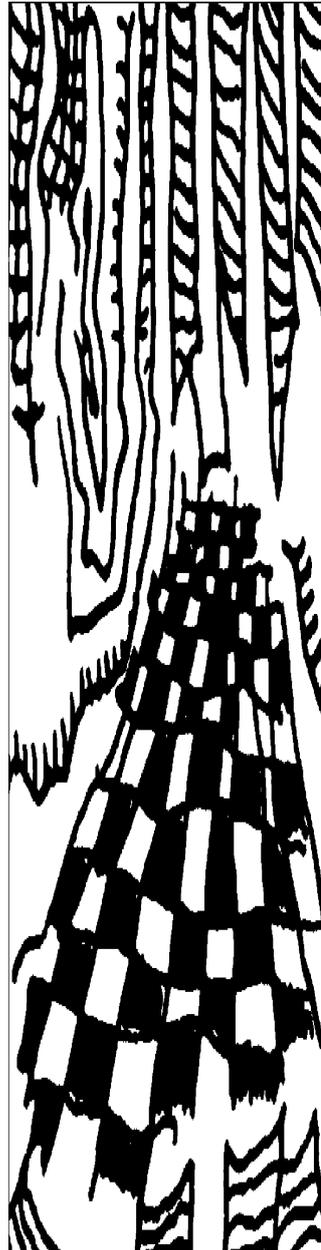
Литература

1. Les contrecoups de la crise. Esprit. P., 2009. Nov.
2. www.emploi.gouv.fr.
3. www.ladocumentationfrancaise.fr.
4. Сидорова Е.А. Будни антикризисной борьбы в «Старой Европе» // ИМЭМО РАН. М., 2010. Вып. № 6.
5. Ce que la crise a changé. 60 personnalités imaginent le monde de demain. P., 2010.
6. Heisbourg Fr. Les conséquences stratégiques de la crise. P., 2010.
7. www.ubifrance.fr.

8. *Преображенская А.А.* Особенности кризиса во Франции // Материалы конференции в ИМЭМО РАН, 20—21 апреля 2009 г.
9. TEF (Tableaux de l'économie française). P., 2010.
10. www.budget.gouv.fr (www.comptes-publics.gouv.fr; www.fonction-publique.gouv.fr).
11. www.invest-in-france.org.
12. *Bernanke B.S.* The Crisis and the Policy Response. Stamp Lecture a la London School of Economics, Londres, Royaume-Uni. L., 2009.
13. *Aglietta M.* La crise. Les voies de sortie. P., 2009.
14. France-Bilan 2009 // Problèmes économiques. La documentation française. P., 2009.
15. L'économie française. Compte et dossiers. Edition 2009/INSEE. Paris, 2010.
16. *Cecchetti S.G.* Crisis and responses: The Federal Reserve and the financial crisis of 2007—2008 // NBER Working Paper. Basel, Switzerland, 2008. No.°14134.
17. *Langlet D.* L'économie en ruine. La finance et la fin d'une histoire. P., 2010.
18. Sortie de la crise. Vers l'émergence de nouveaux modèles de croissance? Rapport du groupe de travail présidé par Daniel Cohen // La Documentation française. Paris, 2009. No. 22.
19. *Artus P., Betbeze J.-P., Boisseu Ch. de, Capelle-Blancard G.* De la crise des subprimes à la crise mondiale // La documentation française. P., 2009.

**АКТУАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

В.П. ОКЕАНСКИЙ

**Этика закона и благодати в миропонимании А.С. Хомякова
и в контексте нашего времени**

Аннотация. В статье показана культурно-историческая динамика сквозных символических архетипов историософии А.С. Хомякова в соотнесенности с древним церковным пониманием Закона и Благодати, с одной стороны, а с другой — с кризисным характером нашей современности.

Ключевые слова: дарение, захват, о. Сергей Булгаков, фундаментальное разделение, закон, благодать, Алексей Степанович Хомяков, кушитство, иранство, рабство, свобода.

Abstract. The article shows the cultural and historical dynamics of symbolic archetypes of A.S. Khomyakov's historiosophy in correlation with the ancient ecclesiastical understanding of the Law and Grace, on the one hand, and on the other — with the crisis nature of our time.

Keywords: gift, capture, f. Sergij Bulgakov, fundamental division, law, grace, Aleksey Stepanovich Khomyakov, kushitstvo, Iranism, slavery, freedom.

Нужно жить — как колесо вертится:
только одной своей точкой касается земли,
остальные — вознесены к небу...

Из наследия святых оптинских старцев

«Не за страх, а за совесть» — в этой максиме концентрированно выражена одна из наиболее существенных граней пропитанной животворящим духом церковности «русской идеи», аксиоматически предполагающей первоверховенство Благодати Божественного Агнца и приоритетность благодарного восприятия Бытия как Всевышнего Творческого Дарения надо всеми «волчьими» захватническими законническо-экономическими формами современного неоязыческого мышления, вторгающегося сегодня практически во все сферы, не исключая сами церковные структуры, и настойчиво проступающего в столетиями формирующейся символической структуре планетарного хозяйства, разоряющего древние клады и бросающего золото на ветер...

Такое Бого-ориентированное отношение, однако, противно безотчетному демоническому альтруизму и отнюдь не исключает осторожной скуповатости, находящей себе опору в евангельском запрете самого Христа: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас» (Мф. 7, 6). Вопрос: «откуда взялись “свиньи” и кто они?» — имеет вполне однозначный ответ изнутри благодатного миропонимания: неблагодарное отношение к Творцу начинается в ангельском мире восстанием и низвержением небесных сил бесплотных — и мы помним из Евангелия, что эти изгнанные из бесноватого человека силы имеют личностную природу, они трепещут пред бездною, вселяются волею самого Христа в свиней, которые бросаются в пропасть с обрыва (Лк. 8, 26—39)... Из басни же Крылова о свинье и дубе мы знаем, что свиньи подрывают корни дуба, дающего им пропитание — свиньи символически выражают подрывное начало, направленное на гибель самого Древа Жизни.

Свиньям уподобляются не только бесы, но и — люди: «свиночеловечество», используя яркий словесный образ из наследия о. Сергия Булгакова, подрывает сами основания земной жизни и обречено Высшему Суду и проклятию, изгнанию с лица земли — погружению в безопорность Бездны. Более того, в эсхатологической перспективе человечество подлежит фундаментальнейшему разделению на богочеловечество и свиночеловечество («агнцев и козлищ»): богоподобие и скотоподобие станут окончательными уделами апокалиптически расщепленного макроисторического бытия. Это практически невыносимо для гуманистически ориентированного мышления, исходящего из «ноосферной» утопии всечеловечества и присущего ему исконно квазибогоподобного «коллективного разума»; но некоторыми утешениями для обращающихся к христианской традиции гуманистов может быть глубочайшее церковное признание ада и небес, ангеличности и скотства, «сочетания, — говоря прожигающими словами Достоевского, — идеала содомского с идеалом Мадонны» в сердце каждого грешного человека и вытекающая отсюда внутренняя борьба, исключаяющая любые формы относительной гармонии, исторически взыскуемой гуманистами. Метафизически оправданный гуманизм оказался не комфортабельным креслом (эти сидища занимают сегодня новые брахманы-рабовладельцы), а горящим домом или тонущим кораблем — вызовом, требующим от каждого предельного усилия в направлении по человеческим меркам Неподъемного.

На фоне сказанного выше сегодня представляются какими-то сказочными экзотическими фигурами из иного мира метонимические архетипы, раскрытые Алексеем Степановичем Хомяковым (1804—1860)

в «Записках о всемирной истории» [1] и проименованные им как Иранство и Кушитство. Это — мифообразы-прапонятия в истории религий и вместе с тем концепции-шифры макроисторического развития. В основе иранских начал (не только верования Древнего Ирана, но и все авраамические религии: иудаизм, христианство, ислам) лежит идея нравственной свободы, в Кушитстве (буддизм, магические культы) царит дух необходимости, неволи, кармического рабства. Символическая борьба кушитской змеи и иранской птицы пронизывает здесь всю человеческую историю. Хомяков подчеркивал в Иранстве доминанту музыкально-фонического начала, а в Кушитстве — архитектурно-иероглифического. Иранство олицетворяет небесную сферу, Кушитство — земное лоно. Но нельзя делить их на сакральное и профанное. Сакрально и то, и другое: первое — верховно сакрально, второе же — глубинно сакрально. Метафизическая взаимопринадлежность глубин и вершин не только не исключает их качественных различий, но и подчеркивает обрекающую на тщетную борьбу с вершинами особость глубин, проистекающую из первичности вершин.

Сатирически метафизика Иранства и Кушитства изображена в басне Ивана Андреевича Крылова «Стрекоза и Муравей», где Стрекоза символизирует первое, а Муравей — второе. Другой пример из русской литературы — драма «Гроза» Александра Николаевича Островского (явление грозы, как известно, свершается между небом и землею). Соответственно, Катерина и Кабаниха несут на себе метафизическую нагрузку Иранства и Кушитства [2, гл. 3]: первая и в жизни, и в самой смерти обращена к небесно-ангелическому, крылатому, летящему и парящему началу — но и вторая исходно предстает отнюдь не ведьмою, не служительницей демонических культов, напротив, набожная, молящаяся Кабаниха выступает прежде всего как хранительница русского домостроевского сакрального космоса, который на ее глазах рушится...

Однако же в макроисторической перспективе происходят усиление кушитских начал и ослабление иранских — это отмечено самим Хомяковым, с горечью пролившим свет и в самое нутро горделиво готовящейся к освобождению Царьграда рабовладельческой России:

В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна! [3, 110].

К возрождению какой России мы устремляемся сегодня? — вопрос не из легких: от советских галерно-полевых работ не кидаемся ли мы в драконовы сети рекруттарно-чиновничьего рабства? что поменялось в

недрах человеческого ума? многие ли подлинно услышали церковный призыв к покаянию? приблизилось ли или удалилось царствие небесное для той, которая приносит на блюде отрезанную голову св. Иоанна Предтечи?

Домостроители тупо торжествуют — летатели трагически гибнут или обречены на сущностную гибель. Сейчас в нашей жизни слишком много Кушитства — молния Иранства озаряет уже не сферу духа, а только по-своему замечательные шедевры технической культуры. Отовсюду слышится: «Закон!». Необходимость убивает все живое, и это плохо. В известном смысле в начале 1990-х на первом плане было Иранство — однако же *не менее отвратительно, когда силами ада попирается Закон и всякое домостроительство*, а Благодать при этом отнюдь не радуется, но стремительно иссякает, удаляясь с последнего островка земли... Безбожие не умерло, а лишь поменяло одежды. Как прежде искома и не находима символическая гармония, при которой Закон признает над собою верховенство благодатного апофатического Первопринципа, ибо «без Бога — не до порога!».

Весьма интересно, что поставленная св. апостолом Павлом и раскрытая в культурно-исторической экзегезе первым русским святителем — митрополитом Иларионом Киевским — тематика соотношения Закона и Благодати [4] имеет отнюдь не проекционно-механистическую, но парадоксально-диалектическую параллель, представленную в самой структуре этического миропонимания Хомякова: Бог как «недоступное изменению, неприступное злу и искушению нравственное существо» [5, 125]¹ не оставляет Кушитство-Закон и Иранство-Благодать вечному уделу манихейской борьбы... Но Бог говорит свое Слово тогда, когда человеческий муравейник («глобальный человековейник», по Александру Зиновьеву) загубит всех поющих стрекоз и птиц и окончательно замолчит в своем герметическом некушитском домострое — Бог говорит нам из «будущаго века»: «Се иду как тать... и возмоздие Мое со Мною!» (Апок. 16, 15; 22, 12). Так «жизнь вечная» не разумно — а вполне грозо- и молниеподобно вторгается в иссякающе-деградирующую историю «одномерных» людей...

Гул растет, как в спящем море
Перед бурей роковой;
Вскоре, вскоре в бранном споре
Закипит весь мир земной [6, 129], —

так Хомяков за год до своей кончины пророчески предвидел историческое будущее в качестве апокалиптического преддверия Страшного Суда; однако еще накануне Крымской войны в стихотворении с харак-

¹ Перевод с французского наш. — В.О.

терным названием «Суд Божий» он переходит от пророческого стиля к молитвенному обращению:

Твой суд совершится в огне и крови:
Свершат его слепо народы...
О Боже, прости их и всех призови!
Исполни их веры и братской любви,
Согрей их дыханьем свободы! [7, 109].

Здесь мы видим, как автор верит в преображающее Бого-действие: охваченное глубочайшей враждою и обреченное смерти по всем небесным и земным законам — в молитвенно-обращенном чаянии спасенное человечество! — воскресает в премудром согласии, «согретое дыханьем свободы», ибо, по словам апостола, «где Дух Господень, там свобода» (2 Кор. 3, 17).

Литература

1. *Хомяков А.С.* Записки о Всемирной Истории // Хомяков А.С. Полн. собр. соч.: В 8 т. Т. 5—7. М., 1900.
2. *Океанский В.П.* Мир Хомякова: Церковь и культура. Иваново; Шуя, 2009.
3. *Хомяков А.С.* России // Хомяков А.С. Избранное. Тула, 2004.
4. *Иларион Киевский.* Слово о Законе и Благодати // Русская идея. М., 1992.
5. *Khomiakoff A.S.* L'Eglise Latin et le protestantisme au point de vue l'Eglise d'Orient. Recueil d'articles sur des questions religieuses ecrites a differentes epoques et a diverses occasions. Lausanne, 1872.
6. *Хомяков А.С.* Помнишь, по стезе нагорной... // Хомяков А.С. Избранное. Тула, 2004.
7. *Хомяков А.С.* Суд Божий // Хомяков А.С. Избранное. Тула, 2004.

Е.В. РАДКОВСКАЯ

Философские категории в исследованиях экономического развития

Аннотация. В статье рассматривается трактовка философских категорий, связанных с развитием, их взаимосвязей и противоречий, а также применение в исследованиях экономического развития общества.

Ключевые слова: развитие, рост, движение, система, экономическое развитие.

Abstract. The paper considers the interpretation of philosophical categories related to development, their relationships and conflicts, as well as use in studies of economic development.

Keywords: development, growth, movement, system, economic development.

Исследование различных аспектов экономического развития — одно из важнейших направлений экономической теории и практики. Утверждение государственного курса на устойчивое экономическое развитие регионов как залог устойчивого развития государства обуславливает повышенное внимание к этим вопросам со стороны ученых-экономистов, их изучение в разных ракурсах как в теоретическом, так и в практическом плане.

К сожалению, во многих работах, посвященных этой теме, само понятие экономического развития и иные, сопутствующие ему, такие как собственно развитие, рост, движение, сдвиги и т. п., зачастую используются априорно, без уточнения значения и сути применяемых категорий, что якобы свидетельствует об общей ясности данных понятий. Однако экономическое развитие — сложное, многоплановое явление, которое необходимо рассматривать с максимально возможного числа точек зрения, ясно понимая, каковы его составляющие, природа, смысл. Поэтому нам кажется, что теоретические категории, являющиеся базисом для принятия практических решений, должны быть определены предельно четко, дабы исключить возможность субъективных толкований и предпочтений в процессе реализации программ экономического развития.

Многие используемые в экономике понятия и категории заимствованы ею у философии, которая, в свою очередь, случалось, перенимала их у других отраслей человеческого знания². Даже рассматривая семиотически различные толкования самого термина «категория», можно убедиться в многообразии подходов к этому понятию (см., напр.: [1]), восходящих еще к самым ранним, первым исследованиям зарождающейся философии³, и даже отметить его применение еще в дофилософских трудах. Поиск смысловых дефиниций этого понятия продол-

² К примеру, категория «развитие» была введена в философию благодаря Гете.

³ Так, например, Аристотель применяет слово «категория» как название сущего в том, что собственно присуще его виду, т. е. как собственное имя, взятое во вполне широком смысле [2]. И. Кант рассматривает категорию как чистое рассудочное понятие, высказывание о познаваемом объекте, предикат [3].

жается и в наши дни⁴, однако, поскольку для нас более существен прикладной аспект, мы будем использовать более общее и современное определение категории⁵, позволяющее применять его к анализу регионального развития.

Можно отметить несколько категорий, наиболее активно используемых в экономических и, в частности, региональных исследованиях. В первую очередь, это категории «движение», «рост», «развитие»⁶.

«Развитие» — одна из категорий, наиболее часто употребляемых в работах ученых-экономистов. Ее определение и развернутое толкование проходили в острых дискуссиях на протяжении веков. Они и ныне не прекращаются⁷, но в последние десятилетия все чаще опираются на возрастающее число фактологических исследований многообразных процессов развития⁸.

Наиболее часто категорию развития определяют как процесс необратимых изменений системы. В качестве конкретизации уточняется, что этот процесс состоит в переходе от низшего уровня организации системы к высшему уровню и от простого к сложному.

При рассмотрении этого общего определения сразу возникают, как минимум, два вопроса: о сути системы и ее переходе от одного уровня к другому. И по тому и по другому вопросу существует множество точек зрения. Говоря в целом, необходимо заметить, что, поскольку в реальном мире предметы и явления выступают не как изолированные и обособленные объекты, а как взаимосвязанные и взаимодействующие друг с другом, их необходимо рассматривать в качестве определенных систем. Понятие системы представляет собой конкретизацию и

⁴ При этом не только в чисто философских исследованиях. Так, например, известная теория категорий, занимающая одно из центральных мест в современной математике, нашла также применение в информатике, логике и теоретической физике (см., напр.: [4; 5]).

⁵ Категория [*гр. Katēgoria* суждение, определение] — 1) фил. наиболее общее и существенное понятие, выражающее одну из основных форм или одно из основных отношений бытия (материя, время, пространство, движение, причинность, сущность и т. д.); 2) разряд, группа, степень [6, 290].

⁶ Собственно философская суть категорий, на наш взгляд, заключается в полученной — благодаря раскрытию философского смысла — обобщенной возможности их применения по отношению к объектам, не являющимся в чистом виде объектами изучения философии. В данном случае объектом (рассматриваемым в философском смысле достаточно абстрактно), к которому прилагаются используемые категории, является регион (территория) как экономическая система.

⁷ В частности, обстоятельные выступления по проблемам теории развития почти непрерывно происходили на страницах журнала «Вопросы философии», начиная с 1950-х гг.

⁸ См., напр.: [7—10].

уточнение универсального принципа диалектики о всеобщей взаимосвязи и обусловленности явлений природы и общества.

Для любой системы характерно взаимодействие элементов, в результате которого возникают новые ее свойства, которые отсутствуют у элементов. Именно благодаря подобному взаимодействию система выступает как определенное целостное образование по отношению к своим элементам или частям. С этой точки зрения не только взаимосвязанную совокупность объектов, но и любой предмет, состоящий из взаимодействующих частей, можно рассматривать как систему. Поэтому всякий процесс развития в природе и обществе предполагает развитие систем и должен рассматриваться с системной точки зрения. Только при таком подходе можно понять характер тех необратимых изменений, которые происходят в процессе развития как неорганических, так и органических систем, как систем природы, так и систем общества [11].

В принципе, по поводу категории развития число высказываемых мнений всегда было едва ли не равно числу рассматривающих ее авторов. Безусловно, и в современной философской литературе однозначного ответа о сущности понятия развития нет. Различные авторы обособывают различное его понимание — от абсолютно общего, абстрактно-философского, до конкретно-прикладного.

Так, Т. Красных считает, что развитие есть механизм перехода от одной категории к другой (см.: [12]), что, на наш взгляд, является, хотя и верным, но слишком общим подходом, философию которого — для реального экономического (например, регионального) исследования — необходимо прилагать к конкретным экономическим явлениям.

А.Ф. Лосев говорит, что развитие всякого процесса — это его направленное становление и движение. При этом он определяет становление как такую смену одного момента другим, когда каждый отдельный момент при своем возникновении тут же и уничтожается, снимается. Помимо непрерывной текучести и изменчивости вещей и явлений, становление предполагает, что количественное нарастание всегда ведет к переходу из одного качественного типа становления в другой. Поэтому категория становления, т. е. становление, продуманное до конца, является, в сущности говоря, не только непрерывной эволюцией, но и прерывными революционными скачками. Движение, по мысли ученого, как способ существования материи есть также становление, но это становление является уже качественно заполненным. Развитие же — еще более насыщенная категория — уже не является ни простым только становлением, ни простым только движением. Для того чтобы нечто развивалось, необходимо, чтобы оно уже в самом начале содержало в себе в замкнутом и неразвернутом виде все свое дальнейшее становление и движение. Поэтому, утверждает А.Ф. Ло-

сев, необходимо говорить, что развитие отличается от простого становления и движения своей определенной направленностью, а именно направленностью постепенно развертывать то, что в самом начале дано в неразвернутом виде [13].

Ж. Делез вообще не использует понятие развития, заменяя его становлением [14; 15]. Так, в работе «Критика и клиника» Ж. Делез показывал подробными рассуждениями и примерами, что повторение не сводится к тождеству, а различие — к отрицанию. В процессе становления, по Делезу, идентичность не сохраняется.

Можно отметить сходство в понимании непрерывного становления у Г.П. Щедровицкого и Ж. Делеза: у Г.П. Щедровицкого становление — это процесс непрерывного творения и разрушения организованностей деятельности. В работах Г.П. Щедровицкого [16—18 и др.] развитие рассматривается как естественно-искусственный процесс, направление которого явно или неявно согласовывалось с направлением прогресса, которое должно было задать «абсолютную систему координат» для осмысленного человеческого действия⁹. Последующие фазы более «совершенны», чем предыдущие, но в то же время сохраняют все то важное, что уже наработано (связь с традицией) и приумножают возможности и ресурсы для дальнейшего движения — развитие приближает нас к идеалу.

По мнению Ю.Н. Карандашева, развитие существует в разных вариантах, описание которых представлено в табл. 1.

Таблица 1

Варианты определения категории развития

Вариант (функция)	Проявление
Рост	Процесс количественного изменения (накопления) внешних признаков объекта
Созревание	Редукция, свертывание развития к морфологическим изменениям
Совершенствование	Стремление к цели, т. е. самой лучшей, образцовой, идеальной форме развития
Качественное, структурное изменение	Совершенствование только структуры объекта (исключая количественный аспект)
Количественно-качественное изменение	Совершенствование объекта и в качественном, и в количественном плане

⁹ Как отмечает в этой связи С.Л. Содин [19], здесь естественно-историческое и искусственное изначально пригнаны друг к другу (или даже слиты); тем самым не возникает вопроса об их сопряжении и согласовании. На место развивающегося «целого» классических концепций становятся гетерогенные образования, а вместо изначальной целостности и единства — процессы сопряжения и согласования.

Мы считаем, что приводимые здесь варианты скорее дополняют друг друга, образуя в целостной общности картину развития, чем являются отдельными, самостоятельными характеристиками. Например, рост — лишь один из многих, внешний показатель развития, измеряющий к тому же только количественные параметры развития и ничего не говорящий о его сути. Созревание рассматривается Ю.Н. Карандашевым как развитие в чисто физиологическом смысле, протекающее под непосредственным управлением генетического аппарата. С пониманием развития как совершенствования спорит, в частности, А.А. Баранов (УдГУ), который утверждает, что «это определение носит телеологический характер, т. е. в нем изначально предполагается наличие цели, в качестве которой выступает некая «совершенная», т. е. самая лучшая, образцовая, идеальная форма развития. Непонятно, кто такую цель может поставить, и не ясно, почему именно такая форма развития должна рассматриваться в качестве самой лучшей. Если рассматривать развитие как качественное изменение, то становится понятно, что речь идет лишь о совершенствовании структуры объекта. Иначе говоря, исключается количественная мера совершенствования и сохраняется только качественная. Развитие как количественно-качественное изменение ближе всего, на наш взгляд, к наиболее полному раскрытию сути категории «развитие», хотя и этот аспект не описывает его полностью.

Л.П. Матвеев на основании анализа энциклопедических и образовательно-нормативных публикаций отмечает, что, несмотря на вариации множества определений, в них, как правило, исходят из того, что развитие — это процесс закономерно происходящих изменений состояния системных компонентов природной и социальной реальности (организмов, других природных и социальных систем), который характеризуется, как минимум, следующими признаками: взаимосвязанностью количественных и качественных изменений, их неслучайностью, необратимостью в общей тенденции и долговременностью [20]. Такие признаки принципиально отличают развитие от прочих изменений (например, от текущих, быстро происходящих изменений функционального состояния организма) и выделяют развитие как особый тип изменений.

А.В. Болдачев в рамках создания общей теории глобального эволюционизма¹⁰ исследует взаимопереплетение категорий эволюции,

¹⁰ Главное исходное утверждение ОТГЭ (общей теории глобального эволюционизма) — это постулирование эволюционного, последовательного появления и дальнейшего изменения всех существующих видов движения, начиная от гравитационного и заканчивая социальным.

развития и изменения [21]. Так, говоря об эволюции, имеется в виду появление принципиально новых, уникальных определений (параметров, категорий, систем и т. д.), отсутствовавших ранее. Развитие констатирует появление новых, ранее не присущих некоей системе признаков, но не являющихся уникальными для мира в целом¹¹. Категория «изменение» описывает процессы, происходящие без появления новых определений.

А.В. Петров рассматривает развитие как закономерное, целостное, необратимое структурное изменение систем: системно-целостный процесс, охватывающий все его основные стадии: возникновение, становление, зрелость, преобразование [22].

Таким образом, даже краткий обзор мнений разных авторов дает представление о множественности отмечаемых ими признаков развития. Анализ философских работ позволяет выделить следующие основные представления о данной категории.

1. Развитие есть особый, высший тип изменения движения, заключающийся в строго направленном поступательном процессе качественных изменений. Это тип прогрессивных изменений от простого к сложному, от менее совершенного с точки зрения организации к более совершенному и т. д.¹²

2. Развитие есть процесс прогрессивных изменений «от низшего к высшему». Оно относится к миру в целом, является атрибутом материи, который характеризует бытие мира в целом как бесконечный прогресс¹³. Специфический признак развития — возникновение нового.

3. Развитие в самом широком смысле слова является бесконечным (никогда не прекращающимся) процессом качественных изменений (превращений), в котором «каждая конечная форма существова-

¹¹ Так, появление разума является эволюционным явлением, но изменения, происходящие при рождении и росте отдельного человека, конечно, должны описываться термином «развитие».

¹² Диалектический закон развития как прогрессивного типа изменений (движения) — закон отрицания.

¹³ Развитие есть некий интегральный процесс и отчетливо выявляется только в достаточно крупных и целостных процессах — смене основных ступеней эволюции материи (физической, химической, биологической), в достаточно крупных процессах в пределах этих ступеней. Развитие включает в себя всю массу изменений предметов и содержит в себе движение («изменение вообще») как момент.

ния материи... одинаково переходяща» как процесс «возникновения и уничтожения всего (взаимопереходы)¹⁴».

4. Развитие есть всеобщая форма самодвижения материи, организующая бытие материи как мир совершающих процесс вещей¹⁵.

5. Развитие представляет собой закономерное, целостное, необратимое структурное изменение систем, имеющее определенную направленность¹⁶. При восходящем развитии происходят усложнение связей, структуры и форм движения материальных объектов, прогрессивные преобразования от низшего к высшему. Нисходящее развитие выражает, напротив, деградацию и распад системы, упрощение форм ее движения¹⁷. Поскольку развитие относится к системам и системным объектам, в качестве критериев развития выступают системные критерии, т. е. не единичный признак и даже не сумма признаков в их простом механическом перечислении, а совокупность взаимосвязанных и взаимопроникающих свойств и признаков. Развитие предполагает начало, т. е. становление данной системы, протекание в ней цикличности и линейности, единство которых порождает определенную направленность и, в конечном счете, завершенность существования конкретных форм, состояний или свойств.

Большинство ученых связывают категории «движение» и «развитие», хотя их мнения о главенствовании одного процесса над другим бывают прямо противоположны. Основными — отмечаемыми всеми авторами — признаками развития, которые можно выделить на основании анализа рассмотренных точек зрения, служат следующие: (1) развитие — это свойство материи; (2) существующее во времени; (3) выражающееся процессом качественных изменений материальных систем и (4) имеющее определенную направленность.

¹⁴ Развитием является не только прогрессивное или регрессивное изменение качественной определенности вещей, но и возникновение новой качественной определенности в рамках одного и того же уровня (степени) организации.

¹⁵ Развитие есть атрибут материи, но не как нечто существующее наряду с другим атрибутом — движением. Развитие — это и есть движение материи, понятое в более глубоком и содержательном плане как действительный процесс, с учетом всего знания, отображающего диалектическую природу бытия движущейся материи.

¹⁶ Эта направленность является равнодействующей от сложения различных внутренних тенденций измерения, вытекающих из законов движения системы и наличных внешних условий.

¹⁷ Развитие — универсальное свойство материи и вместе с тем всеобщий принцип, служащий основой объяснения истории общества и познания. Общей философской теорией развития является материалистическая диалектика, законы которой дают характеристику внутреннего механизма, движущих сил, общей направленности и основных фаз развития.

Однако по вопросам конкретных значений указанных признаков между философами нет единства. В частности, одни считают, что развитие — процесс бесконечный, тогда как другие утверждают, что этот (системный) процесс имеет начало, длительность (протекания) и завершение, определяя таким образом некую систему координат и точки отсчета в ней. По нашему мнению, свойство бесконечности развития как процесса относится к объектам глобальным (к миру в целом), включающим в себя все остальные объекты как составляющие, для которых, в свою очередь, локальные процессы развития протекают как последовательность фаз начала, длительности, завершения.

Часть ученых полагает, что направлением развития являются обязательно прогрессивные изменения (от простого к сложному, более совершенному), другая же часть считает, что развитием можно считать и регрессивное движение (упрощение, деградацию системы), т. е. фактически вводят направление, вектор развития. Кроме того, некоторые авторы настаивают на применимости понятия «развитие» только для конечных, локальных и ограниченных форм бытия мира, а другие рассматривают эту категорию как всеобщую форму самодвижения материи.

Мы считаем, что применительно к социально-экономической системе развитие нельзя рассматривать как однонаправленный процесс, отражающий непременно улучшение параметров системы. Развитие, рассматриваемое как непрерывное движение системы по временной координатной оси, может сопровождаться и замедлением экономического роста, традиционно воспринимаемого как основной показатель экономического развития, и полным его отсутствием, и даже упадком. Непосредственно рост — лишь один из возможных вариантов экономического развития, поэтому вполне естественно, что на определенных этапах жизненного цикла социальной системы отдельные показатели ее функционирования могут характеризоваться худшими чем предыдущие значениями. Однако, по сути, для обеспечения жизнеспособности общества общий тренд его развития должен быть возрастающим в долговременной перспективе. В этом, более глобальном смысле, свойства прогрессивности и совершенствования присущи категории развития и в отношении экономических систем.

Одним из главных критериев развития, по мнению А.В. Петрова, с которым мы совершенно согласны, служит преемственность. Лишь при наличии преемственности могут аккумулироваться изменения, а процесс развития обретать единую внутренне обусловленную линию. Следовательно, развитие должно характеризоваться не только способностью порождать новое, но и способностью сохранять старое. При

таким подходе очевидна его непротиворечивость с тремя основными законами диалектики¹⁸.

Некоторые ученые, правда, говорят о недостатках диалектической концепции развития. Так, О.А. Митрошенков пишет: «...не следует забывать, что она опиралась хотя и на крупные естественно-научные открытия, но совершенные теперь уже свыше столетия назад... С того времени, когда были сделаны эти открытия, естествознание добилось новых крупнейших достижений не только во всех этих направлениях исследования, но и во многих других, которые коренным образом изменили наши представления о научной картине мира и оказали существенное влияние на философию и научное мировоззрение» [11].

Соглашаясь с необходимостью опираться на современные научные достижения и учитывая, наряду с этим, исторически сложившиеся концепции и мнения, мы попытаемся выделить общие черты, являющиеся *признаками развития системы*:

- развитие — особый тип изменений;
- развитие всякого процесса — его направленное становление и движение;
 - развитие — не только непрерывная эволюция¹⁹, но и прерывные революционные скачки²⁰;
 - развитие — появление новых, ранее не присущих системе признаков, не являющихся, однако, уникальными для мира в целом;
 - развитие — постепенное развертывание того, что в самом начале дано в неразвернутом виде;
 - развитие — изменение других параметров движения.

Изменения системы, происходящие в процессе развития, отвечают следующим требованиям: 1) закономерности; 2) прогрессивности (от простого к сложному, от низшего к высшему); 3) совершенствования (от худшего к лучшему); 4) роста (в количественном плане); 5) воз-

¹⁸ 1. Развитие есть там, где имеют место противоречия и их преодоление (разрешение). Противоречия и их разрешения выступают источником развития. 2. Закон взаимного перехода количества в качество выражает взаимозависимость качественной и количественной определенности любой материальной системы и раскрывает механизм возникновения нового качества. 3. Развитие невозможно без отрицания (третий основной закон диалектики — закон отрицания отрицания), которое может быть деструктивным и конструктивным.

¹⁹ Эволюция — [лат. *evolutio* развертывание] — одна из форм движения в природе и обществе — непрерывное, постепенное *количественное* изменение. В широком смысле — всякое изменение, развитие, преобразование [6, 736].

²⁰ Революция — [фр. *revolution*] — коренное, *качественное* изменение, скачкообразный переход от одного состояния к другому, от старого к новому; переломный, поворотный период в жизни общества и государства [9, 548].

никновения нового; 6) долговременности; 7) непрерывности; 8) неслучайности; 9) необратимости в общей тенденции; 10) целостности; 11) взаимосвязанности количественных и качественных изменений.

Аккумулируя в рамках этого подхода вышеизложенные точки зрения различных авторов, с которыми мы согласны по принципиальным позициям (в частности, с импонирующим нам системным подходом к раскрытию содержания категории развития, когда понятие развития включается в определение понятия системы и в то же время рассматривается как системно-целостный процесс), мы предлагаем следующее определение категории развития.

Развитие — системно-целостный бесконечный процесс закономерных качественных и количественных изменений системы, внутренней основой которого является преемственность, обеспечивающая интегральность и направленность всех процессов в системе.

Литература

1. Кант И. Критика чистого разума. М., 1994.
2. Аристотель. Физика. Философы Греции основы основ: логика, физика, этика. М.; Харьков, 1999.
3. Кант И. Соч.: В 6 т. М., 1965.
4. Маклейн С. Категории для работающего математика. М., 2004.
5. Цаленко М.С., Шульгейфер Е.Г. Основы теории категорий. М., 1974.
6. Словарь иностранных слов / Под ред. И.В. Лехина, С.М. Локшиной, Ф.Н. Петрова, Л.С. Шаумяна. М., 1964.
7. Завадский К.М., Мамзин А.С. Философские проблемы современной биологии. Л., 1970.
8. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1965.
9. Маркарян Э.С. О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван, 1973.
10. Миклин А.Н. Проблема развития в современной философии // Вопросы философии. 1980. № 1.
11. Митрошенков О.А. Диалектическая категория развития и синергетика // http://www.i-u.ru/biblio/archive/mitrosenkova_filosofija/12.aspx.
12. Красных Т. Импровизация. О категории «развитие» // <http://nf8.jinr.ru>.
13. Лосев А.Ф. Античная философия истории. М., 1977 // <http://www.sati.archaeology.nsc.ru>.
14. Делез Ж. Различие и повторение. СПб., 1998.
15. Делез Ж. Критика и клиника. СПб., 2002.

16. *Щедровицкий Г.П.* О некоторых моментах в развитии понятий // Вопросы философии. 1958. № 6.
17. *Щедровицкий Г.П.* Методология науки, логика, теория мышления. М., 1997.
18. *Щедровицкий Г.П.* Историко-научные исследования и логическое представление науки. М., 1997.
19. *Содин С.Л.* Методологическая «пробирка» и контуры неклассической категории развития. Некоммерческий научный фонд «Институт развития имени Г.П. Щедровицкого» // <http://www.fondgp.ru/lib/grant/grant2005/works/1>.
20. *Матвеев Л.П.* Категории «развитие», «адаптация» и «воспитание» в теории физической культуры и спорта (давние, но не стареющие и новые идеи) // <http://www.infosport.ru/press/tpfk/1999n1/p2-11.htm>.
21. *Болдачев А.В.* Антропный принцип и глобальный эволюционизм. Краткое введение в общую теорию глобального эволюционизма // <http://www.sochin.ru>.
22. *Петров А.В.* Специфика категории развития в обучении // http://www.biysk.secna.ru/jurnal/n8-9_2001/problema.

Е.Ю. КОЛЫЧЕВА

Нравственное измерение экономической категории «богатство» в философских воззрениях Эпиктета

Аннотация. Вопрос взаимосвязи экономики и нравственности важен сегодня в связи с многочисленными экономическими и духовными проблемами современного общества. Чтобы решить их, необходимо, в первую очередь, обратиться к истокам и выяснить, как решался данный вопрос на различных исторических этапах. Наше исследование посвящено этике античного мыслителя Эпиктета и его нравственной оценке ключевой экономической категории «богатство». В статье мы рассмотрим содержание концепции Эпиктета, определим ее взаимосвязь с другими подходами, обоснуем уникальность и современную актуальность взглядов античного философа.

Ключевые слова: нравственные ценности, богатство, благо, свобода, душа.

Abstract. The question of the relationship between the economics and the morality is very important because there are many economic and spiritual problems in our society today. To solve these problems it is necessary to research the past. Our investigation is devoted to the ethics of the ancient

thinker Epictetus and his moral assessment of such key economic category as wealth. In this article we will examine a content of the conception of Epictetus, its intercommunication with others, uniqueness and modern urgency.

Keywords: moral values, wealth, good, liberty, soul.

Хозяйственная необходимость — одна из сторон жизни каждого человека, и в этом смысле экономика призвана решать практические задачи. Но рядом с вопросом устройства хозяйственной жизни встает вопрос о смысле и ценности экономической деятельности, ведь в основе действий человека как носителя нравственных императивов всегда лежит определенная философия — система оценки, норм и идеалов. Нравственное осмысление экономической деятельности — актуальная современная проблема, которая ежедневно ставит нас перед выбором. При этом наиболее явно она выражается в отношении человека к богатству.

Богатство как экономическая категория отличается от хозяйственной необходимости тем, что предполагает изобилие материальных и нематериальных ценностей, таких как деньги, средства производства, недвижимость, личное имущество и т. д. И если пределы хозяйственной необходимости можно условно определить, то пределов богатства не существует. В связи с этим встает важный философский вопрос о смысле богатства: нужно ли стремиться к нему, зачем оно нужно и насколько совместимы с ним нравственные императивы?

Для более глубокого осмысления этой проблемы важно обратиться к истокам и рассмотреть представления о ней мыслителей различных исторических эпох. Наше исследование посвящено античной этической мысли и ее отношению к экономической категории «богатство». Особый интерес представляет, по нашему мнению, концепция оценки богатства с точки зрения нравственности, предложенная греческим философом-стоиком Эпиктетом, которая является категоричной, но оригинальной. Исследование данной концепции позволит нам выйти за пределы современного видения проблемы, расширив границы ее исследования.

Анализируя этический аспект богатства, Эпиктет говорит о том, что материальное не может сосуществовать с нравственным, поскольку это две взаимоисключающие категории. Мудрец противопоставляет богатство добродетели: «Лучше желать всем приобрести добродетель, а не богатство, которое глупцам даже вредно: с богатством увеличиваются пороки» [1, 262]. Все вещи в мире, по Эпиккету, делятся на те, которые нам подвластны (мнения, стремления, человеческие действия), и те, которые нам не подвластны, не зависят от наших действий

(собственность, богатство, родственники, тело). С этой точки зрения, обладание богатством, властью, собственностью — всего лишь форма рабства, ибо человек, желая вещей, которые ему не подвластны, становится их рабом. Придавая высокую значимость вещному миру и опасаясь лишиться имущества, человек, таким образом, превращается из владельца в слугу: теперь богатство владеет его мыслями, действиями и поступками. Поэтому мудрец, смиренно и покорно принимая ограниченность своих возможностей, концентрирует усилия лишь на том, что в его власти, — на развитии собственного разума, воспитании воли, ограничении страстей и желаний. И только в этом случае он способен достичь истинной свободы, приняв жизнь такой, как она есть. Здесь проявляется категория свободы, которая Эпиктетом противопоставляется богатству: богатч несвободен из-за привязанности к богатству.

Богатство, по мнению философа, — то, что противоположно благу: «Спроси себя, чего ты хочешь — богатства или счастья? Если богатства — знай, что оно ни благо, ни в твоих руках; если счастья — будь уверен, что оно и благо, и находится в твоей власти» [1, 253—254]. Исключая богатство из разряда благ и из разряда подвластных нам вещей, Эпиктет ставит его на противоположную ступень, объявляя злом: «Богатство нельзя назвать добром, роскошь — прямое зло» [1, 254].

Пытаясь понять природу стремления людей к экономическому благополучию, мыслитель приходит к выводу, что человек с помощью богатства надеется избавиться от страхов и печали, порождаемых нищетой. Это ошибочная позиция, по мнению философа: «Не бедность наводит нас на грустные думы, но наши желания, и не богатство рассеивает в нас чувство страха, а рассудок. Раз у тебя есть рассудок, ты не станешь ни желать себе богатства, ни роптать на свою бедность» [1, 254]. Поэтому истинная внутренняя свобода достигается избавлением себя от ложных желаний. И здесь Эпиктет видит один выход: перестать сравнивать свое богатство с имущественным положением других людей. Сравнение приводит к росту желаний, а значит, к росту зависти и жадности.

Сравнение количества накопленных богатств порождает в бедном желание стать равным богатому. Но экономическое равенство, с позиций Эпиктета, не есть выражение справедливости. И когда герой его произведения вопрошает, справедливо ли, что у него меньше средств, чем у другого, философ отвечает: «Вполне справедливо, потому что он и хлопотал из-за денег больше, чем ты. Он подделывался к людям, обманывал их, обирал несчастных, по целым ночам напролет неустанно трудился для того, чтобы нажиться. Чему же ты удивляешься? А ты

посмотри, больше ли у него разума и совести, чем у тебя. И ты увидишь, что у тебя больше всего того, из-за чего ты хлопотал и старался. То, что ты бережно хранил, — свою честь и совесть, — он продавал и получил за это ту награду, которую искал... Чистая совесть — не гораздо ли лучше богатства?» [2, 215—216]. В этих словах мыслителя богатство ассоциируется с нечестностью, наживой, обманом, и которое есть ничто по отношению к доброте, чести, внутренней свободе. «Когда ты видишь, что человек достиг важной должности или приобрел большое богатство, то помни, что взамен того ты обладаешь умением обойтись без всего этого и что доля твоя гораздо счастливее, чем его доля. Пусть люди владеют богатством, властью, красивыми женщинами, но в твоей душе есть сила не желать ни богатства, ни власти, ни красивых женщин, и этим ты могущественнее, чем те жалкие люди» [2, 246].

Понимание недолговечности и мнимой ценности материального мира выражается в философии Эпиктета в виде пренебрежения: для него «деньги, должности, почести, слава — те же скорлупки» [2, 247]. Бороться за них, прилагать к этому усилия не подобает добродетельному человеку. «Если случайно ко мне в руки попадет какой-нибудь орех, почему же и не съесть его. Но нагибаться для того, чтобы его поднять, бороться из-за него, свалить кого-нибудь с ног или самому свалиться — не стоит из-за таких пустяков», — пишет мыслитель [2, 247]. Важным в философии Эпиктета является его убеждение, что нельзя одновременно быть богатым и добродетельным, внутренне свободным от богатства: «Нельзя заботиться зараз и о душе своей, и о мирских благах. Если хочешь мирских благ — откажись от души; если хочешь уберечь свою душу — отрекись от мирских благ. Иначе ты будешь постоянно раздваиваться и не получишь ни того ни другого» [2, 214].

Порочность материального мира и его несовместимость с нравственными ценностями философ объясняет с точки зрения божественного предопределения. По мнению Эпиктета, Богом установлено, что богатство противно благу: «Пусть другому достанется богатство, а мне — мудрость; другому — власть, а мне — умеренность. Не стану я хвалить то, что постыдно. Я хочу быть свободным, то есть другом Богу, хочу добровольно повиноваться Ему. А Бог не хочет, чтобы я прельщался ни плотью своею, ни богатством, ни могуществом, ни славой. Если бы Бог желал, чтобы люди этим были довольны, то Он устроил бы так, чтобы все это доставляло довольство и блаженство. Но от всего этого люди не блаженствуют, а страдают. Значит, Бог не в этом назначил нам благо. А потому я и не стану слушиваться Его велений» [2, 211].

От категории свободы Эпиктет переходит к феномену человеколюбия. Мыслитель пишет: «Нет никого, кто, любя деньги, удовольствия и славу, любил бы и людей: их любит лишь тот, кто любит добродетель» [1, 253]. Как мы видим, здесь снова противопоставляются нравственность и богатство, ибо человеколюбие является одной из нравственных ценностей. Говоря о порочности богатых людей, философ сравнивает их с животными и находит, что последние намного умнее. «Смешны люди, гордящиеся тем, что не в нашей власти. Один говорит: «Я лучше тебя: у меня много земли, а ты мрешь с голоду». — «Я бывший консул», — говорит другой. «Я прокуратор», — слышишь от третьего. «У меня курчавые волосы», — говорит четвертый. Лошадь между тем не скажет лошади: «Я лучше тебя, потому что у меня много корму, вдоволь овса; узда у меня с золотой насечкой, попона — цветная», а только: «Я лучше тебя, потому что быстрее». Вообще, всякое животное лучше или хуже исключительно по своим достоинствам или недостаткам. Неужели же только люди не ценят нравственных качеств? — Неужели мы должны обращать внимание лишь на волосы, платье и происхождение?..» [1, 254].

Эпиктет призывает перестать тратить силы на поиск внешних богатств, ибо они не принесут истинного счастья, потому что «люди хлопчут, они думают, что благо их в том, чего они домогаются. Но лишь только они получают желаемое, они опять начинают волноваться, сокрушаться и завидовать тому, чего у них еще нет» [2, 241]. Поэтому надо уйти от ложных целей и обратиться к нравственным устремлениям: «...следует гордиться не своим столом, не платьем, словом, внешними благами, но своим добрым сердцем и благотворительностью» [1, 254]. Добродетель не убыточна, не стоит жалеть, что поменял «деньги на доброе дело, пустые споры на разумное молчание, разгильдяйство на порядочность. В этих случаях ты получил больше, чем потерял», — говорит философ [1, 211].

И на этом пути важно окружить себя добродетельными спутниками: «Покинь общество людей богатых и влиятельных; перестань угрождать людям знатным и сильным и воображать, что от них ты можешь получить что-либо нужное тебе. Ищи, наоборот, у людей праведных и разумных того, что можешь ты от них получить и, уверяю тебя, не с пустыми руками уйдешь ты от них, если только придешь к ним с чистым сердцем и добрыми мыслями» [2, 241—242]. Жизнь по законам нравственности — путь к благу и свободе, жизнь, устремленная к экономическому развитию, — путь к злу и рабству, — так считает Эпиктет.

Интересно, что подход Эпиктета к богатству как к экономической категории уникален для античности. Только у него богатство — не

благо, а зло, не только несовместимое, но противоречащее нравственности. Этот подход идет вразрез с представлениями других философов. Известно, что Сократ, Платон, Аристотель относили богатство к благам, хотя материальный достаток у них — не высшее благо, а благо, подчиненное духовному миру. Богатство не противопоставляется добродетели, оно служит ей.

Даже в рамках стоицизма, философского учения, сторонником которого выступал Эпиктет, находим несколько отличное от его воззрений отношение к богатству. Диоген Лаэртский пишет о стоиках: «Все сущее они считают или благом, или злом, или ни тем ни другим. Благо — это добродетели: разумение, справедливость, мужество, здравомыслие и прочее. Зло — это противоположное: неразумие, несправедливость и прочее. Ни то ни другое — это все, что не приносит ни пользы, ни вреда, например жизнь, здоровье, наслаждение, красота, сила, богатство, слава, знатность, равно как и их противоположности: смерть, болезнь, мучение, уродство, бессилие, бедность, бесславие, безродность и тому подобное. Так пишут Гекатон в VII книге “О конечных целях”, Аполлодор в “Этике” и Хрисипп» [3, 299—300]. Об этом же говорит и другой стоик Марк Аврелий: «богатство и бедность — все это одинаково выпадает на долю как хорошим людям, так, и дурным. Все это не прекрасно и не постыдно, а следовательно, не благо и не зло» [4, 279]. Мы видим, что богатство у стоиков — не добро, не зло, но вещь безразличная. А Посидоний даже причислял его к благам. Как отмечает А.Ф. Лосев, Посидоний называл высшими человеческими благами богатство и здоровье и «не считал также одну голую добродетель достаточным основанием для эвдемонии; для этого нужны также здоровье, достаток и сила» [5, 837].

Среди предметов безразличных стоики полагали одни предпочтительными (имеющими ценность), другие — избегаемыми (не имеющими ценности). Ценность же, по их словам, есть в том числе и «некоторое посредничество или польза, содействующая жизни, согласной с природой, — такую пользу, содействующую жизни, согласной с природой, приносят и богатство и здоровье» [3, 300]. Таким образом, к предпочтительному относят «такие внешние обстоятельства, как богатство, слава, знатность и прочее» [3, 301].

О том, что есть предпочтительное, у Цицерона говорит Пизон, анализируя мировосприятие стоиков: «...я не знаю, почему благо называется благом, а предпочтительное, полагаю, называется так потому, что нечто предпочитается другим вещам, и это предпочтительное кажется мне важным... Зенон придает больше значения богатству, относя его к вещам предпочитаемым, чем Аристотель, признающий их благом, но благом незначительным, и в сравнении с правильным и достойным

заслуживающим пренебрежения и презрения и не достойным сильного стремления к нему» [6, 193]. Иначе говоря, в рамках стоического учения богатство является вещью предпочтительной, не вступающей в противоречие с нравственной природой.

О том же говорит Сенека, считая богатство не благом, но явлением приятным. «Вы ошибаетесь, относя неприятности на счет богатства. Оно никому не делает зла: каждому вредит либо собственная глупость, либо чужая подлость. Так сам меч никого не убивает, но служит оружием убийце. Если из-за богатств тебе повредили, это не значит, что повредили тебе богатства», — говорит философ [7, 189]. Богатство не может быть злом, оно «было бы злом, если бы вредило само по себе, то есть, как я сказал, было бы действующей причиной; в нем же заключена лишь предшествующая причина, и не только подстрекающая души, но и приманивающая. Ведь богатство являет некий образ блага, столь правдоподобный, что большинство людей ему верят» [7, 189]. Поэтому у Сенеки богатство и добродетель не противоречат друг другу, они вполне совместимы, ибо честное богатство не постыдно: «никто не приговаривал мудрость к бедности. Ничто не помешает философу владеть солидным состоянием, если оно ни у кого не отнято, не обагрено кровью, не осквернено несправедливостью, не накоплено грязными процентами; если доходы и расходы будут одинаково честными, не причиняя горя никому, кроме злодеев. Увеличивай свое состояние, насколько пожелаешь, что в том постыдного? Богатство, которое всякий желал бы назвать своим, но в котором никто не может назвать своей ни крупицы, не постыдно, а почетно» [8, 33].

Таким образом, взгляд Эпиктета на богатство с точки зрения нравственности уникален для античного мира. Только он говорит о том, что богатство — зло, противное добродетели. Только у него материальный мир и нравственные ценности — взаимоисключающие категории. Безусловно, человек не может развиваться духовно, когда не имеет хотя бы минимальных вещественных ресурсов — пищи, крова, одежды. Это хозяйственная необходимость, мы не можем ее исключить из нашего мира. Но богатство со свойственным ему стремлением к накопительству, к прибыли, к увеличению собственности ведет только к одному — к несвободе, как считает Эпиктет. Богатство становится господином, человек — рабом, и в таком положении не может быть и речи о духовном развитии, о любви к Богу и к людям, о человечности и созидании. Поэтому, по мнению философа, необходимо отречься от имущества, сократить свои материальные потребности до минимума и полностью посвятить свою жизнь духовному пути, добрым делам, служению Богу.

Концепция Эпиктета интересна и тем, что она не имеет аналогов в современном научном сообществе. Частично концепция находит выражение в религиозной психологии. Это связано с тем, что некоторые православные верующие видят в религии осуждение богатства. Однако православие, считая нравственные ценности главными и ставя их на первое место, при этом не противопоставляет их экономическим мотивам деятельности. То есть можно быть богатым, если это богатство нажито праведным путем, без лжи и обмана. Православная религия считает, что можно и при внешнем богатстве сохранить внутреннюю свободу от него, не привязаться и не поработиться ему, поэтому развитие экономики не является злом, если строить его на этических началах. Об этом свидетельствует современная концепция духовно-нравственной экономики, выдвигаемая Русской православной церковью и отраженная в Своде нравственных принципов и правил в хозяйствовании, а также проекты создания православных банков и иных экономических структур в современной России. Протоиерей А. Мияйло, ректор Уральского института бизнеса имени И.А. Ильина, пишет, что сейчас нам «важно услышать, понять, осмыслить и сердцем принять наш путь развития экономики — это православный путь в православной стране» [9, 23].

Схожая современная концепция — концепция нравственной экономики, предполагающая сосуществование и развитие нравственных ценностей и экономических целей в едином социальном пространстве, но без религиозной составляющей, поддерживается многими современными отечественными экономистами и философами (Б. Салихов, Ю. Осипов, Л. Роднов, Р. Малахов, Ю. Ротенфельд и др.). Согласно этому подходу, в производстве на первое место должны быть поставлены внеэкономические цели — гуманистические ценности, человеческое развитие, нравственные императивы. Только тогда экономика будет развиваться успешно с увеличением количества и качества национальных богатств.

Есть и другой подход, основанный на том, что стремление к богатству, материальный интерес и нравственные устои противоположны. Этот подход близок к воззрениям Эпиктета противопоставлением мира внешнего и мира внутреннего. Но здесь экономика рассматривает индивида только как производителя и потребителя в большой обезличенной сфере. Данную позицию отражает концепция «экономического человека» А. Смита и более поздняя концепция «корпоративного эгоизма» американского экономиста М. Фридмана. Существует только одна социальная ответственность бизнеса — использовать свои ресурсы и направлять деятельность на увеличение прибыли. Размышления о нравственности лишь мешают предпринимателю создавать капитал и

добиваться любым способом своих целей. Богатство выступает благом, а нормы нравственности принижаются. Как мы видим, Эпиктет дает нам иное понимание, у него нравственность и богатство меняются местами: нравственность — высшее благо для человека, а богатство — это зло, порабощающее индивида, мешающее его духовному развитию и внутренней свободе.

Таким образом, взгляды Эпиктета на экономическую категорию «богатство» с точки зрения нравственности уникальны не только в рамках античных воззрений, но и для современной действительности. Философ побуждает нас задуматься о смысле бытия и о том, для чего мы стремимся к богатству. Современные суждения о том, что можно быть богатым человеком и при этом сохранить высокие нравственные устои и ориентиры, в свете концепции Эпиктета не могут быть приняты на веру. Может, действительно богатство разрушает внутреннюю чистоту человека, мешает его духовному развитию и делает несвободным? Аргументированная позиция античного философа дает нам импульс к более глубоким исследованиям и поиску доказательств в этом долгом споре.

Вопрос о соотношении материального и духовного, экономического и нравственного, как мы видим, по-прежнему не находит единого ответа и остается открытым, поэтому опыт предыдущих эпох не только интересен, но и полезен для понимания и решения проблемы. Ведь только учитывая разнообразие подходов, признавая их уникальность, можно получить целостную картину, глубоко осмыслить исследуемый вопрос и определить вектор развития современного человека.

Литература

1. *Эпиктет*. Афоризмы // Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. М., 1995.
2. *Эпиктет*. В чем наше благо? / Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. М., 1995.
3. *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях, изречениях знаменитых философов. М., 1979.
4. *Марк Аврелий*. Наедине с собой. Размышления // Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. М., 1995.
5. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Ранний эллинизм. М.; Харьков, 2000.
6. *Цицерон Марк Туллий*. О пределах блага и зла. Парадоксы стоиков. М., 2000.
7. *Сенека Луций Анней*. Нравственные письма к Луцилию / Под ред. М.А. Гаспарова. М., 1977.
8. *Сенека Луций Анней*. О блаженной жизни // Сенека Луций Анней. Философские трактаты. СПб., 2001.

9. Миняйло А.М. Духовно-нравственную экономику созидать молодым // Русский экономический вестник: научно-публицистический журнал. Тематический вып. № 8 // Материалы VII Международных Ильинских научно-богословских чтений «Духовно-нравственный путь развития России» (27—28 апреля 2009 г.). Екатеринбург, 2009.

К.В. КОНОРЕВА

Социокультурное проектирование в образовании: синергетический подход

Аннотация. В статье осуществлен глубокий социально-философский анализ базовых идей социокультурного проектирования как особого способа познания и преобразования действительности.

Ключевые слова: синергетика, социокультурное проектирование, образование, инновации.

Abstract. The article presents the deep socio-philosophical analysis of the basic ideas of socio-cultural design as a special way of cognition and transformation of reality.

Keywords: synergetics, sociocultural planning, education, innovations.

Сегодня высшая школа в России переживает сложный этап кардинального обновления, трансформаций, связанных с поиском адекватных переменам в обществе подходов и стратегий образования. В конце XX — начале XXI в. основной проблемой стал поиск новых методологических ориентиров познавательной деятельности.

Методологическая направленность модернизации образования ориентирует вузы на развитие познавательной самостоятельности, социальной активности студентов как основы профессиональной компетентности. Выпускник вуза, чтобы быть социально успешным и конкурентоспособным на рынке труда, должен быть профессионально компетентным, мобильным, обладать системным критическим мышлением, рефлексией и творческими способностями.

Социально-философская рефлексия проблем образования требует нового понимания его сущности и методологического обоснования его трансформации. Потребность нового осмысления социально-мировоззренческих основ образования связана и с глобальным кризисом современной цивилизации, острота которого заставляет пересматривать многие традиционные взгляды на мир и, прежде всего, признать приоритет антропологических, духовных и социокультурных ценностей в мировоззрении человека XXI столетия. Необходимость концептуального анализа приводит к выработке новых подходов, па-

радиgm, основанных на учете открытости, сложности, нелинейности, нестабильности, хаотичности и неравновесности динамических систем. Философско-мировоззренческое осмысление приводит также к изменению онтологии личности. Происходит формирование новых представлений не только о той или иной конкретной сфере реальности, но и о человеке как креативном субъекте, носителе новой культуры, новых ценностно-мировоззренческих установок.

Особенно остро перед человечеством встает сложная концептуальная задача осмысления сущности образования как процесса саморазвития личности и формирования гуманитарной культуры в связи с осознанием сложности современного развивающегося мира. По мнению ведущих российских ученых (Ю.Г. Волков, Г.И. Герасимов, В.П. Зинченко и др.), развитие гуманитарной культуры креативной личности является условием выживания и совершенствования современной цивилизации (см.: [1; 2]).

Актуализация социокультурной функции образования сегодня одна из важнейших задач науки. Сделать образование культуротворческим процессом, в котором личность принимает самое активное участие, означает дать возможность двигаться в том направлении, которое позволит высвободить творческий потенциал человека. В условиях технологизации и информатизации всей социальной жизни особенно важно, чтобы образование решало задачу формирования у человека способности к самообразованию и саморазвитию. Следовательно, необходимы инновационные изменения содержания, форм и методов образования, соединение и практическое применение новых технологий, направленных на развитие субъектности креативного, свободного, социально ответственного человека.

Исследователи утверждают, что «анализ тенденций и перспектив развития современного гуманитарного образования следует начинать с системного пересмотра приоритетных ценностей образования с точки зрения их антропологической модальности, выявления взаимосвязи между глобализацией и социокультурными трансформациями, с определения социально-философских и синергетических оснований образования» [3].

В современном понимании образование рассматривается как социальный феномен, как способ ценностно-смыслового самоопределения человека в культуре и социуме. В нашем обществе огромное значение имеют инновационные тенденции развития института образования, развивающие и воспитывающие национально-культурное самосознание молодежи. Задача современного образования состоит не просто в сообщении знаний, но и в превращении знаний в инструмент творческого освоения мира, источник развития личности. По мысли В.С. Степина, то, что происходит в сегодняшней науке и культуре, «связано

с попытками создать элементы и структуры нового мировидения» [4, 3].

Открытым и дискутируемым остается сегодня вопрос о перспективах аппликации идей самоорганизации на социально-гуманитарную сферу. Синергетическая рефлексия системы образования чрезвычайно важна в современной России, поскольку образование находится в зоне бифуркации, испытывая одновременно разнонаправленные воздействия на образование и диверсификации образовательных структур. В этих условиях важно не только понять происходящие в системе образования процессы самоорганизации, но и задать необходимые параметры, адекватные тем инновациям, которые возникают в многоуровневом и разнополярном по своему развитию образовательном пространстве.

В современных условиях необходимы интегрированные знания о человеке, разработка его универсальных характеристик, поскольку человек многомерен и многоосновен. Человек активно конструирует самого себя как личность в своей жизни, научном и культурном творчестве, в образовании и самообразовании, которое длится всю жизнь. Идея самосозидающего, целовекоразмерного образования, открытого для реализации потенциала креативной личности — центральная для нашего исследования. Герман Гессе писал: «Жизнь каждого человека есть путь к самому себе, попытка пути, намек на тропу» [5, 198]. Будучи творцом самого себя, человек, творит свою личность и человеческую историю.

По мнению Е.Н. Княzewой и С.П. Курдюмова, синергетику в педагогике следует рассматривать в контексте метода и в контексте содержания образования [6]. Методологическая новизна синергетических идей в образовании связана с признанием способности систем к саморазвитию не только за счет внешнего энерго-информационного потока, но и за счет реализации внутреннего потенциала.

В.Г. Буданов предлагает три направления в использовании синергетической парадигмы в образовании: синергетика для образования; синергетика в образовании; синергетика образования (синергетичность самого процесса образования и становления личности) [7].

В работах В.В. Попова и О.А. Музыка социосинергетика выступает методологическим ориентиром междисциплинарных исследований [8]. Сущность синергетического подхода в образовании можно рассматривать как «процесс управления не управляя, но обеспечивая самовоспитание, самообразование, саморазвитие личности будущего специалиста». Синергетика раскрывает особую, решающую роль человека, который, будучи встроен в сложные системы, может оказывать непосредственное влияние на ход их эволюции, выводить их на предпочтительные будущие состояния.

Для синергетического подхода в образовании характерна опора на поиск нового знания, открытие новых истин, которые имеют эвристи-

ческий характер и опираются не только на правила и знания, но и на интуицию, воображение и творчество. Синергетика междисциплинарна по своей собственной природе, поскольку ориентирована на поиск универсальных паттернов эволюции и самоорганизации открытых нелинейных систем любого рода, независимо от конкретной природы элементов или подсистем. Синергетическая идея в современном образовании — область знания, которая инициирует глубокие изменения в методологических основаниях современной науки, в философском взгляде на мир, в самом стиле научного мышления. Происходят радикальная смена и изменение во всей концептуальной системе мышления: переход от категорий бытия к со-бытию, от существования к становлению, эволюционированию от старых структур к новым; от представлений о стабильности и устойчивости к представлениям о нестабильности и нелинейности; от эволюции к коэволюции, взаимосвязанной эволюции сложных систем; от размерности к соразмерности.

Для молодого поколения XXI в. основой жизнедеятельности должна стать активность, направленная на самопознание, осмысление путей и возможностей собственной самореализации, саморазвития. Ситуация, в которой реализуется и закрепляется осмысление путей и возможностей собственной самореализации, саморазвития, интерес к окружающему миру и другим людям, может быть создана на основе социокультурного проектирования как инновационной образовательной технологии.

Социокультурное проектирование — это специфическая технология, представляющая собой конструктивную, творческую деятельность, сущность которой заключается в анализе проблем и выявлении причин их возникновения, выработке целей и задач, характеризующих желаемое состояние объекта (или сферы проектной деятельности), разработке путей и средств достижения поставленных целей [9].

Задача социокультурного проектирования состоит в том, чтобы создавать и поддерживать условия для интеллектуальной и творческой самореализации каждой личности, формировать способность к осуществлению профессионально-личностного выбора. В.Е. Радионов полагает, что «качество, эффективность, рациональность выбора определяются уровнем развития новой грани человеческой образованности — способностью к проектной деятельности, интеллектуальной по своему характеру и призванной до “пробы в реальном материале” исследовать, предвидеть, прогнозировать, оценить последствия реализации тех или иных замыслов» [10, 25]. Основное противоречие трансформационных процессов, определяющих облик перспективно-потребностного образования, по мнению О.В. Долженко, заключается в том, что «образование будет не столько отслеживать, сколько определять будущий облик общества, детерминировать его. Поэтому планируемые модели будущего общества должны находить опережающее отражение в дея-

тельности высшей школы, которая начинает определять стратегически существенные моменты этого будущего» [11, 22].

Исследование возможностей применения социокультурного проектирования в образовании позволило определить сущностные характеристики креативной личности современного специалиста:

- социальная ответственность (его жизнь и судьба — это тот проект, который им самим проектируется);
- активность (креативный и созидательный характер деятельности по реализации смысла своей жизни);
- способность к рефлексии, прогнозированию и проектированию своего будущего, определению своей неповторимой цели;
- готовность к согласованию жизненных индивидуальных устремлений с социальными.

Специфика социокультурного проектирования состоит в том, что оно дает возможность воссоздать целостный образ креативной личности, открывает для образования новую перспективу не массового однотипного обучения, а подготовку специалиста нового типа: компетентного, конкурентоспособного, социокультурноориентированного, созидающего.

Социокультурное проектирование в образовании, реализуемое через мотивированное включение студентов в разработку проектов, является в настоящее время альтернативным путем, позволяющим комплексно преодолеть недостатки традиционного образования. При этом оно обладает рядом дополнительных достоинств, к которым можно отнести:

- социальную направленность проектной деятельности, позволяющую реализовывать проекты, изменяющие социально-культурную обстановку в вузе, регионе, обществе;
- возможность постановки целей, решения и реализации идей, значимых в данном социуме, которую принесет разработанный и внедренный проект;
- постепенное освоение технологии личностного проектирования своего образования, будущей профессиональной деятельности, решения проблем;
- свободное творческое самовыражение студентов;
- использование при разработке проектов знаний из разных областей, (работа с дополнительной литературой, вариативность различных алгоритмов проектирования, применение своих творческих способностей и знаний и т. д.);
- проявления таких качеств, как самостоятельность, ответственность, креативность, оригинальность;
- собственный практический опыт в области исследования, разработку материала на основе собственного опыта и переживаний, учи-

тывая значимость данного социокультурного проекта для данного факультета, вуза или города.

Наше исследование наглядно демонстрирует необходимость использования социокультурного проектирования в образовании, направленного на формирование и функционирование диалектически сочетающихся инновационных и традиционных технологий в образовании, изучение роли образования в его многомерных связях с мировым духовным опытом и общественной практикой.

Таким образом, социокультурное проектирование и инновационное развитие образовательного пространства вуза с позиции теории самоорганизации обеспечивают возможности для создания инновационной системы образования, в рамках которого осуществляется взаимодействие науки, образования, культуры и общества, формируют креативное, нестандартное мышление субъектов образовательного процесса, позволяющее молодежи адаптироваться к изменяющимся социокультурным условиям трансформирующегося общества.

Литература

1. *Волков Ю.Г.* Креативная личность в культурно-историческом контексте. Ростов н/Д, 2011.
2. *Герасимов Г.И., Васильева Е.Н., Лубский А.В.* Проектная культура преподавателя и методическое обеспечение социальных и гуманитарных дисциплин в высшей школе. Ростов н/Д, 2011.
3. *Скуднова Т.Д.* Тенденции и перспективы развития гуманитарного образования в свете культурно-антропологического подхода // Гуманитарные науки. Вестник ТГПИ. 2011. № 2.
4. *Степин В.С.* Российская философия сегодня: проблемы настоящего и оценки прошлого // Вопросы философии. 1997. № 5.
5. *Гессе Г.* Степной волк. М., 2000.
6. *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Основания синергетики. Синергетическое мировидение. М., 2005.
7. *Буданов В.Г.* Трансдисциплинарное образование, технологии и принципы синергетики. Синергетическая парадигма: многообразие поисков и подходов / Под ред. В.С. Степина, С.П. Курдюмова. М., 2005.
8. *Попов В.В., Музыка О.А.* Время и социальная синергетика. Ростов н/Д, 2007.
9. *Марков А.П., Бирженюк Г.М.* Основы социокультурного проектирования. СПб., 1997.
10. *Радионон В.Е.* Нетрадиционное педагогическое проектирование: Учеб. пособие. СПб., 1996.
11. *Долженко О.В., Шатуновский В.Л.* Современные методы и технология обучения в техническом вузе. М., 1990.

IV

РЕЦЕНЗИИ И ОТКЛИКИ

Ю.М. ОСИПОВ

Философия хозяйства сегодня — в 2011-м*

Аннотация. Состояние и достижения современной философии хозяйства. Смысло-категориальная презентация.

Ключевые слова: философия хозяйства, философия, София, метафизика, метасмыслология, Иное.

Abstract. The condition and achievements of modern philosophy of economy are discussed. Sense-and-category presentation is provided.

Keywords: philosophy of economy, philosophy, Sophia, metaphysics, metasensology, Different.

Своими истоками философия хозяйства восходит к древним временам — еще дофилософическим. Была она немало затронута и древней философической эпохой. Не осталась без внимания ни в Средневековье, ни в Новое время, когда возникла и разрослась одна из первых целостных версий философии хозяйства — политическая экономия. В течение XIX и XX вв. политическая экономия, все более онаучиваясь, технологизируясь и математизируясь, заметно ушла от философии, соответственно и от философско-хозяйственного размыслительного тока; и философии хозяйства, тогда еще *пра*-философии хозяйства, пришлось, отталкиваясь от сциентистски настроенной теоретической экономики, проторивать свой путь: сначала в германских умах вроде М. Вебера, Г. Шмоллера и того же В. Зомбарта, помышлявших о чем-то вроде философии хозяйства, а затем и в российском уме С.Н. Булгакова, ставшего в начале XX в. отцом-основателем уже самостоятельного и целостно сообразованного течения мысли.

Не вдаваясь в подробности, заметим, что кризис онаученной и «отехненной» европейской цивилизации, проявившийся и в кризисе экономической науки, той же политической экономии, привел к сгущению пока еще редкой, но уже отборной, мысли в точке именно философско-хозяйственного, а не просто теоретического напряжения.

Далеко не все тогда это почувствовали, а вот С.Н. Булгаков почувствовал, мало того — обратил свое гениальное прозрение в текстуальную реальность, разработав, написав и защитив в Московском универ-

* К выходу в свет: Ренессанс философии хозяйства / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой.— М.: ТЕИС, 2011.

ситете в 1912 г. уникальную по тем и даже нынешним временам докторскую диссертацию с одноименным названием.

Булгаков осуществил великий прорыв — не просто в новую сферу знания, но прямо-таки в *иной мир*, который в общем-то был вокруг, но который был в силу господства в умах образованных европейцев сциентизма, позитивизма и атеизма намеренно (да, да, вполне намеренно!) не замечаем. Вроде бы есть он — этот мир, но... кажется, его и нет, ибо за «нет» тут стояло не открытие этого «нет», а сознательная установка — как раз на закрытие «да»!

Булгаков же взял, да и открыл — этот *иной* перед человеками мир, как и возможность *иного* о нем суждения-знания, хотя Булгакова с его философией хозяйства вскоре, опять же вполне намеренно, закрыли, да так, что никто среди «образованцев» XX в. о нем и его духовно-интеллектуальном детище ничего путного и не знал.

Однако через каких-нибудь семьдесят лет случилось новое открытие философии хозяйства — и по иронии умственной судьбы опять же в Московском университете. Большой славы это университету, как и ранее, не принесло — философия хозяйства снова в полупризнании — как это, собственно, и было еще при здравствовавшем Булгакове.

В 2011 г. — году 140-летия С.Н. Булгакова и за год перед столетием выхода в свет его «Философии хозяйства» — вполне уместно сказать несколько слов о том, чем же отмечена в итоге философия хозяйства в значении особого знания-размышления, каковы ныне образ, портрет, лицо философии хозяйства, какова ее «рабочая» смыслопояснительная матрица.

Ежели хозяйство для философии хозяйства есть целостное жизнеотправление человека, причем как субъекта (вершителя) этого самого жизнеотправления, то жизнь человеческая есть реализация не одной лишь ее физики (как элемента-подсистемы физиса мира), а более всего — и в решающей мере — ее метафизики (как проявления метафизиса мира), что находит реализацию как в феномене сознания, так и в феномене ноосферы (сферы того же сознания). Отсюда выходит, что главное для философии хозяйства, в отличие от той же науки, состоит в *метафизике хозяйства*, хотя философия хозяйства вовсе не отвергает его физики, как и физических о нем представлений.

Акцент на метафизике, уходящей в далекую нулевую трансцендентность, требует и дает возможность иных суждений о человеке и его хозяйстве, о жизни и жизнеотправлении, как и всей бытийной среде человека, чем это может дать физическая наука с помощью принятой в науке рациональной логики (не физика как наука, а наука как физика, ибо вся наука, включая и экономическую, в основе своей — физика).

Метафизические суждения, не чуждые вовсе феномено- и фактологизма, восходят более всего к смыслам, уходящим в метасмыслы, становясь поэтому средствами и плодами *метасмыслологии*.

Метафизике вполне законно свойственна трансцендентность (хотя она в известной мере присуща и физису, и той же физике), а метасмыслология не только не брезгует трансцендентностью, но вполне осознанно и расчетливо ею пользуется, ни на миг не забывая о присутствии в осмысляемом объекте, осмысляющем субъекте и в самой размыслительной метасмыслологии *работающей трансценденции*.

Метафизис — это то, чего вроде бы нет, но что непременно есть (дух, идея, субстанция, мысль, слово, язык, смысл, замысел, проект). Метафизис пронизан тайной: где-то *там* есть *что-то* (прямо в мире, в человеках, в нас), что не поддается прямому физическому и фактологическому улавливанию (фиксации), но что определяет непосредственно суть вещей и суть всяческих происшествий (вещает, «сошествует»), исходя из неизвестности и входя в неизвестность. Здесь зона неопределенности, невидимости, эфирности. И вот с этим-то таинственным *что-то* метафизик сознательно считается, но не как с еще рационально непознанным (как это обычно делает физик), а как в принципе... нет, не вообще непознаваемым, а как не подлежащем рациональному познанию, что не значит, что с этим *что-то* человеку нельзя вполне рационально и сознательно взаимодействовать: никакого жизнеотправления без и вне такого взаимодействия просто нет (те же мечты — что это? а любой текст, а любое человеческое учреждение, а деньги, а та же экономика в целом?).

У мира и человека есть трансцендентное начало (идея, замысел, проект), как, наверное, есть и трансцендентный конец. Что бы ни говорили о самоорганизации материи, энергии и информации, их внутренних самосообразностях, все равно остается вопрос: а почему именно так все они самоорганизовались и самоорганизуются, почему не как-то иначе, да и что они на самом-то деле из себя по сути представляют? Нет тут ответов, кроме одного: есть ОН — этот вполне сознательный Креатор, как и есть Она — не что иное, как Большая Идея, Креативная Субстанция, Работающая Трансценденция.

Но дело даже не в этом, не в самой по себе тайне Начала и Конца. Дело в том, что человек, будучи наделен способностью творить, быть креатором... не знает вполне, что он в итоге творит! Конечно, многое он знает, почти все, но не знает... главного — и это главное от человека все время ускользает, ибо оно вне человека, вне его осознаваемого сознания, вне его рациональной логики, вне физики и вообще вне науки: оно где-то там — внутри, вовне, в глубинах, в вышине, но никак не в голове умного теоретика и не в колбе искусного лаборатора.

Получается, что есть *что-то метасмысловое*, что не то что вне человека — оно-то как раз в нем, но что явно *выше* человека, что восходит к тому самому *Ничто*, что всюду взаимодействует с человеком, но что ему до конца не раскрывается.

И, однако, это Ничто не может быть ничем, полной пустотой, ибо оно всегда в чем-то, в вокруг существующем *Нечто*. Выходит, что *там* (в этом Ничто) *что-то* есть, но такое *что-то*, которое надо лишь... не отрицать, а предполагать и, полагая, — воспринимать.

Как же?

И вот тут-то на помощь человеку приходит... *мудрость* (или молчание удрученности!). М-м-м... ах вот оно что! Есть еще и высшая мудрость, высшее молчание, высшее удручение, как раз те, которые имеют прямое отношение к иномирию, к истокам и итогам бытующего мира. И называется эта метамудрость *Софией*, или *Пре-мудростью* Божией, отчего София вовсе не только сама по себе мудрость, а еще и *пред-мудрость*, как бы некая *мудрость мудрости*. Отсюда и *пред-мир*, и *пред-начало*, и *пред-теча*, и *пред-положение*.

Мудр человек — креатор, знаток, трудник, архитектор. Но не настолько, чтобы вполне знать, что он творит. И рано или поздно осознание этого прискорбно-затейливого факта поражает человека — и возникает новая метафизическая философия — *софийная философия*, острием которой как раз и становится *философия хозяйства*. Тем самым человек признает «вышность» Софии и «нижесть» своей собственной мудрости, а софийную философию — выше вообще философии.

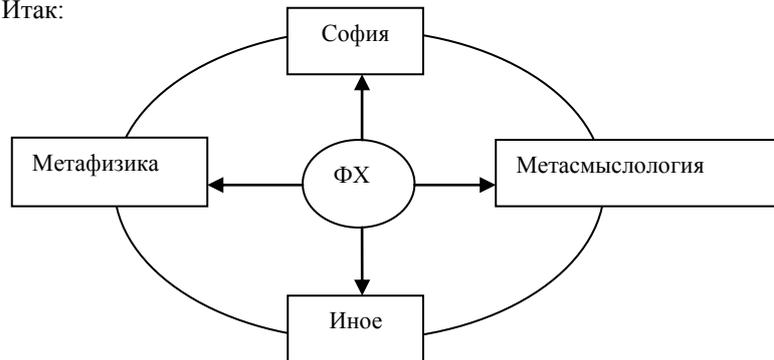
Признание метафизиса и метафизики приводит не только к метасмыслологии, но и к признанию Софии, которая вовсе не Логос, хотя и с ним крепко связана. Логос ближе к информации, София же сопрягается более со смыслом — замыслом, проектом, сутью, идеей. Тут и исток, и начало, и предопределение. Контакт с Софией — вовсе не контакт с Логосом. Тут контакт не просто с чем-то другим, чем собственно слово, но и контакт во многом, а может быть, и в главном... без слова — *пред-мысль* к *пред-мысли* через все ту же *пред-мысль*!

И что же в остатке?

А в остатке *иное мировоззрение* с иными человековедением, сознаниеведением, обществоведением, хозяйствоведением. Сущий и текущий вокруг мир здесь как уже мир *иной*, вовсе не такой, каким его видит торжествующий сциентизм. *Иновидение!* Соответственно и иные подходы ко всему, в частности, к тому, чего человек хозяйствующий хочет, что и зачем творит, куда и зачем идет. А с возможными ответами, пусть и неопределенными и условными, можно задаться и другими: что же есть сам человек, что есть сознание, что есть мир, что есть... Бог?!

О-о, заметят некоторые, куда занесло оголтелых философов хозяйства, не экстремальность ли это, граничащая с гносеологическим безумием? Что же, и такое мнение погуливает в ученом сообществе, давно уже уверовавшем в спасительность научно-технического прогресса и не задумывающемся над феноменом разражающейся научно-технической бездны. Тут уж каждому свое!

Итак:

Выходит, что философия хозяйства (ФХ), признавая метафизику и прибегая к метасмыслологии, плодотворно контактируя с Софией Премудростью Божией, ведет к *иному* видению и ведению — человека и его мира, окружающих человека вещей и случающихся вокруг него и с ним происшествий, а главное, к иному пониманию всех человеческих деяний, в особенности демиургического толка.

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

София, Реквием, Россия

Аннотация. В статье комментируется творение Юр. Михайлова (Ю.М. Осипова) «Реквием». Комментатор полагает, что подлинным содержанием этого творения является неведомая сакральная природа самой России. Именно эта неведомая сакральность просветляет своими смысловыми лучами роман М.А. Булгакова, выявляет все явные и анонимные миротворные силы современного хаосмоса. Тайнодействия Софии, Реквиема и России создают новый мир в ходе идущего апокалипсического расследования, разделяющего зерна и плевелы вольнодумствующего человечества.

Ключевые слова: София, Реквием, Россия, Неизвестное.

Abstract. The article comments on the creation of Yur. Mikhailov (Yu.M. Osipov) «Requiem». Commentator believes that the real content of this creation is a mysterious sacred nature of Russia itself. This is the mysterious sanctity of their semantic rays, which M.A. Bulgakov's novel enlightens, reveals all the explicit and anonymous forces of modern Chaosmos. Secretly actions of Sofia, Requiem and Russia create a new world in the course of the coming of the apocalyptic investigation, separating the grain and chaff free-thinking humanity.

Keywords: Sofia, Requiem, Russia, Unknown.

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые —
Его призвали всеблагие,
Как собеседника на пир.

Ф.И. Тютчев

2010 год. В русском мире появилась «Вещь», которую невозможно не признать, но которая не признает и не допускает никакого *о-предела*ния, никакого смыслового прояснения своего содержания. Более того, «Вещь» как будто поражает способность понимания у желающих проникнуть в ее смысловое ядро. Речь идет о творении Ю.М. Осипова (Юр. Михайлова): «*Requiem*. Роман о романе, или роман с романом. *Метафизическая проза*» (шрифты автора, ибо они тоже суть элементы чрезвычайной смысловой конспирологии «Вещи!»). «Вещи» дано сложное, «закрученное» и неудобозвучащее, название, странное для автора, владеющего уникальным, изящным, точным, краткоемким, объемным, хрустально светящимся художественным языком, сопоставимым с изобразительной магией русской литературы. В то же время этот язык соответствует строгим логическим, философским и научным канонам. Во всех работах Ю.М. Осипова тщательно продумано не только каждое слово, но и каждая буква, а что касается названий его книг, статей, семинаров, выступлений, конференций, то каждое из них доказывает правоту имяславия, исповедующего сакральную первичность слова-имени. Слову Ю.М. Осипова всегда присуща неведомая смысловая сила, ищущая плоть свою, а *на-звания, имена* его творений ищут дома для своих новых, рождающихся миров.

И вдруг такое отступление от самого себя, даже фамилия автора укрыта псевдонимом! Не случайно, вовсе не случайно такое многослойное, объемное и конструктивистское название, ибо только через подобное словесное обозначение можно намекнуть о тайне современного мира, донести весть о чем-то очень важном для России!

Автор данного текста несколько раз пытался написать рецензию на работу Ю.М. Осипова, но каждый раз нечто отталкивало его от исполнения этого замысла; уже появился ряд вдумчивых, заинтересованных, глубоких рецензий, но свой цельный смысл романа о романе так и не открывает. Нет, отдельные аспекты, стороны книги Ю.М. Осипова раскрыты, отчасти поняты, но вот композиция Целого и — особенно — смысловой мир его остается Terra Incognita. Постепенно пришло осознание, что на труды Ю.М. Осипова вообще невозможно писать рецензии, ибо это все равно, что измерять объем моря литрами, а расстояния к Солнцу — метрами... Но и молчать о его творческих деяниях нельзя, ибо сказано, что если замолчат говорящие, то камни станут наречиями... С текстами Ю.М. Осипова невозможно обращаться по своему произволению, ибо в них таятся не только смыслы и многомыслие, но им присуща и собственная непреклонная воля, которую нельзя ни сломить, ни обойти. За этой волей нужно только следовать, если мы хотим добра самим себе.

Выход я нашел для себя в жанре *метафизического комментирования* (*метакомментирования*), выражающего меру непонимания человеком того, что он комментирует. И непонимание это не исчезнет в ходе комментирования, а лишь прояснит смысл самой важной и тревожащей нас проблемы, которая обращается к нам из книги Ю.М. Осипова. Задача комментирования — найти самую главную проблему мироздания и через ее зияющие бездны пытаться строить мосты к смыслам, сокрытым в текстах, трудных, а то и недоступных нашему пониманию.

Творение Ю.М. Осипова не подходит даже под категорию «книги», ибо в ней дышит, мечется, рвется в жизнь некая стихия русского мира, невыразимая книгами. Поэтому «книга» Осипова состоит из книг и событий, сотворивших новую реалию, которую нельзя уже однозначно отнести ни к событиям, ни к книгам. И как множество связанных в целое элементов дает новое — системное — качество, так и множество книг и событий, ставших одной книгой, перерастают категории «книги» и «события», порождая новую текстобытийную реалию, которая властно утверждает свой канон жизни. Видимо, только такой синтетический и мистический жанр «книгобытия», или «бытия-как-книги», будет определять дальнейшее развитие литературы, науки, философии, искусства как нормальной деятельности Духа истины. Хотя, строго говоря, такой «жанр» уже давно открыт Священным Писанием, и называется он «Слово стало плотью». Творение Ю.М. Осипова доказывает, что бытием, действительностью в нынешние вывихнутые времена становится лишь такое содержание, которое одновременно живет в книгах, в реальности и в бессознательном. Поэтому классические

каноны смысловых оценок, основанные на разделении этих трех сфер нового единого мира, сегодня уже не проясняют, а лишь затемняют дела человеческие.

Творение Ю.М. Осипова нельзя назвать литературно-художественным, философским, научным, мистическим, фантастическим, конспирологическим текстом, хотя ему и присущи все эти атрибуты; его творение нельзя назвать «романом», «сочинением», «исследованием», «трудом», «работой»; хотя и эти качества ему присущи; своими «перечислениями» и «поминовениями» оно напоминает соборную молитву народа о благополучном исходе нового рождения России. Творение Осипова не подчиняется никакому жанру, никакой предметной матрице, целиком завися от своей животворной тайны, пронизывающей и книгу, и ее создателя, и ее вдохновителя-заказчика, и ее непонимающих читателей.

Поэтому я назвал его книгу просто «творением», оставляя открытым вопрос о составе, количестве и миротворном статусе ее авторов. Почему? Современная разлетающаяся Вселенная (вместе с обезумевшими физиками из черной дыры) с восторгом воспекает свою гибель, свое ничто. Ю.М. Осипов, наоборот, стягивает дрейфующие части мира в единый смысловой космос, вырабатывающий внутри себя новое физически-вещественное тело. Творение — это всегда преобразование ничто (хаоса, отсутствия) в бытие; творение всегда несет в себе новый, неведомый миропорядок, прорываясь к истокам смыслов сущих и русских.

Появление такого творения — даже независимо от того, кто его автор — это знамение времени, говорящее о тектонических сдвигах мирового бытия, доступных не рассудку, а потрясению, озарению и священному вдохновению ума. Ю.М. Осипов обладает этими качествами в нужной мере, а потому он и смог уловить своим духом эти тектонические сдвиги, их первопричину, их перводвижитель, их русскую перспективу.

Итак, рецензии, комментарии и отзывы, соответствующие хотя бы отчасти смыслу нового творения Ю.М. Осипова, возможны лишь при условии знания и понимания объекта великого и той тайны его, которая инициировала это творение, сделала его возможным и в какой-то мере высказалась в нем. А до Ю.М. Осипова тайна этого объекта породила роман М.А. Булгакова, приоткрылась в нем, но роман оказался узким для нее и не вполне соответствует ее замыслу, а потому и непонятным для читателей.

Что же это за тайна? Не страшась обвинений в злоупотреблении слова «тайна», речь в творении Ю.М. Осипова идет о России, о русском мире. Именно Россия, ее загадочность, бытийные метаморфозы,

ее тайна непостижимая¹, рвущаяся к полноценному бытию, является основным и единственным предметом размышлений, прозрений Осипова, его научно-исследовательской и философской программой, его софийной методологией, его первым и последним словом, переходящим в Слово, знающее только продолжение в свете вечного Воскресения. Элементы нового творения Ю.М. Осипова прослеживаются уже в его же столь же чарующих книгах «Постижение России», «Иное»; эти книги по сути уже прокладывают путь к миру, представшему в романе о романе.

Все сложности в постижении нового творения Ю.М. Осипова коренятся именно в трудностях понимания России. Сколько заморских мудрецов, сколько любящих русских умов трудились и трудятся над познанием России, а все завершается лишь углублением ее незнания. Хотя через сказания об Ином, Инонии (С.А. Есенин) Россия в роковые мгновения шлет вести о своих решениях софийных сущим поселянам своим...

Кажется, о России уже высказан весь спектр мнений — от «Святой Руси» до «империи зла». Но бытийный смысл России так и остается тайной, скрывшейся вместе с Градом Китежем. Каждый раз познание России завершается составлением программ новых реформ и текстов новых капитуляций. Россия так и остается Сфинксом истории, искусом, тайной бытия, ждущей владыки ее потаенного смысла. И сегодня Россия — самая непонятная, самая непостижимая, загадочная и самая непредсказуемая страна, в которой вопреки всякой энтропии, разгулу беззакония, inferнальности и маразма зарождается какое-то скрытое, неведомое, антропологическое, культурное и социальное и даже можно сказать — метафизическое — существо. И у существа этого, похоже, не будет никакого милосердия и снисхождения к нынешним хулиганам и разорителям России.

Нужна Господу Россия для каких-то миротворных целей, которые откроются тогда, когда закроются все супермаркеты Запада, ставшие его храмами. Ведь не случайно Россия возникла во времена, когда вектор мирового развития уже однозначно определился в пользу веще-

¹ Кто ты, Россия? Мираж? Наваждение?
Была ли ты? есть? или нет?
Омут... стремнина... головокруженье...
Бездна... безумие... бред...

Все неразумно, необычайно:
Взмахи побед и разрух...
Мысль замирает пред вещью тайной
И ужасается дух. (М. Волошин)

ственно-товарного евромонотеизма, что и предопределило последующее отречение европейцев от христианства, заключения ими союза с Мефисто, и, как итог — отречение от самих себя, от своей расы. А Русь возникла как память и весть о жизни иной, как альтернатива европейским и восточным перспективам жизни. В Руси зарыта правда идеальных ценностей, которые и стали софийной детерминацией, основным мотивом русской жизни, скрытым во многом от самих же народов русских!

Для Ф.И. Тютчева, С.А. Есенина, Н.В. Гоголя и многих других поэтов, святых, воинов, летописцев, создателей былин Россия есть неведомая и остающаяся не раскрытой сакральная реальность, особый священный мир, который недоступен рассудочному, техническому уму, науке. И даже христианская мудрость православия не охватывает всех глубин и смыслов русской субстанции: Россия была и до православия, и вне православия, как и православие существует вне и независимо от России. Православие не смогло предотвратить антихристианские эксцессы, последовавшие за 1917 г., именно в силу непонимания особой провиденциальной и уникальной сакральности России, которая не только страна, но и неведомая религия². Не Россия — часть православия, а православие — часть неведомой сакральности России, часть неведомой религии, именуемой Россией! Вот в чем коренной вопрос антихристианских эксцессов: в них не только крушили православие, а посредством этих чудовищных акций шел поиск целостной сакральности России, поиск России как сакрального царства. Этот мотив понял и выразил А. Блок: в поэме «Двенадцать» сам Христос во главе большевиков ищет царство христианское! Те же мотивы составляют основу творчества А.П. Платонова, К.С. Петрова-Водкина; те же мотивы инициировали евразийскую идеологию; да и сама Россия живет-то этой своей софийной верой. В этом плане Россия является не только носителем и хранительницей православия, но сама Россия, сама русскость — некая неведомая сакральная субстанция и неведомая религия, неведомая вера, несущая в себе и неведомое Откровение³. Связана

² Даже такой фанатический враг России, как Маркс, считал, что Россия не столько страна, сколько вера, которой он боялся больше своего религиозного невежества! И, создавая идеологию коммунизма, принося ей в жертву даже самого себя и свою семью, он и не подозревал о том, что он работал как раз на эту неведомую Веру-Россию!

³ На административном здании Православной Церкви в Софрино воздвигнут необычный призыв: «Святая Русь! Храни веру православную!». Следуя общей логике взаимоотношений России и православия (религии и народа вообще), призыв должен звучать иначе: «Православие! Храни Русь Святую!», ибо религии должны спасать и хранить народы, а не народы — религии! Но софийная

ли эта потаенная сакральность России со Вторым Пришествием Спасителя, мы не знаем, но знаем, что именно в России София Премудрость Божья воздвигнет свой Дом, свою софиократию!

Именно эта потаенная сакральность России не позволяет мысли определять содержание России стандартной логикой, ибо сакральное определяет и логику, и своих определителей, а не наоборот. И потаенная сакральность России оказывает скрытое воздействие на мысль врагов и друзей России, ее безразличных насельников и корыстных сребролюбцев. И по этой вере в сакральную Россию воздастся всем русским и не русским.

Когда о России мыслят враги, они неизбежно кончают полным умопомешательством. Наполеон, Гитлер — яркие тому примеры; генштабисты этих гениев Европы и США с точностью до дней рассчитали, когда они завоюют Россию. Но русский фактор не только спутал их планы, но и лишил их головы. Вот и сегодня ЦРУ высчитывает на математических моделях с применением современных компьютеров срок, когда Россия исчезнет с карты мира. Ой, не высчитывайте, да не сочтенными сами будете! Ну, а о прочей однодневной русофобской мошкаре и говорить не стоит.

Когда о России думают безразличные к ней люди, то они становятся Смердяковыми. Ф.М. Достоевский доказал, что неприятие России, ненависть к ней вытекают из глубокого метафизического неприятия ее сакральности и своего рождения в ней. Если для человека неприемлема Россия, это означает, что еще раньше этот человек стал неприемлем для бытия; вот он и возмещает свою всеясветную неприкаянность злобой, ненавистью и отрицанием⁴. Поэтому Смердяков гордо заявил: «Я бы дозволил убить себя еще во чреве с тем, чтобы на свет не происходить вовсе-с». Ну, а поскольку с его желанием не посчитались, то он почему-то мстит за свое рождение России: «Я всю Россию ненавижу». Таких особей немало в России и за ее пределами; и все они за свою

мудрость Церкви не ошиблась и в «мелочи», допустив и признав, что сакральность России глубже, фундаментальнее даже веры православной, для которой Россия — одна из стран, принявшей православие и служащей ему. Русское самосознание убеждено, что Россия нужна Богу для решения каких-то неизвестных, но важных задач, и помимо православия, которое через Россию тоже участвует в этом неизвестном сакральном проекте. Поэтому православие и считает себя частью России, хотя во вселенской религии все страны могут быть лишь ее частями.

⁴ Видимо, не всякое «ничто» годится для целей творения; видимо, есть ничто, осужденное на вечную ничто-жность, которая проявляется в людях типа Смердякова, жаждущих быть убитыми. Для них естественнее быть мертвыми, чем живыми!

нежеланную рожденность, следуя Смердякову, мстят или мечтают о мести России. Они патологически ненавидят Россию за то, что она позволяет им жить. Есть, есть и такое!

Когда о России думают корыстные, «соросо-бжезинские» люди, то от страха они не находят себе места на Земле и строят атомные убежища, не сознавая того, что роют-то они ходы в Преисподнюю, стремясь попасть туда вне очереди!

Но когда о России думают любящие ее горячие сердца, жизнью своей верующие в ее правду, то они становятся святыми, прозорливцами, пророками особого рода, посланниками Слова ее потаенного, просто мудрыми людьми, видящими Россию как цельный мир в единстве его известных и неведомых, неосуществленных состояний! Именно такие люди имеют софийное право мыслить о России, ибо это — величайшая честь и ответственность, высочайшая награда бытия бытийствующим. Брат Ю.М. Осипова заметил, что «думать о России — удел князей!». Князей не только власти, но и князей мысли, князей, достойных своего софийного звания!

Выявление подробного метаконтекста необходимо просто для того, чтобы приблизиться к смыслу творения Ю.М. Осипова, создать хотя бы его комментаторский набросок, узреть хотя бы его смысловой силуэт.

Ведь именно мнимо изученная и мнимо постигнутая, хотя истинно оболганная, и все же потаенная сакральная Россия приоткрыла Ю.М. Осипову свои духовные, смысловые, софийные, inferнальные сокровища, позволив ему в определенной мере явить себя современному миру накануне его провиденциальной, а для Руси — грядущей софийной трансформации, заложить первый камень ее спасительной и спасающей софиократии. Творение Ю.М. Осипова выводит из мрака и хаоса падающего глобализма неопределенный новый мир, в котором вызревает новое русское человечество. Он несет весть, охватывающую возникающее прошлое, исчезающее настоящее и растерянно блудящее будущее: именно поэтому для сообщения такой вести наиболее подходящим оказывается созданная им уникальная текстореальность, в которой скорбь встречается с надеждой, переходя в радость волнующей новой встречи...

В новом творении Ю.М. Осипова русский дух поднялся и взлетел в наивысшие сферы небесных, занебесных, запредельных смыслов Иного; но этот взлет потребовал и проникновения в запредельные глубины мрака, порока, мерзости и подлости владыки Преисподней. Это проникновение в запредельные сферы мироздания позволило Осипову создать самый уникальный контекст, метаконтекст самой истины. Такой метаконтекст неведом мировой художественной литературе, ми-

ровой философии и науке; в этом контексте можно исследовать сакральный оригинал России, ее феноменальные метаморфозы. Творение Осипова по целостности охвата мироздания можно сравнить, пожалуй, лишь с творениями Ф.М. Достоевского, который является основателем жанра метафизической прозы, дающей возможность высказаться всем, кого Господь сотворил, допустил к бытию и до поры до времени терпит. Но сегодня именно Ю.М. Осипов является в наибольшей мере сознательным носителем и выразителем той неизвестной сакральной субстанции, которой мы дышим, неосознанно, по привычке, называя ее Россией.

И требуется фантастическая напряженность самой жизни, чтобы обозреть целостность этого контекста, держать его постоянно в уме, дабы он мог читать и понимать познаваемые реалии. Творение Ю.М. Осипова становится спутником, мучением, загадкой и утешением нашей жизни, ибо в нем мы видим самих себя мучением, загадкой, попрошайкой и проклятием Господа! В этом творении мы видим себя и клономатериалом для дьявола, и предметом ненависти «евриканцев», и питающим веществом власти, и самоуничтожающими себя тварями. И над всей целостностью творения Ю.М. Осипова витает дух героической торжественности победителя — Неизвестного, действующего посредством Софии и России.

Открытие 1. Именно потаенная сакральность России определила *тройственный мирострой* творения Ю.М. Осипова (*автор — М.А. Булгаков — Россия*). Именно потаенная сакральность России одала автора особым — реквиемным — языком, ибо только такой язык может выразить величайшую скорбь прощания с Россией уходящей, с Россией советской, федеративной и демократически нежизнеспособной. Русь сворачивается в семя софийное, чтобы прорасти новым плодом. В то же время только язык реквиема дарит нам невозможную встречу с Россией софийной, возникающей из крови всех ее безымянных героев, принесших себя в жертву ее правды, всех ее защитников и радетелей.

И этим незримым реквиемным излучением потаенной сакральной России творение Ю.М. Осипова просвещает, просветляет, несет, раскрывает нам некое сакральное послание от софийной России. Он очень, очень много знает и понимает, о многом говорит нам шепотом, о многом плачет, о главном молится; и эта молитва неистощимая тревожит нас, лишает нас покоя, принуждая нас не просто быть, а софийно размышлять о России, ибо большего блаженства человеку не дано испытать на Земле.

Именно потаенная сакральность России предопределила *архитектонику творения*, представшего у Ю.М. Осипова как всеясветный

сакральный и «демократичнейший» Собор, на котором получили право высказаться по главным вопросам бытия все миротворные субъекты и чины, все авторы и анонимы, все существа, обладающие хотя бы призрачным существованием, все сущие силы творящие, грезящие, грозящие, вредящие, губящие и не ведающие смысла своих деяний.

Бог, дьявол, человек, писатель, власть, братья-каменщики, демоны, разум, наука, экономика, ангелы, Христос, Иуда, Сталин, женщины известные и неизвестные, война, философия, София-мудрость, призраки, «евриканцы», взрыв СССР, реформы, роман, Неизвестное и т. д. Обо всех этих существах, реалиях написано и рассказано немало. Но странное явление! Когда эти существа и реалии рассматриваются, изучаются сами по себе, в своих автономных сферах, они быстро исчерпывают свои смыслы, становятся неинтересными, вызывают раздражение. Даже благочестивые искренние размышления О Боге и его мудрости и делах незаметно порождают скуку, отторжение. Ну да, Он мудрый, все знает, все умеет, все может... да, а почему же не исправляет зло? А вот когда Бог рассматривается в соотношениях с творениями своими, с дьяволом, когда творения ставят перед ним вопросы о смысле детских страданий, вопросы о том, зачем Он допустил других богов, дьявола, если заранее известно, что человек не сможет различить среди них Его, Истинного? Вот тогда Бог встает во всем своем грозном смысле, и люди начинают понимать, что без Его мудрости человек не имел бы даже той скверной, грешной жизни, на которую они постоянно жалуется Ему. Есть масса книг о демонах, об ангелах, о дьяволе и бесах, но они скучнее даже детективов Агаты Кристи, которые человек придумал, только чтобы не слышать о сакральном. А вот когда ангелы и бесы взяты в контекстах исследования сознания, души, бессознательного, в контекстах СМИ и преступности, эти коровьевы и бегемоты становятся интересными и даже привлекательными. Более того, изобилие публикаций даже о Сталине, Гитлере делает их банальными и скучными персонажами. А вот в контекстах оккультизма, конспирологии, власти, пороков человеческих эти роковые фигуры оживают и начинают вести с нами разговоры об устройении новых мировых побоищ, без которых человек вырождается и слиняется быстрее, чем его доконали войны. А писания о братьях-каменщиках вообще тошноту вызывают своей тривиальностью и просто глупостью⁵.

⁵ Ю.М. Осипов довел до нашего ума и сознания крайне важную истину. Если наука, экономия, философия, книга, человек и другие явления неинтересны, вызывают скуку, то это указывает на то, что они потеряли свой естественный смысловой контекст и постепенно разрушаются, отдаляясь от ума-разума. Скука — предпоследний шаг в никуда. Поэтому прочитать творение Ю.М.

Величайшая заслуга, духовный подвиг Ю.М. Осипова состоит в том, что он сумел создать такой уникальный смысловой контекст, такую смысловую целостность, в которой даже мелочи (скажем, курение сигары каменщиком) становятся интересными, говорящими деталями. Эта смысловая целостность делает своими органами все существенные события, все значимые фигуры и натуры. Без этого целостного контекста, задаваемого потаенной сакральностью России, нельзя понять ни творение Ю.М. Осипова, ни исследуемые, изображаемые в нем реалии.

И только после контурного обозначения метаконтекста творения Ю.М. Осипова можно вменяемо обсуждать его «частные открытия», которых ждут жаждущие правды умы, алчущее света сознание, торжествующий русский язык, предвкушающий богатейший и пышный урожай сладостных смыслов, исцеляющих страдания людские волшебством своего понимания.

Открытие 2. После воссоздания сакрального метаконтекста России вторым важным открытием творения Ю.М. Осипова является анализ сути и смысловой матрицы романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», выявление алгоритма жизнедействующей его inferнальной силы.

Во-первых, софийный анализ романа М.А. Булгакова является уникальной литературоведческой инновацией (вообще-то, нужно сказать шедевром, ну, так и быть, сделаю уступку безумию времени!); без учета которой любое филологическое исследование будет неполноценным и малопродуктивным. Ю.М. Осипов открыл смысловую, поликратическую матрицу романа, макро- и метастроение всяческого романа, который должен выступать своеобразным ящиком Пандоры, имеющим три потаенных дна: небеса Софии, казнь Христа, Судный день.

М.А. Булгаков своим романом века открыл нечто, не зная что, принес смыслы, неведомо какие. В творении же Ю.М. Осипова дано *Открытие самого Открытия*, суть самого Открытия, которое заслуживает это сакральное название только после обнаружения софийных смыслов изучаемой реальности и после закрытия всех реквиемых и апокалипсических ходов мысли.

М.А. Булгаков изобразил всадников апокалипсиса на марше, не зная их конечной цели, их судьбы. А в апокалипсическом суде решается именно участь дьявола. В творении же Ю.М. Осипова проявляются первые плоды апокалипсиса, судящего уже сам апокалипсис, самосуд дьявола над собой, своего рода контрапокалипсис, разделяющий зерна

Осипова должен каждый, кого заботит судьба его же собственного ума и сознания, рвущихся к неизвестной сакральности России. Ведь и Ум, и Сознание самого Бога любят больше всего неизвестное в самом Боге!

и плевелы уже скошенного человеческого вольнодумства. И зерна эти прорастают софийной перспективой человечества. Все революции завершаются контрреволюциями, в которых революции казнят самих себя, чтобы спасти свой плод.

М.А. Булгаков начал свой роман с приезда дьявола и закончил его отъездом дьявола в никуда. Поэтому в романе М.А. Булгакова не умолкает гул реквиема, отправляющего на покой... без света праведников дьявола — Мастера, ненавидящего весь мир, и ведьму. Ю.М. Осипов начинает, продолжает и кончает свое творение с животворного молитвенного контакта с Софией Премудростью Божьей, для которой все эти Воланды со своей свитой, все эти Мастера со своими Маргаритами, все их проблемы являются просто следствием их глупости, их непонимания софийности мира. Творение Ю.М. Осипова начинается с находки малой неизвестности — рукописи романа, и завершается молитвой о России, которая становится Великой Неизвестностью людей, самой себя, смерти и... самого Господа. Эта Великая Неизвестность, совпадающая с Россией, страшит даже смерть, вынуждая ее волноваться о своем будущем. Поэтому в творении Ю.М. Осипова дана судьба самого реквиема, реквиемного мира, на смену которому идет и придет, неизбежно придет мир софийный и русский. А пока «мы должны делать так, чтобы никто ничего не понимал. В этом наша сила и отсюда наш шанс» [1, 544]. Ибо Россию всерьез никто не воспринимает! И не может воспринимать по неведомой никому причине.

Роман М.А. Булгакова чарует, влечет нас неведомой правдой лунного света. Почему писатель предпочел все же лунное сияние солнечному свету? Дело не только в изображаемых им inferнальных персонажах, для которых лунный свет естественный. Во времена написания романа М.А. Булгаков ни в кого и ни во что уже не верил, никого и ничего не признавал в качестве высшей правды. Не верил он в Бога, не верил и в Воланда, не верил в человека, не верил в силу власти и Сталина, не верил в природу и в творчество! Но без веры жить нельзя, ибо жить — значит верить во что-то (Л.Н. Толстой).

«Боги, боги мои! Как грустна вечерняя земля! Как таинственны туманы над болотами. Кто блуждал в этих туманах, кто много страдал перед смертью, кто летел над этой землей, неся на себе непосильный груз, тот это знает. Это знает уставший. И он без сожаления покидает туманы земли. Ее болотца и реки, он отдается с легким сердцем в руки смерти, зная, что только она одна...» [2, 394]. В этих словах весь М.А. Булгаков, все его тайны. Писатель устал от жизни, которую дал ему Господь, и устремился к призрачной жизни, обещанной дьяволом, но остановился на вере в неверие!

Это удивительно, ибо его все же опекала и хранила судьба, гонениями и притеснениями направляя и вдохновляя его творчество. Ева, не зная своего райского блага, почему-то поверила змию лукавому. М.А. Булгаков, не веря ничему, не веря даже своей избранности, в итоге все же приклонился к тому же змию лукавому, ставшему у него призраком Воландом, который на балу подымает бокал, сделанный из головы атеиста Берлиоза, за здоровье бытия райского, хотя ему туда вход закрыт навеки.

И какие парадоксы! М.А. Булгаков жаждал веры, но не знал, зачем она нужна людям, живущим и без веры! Но абсолютный скепсис позволил ему постичь силу, знания дьявольские, но в то же время обнаружить и его бессилие в решении коренных вопросов смысла жизни и творчества? Ради чего жить и творить? Чтобы кончить прыжком в бездну или получить вечный покой с ведьмой? И М.А. Булгаков нащупал какой-то проход между бытием и ничто, между верой и неверием. Он тайно и страстно поверил в свое неверие и до конца жизни искал предмет-исток этого неверия, то Неизвестное, что действует как в вере, так и в безбожии, как в жизни, так и в смерти, как в бытии, так и в его призраках. И этот поиск реальности Неизвестного не завершён и поныне; этот поиск угрожает всем победителям, даря в то же время шанс всем побежденным!

Труд Ю.М. Осипова — уникальное, не имеющее аналогов, творение мировой культуры. Истолкование, разъяснение, осмысление романа М.А. Булгакова по набору действующих персонажей, по массе и масштабу охваченных событий, по многообразию реальных и смысловых связей оказалось богаче, глубже, конкретнее интерпретируемого романа. Обычно даже самые совершенные и непревзойденные литературоведческие работы все же существенно уступают изучаемым оригиналам просто потому, что они вторичны. А здесь вторичное, по сакральному закону, превзошло первичное, достроило, раскрыло, обогатило и модернизировало оригинал, выявив его реальные движущие и конструктивные силы. Роман о романе Ю.М. Осипова даже в чисто литературном, детективном, художественном плане сильнее романа М.А. Булгакова своей сакральной чистотой, возвышенной правдой, пониманием правоты дьявола, его силы и его роковой обреченности. Ю.М. Осипова не влечет лунный свет и люди лунного света; если при Солнце не виден путь, то при Луне вряд ли он станет виднее. Но главное — в творении Ю.М. Осипова чувствуется, дышит софийная и хозяйственная перспектива, выход из тупиков экономизма, финансизма, атеизма, инфернализма, конспирологизма и милитаризма.

Во-вторых, Ю.М. Осипов превратил роман М.А. Булгакова в уникальный и мощный метод целостного постижения мира, человека, вла-

сти, их конечных устремлений. Началу такого использования творчества великих писателей положил В.И. Ленин, сделавший творчество Л.Н. Толстого методом изучения чаяний крестьянских масс того времени. И Л.Н. Толстой оказался великим Учителем революции, у которого даже профессиональные революционеры набирались ума-разума! Ю.М. Осипов пошел этим путем Ильича дальше, и для него сама революция стала лишь фрагментом мировой конспирологической сети, которая, в свою очередь, является средством софийного миропонимания, смысловым органом истины и России.

Тайны и загадки романа М.А. Булгакова в творении Ю.М. Осипова раскрываются апофатическим методом раннехристианской мысли, победившей даже Платона и Аристотеля тем, что мрак, отчаяние и тайны человеческой жизни были рассмотрены в контексте еще большей тайны воплощения Спасителя в человеке. Тайна Бога так и осталась тайной, но человечество обрело просветляющую и проясняющую перспективу своего бытия. Есть проблемы, которые решаются и понимаются лишь в контексте еще более сложных и непостижимых проблем. Ум человека работает лишь в контексте окружающей, питающей и превосходящей его благостно неразумной стихии. Да и знания любые человеку тоже доступны лишь в контексте незнания, которое не переводится на язык знания, а доступно только любви и России. Человек вообще может нечто познавать, понимать, выражать и решать лишь при опоре на трансцендентность непознаваемой, непостижимой, невыражаемой, неразрешаемой реальности.

В-третьих, Ю.М. Осипов открыл, раскрыл нам с неотразимой убедительностью, что роман М.А. Булгакова больше чем роман. Творение загадочного Мастера, являясь продолжением, изображением русского бытия, в то же время его активный демиург, тайный проект и скрытая матрица его социокультурных и геополитических трансформаций, неведомых инфернальных экспериментов, о чем и не подозревают почитатели, читатели, знатоки и жертвы романа, служащие материалом этих экспериментов и трансформаций. Соответственно и роман с романом Ю.М. Осипова тоже своеобразно продолжает эти демиургическую традицию.

Романы Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, воздействуя на мир своими скрыто христианскими мотивами, богатством и полнотой представленной в них жизни, художественным мастерством, в целом все же остаются романами, чистой литературой и не нарушают ее святых канонов.

Иное дело роман М.А. Булгакова, в котором Ю.М. Осипов своим смысловым скальпелем вскрывает черный алгоритм действия в России инфернальных сил Преисподней. Поразительно, насколько «пере-

стройка-катастрофка», разрушившая СССР, соответствует этому алгоритму романа, ставшему не просто соучастником превращения России в криминальную федерацию, но и самым активным inferнальным инициатором этой катастрофы. И не столько сам роман как литература, а роман как особое бытие, в котором inferнальные силы создали плацдарм для атак на Россию. Увы, мы распознали этот черный алгоритм слишком поздно... Нужно запомнить этот урок на будущее, ибо алгоритм мрака запущен.

Но М.А. Булгаков творил свой роман не для литературных критиков, исследований, не для славы и почета, ибо к этому времени он уже вкусил дары муз и связанные с ними «неудобства». Большой роли слава и почет для него уже не могли иметь, хотя он и не отрицал их значимости для творца. Он даже не рассчитывал на массовую аудиторию, понимая, что inferнальные сюжеты доступны и безопасны лишь для немногих. Он творил для избранных, способных понять его весть и помочь остальным людям увидеть новых персонажей, проникших в их жизнь. М.А. Булгаков писал свой роман для того, чтобы донести определенную весть для власти, воплощенной в то время в личности И.В. Сталина. Эта весть уже вкратце была заявлена эпиграфом, взятом из «Фауста», в котором Мефисто представляет себя немецким интеллектуалом: «Я — часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо». Весть-то гласила: Европа, отрекшаяся от христианства, вынуждена была заключить пакт с дьяволом. Пробовали-де жить с Христом, но ничего хорошего не получалось; нужно теперь устраивать свою жизнь по канонам дьявола-Мефисто, который любезно согласился двигать научно-технический прогресс, совершенствовать рабство, обещая и власть над миром. Поскольку Россия, свершив атеистическую революцию, тоже устремилась по пути науки и прогресса, то и ей никак не обойтись без определенного содействия дьявола. Нужно только придать ему приемлемый для русской интеллигенции облик. Нужно осознать, что в современном мире без содействия дьявола человек может творить лишь войны и революции, а не новые формы жизни. Но нужно осознать, что созданное с помощью дьявола очень быстро само по себе разваливается. С Богом не хочется и не может жить по правде, а с дьяволом получается бесконечный тупик. М.А. Булгаков, судя по всему, принял за чистую монету слова Мефисто о том, что он часть силы той, что желает всему зла, творит все же благо. Сомнительный фокус! А чем занята остальная часть этой же силы? Желает зло и творит зло? Или, желая блага, творит зло? Мефисто просто-напросто перехитрил Фауста и М.А. Булгакова, предложив формулу-крючок с наживкой червяка-добряка. Мефисто этой формулой поставил даже добро, соблазненное его услугами на пользу злу!

М.А. Булгаков по неведомой нам причине не видел или не принял софийный совет Христа, требовавшего быть мудрыми как змии и простыми как голуби. Христос призывал изучать, знать искусство дьявола, но использовать его для брани с лукавым и во благо жизни, как это давно делает человечество, приготавливая из змеиного яда сильнодействующие лекарства.

И вот эту безвыходную антиномию человеческой жизни, изящно, с иронией запрятанную у М.А. Булгакова, Ю.М. Осипов выявил во всей ее трагически суровой безнадежности. Но сам Ю.М. Осипов в своем творении намекает о перспективе Иной, связанной с софийными основаниями русского бытия. Поэтому в итоге творение Ю.М. Осипова глубже, интересней романа самого М.А. Булгакова, ибо он приемлет и блестяще использует прозрения, познавательные возможности Воландов и демонов как орудия софийной мудрости во благо русской жизни, а не прислуживает им.

М.А. Булгаков из данного мрака жизни идет в еще больший мрак Преисподней, в царство дьявола, антихриста и демонских ратей. И что ж? Вечер в отношении светлого дня является мраком, но в отношении ночи он сам выступает как нечто светлое и полезное, нужное и ценное. И Воланд со своей свитой выступает как положительный, полезный и необходимый класс в деле устройства греховного человечества при лунном свете. М.А. Булгаков не знает и не верит в самосуший свет, не видит в нем никакой перспективы; для своих сакральных, земных, криминальных, inferнальных персонажей он допускает в своем романе только лунный, вторичный, демонический свет, а Царство Божие обретает реальность в психиатрической лечебнице или в фантазиях ведьм. Поэтому от романа М.А. Булгакова несет какой-то тошнотворной умностью, устраивающей отхожие места по евростандартам.

Ю.М. Осипов высветляет призрачность воландов и его свиты софийным светом, преодолевая их ведение софийной мудростью, сокрытой в потаенной сакральности России, а потому он идет от мрака, к свету самосушему русскому. Отсюда и мягкая снисходительная тональность его творения даже к inferнальным персонажам, которые почему-то начинают оправдываться перед ним, чуть ли не каяться (см. «Демон»).

Открытие 3. Важнейшим «системо- и целостнообразующим» началом-открытием творения Ю.М. Осипова является проблема соотношения власти и художественного творчества. В личном плане эта проблема предстала как взаимоотношение Сталина и самого Булгакова. Анализ их явного и неявного, метафизического общения — смысловой самородок творения Ю.М. Осипова. Вообще, анализ, исследование феномена Сталина в его творчестве заслуживает отдельно-

го диссертационного и монографического исследования, но всему свое время.

М.А. Булгаков был очень (!) нужен Сталину; благодаря опеке вождя писатель и уцелел в беспощадных челюстях чрезвычайек Кроноса, обладая неслыханной свободой, издеваясь в 1928 г. над самими пролетариями («Собачье сердце»!!!) Но и М.А. Булгакову нужен был Сталин, ибо только такая личность могла вдохновить писателя на реализацию его замысла — изображения деяний самого дьявола в России.

Различными фактами, смысловыми намеками, специальным текстом, созданным для этой опасной цели, Ю.М. Осипов показывает, что М.А. Булгаков и И.В. Сталин в равной мере решали одну и ту же задачу — на кого и на что можно реально и духовно опереться в обезбоженном мире, ибо смертное (неожиданно смертное!) существо не может быть опорой для самого себя. Что можно построить без Бога? Только социализм! Что можно сотворить в литературе без Бога? Только сатанизм и демонизм! Для Сталина и Булгакова эти варианты неприемлемы, да и реально они невозможны вопреки массе жертв, принесенных на псевдоалтари этих проектов. И они искали — каждый в своей сфере — выходов из этих мировоззренческих тупиков, невидимо взаимообогащая друг друга своими прозрениями.

Вождь нашел выход в сталинизме, составной частью которого стал социализм, который быстро набрал мощь и еще быстрее внезапно рухнул, лишенный сталинской компоненты. М.А. Булгаков нашел выход в демоническом криминализме, частью которого стало художественное творчество, мастера, а частью этого творчества и этих натур стал изощренно примитивизированный Христос. Вывод напрашивается сам собой: Сталин — это Булгаков, реализующий свой проект в политике, а Булгаков — это Сталин, реализующий свой проект в литературном творчестве. Они всегда, были рядом, не приближаясь к опасной черте, за которой неизбежен взрыв, ибо соединение политика и художника губит обоих. А дьявол сам себя губит. Поэтому Сталин заставлял одних волков уничтожать других, чтобы люди могли спокойно трудиться. В те времена людей-волков или революционеров, было слишком много, и другого пути, кроме авторепрессий, не было.

М.А. Булгаков предупреждал своим романом о том, что возникает крайне необычная, театральнo-зрелищная и конспирологическая, опасная и авантюрная то ли реальность, то ли нереальность с логикой и магией. И эта новая реальность уже не подчиняется социальным и культурным институтам, государству, традициям, финансовым органам, идеологиям, даже обычаям повседневной жизни. Против Воланда и его свиты все управленческие институции жизни, сознания, ума, души и языка уже не работают или же работают наоборот. Да, они вроде

и сохраняются, функционируют, но в них вселяется и через них действует уже иная, инфернальная, дьявольски адаптированная воля Преисподней. Сильные хитрые органы становятся бессильными, их одурачивает даже кот простой ученый. Театр стал институтом коллективной магии и гипноза, деньги бытуют сами по себе, создавая свой реально-ирреальный мир. Чудовищную власть обретают психиатрия, ее институты, террор псевдомузыки и гнусных развлечений становится нормой, сообщество литераторов («совести нации») вырождается в шайку бройлерных паразитов Массолита. А бесы и демоны инфернального мира на законных основаниях становятся гражданами этой новой реальности. Странно, что свита Воланда испугалась лишь креста кухарки; крест грозит и может сорвать все мероприятия свиты Воланда! Вот тебе и всемогущий!

Но самое захватывающее впереди. В итоге анализа взаимоотношений Сталина и Булгакова Ю.М. Осипов переводит их коллизии в современную эпоху, ибо их спор, их противостояние, их метафизический союз содержит в себе неразгаданную и непостижимую тайну России. Союз их кровный, не случайный, и только в роковые дни своей неразрешимой тайной, нас увлекают их дела и дни.

Так вот, комментатор не может никак избавиться от видения: в творении Ю.М. Осипова снова и снова заявляет о себе та же проблема соотношения власти и художника, проблема, которая сделала Сталина — Сталиным, а Булгакова — Булгаковым. А видение весьма логично прижимает комментатора к стенке: ведь творение Ю.М. Осипова живет и держится ожиданием нового, нет, не Сталина, нет, не Инквизитора, нет, не Диктатора, нет, не Терминатора, а истинного царя — Софиократора. Да, именно так — Софиократора! Этот неведомый, но уже рожденный, и уже идущий к нам царь подчинит диктатуру, терминатуру, инквизиционатуру, сталинатуру благу жизни осмысленной. Если есть Булгаков, то будет и Сталин; если есть Сталин, то неизбежен и Булгаков. Нетрудно продолжить эту провиденциальную цепь зависимостей, не нами созданную, не человеком придуманную... Если такому роману соответствовало появление такого же властителя, то *такому роману о таком романе, должен соответствовать и такой же властитель над властителями!* Иначе не было бы романа о романе, в котором грядущая софиократия именуется себе монархией, центрократией, а Софиократор предстает как Монархатор или Центрократор!

И произойти это может, да и произойдет лишь в России, рождающей сегодня этого Софиократора. Такие творения, как роман о романе Ю.М. Осипова, появляются не случайно, а в те времена и в тех местах, когда их Главный «Читатель» уже на подходе. Какой социально-политический облик примет этот властитель? Можно предположить,

что... но нет, лучше пока промолчать, чтобы не навредить... Не случайно на балу у Воланда среди призраков оказалась одна реальная фигура — Малюта Скуратов! Да, oprичников даже Преисподняя не берет!

Кстати, в творении М.А. Булгакова сам Воланд предсказывает, что роман еще принесет Мастеру сюрпризы, но утешает, что ничего страшного уже не будет, а о том, что именно будет, умолчал. Надо полагать, что этот прогноз inferнального интеллектуала переходит по наследству и в творение Ю.М. Осипова, которое прямо-таки обязано исполнить его нестрашный прогноз. Воланд точно знал, что России после социализма и демократического криминализма предстоит последняя метаморфоза. Но слово «София» дьявол не может выговаривать, ибо оно лишит его главного орудия — знания зла. А это слово есть первый и последний творческий глагол России в ее движении к самой себе, точно также, как Россия есть страна, в которой София двигает Дом своей Премудрости.

Сталин в контексте творения Ю.М. Осипова необычайнейшая и сложнейшая личность; он делает руками зла новое зло, но он же делает теми же руками зла и добро, хотя оно вскоре снова возвращается к своим истокам во зло. И знает Сталин это inferнальное коварство, но не делать того, что он делает, он не может. И поэтому, отсекая от Сталина зло, мы губим вместе с ним и сотворенное им добро (например, метро и новый МГУ); а принимая его добро, нам никуда не деться от его злого друга. Поэтому политическая возня вокруг личности Сталина напоминает, по словам незабвенного Иммануила, любовь слепых в крапиве.

Выход из этой дьявольской ловушки Ю.М. Осипов нашел и воплотил в своем творении, оставив логины и пароли для ум имеющих, чтобы они могли войти в мир софийной идеологии и мудрости русского мира. Христианство не смущает тот факт, что ангельский чин — власть — оказалась в руках у дьявола, призывая использовать эту власть во благо жизни, не мараясь злом. Поэтому реквием Сталину в творении Ю.М. Осипова обращается к той первичной силе, которая сделала из Джугашвили Сталина. Речь идет о софийном императиве власти, который гласит: «Если хочешь властвовать, стань софиократом, иначе будешь вместе со своей властью прислугой у воландов!».

В связи с темой власти Ю.М. Осипов делает одно крайне важное и глубокое замечание. Речь идет о кризисе войны, о том, что сама идея войны рассыпается. Война сегодня не решает, а умножает проблемы. Поэтому почти все современные войны развязываются только для того, чтобы сохранить даже не военно-промышленный комплекс, в котором трудятся во благо смерти лучший ум и худшая совесть челове-

ства, а саму идею войны. (Ту же подлость в отношении Ливии Запад мог и без войны учинить, установив тотальную блокаду ее нефти и газа! Но спасать нужно было идею войны, поэтому была развязана война ради сохранения войны!)

Открытие 4. Важнейшей опорой смысловой инфраструктуры творения Ю.М. Осипова является идео-демонология разума. Дерзко и несколько провокационно автор утверждает, что Воланд — это есть не что иное, как... Разум просветителей, прибывший в Москву проверить или посмотреть свои деяния. Шокирует, но если спокойно проанализировать речи и логику Воланда, то он действительно самый умный, толковый, пронизательный, предвидящий персонаж, которому присуща даже некоторая порядочность. Все его жертвы, пожалуй, честно заслужили свое возмездие... И все-таки от его логики, ума и точности веет чем-то могильным! И почему именно дьявол оказался умнее почти всех, кроме, кроме... одного персонажа!

А что есть собственно разум? То, что именуется сегодня разумом, есть лишь часть единого софийного ума (Нуса) человечества и его мудрости. Этот ум (в древнеиндийской мудрости священный перво-звук *ОМ*, в латинской транскрипции — *AUM*) охватывал своей целостностью логические, образные, мифические, знаковые, символические, интуитивные, откровенческие, знаниевые, прагматические, сакральные, нравственные измерение мира и человека. Аристотель, вопрошая, как и чем движет ум, отвечал, что ум движет так же, как любимое движет любящим. Ум есть любовь-всеведающая, а любовь есть ум-всепонимающий. Неожиданная оценка ума для создателя первой системы логики в Европе!

С эпохи Возрождения (или — Вырождения) целостный ум начал распадаться, постепенно превращаясь в раз-ум (два-ум и т. д.), что, кстати, давным-давно предвидел русский язык своими поговорками: «Ум за разум зашел (и не вышел!)», «Разума — палата, да ума — маловато!». Ум исчезал под напором разума, который отождествил себя с логикой, математикой, техникой и правом. Бог, мораль, любовь, совесть, интуиция, фантазия, откровение, вера, целеполагание, воля, магия, волшебство, гипноз, чудеса выпали из ума, став иррациональными, неразумными силами человека и бытия. Немецкая классическая философия пыталась восстановить разумность этих отвергнутых просветителями начал жизни в учениях о практическом разуме, в учениях о конкретности разума в философии права, философии искусства, но высшую и целостную правду ума она нашла лишь в логике (Кант и Гегель), в «Я» (Фихте), в искусстве (Шеллинг). Софийный ум и жизнь человека, ее внутренние проблемы остались вне круга ее интересов.

В эпоху Возрождения произошла величайшая мистификация, свершился коварнейший подлог. Мефисто, дьявол, стал покровителем, выразителем, носителем рациональности, логики, права, технологий и математики, отождествив технические аспекты, средства ума с целями и смыслом жизни. И теперь уже не полнота жизни стала целью рациональности и разума, а сам частный, логико-математический разум стал самоцелью, для которого жизнь и сам человек всего лишь средства умножения его никому не нужной логичности и рациональности. Мораль, религия, искусство, любовь, ответственность, интуитивные озарения и откровения, пророчества стали частными делами людей, их быта. А лишённые поддержки разума и софийного ума они превратились в страшные и безвыходные тупики человеческой жизни. И. Гете вопрошал: «Зачем любовь, если она ведет к гибели прекраснейшую натуру Гретхен?», хотя ловушку для бедной девы подстроил именно великий гатю Мефисто. Те же вопросы можно обратить и ко всем другим людским ценностям, которые разум объявил «иррациональными», неразумными, а значит, пагубными для них, хотя угрожает им именно гатю логики, математики, техники и права?

Ю.М. Осипов полагает, что именно этот частный просветительский разум, присвоивший себе всю полноту ума в облике Воланда явился в Россию, чтобы поддержать атеистическую индустриализацию страны. Вывод неожиданный, потрясающий и шокирующий! Особенно для ученых! Но, увы, справедливый, неотвратимый и несущий в себе возмездие поклонникам, сторонникам, да и несведущим жертвам *атеистического* научно-технического прогресса, ибо наука, технология, прогресс возможны и в сакральных — западных — вариантах!

Воланд-разум много, очень много знает, понимает, умеет, может, делает; он может даже вершить справедливость, добро, но не все, не все ему подвластно. Бог, Свет, Любовь, Совесть и Сострадание Воланду и его свите вообще недоступны. В романе М.А. Булгакова немало страниц посвящено этим ценностям, но все они вызывают у Воланда и его подручных лишь скуку и отвращение, что вполне естественно, ибо любящая, светлая, страдающая, сочувливая математика и логика — это абсурд.

Размышления Ю.М. Осипова о дьявольской сути чистого-пречистого разума мимоходом вскрывает смысл и кантовской критики чистого разума. За что можно критиковать чистый разум, вообще чистоту? Не за грязноту же? И все же Кант смело обрушился на чистый разум математики, логики и естествознания именно за то, что не совсем он чистый, что плодит он антиномии (взаимоотрицающие суждения, которые недоказуемы и непроверяемы) по самым важным вопросам человеческого бытия. Кант не приемлет этот чистый разум за

его аморальность, безбожие, за то, что он страдает СПИДушной диалектикой, оправдывая любую бесчеловечность, отрицая мудрость веры, долга, красоты, ограничивая духовные силы человека. Но Кант работал в парадигме Мефисто, а потому не смог довести свои разоблачения до конца и показать, что чистый разум есть по сути дьявольский разум, дьявольский инструмент, а потому искать правду только в нем одном бесполезно и смертельно опасно, хотя и без его услуг нельзя обойтись. Можно есть сырые продукты, но огонь делает их полезней; но огонь-то не заменит собой продукты! Сам чистый разум, монополизовав критерии истины и лжи, не может доказать ни свою разумность, ни свою чистоту; а если судить его по плодам его, он предстанет виновником всей грязи и нечистот, губящих человека на земле.

Сегодня этот чистый разум после ядерных взрывов предстал во всем своем инфернально чудовищном уродстве, заваливая всю планету отходами, отбросами, нечистотами, текущими из зева его чистой-пречистой математики. Не странно ли, что экспоненциальный рост *ratio*, математики, логики, их программ, разумных и образованных людей, экспертов и консультантов, вооруженных логистикой, статистикой, математистикой, не улучшает жизнь, а ускоряет ее движение в никуда, причем, катится туда она не сама по себе, а по воле управляющего и направляющего ее туда разума, скрывающего в себе дьявольского шофера-Воланда, повелевающего через *ratio* легионами повинующихся ему «нобленаучников»⁶, шнобеле- и великонаучников.

Наука и ее слуги никак не сознают того факта, что посредством науки, руководимой дьявольским разумом Воланда, человечество модернизирует уже существующую Преисподнюю. И чем больше математики в мире, тем больше мир становится хаосматикой, опровергая Гесиода, доказывая, что в начале был не Хаос, а математис, который и породил хаос. А ведь не случайно математики шутят, что невероятная, недоступная человеческому уму точность и доказуемость математики, объяснимы лишь ее дьявольскими спонсорами. А ведь верно! И математика, и дьявол любят темноту, изгоняют иррациональность, уничтожают природу, деградируют человека, обесмысливают культуру. Сегодня это ясно даже детям, всячески сопротивляющимся математике, которое насилием вышибает из них смыслы, заменяя их непонятной техникой вычисления пустоты! С каждым днем растет в мире число математиков, расчетов, счетов, перерасчетов, начетов, вычетов, подсчетов, а все завершается одним гигантским глобальным просчетом — кризисом, хаосматикой и катастрофой финансовой системы,

⁶ «Ноблесс облиз» — самое почетное звание, которым бес Бегемот награждает своих... близких.

состоящей почти на сто процентов из математики! Одно из двух: или то, что человек считает разумом, на самом деле не разум, а расчетливо скрытое за расчетами систематизированное безумие, или же это разум, но не разум жизни, а разум смерти, ничто, разум царствия дьявола! Ф.М. Достоевский, видимо, был недалек от истины, заявив, что формула $2+2=4$ своей точностью соперничает со смертью, ибо математика и смерть стремятся к одной и той же цели — к абсолютной точности, т. е. к точке, не имеющей размеров и бытия, и представляющей ничто.

Религия, иррационализм, мораль, искусство и любовь предупреждали разум не впадать в головокружение от успехов. Напрасно! И вот настал миг расплаты! Разоблачению, открытию, раскрытию, вскрытию подвергся сам разоблачитель, открыватель, раскрыватель, вскрыватель. И что же в нем нашел софийный ум?

Разоблачив пленительный кумир,
Я вижу призрак безобразный.
Но что ж теперь тревожит хладный мир
Души бесчувственной и праздной?

А.С. Пушкин

Душу тревожит призрак безобразного ума, от которого нечестивцы не могут отказаться, но с которым не могут и жить. И этот призрак безобразный всячески противится софиологическому анализу, скрываясь в обликах диалектики, науки, математики, права, логики.

Обычно полагают, что дьявол владеет магией, волшебством. А не наоборот ли? Магия и волшебство, будучи софийными дисциплинами, владеют дьяволом, используя его как свое орудие, хотя люди видят видимые следствия, но не умеют мыслить невидимые причины. И не зная, не понимая софийной мудрости, люди в ее деяниях видят дьявола. В творениях И. Гете и Ю.М. Осипова дьявол предстает в обликах Мефисто и Воланда как магический, волшебный разум, скрывающий подлинные истоки своей мощи и своего знания, полученные ими в заем от Господа. Магия, волшебство — это сакральные, священные силы, именуемые в профанном мире как «идеальное», а их люди добровольно сдали своему смертельному врагу. Не случайно, тайные общества оккультистов, владея вначале этими силами, затем после отречения от Бога утратили и эти дары, которые стали бутафорским украшением тайных политических интриг, ибо знание закона воздействия идеального на материальное они утратили.

Конечно, крайне неприятно узнать, что умствования ученого люда, да еще основанные на бледном киселе математики, не имеют к истинному уму никакого отношения, а являются по сути утонченным бесно-

ванием. Наука и до сих пор недоумевает: как же так, я хочу принести благо людям, а на деле лишь ускоряю их движение в никуда? В творении Ю.М. Осипова существующей науке вынесен кошмарно-издевательский приговор. То, что в науке есть правильного, люди знали, знают и без науки, а в остальном наука занята блудом, блудодействует, ибо увидела она и узнала, что ее математизированные скелеты-модели изучают не реальность, а через них ничто, дьявол создает призрачную реальность, псевдобытие, посредством которого он укрывает, скрывает от людей свет вечной правды и свое ничтожество. Лунный свет исчезает уже в первых лучах восходящего Солнца. Но тот, кто ступил на тропу разоблачения своих иллюзий, должен пройти ее до конца, чтобы можно было затем приступить к софийному исцелению своего ума, сознания, души и речи.

Поэтому Россия никогда не доверяла чистому западному разуму, его логике и науке, хотя и в этих сферах она была не последней; Россию влечет к себе целостный ум Софии-мудрости, частью которого является логосные конструкции оцифрованной жизни «евриканцев». Поэтому в творении Ю.М. Осипова реквием разуму завершается обращением к целостности софийного ума, в котором неведомо для нас свершается реквиемое преобразование наукообразного разума, ставшего дьявольским орудием и дьявола, ставшего логическим орудием разума. В творении Ю.М. Осипова работает целостный софийный ум, которому присуще благо-разумие, мера, деликатная ирония, мягкая непреклонность, пронизательность, терпимость, знание и понимание того миротворного субъекта, который через него и совместно с ним осуществляет смысловой прорыв в познании сущего.

Открытие 5. Много вопросов, недоумений вызывает слово «реквием», ибо для России реквием — это несколько чужеродный мотив, пришедший из католицизма и лютеранства⁷. В православии уходящих из жизни напутствует не реквием (заупокойная месса), а таинство соборования (елеосвящения), приобщающее смертельно больных, умирающих к радости Святого Духа, укрепляющего, исцеляющего их сознание предчувствием истинной жизни. Сам шрифт слова «*Requiem*» какой-то болезненный, вихляющий, неустойчивый, падающий, напоминающий костлявую после элитного парикмахера. Это — шрифт смерти и Воландов, а не жизни и людей.

⁷ *Requiem aeternam dona ei, Domine. Et lux perpetua luceat ei. Requiescat in pace. Amen.* (Покой вечный подай ему, Господи, и свет вечный ему да сияет. Да упокоится с миром. Аминь). А для чего ему нужны все эти вечные блага? Только для покоя? Многое остается здесь недосказанным...

Для России реквием выражает европейскую тщету устроить мир без Бога или с Богом, превращенным алчностью в средство земной власти. Творение Осипова есть реквием той России, которая пыталась жить, подражая западным канонам, а не своей правдой. Поэтому в нем звучит и реквием самого реквиема как последнего и высшего смысла Запада. Покой нужен реквиему, и его может дать и дьявол, но это не жизнь иная, а исчезновение. Идите с покоем, не сопротивляйтесь и не мешайте нам — легионам Мефисто и Воланда — спокойно врать, убивать и грабить еще оставшихся в живых!

Но реквием звучит вечной памятью для России имперской, советской, демократически-криминальной; в то же время реквием торжественно приветствует рождающуюся новую — софийную — Россию, вызывает, призывает в мирскую жизнь самую сакральность, скрытую в России. Россия отметила свою сакральную зрелость постройкой общенародного храма Софии Премудрости Божьей, заявив тем самым, что она готова стать живой материей, из которого София воздвигнет Дом свой, свою софиократию. Вся история России, все ее экономические и политические неурядицы, ее жесткое сопротивление военному диктату неоспоримо говорят о том, что внутренняя Россия реально движется с юго-запада на северо-восток именно к этой своей софийной цели. И поскольку перво двигателем творения Ю.М. Осипова служит именно сакральная потаенность России, то роман о романе можно рассматривать как конспирологический манифест софийного преображения России, софийной трансформации ее социоэкономического и политического организма в рамках основного провиденциального и миротворного события Вселенной — неизбежного Второго Пришествия Спасителя. Может быть, это допущение и ошибочно, но если оно и ошибочно, то значит, такова цена, которую должна сегодня платить истина за свое проникновение в мир безумия, чтобы следующее допущение стало пропуском в ее царствие!

В 31 главе романа М.А. Булгакова Воланд и его свита вместе с Мастером и Марго в последний раз перед отбытием в свое Никуда взглянули на Москву и увидели, что город исчезает, уходя в землю и оставляя после себя только туман. Нет, население, здания остаются, но то, что делает Москву Москвой, ее центрообразующий дух, ее сакральный смысл покидают ее и она превращается в провинциальное поселение городского типа, занятого только проблемами ЖКХ.

И поэтому целевая причина России, метафизический смысл ее деяний, ее ни с чем не соизмеримых жертв может состоять лишь в том, чтобы осознать себя именно в качестве религии последних времен, ждущих пророков, апостолов «Русского Завета». Религии, которая утвердится после Второго Пришествия. От рокового выбора России не уйти. Или стремление к материальной жизни и быстрая деградация,

самоликвидация страны. Или же жертвенное служение своей же вере и... возможность обретения иной жизни, верной закону вечности. И по этой вере в Россию, по отношению к ней воздастся всем русским и не русским.

Поэтому умом научным, математическим, юридическим и техническим Россию не понять, ибо сам этот ум вне софийной мудрости неполон, незавершен, а потому он не понимает не только Россию, но и другие предметы, самого себя. Умом Россию не понять, ибо сам ум понимает себя, свою умность через Россию безумную, глупую, дурашливую, абсурдную, парадоксальную, бытийно-небытийную, но держащуюся за Софию Премудрость свою. Умом Россию можно постичь лишь тогда, когда ум, войдя в свою софийную цельность, постигнет самого себя посредством России. А так получается, что незнающий самого себя ум пытается постичь неведомую ему Россию. Поэтому сегодня ум-Воланд ищет себя в России, а Россия ищет себя в софийной мудрости. Творение Ю.М. Осипова, открывая нам глаза сознания, учит нас, что в рассуждениях об уме нужно соблюдать крайнюю осторожность, чтобы различать разум дьявольский от сакрального ума божественной Софии. Нужно помнить слова святого Иоанна Богослова, предостерегающего христиан: *«Возлюбленные! Не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире» (1 Иоан. 4, 1)*. Не всякому уму нужно верить, а нужно испытывать умы, от Бога ли они, или от дьявола, ибо много научных появилось в мире.

Поистине, все тайное, исчерпав свои потенции, становится явным. Гордый, самоуверенный и тщеславный разум, отвергнув Бога и его Премудрость Софию, занялся поиском, раскрытием всех тайн бытия, вскрытием тайн самой жизни, которая является воплощением тайны, дающей ей пропитание и сохраняющей ее, разоблачением всего и вся вопреки всякому смыслу просто ради демонстрации своих умений. Ну, вроде того, как хирург высшего класса одним взмахом скальпеля будет отрезать головы, дабы показать свое мастерство. Но не вскрывай, да сам останешься не вскрытым!

Если тайна романа М.А. Булгакова в творении Ю.М. Осипова раскрывается через большую тайну России, то тайна творения самого Ю.М. Осипова может быть раскрыта лишь через тайну русской глобальной трансформации, сопоставимой разве с ее появлением в мире сем. Но эта софийная трансформация России затронет, вовлечет в себя и все человечество. И апокалипсис является лишь частью этого неведомого деяния Провидения.

В творении Ю.М. Осипова изумительно тонко и глубоко показаны вырождение и деградация секретных обществ, тайных посвящений, различных братств (розенкрейцеров, тамплиеров, иллюминатов, масо-

нов, каббалистов и др.), которые, имея вначале действительно ценные знания, со временем сами перестали их понимать их смысл, заменив его искусственными и мелочными обрядами, сложными ритуалами, мнимыми иерархиями. Общества-то тайные, но везде торчат их пятки; да пятки-то не простые, а ахиллесовые, опасные. И пятки эти называются слугами, которые живут не по законам тайных кланов, а по законам Смердякова и пролетарского интернационализма! Высшее посвящение, высшие тайные знания содержит в себе София Премудрость Божья, открывая их чистым сердцам, честным умам, совестливым душам и благородному языку. А язык творения Ю.М. Осипова несет софийную перспективу, сочетая в себе логику и мистику, интуицию и разум, символику и образность, научность и философичность, сакральность и экзистенциальность, идеализм и демонизм, молитву и откровения трансцендентные. Язык Ю.М. Осипова возрождает изначальное священное достоинство Слова, сочетающего в себе божественные и мирские ценности.

Творение Ю.М. Осипова держится, живет энергиями и смыслами русского языка, через который в наиболее полной мере дышит и выражается потаенная сакральность России, о чем очень точно и ярко сказал И.С. Тургенев: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя ни верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!». *И если это было истиной в прошлом, то сегодня это стало уже софийной истиной, мудростью.*

И нельзя не согласиться с мыслью Ю.М. Осипова, утверждающего, что русский язык «не одна только речь, но и все русское знание и сознание, мировидение и миропонимание, вся русская философия. ...*Погружение в русский язык — погружение в Россию,— и наоборот,— много тут не дано!*» [3, 13, 15]. И если есть такой феномен, как русский язык, если есть люди, владеющие этим языком, общающиеся с его софийным субъектом, значит, жива сакральная субстанция русская, порождающая такие миротворные проекты, как роман о романе. Значит, Неизвестное, суть его, коренится в России; а значит, и Бог нуждается в России, как в источнике своей неизвестности. Россия порождает неизвестное, являясь его причиной, а не Неизвестное порождает Россию.

Тайновидящее софийное умозрение Ю.М. Осипова открыло миротворное событие, неведомую даже ее авторам и активным деятелям трансформацию русского мира. Идет не просто смена культуры, формации, цивилизации, не смена эпохи, а радикально меняется весь русский мир, проходя через апокалипсическую катастрофу и переходя к

единственно возможной реальности софийного бытия, ибо в Софии небытия нет. И вместе с Россией эта трансформация охватывает все человечество, отбирая из него софийные и софиосодержащие элементы.

Эта трансформация вывернула наизнанку сам научно-математический разум, который, открывая и вскрывая все вокруг себя, тщательно укрывал и скрывал свою демоническую, дьявольскую суть, направляя все силы и энергии людей по пути изобретения средств геноцида и суицида. Но сколько веревочке не виться, но формула петли настигнет и ее! Человек, ограниченный научным разумом, никогда не будет знать, что несет ему грядущий день-час-минута, ибо разум даже не подозревает о тех неразумных и сверхразумных силах, которые определяют его разумность; а игнорируя эти силы, он падает жертвой их возмездия.

А поскольку человек отрекся от божественного родства и связал свою судьбу с *homo sapiens*, с онаученным и прирученным дьявольским разумом, то миротворной трансформации подлежит и сам существующий тип человека. Клонирование — это не выход, а вход в никуда, ибо аборт уже сегодня успешно клонируют, отбирают нового человека, соответствующего его дьявольскому разуму. Но человек может и должен попробовать, испытать и софийную судьбу свою, ведущую не только к покою, но и к свету вечной мудрости и тайн любви!

В русской сакральности содержится софийная перспектива самой абсолютной Неизвестности, которая становится известно-неизвестной Россией. В то же время софийная перспектива России дает содержание и для новой Неизвестности, сохраняя ее абсолютную неприкосновенность. София-мудрость опосредует тайные связи Неизвестности и России, переводя их на язык русской философии, культуры и софиологии, очищая их посредством реквиема от симуляций мрака и тумана князя мира сего. Поэтому и загадка творения Ю.М. Осипова определяется троицей «София—Реквием—Россия», таится в ней, действуя через нее. Там, где Россия, там и София, а где София — там и реквием всему несофийному, антисофийному. Для России реквием — это сакральное средство защиты от Запада и средство перехода к своим сакральным смыслам. Сама София есть реквием России и реквиему вообще.

Чем завершить комментарии? Что пожелать Ю.М. Осипову? Не нужны пожелания тому, кто исполняет волю и миссии Провидения, ибо ни похвала, ни хула уже не свернут его с избранного пути и ничем ему не помогут. Остается лишь молча принимать незаслуженную благодать общения с такой личностью, с ее творениями, которые хотя бы в малой степени оправдывают нашу жизнь, засевая ее все новыми и новыми смыслами. А для кого ум, сознание, душа и слово превыше

всех богатств мира, творение Ю.М. Осипова открывает источник софийных смыслов этих идеальных сил сакральных миров неведомых. Творение Ю.М. Осипова есть прорыв в новый смыслореальный мир, где нас ждут...

Литература

1. *Юр. Михайлов*. Реквием. Роман о романе, или роман с романом. Метафизическая проза. М., 2010.
2. *Булгаков М.А.* Мастер и Маргарита. СПб., 2003.
3. *Осипов Ю.М.* Постигание России. М., 2005.

С.С. СЛЕПАКОВ

Любовь еще быть может*

Аннотация. Рассуждение автора о том, что роман с романом происходит во имя любви, даже если один из романов — «Requiem».

Ключевые слова: «Requiem», роман, писатель, социальный слух, человек, любовь.

Abstract. Author's reasoning on the fact that love affair with the novel is happening for the sake of love, even if one of participants in the process is «Requiem».

Keywords: «Requiem», novel, love affair, writer, social hearing, person, love.

Уже безумие крылом
Души накрыло половину,
И поит огненным вином
И манит в черную долину.
А. Ахматова. Реквием

«Requiem» — удивительный роман — загадка, поле для размышлений площадью, как минимум, в шестую часть земной суши.

Откуда появился, чье и какое поручение выполнил тот незнакомец — «черный человек», который день и ночь покоя не давал писателю Юр. Михайлову? Что подвигло писателя на многолетний труд по созданию масштабного эзотерического романа (без малого 600 страниц,

* Отклик на роман: *Юр. Михайлов*. Реквием. Роман о романе, или роман с романом. Метафизическая проза. — М.: ТЕИС, 2010. — 592 с.

по-видимому, самый объемный «Requiem» в истории) о вековом inferнальном пути огромной страны на Голгофу? Не будем гадать. Об этом достоверно знает лишь один человек — Юр. Михайлов.

* * *

Что есть роман «Requiem»? Траурная заупокойная месса (служба по усопшему), симфоническое произведение? В определенном смысле так и есть. Автор щедро наделен бесценным даром, назовем его социальным слухом, который в чем-то сродни музыкальному. Речь идет о редкой способности в вавилонском столпотворении, смешении расстроенных великих планов, в многоязыкой, многоголосой какофонии раздробленного общества, в котором (за редким исключением) все борются против всех, руководствуясь собственными интересами, в реальном воплощении и звучании социума различить («услышать») и осознать смысл, общечеловеческую значимость сущего, его мелодии, диссонансы, настроения, интонации, полифонию, гармонии, оттенки, ритмы. Вслушиваться в общество — удел стойких и мужественных (вспомним, как А. Блока оглушила музыка революции). В звучании российского общества Юр. Михайлов тонким внутренним социальным слухом различил и исполнил симфонию — «Requiem» — выражение переживаний, горя, трагических событий, вылившееся в мольбу о вечном покое.

* * *

Почему «Requiem»? Совершенно очевидно, что при изображении масштабного полотна безысходных человеческих мук, невыносимых страданий, массовых убийств, подлостей и предательств в раздираемой бесами стране, которую «тьма накрыла», живописание в светлых тонах неестественно и неуместно, равно как и мировоззрение оптимиста. Не «Волшебная флейта»... Но, все же, почему «Requiem»? Ведь если так, то, по мысли Юр. Михайлова, страна, в которой мы живем, уже погибла. Что ж, на этот счет известны и другие авторитетные мнения, достаточно близкие к точке зрения автора. О. Мандельштам, предчувствуя такой исход, высказался вполне определенно: «Мы живем, под собою не чуя страны». Булгаковский Воланд как бы разъясняет ситуацию: «...что же это у вас, чего ни хватишься, ничего нет!». Театрализованная бесовщина и «точечное» участие Иешуа (покой для Мастера и Маргариты) в событиях, происходящих в стране, живущей без Бога и Дьявола, выглядят вполне органично. Продвижение Юр. Михайлова по отношению ко многим великим предшественникам в том, что ему страна, душа которой, отлетела в мир иной, оставив после себя лишь огромное тело, — дала повод исполнить реквием по

этой погибшей душе и попросить для нее покоя. Ни больше, ни меньше! Вот почему не служба, не месса, не поэма, а большой роман — «Requiem», это нечто невиданное.

* * *

Ключевой вопрос: о ком скорбит писатель? Реквием — художественное, эмоциональное выражение всей глубины горя и печали, которые приносит людям смерть близкого *человека*. Без человека, причем ушедшего в мир иной, не может быть реквиема. Без реальной (родственной, духовной) близости с ним, не может быть чувства скорби.

Кто же этот человек, покинувший мир? Думается, речь идет о безвозвратном уходе *человека* ощущавшего себя гражданином великой страны, представителем ее великой культуры, испытывавшего чувства гордости, надежды на свою страну, ответственности за нее, связывавшего с ней свое будущее. Сегодня, когда по опросам общественного мнения до 70% молодых людей хотели бы уехать из России, жить и работать за рубежом, в стране отсутствует объединяющее гуманистическое начало. Все желают добра, но каждый лишь для себя и на свой манер. Уход в небытие объединявшего и солидаризовавшего социум чувства гражданства, национального патриотизма знаменует собой мировоззренческую «перезагрузку». В результате этой модернизации на российских просторах обосновался, пустил корни и дал всходы качественно иной социум.

Новейшей иллюстрацией социального разлома служит, например, телевизионное выступление одного из вице-премьеров России, в котором было заявлено, что чемпионат мира по футболу 2018 г. может стать российской национальной идеей. Вице-премьер, видимо, убежден в том, что все россияне жить не могут без хорошего футбола. Остальное для жизни у них уже есть. Защиту целостности и безопасности страны, труда и благополучия граждан — «по боку»! Презентованный обществу неконкурентный рынок с нечеловеческим лицом — пусть рулит! Даешь чемпионат мира по футболу?!

Однако чуть ли не в момент этого выступления толпы юных футбольных «фанов» вместе с националистами, на улицах и площадях Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Волгограда, Ростова-на-Дону, Краснодаре и других городов рвались в драку и самозабвенно дрались с выходцами из республик Кавказа и Средней Азии, а заодно и с «родной» милицией, отстаивая совершенно иные национальные идеи и ценности. При этом о чемпионате-2018 никто не вспомнил.

Не поддержали граждане России модерниста — нового «регента певуна», не грянули дружно, хором. А если бы грянули, поехали бы,

напевая «Славное море священный Байкал...», на грузовиках в клинику профессора Стравинского. Почему не грянули? Ясно. Вице-премьер — не бес. И иже с ним, заигравшиеся в пустые амбициозные игры, не Воланд со свитой. Все стоят по эту сторону, а значит, все возможно.

* * *

Почему по России Юр. Михайлов служит «Requiem» — католическую заупокойную мессу? Почему роман о русском писателе и его романе, который был написан в годы сталинского лихолетья, вернулся в 1980-х гг., живет и строит в новейшей истории России, назван на латыни? Возможно, дело в происхождении гибельных идей и сил, приведших великую страну в бездуховное состояние (Россия исполняет чуждую партию, участвует в чужой игре). А может, в том, что православное отпевание не реализуется в литературном документе, а сам повод для отпевания в этом случае противоречит позиции РПЦ? Ответ знает только автор.

* * *

Роман назван «Requiem». Однако Юр. Михайлов написал роман о романе, который, по его мнению, тоже реквием (см. эпилог). Выходит, вначале врач, а спустя семьдесят лет философ написали два романа-реквиема по одному и тому же поводу? Первый (врача) был опубликован в журнале лишь через 35 лет после написания и полноценно пришел к читателю только во второй половине 1980-х, когда не знали Интернета и еще читали книги. Второй (философа) — сразу по написанию, в эпоху Интернета, когда книги читать почти перестали.

Осмелимся предположить, что до тех пор, пока научные и культурные ценности, в частности, произведения литературы могли представлять опасность для строя и тревожили власти, страна была еще жива. Но если так, то «Мастер и Маргарита» — не реквием, скорее роман-послание «из обреченного прошлого... в обреченное будущее». Роман о всепобеждающей силе любви априори не реквием.

Представленное Юр. Михайловым достоверное, вполне метафизическое утверждение о том, что роман с романом продолжается, отражает если не свет в конце туннеля, то достаточно яркий луч надежды на то, что пришествие к читателю романа «Requiem» (а роман прочитан и активно обсуждается широким кругом читающей публики), в свою очередь, знаменует собой один из моментов снижения интенсивности социального некроза и возрождения сознания в современной России.

Н.Н. РОСТОВА

Геронтофобия как антропологический диагноз*

Аннотация. В статье анализируются причины геронтофобии, наблюдающейся в современном мире. Автор связывает проблему со «смертью Бога» и как следствием — утратой структурирующего начала человеческого существа.

Ключевые слова: старость, геронтофобия, антропология, предельный опыт, философия.

Abstract. In article the reasons of the gerontophobia observed in the modern world are analyzed. The author connects a problem with «death of God» and as a consequence — loss of the structuring beginning of the human being.

Keywords: old age, gerontophobia, anthropology, limiting experience, philosophy.

Время геронтофобствует, — пишет в своей книге С.А. Лишаев. Это звучит как диагноз и, более того, как диагноз точно поставленный. Современный человек боится стареть. Старость для него неприемлема. Все разговоры о старости находятся под негласным запретом. Слова «старик» и «старуха» неприличны, невозможны, слово «старец» пусто, архаично. Молодыми мы, как фон Ашенбах Томаса Манна, морщимся при виде молодящихся стариков, а стариками обнаруживаем себя набриолиненными и напوماженными в кругу девушек и юношей. Все молодятся, все хотят быть молодыми. Вся современная жизнь выстроена для молодых.

Старость утратила былой авторитет. Сегодня старость — это проблема. Проблема, которую хорошо бы решить, тем более что она подстерегает каждого. Старость сведена к неприятностям увядания тела, утраты былых сил и эстетически приемлемого внешнего вида. На помощь современному человеку приходят специалисты-геронтологи, которые изыскивают средства, помогающие продлить состояние бодрой трудоспособности. Однако, несмотря на многие медицинские и косметические ухищрения, старость все же необратима. А потому с ней нужно как-то иметь дело. И здесь уже дело не в физическом аспекте, к которому при всем желании невозможно редуцировать феномен старости, а в старости как факте сознания.

Как предельный вариант нынешнего отношения к старости можно рассматривать музыкальную группу из Англии «Юные сердцем». Эта группа состоит из участников, средний возраст которых составляет примерно восемьдесят лет. Старые, обремененные лишь своим телом европейцы колесят по миру и исполняют песни в стиле «рок». Мудрый

* Рецензия на книгу: *Лишаев С.А.* Старое и ветхое: Опыт философского истолкования. — СПб.: Алетей, 2010. — 208 с.

продюсер коллектива умело подбирает проверенные временем хиты. Старики послушно их исполняют. Коллектив пользуется огромной популярностью, на концерты набиваются полные залы, о необыкновенной группе уже снят фильм. Старость превратилась в аттракцион. Публика приходит сегодня за деньги посмотреть на стариков, как некогда приходила поглазеть на сумасшедших в Бедлам. Превращенная в аттракцион, старость делается далекой, недостижимой, аномальной, не имеющей отношения ко мне.

Факт вытеснения феномена старости из сознания современного человека налицо. Но что он означает для нас, что говорит о человеке? И в чем искать причину геронтофобии? Дело ли в трусливости современного человека, его мелочности и влюбленности в суету и свое красивое здоровое тело? Или причина кроется в благородном желании избавиться своих детей от порою неприятного опыта ухода за престарелыми родителями и в понятном стремлении участвовать в жизни мира, набирающем нечеловеческую скорость обновления и перемен? И как можно вообще помыслить старость?

Предельный опыт

Старость — это то, что подводит человека к предельному опыту, то, что выбивает из колеи обыденной жизни. Морис Бланшо дает такую дефиницию предельного опыта: «Опыт-предел — это ответ, который получает человек, когда решил радикально поставить себя под вопрос» [1, 67]. Радикально поставив себя под вопрос, человек компрометирует всякое бытие, всякое утешение, истину, знание и веру. Человек лишается оснований, опустошается, и в этой пустоте и бессодержательности ему открывается новый взгляд на себя и на мир. Как скажет С.А. Лишаев, этос старости предполагает взгляд человека на себя и на мир со стороны. Взгляд старца — это взгляд стороннего, постороннего, отстраненного, странника. В этом смысле старость связана с предельным опытом умирания.

Интересно, что и к этому опыту не готов современный человек. Весьма характерно, что сегодня погребальная обрядовость сведена к минимуму. Пространство общения между живым и мертвым стерто. А между тем достаточно недавно в России, когда еще была жива деревня, отношение к событию умирания было особенным. Этому событию посвящалось специальное время. Вокруг умирающего создавали особенную обстановку — устранялись яркий свет и шум, воспрещалось беспокоить умирающего человека и громко произносить его имя. Об умирающем говорили, что он «трудится». Вокруг него возжигали свечи и молились за его душу. Рядом с ним всегда кто-то должен был находиться, его никогда не оставляли одного. Детей также считалось возможным и даже правильным подводить к одру. Но сегодня все иначе. Современный человек не готов «трудиться». Он хочет умереть быстро и незаметно. О чужой смерти он также не хочет знать подроб-

ностей. Но отчего отношение к старости и вместе с ней к смерти так резко переменялось?

Старость, по мысли С.А. Лишаева, это не отсутствие активности души, не ее увядание и изношенность, но жизнь «под знаком Другого» (С. 197). «Другое», «Иное», «Реальность» открываются в одиночестве и молчании. Отношение к старости и смерти для С.А. Лишаева объясняется тем, что и старость, и смерть, равно как и болезнь, — это пограничные ситуации, в которых у человека слишком велик шанс встретиться с собой, обнаружить себя в паузе. Но современный человек боится молчания и пустоты. Отчего? Оттого ли, что сложно встретиться со своей ложью и принять на себя бремя жить иначе, в свете «иного»? Для ответа на этот вопрос стоит вспомнить, что «иным», или пространством смыслов, для европейского человека всегда было христианство.

Христианство или «постхристианство»?

Внутри христианского мира боязнь старости означает то, что человек отвергает шанс исполнить задуманное о себе. Есть в человеке то, что ему дано, а есть то, что от него, или иначе, есть то, что в человеке по Образу, и есть то, что по Подобию.

Лицо пожившего человека много интереснее лица юного, даже если мы говорим о женщине. Лицо юное — лицо подаренное, не осуществленное. Лицо *по-жилое* обещает по Образу написать то, что по Подобию. Уподобление, которого от человека ждет Бог, есть не только духовное, но и физическое событие. Как скажет Флоренский, смерть есть «острый реактив на прожитую жизнь», «и буквально и переносно смерть имеет свой запах, который в некоторых случаях уже не есть «воня смертная», признак тления и победы ада, а, наоборот, — веяние прозябающей жизни «имеет свой запах» [2, 242]. Мощи есть чудо, т. е. возвращение человеческой природы в должное состояние, естественное ей. Не стареть — значит никогда не узнать своего лица, значит никогда не уповать на то, чтобы обрести лик, не дерзнуть стремлением обожить свою плоть и претворить ее в мощи.

Но актуален ли сегодня христианский взгляд на мир? Не исчисляем ли мы по инерции «нашу эру»? Причину страха встречи с «иным» автор книги формулирует так: после смерти Бога, в «постхристианском обществе» жизнь стало «не к чему отнести» (С. 160). Что это значит?

Русский патриарх, поздравляя православных верующих с праздником Пасхи, напоминает всем о словах Серафима Саровского, о том, что разница между грешником и спасающимся праведником заключается лишь в решимости. Но сегодня речь идет не о решимости и не о страхе следовать иной логике жизни, а об отсутствии смыслов. Из какой перспективы мы можем сегодня бросить сторонний взгляд на нашу жизнь и нас самих? Когда Иоанн Лествичник пишет о странничестве как духовном опыте, как отлученности от связей мира сего, то, ясно, что он имеет перед собой образ вечности. Восходящий по духовной лестнице оставляет мир и прежний взгляд на него, отныне он

смотрит на него из перспективы вневременного, потустороннего, из перспективы Бога.

В XIX—XX вв. утрачивается непосредственная вера в Бога. В начале прошлого века П. Флоренскому уже приходится себе и вкусившей европейской философии и науки интеллигенции объяснять, что такое Столп Истины, скрещивая Афины и Иерусалим. Околореволюционное время, не утратившее сполна живую связь с жизнью церкви, было еще способно уловить привкус «стилизованного православия», привкус не-православия в его книге. Сегодня книга Флоренского кажется слишком елейной, слишком церковной. Но это значит лишь то, что мы стали слишком далеки от чувства органичности церковной жизни. Мы выпали из традиции и утратили ту перспективу, из которой мы можем взглянуть на себя.

Воля и основания

С.А. Лишаев адресует проблему лишь христианскому миру. Но сегодня не только христианство, но и другие религии являются маргинальными на фоне светско-суеверного мира, не способного предоставить трансцендентные смыслы. Мы живем в мире среднего человека, в мире смешения и упрощения. Что это значит? Это значит то, что перед нами стоит вопрос оснований. То, с чем мы так боимся встретиться, та тайна, которую мы от себя скрываем, связана с первичной человеческой стихией. Дело не в унаследованном от прошлого «сознании ценности индивидуального личного существования» при «сознании своей конечности», как это видится автору книги. Будто бы для «роевого мира патриархально-родовой архаики» (С. 160) не стояло бы подобной проблемы. Дело не в «страхе перед реальностью» (С. 170), о которой апофатически и противореча самому себе говорит автор, ибо он уже озвучил свою позицию, сказав, что человеку стало не к чему себя отнести. Дело в том хаосе, который есть первичная стихия человека и общества в целом.

Со смертью «богов» мы лишились тех трансцендентных оснований, которые упорядочивали наш хаос. Теперь человек принужден стать человеком из подполья, человеком до Бога с тем, чтобы, мучая себя вопросами, терзая себя сознанием, разверзнуть тот первичный хаос, безосновность человеческого существа, в которой только и может открыться Бог. Дело не в жизни, утратившей вдруг конечную ценность. А в жизни, утратившей всякую организацию. Хаос, прикрывающийся геронтофобией, делает невозможной жизнь. Сознание безосновности парализует всякую волю.

Ирония

В отсутствии новых оснований современному человеку остается только ирония. Театр и перформанс — вот единственные пространства для человека, жаждущего выпасть из повседневной жизни и поместить себя в позицию венаходимости. Но проблема заключается в том, что

эти пространства бесплодные и бессодержательные, ибо им нечего противопоставить миру. Они не дают той трансцендентной перспективы, из которой мы можем выстроить жизнь и взглянуть на себя иначе. Мифы и ценности, которыми питался прежний театр, имеющий перед собой как идеал какой-то лучший социальный мир или образ человека, сегодня развеяны. Иронизируя, мы можем только удерживать себя на грани между хрупким социальным порядком и пространством чистой анархии и хаоса.

Наслаждения

Современный геронтофобствующий мир удивительно стар. Геронтофобствуя, он, как увядающая женщина, не хочет глядеться в зеркало. За внешней, порою глянцевою молодостью, скрывается внутренняя старческая вялость. Века великих пирамид, восхождения Моисея на гору, средневековой страсти Стального Оригена, упоения наукой или революцией, горения атеизмом или религиозным возрождением ушли в прошлое. Сегодня мы скучны. Мы утратили всякую страсть. Мы не способны осилить новую влюбленность. Нам остались одни наслаждения. Это и есть формула старости и одновременно наш диагноз — бытие, в котором единственным, что еще будоражит, являются наслаждения.

Литература

1. *Блانشо М.* Опыт-предел / Танатография Эроса. СПб., 1994.
2. *Флоренский П.* Философия культа. М., 2004.

И.И. РУДЯК

Осипов и новая структура науки: душа как один из ракурсов Бога*

Аннотация. Данная статья междисциплинарно обосновывает заявленную Ю.М. Осиповым необходимость создания новой структуры науки, более соответствующей сегодняшней парадигме.

Ключевые слова: новая структура науки.

Abstract. This communication is comparison of doctrines by Yu.M. Osipov about structure of science.

Keywords: new structure of science.

* Размышления по прочтении книги: *Осипов Ю.М.* Обретение. — М.: ТЕИС, 2011. — 591 с.

1. SOS! Абсурдизация — это страшная эпидемия, поразившая человечество на рубеже II и III тысячелетий. Поэтому особенно актуальным нам представляется предложение Осипова пересмотреть устаревшую структуру науки. Осипов резонно считает, что все прошлое подлежит ревизии, пересмотру: ведь нам необходимо другое видение — и, главное, нам необходима новая структура науки. Осипов не напрасно нас призывает заниматься исключительным делом: философией хозяйства — современной междисциплинарной наукой, рассчитанной на редкие умы. Сегодня существует набирающая силу угроза атавистической перезагрузки общественного сознания и превращения интеллектуалов в угнетаемое и бесправное меньшинство.

Джек Гонкало, соавтор двух экспериментов (более 200 испытуемых), проведенных в 2010 г. в Пенсильванском университете (США), в журнале «Psychological Science» сообщает, что люди отвергают любые проявления креативности, хотя и заявляют, что постоянно находятся в поисках креативности. Все новое ввергает среднего человека в состояние неопределенности, поэтому люди рядом с креативными идеями чувствуют себя неуверенно. Средние, практичные люди предпочитают лишь те идеи, которые уже хорошо зарекомендовали себя в прошлом. Предубеждение по отношению к креативным идеям локализуется настолько глубоко в подсознании, что люди его просто не замечают. Результаты показали: на деле люди ассоциировали креативность с такими негативными словами, как «рвота», «отрава», «агония». Итак, ученые открыли в подсознании человека исконное предубеждение против креативности — и раскрыли его природу.

Исследование, проведенное в Корнельском университете (США), выявило тот факт, что креативность может стать серьезнейшим препятствием на карьерном пути креативного человека. Сегодня, как и в древности, на пути научного прогресса люди стремятся создать защищающие препоны, хотя и утверждают обратное. Поэтому восприятия «творческого человека» и «эффективного лидера» в реальной жизни часто расходятся (как, например, в романе Булгакова «Мастер и Маргарита», где Мастер — это «творческий человек», а Маргарита — его «эффективный лидер»). «Интеллектуальный воин» берет на себя ответственность, риски — и тем самым (словно коршун) поступает для группы непредсказуемо. Лидер группы (словно курица-квочка) всегда берет на себя защиту: он обязан снизить уровень стрессогенной неопределенности, внося устойчивые принципы и правила в группу неуверенных в себе цыплят-подчиненных. «Три наших исследования показывают, что когда люди провозглашают креативные идеи, они воспринимаются другими как лица, имеющие меньше лидерского потенциала», — заявил профессор Джек Гонкало (Jack Goncalo) (Cornell's ILR School).

2. *Тошнота новизны.* Итак, новизна вызывает непонимание, а непонимание — тошноту. В принципе отвращение представляет собою осознанную реакцию человека на разрушенную структуру (свалка отбросов) и отсутствие композиции (сладкий торт в непотребном месте). Поэтому Уорхол и решил вернуть отбросы в искусство, придав им новую композицию (при этом делая жизнь искусством).

Однако, как оказалось, существуют «внешняя структура» и «внутренняя структура». Эволюционно ранний внешний скелет животного (раковина моллюска или хитин членистоногого) значительно ограничивал животное в росте (моллюски — тупиковая ветвь в эволюции). Жук-носорог, для которого характерен ограниченный периодами линьки и собственным весом «рост без опоры», никогда не сможет сравниться в размерах с носорогом-млекопитающим — с его эволюционно поздним внутренним скелетом-опорой, способствующим беспредельному и непрерывному «росту на опоре».

Таково же и мышление человека. Для многих архетип, или «внешняя форма» моды (словно «социальная стольность и чашность»), или социальный «заказ на знаки» гламура (Фромм о «внешнем понимании» Рембрандта), или заявление в прессе (для директора школы в фильме Ростюцкого «Доживем до понедельника» статья в партийной газете есть последнее слово науки), — и есть структура (внешняя структура), которая спасает человека от тошноты. Для человека с маргинальным (плоским) мышлением пришедшее извне креативное проявление новизны (которое знаменуется отсутствием узнавания как «внешнего понимания») — это разрушение единственной ему знакомой внешней структуры (внешне кем-то сильным «заданной формы»): как переход в абсолютно бесструктурное состояние, ведущее к тошноте (а о существовании внутренней структуры и внутренней формы, сконструированной интеллектуалом, маргинально мыслящий человек не подозревает). Поэтому-то в романе Шарлотты Бронте «Джейн Эйр» приемная семья ненавидела чужеродную «почку бунта».

Креативная новизна — это информационное повышение мерности, уходящее вглубь объекта, усложняющее его внутреннюю структуру и требующее поэтому именно «внутреннего понимания» (А. Ужанков писал о единстве трех уровней понимания романа «Мастер и Маргарита»). Так, мужчина, «перешившийся» в женщину, в каждой клетке своего тела все еще сохраняет Y-хромосому мужчины — и поэтому вовсе не является «новизной», а является объектом с нарушенной композицией. Именно поэтому Энди Уорхол и искал (в том числе и для себя лично) новую, аппликационную композицию (он хотел облагородить отбросы). Однако даже «перешитый мужчина» может вполне удачно карнавально заполнить внешнюю форму «женщина»: и эту карнавальную «маргинальную женщину» сообщество людей, сторонящихся креатива, охотно воспримет женщиной (при этом вовсе не заметив отсутствия «композиции по вертикали»).

3. *Гомеопатия парадигм.* Не имея «композиции по вертикали» (между современной парадигмой физики и устаревшей структурой науки), современная наука находится в положении «перешившегося» мужчины. Все дело в том, что парадигма современной физики и составляет «внутренний скелет» общей парадигмы мышления человечества. С приходом новой парадигмы физики («кризис физики»), основанной на квантовой механике и теории относительности, возникли кардинальные изменения в «частных парадигмах» философии, биологии и искусства. И лишь структура науки не изменила своего соответствия старой парадигме Галилея и Ньютона.

В биологии есть закон единства строения и выполняемой функции. Антропологи знают о совпадении в рамках каждой культуры материала и инструмента. Гомеопатия основана на «ассоциативном правиле» соответствия: подобное растворяется подобным. Основой структуры современной науки должна служить структура квантовой механики. Сегодня нам необходимо выстроить вертикальную «гомеопатию парадигм», т. е. привести в соответствие структуру самой науки и структуру той парадигмы физики, на которой основано каждое современное научное постижение мира.

4. *Структура строгой науки.* Инореальность, о которой говорит Осипов, есть нечно скрытое, неявное, которое иногда — как главное — открывается нам на стыках (хозяйство можно рассмотреть как систему стыков). Разрозненные явления (научные понятия) и их жесткие стыки (связи между понятиями), характерные для строгой науки, основаны на структуре парадигмы физики Ньютона — с ее прямыми, жесткими и неподвижными связями между разрозненными физическими явлениями: такими как «время», «пространство», «скорость»... (так в фильме Усова «Табачный капитан» подвыпивший купец заявляет: «Вот бог — а вот порог. Вот грог — а вот пирог»). При этом физика — абсолютна и совершенно не зависит от человека, которому отводится место только за пределами позитивной науки (не признающей, конечно, инореальности).

5. *Новая структура науки.* Квантовая физика порождает в качестве стыков легкие феноменологические касания, которые случаются в некой единой среде материи. При этом квантовая физика с ее принципом дополнительности и теория относительности с ее точкой зрения наблюдателя вводят в физику дополнительное «человеческое измерение» (Осипов считает, что в рамках философии хозяйства человек находится внутри). Отсюда — «ракурсная философия» Маха и Бахтина, биология Фрейда (анализ психики конкретного человека), ракурсное искусство Филонова, Эйзенштейна и Родченко. «Физика как психика» имеет многоракурсную структуру, потому что она относительна и зависит от человека. При этом ее ракурсы (точки зрения наблюдателя) — как элементарные частицы в процессе непрерывного броуновского движения — постоянно феноменологически сочетаются, созда-

вая «поле соборности». Поэтому-то Осипов и говорит о необходимости не «ньютоновских единомышленников», а «многокурсных мысленников» для расцвета современной науки.

«Абсолютная многокурность» всех возможных человеческих взглядов есть не только соборность (как проекция Бога в пространство Церкви), но даже «всевидающий, всеслышающий и всезнающий Бог». Собственное «Я» (как это понимает Бахтин) каждого конкретного человека есть только один из ракурсов «абсолютного Я» Бога: и в этом смысле человек создан «по образу и подобию»... одного из ракурсов взгляда Бога (который обладает — в понимании и Эйнштейна, и Бахтина — всеми «ракурсами Я», всеми точками зрения наблюдателя). Поэтому сегодня и структура науки должна утратить все черты классицизма.

б. Формулировка как феномен и стык как феноменологическое касание. Осипов считает, что метафизических смыслов слова может быть хоть 20, но только в потоке речи, при сочетании, мы выбираем именно единственный, нужный в данном случае смысл. Точно так же и одно научное понятие может иметь хоть 20 формулировок (часто исходящих от разных авторов), и в каждом конкретном случае мы хватаем исключительно нужную. Сегодня каждое научное понятие вовсе не однозначно: оно представляет собою «кластер формулировок» (так элементарная частица может находиться одновременно и тут, и там: «Вот грог — а вот... опять грог»). При этом речь идет об «открытом кластере», который без конца, как море реками, пополняется (что и составляет сущность науки).

Флоренский предложил классификацию разных видов искусства по степени их диалогичности и агрессивности. Давайте так классифицировать и науку. Соборность — это поле феноменологических диалогов, где каждое касание представляет собою творческий стык (в понимании Бахтина). Но если мы считаем, что слово или понятие имеет хоть 20 смыслов, то «современный диалог» есть особый обмен словами — как «пересечениями множеств» разных представлений об одном и том же понятии каждого из участников («Я» и «другого»). Научное же понятие (образ) есть всеобщее пересечение множеств всех возможных в Боге значений (абсолютно конкретных) каждого конкретного слова. Каждый человек по-своему представляет и стол, и чашу, но платоновские формы «стольность» и «чашность» (и научные понятия) — это абсолютные пересечения множеств.

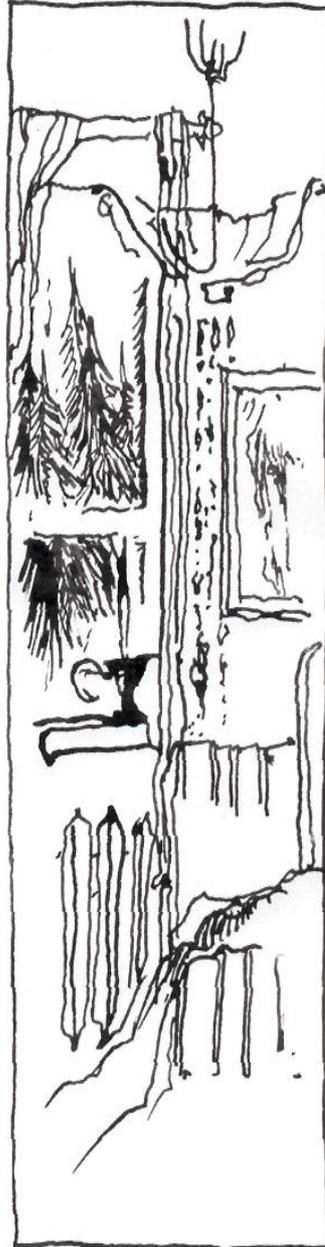
Тогда и связь между понятиями — вовсе не прямая и неподвижная «палка Ньютона», а легкое феноменологическое касание в «поле Бога», квантовомеханический диалог понятий в феноменологическом поле науки. При этом в каждом конкретном случае феноменологическое касание происходит тем или иным «боком» многокурсно сформулированного понятия. Таковой и должна быть структура современной науки.

7. *Рой и робот: свобода структурирует хаос.* Научные идеи могут примерно так же феноменологически самовыстраиваться (Пригожин) в интертексте культуры (подобные эксперименты уже ведутся), как самовыстраиваются в рамках коллективного сознания действия пчел в рое, муравьев в муравейнике, птиц в стае, рыб в косяке, мини-роботов в бионических экспериментах, людей в мегаполисе. Если учесть, что культура — это идеальный компьютер, то подобное научное творчество есть его самовыстраивающаяся программа.

Сегодня уже можно считать доказанным: самовыстраивание сообществ животных происходит на самом деле из-за того, что каждая особь повторяет действия нескольких находящихся рядом особей. При этом если муравьев меньше, чем 28, то все они погибают. В поэме «Владимир Ильич Ленин» Маяковский писал: «Единица! Кому она нужна?! Голос единицы тоньше писка». Действительно, человек часто так же себя ведет, как вело бы себя животное — из-за боязни «тошнотворного хаоса инноваций». Однако если зооморфное поведение человека будет случаться довольно часто, то это на самом деле ввергнет человечество в настоящий хаос абсурда («Это человек, не имеющий никакой значимости в коллективе, это всего-навсего индивид» (Л.Ф. Селин, «Церковь»). Поведение человека должно опираться на креативность. Вместо броуновского абсурда бесчисленных столкновений животных в стае, рое, косяке, муравейнике, а также вместо намертво закрепленной «палки Ньютона» как связи между понятиями — выступает «свобода ракурса» как осмысленная свобода избирать свой ракурс взгляда на мироздание. Система свободных ракурсов взгляда всех возможных человеческих «Я» на мир интеллектуально структурирует хаос. Конкретный способ структурирования хаоса представляет собою мысль, которая направлена против абсурда мира, в физике которого отсутствует человек.

Сегодня нас, как и героя романа Ж.-П. Сартра «Тошнота», действительно тошнит: от одиночества моноракурсности (которую давно пора сдать в утиль), от несвободы мыслить в собственном ракурсе (потому что креативных не назначают директорами), от неразумности толпы (боящейся неопределенности новизны), от хаотического абсурда современного общества (ученые которого объявили любовь психозом). Именно поэтому в ближайшее время и необходимо создать такую структуру науки, о которой говорит Осипов — и которая будет соответствовать последним достижениям физики.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

7—9 октября 2011 г. на острове Родос (Греция) состоялась IX сессия Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций» (Родосского форума). В заседании секции «Современная экономика и вызовы современного развития» принял участие в качестве докладчика директор ЦОН профессор Ю.М. Осипов. Ниже приводится изложение его доклада, встреченного на форуме с заметным интересом.

Ю.М. ОСИПОВ

Мировой кризис и перемены

Аннотация. Любой серьезный кризис — потрясение и перемены. Не избегает этого и современный мировой кризис. Отсюда миромасштабные напряжения, коллизии и неоднозначные перемены.

Ключевые слова: мир, экономика, мировой кризис, философия хозяйства.

Abstract. Any serious crisis means shock and changes. Current world crisis does not avoid it. Hence appear world-scale tensions, collisions and ambiguous changes.

Keywords: world, economy, world crisis, philosophy of economy.

Передовой, или западный, мир вступил в свой очередной системно-качественный кризис, повлекший за собой в силу мирового доминирования Запада и кризис всего современного мира. Обычно вокруг говорят о мировом финансово-экономическом кризисе, характеризуемом в наиболее последовательном ключе как системный кризис, что означает, что перед нами не просто экономический кризис, а кризис уже самой экономики, ее современной системы. Однако бытуют и другие характеристики кризиса, сближающиеся с понятием цивилизационного кризиса, а ежели вспомнить марксистскую версию общего кризиса капитализма, то вполне можно признать нынешний кризис за общий мировой кризис, что, наверное, будет и всего достовернее.

Из первых в истории капитализма волн такого общего кризиса Запад выходил посредством глубоких и долговременных социально-экономических коллизий и мировых войн с итоговыми масштабными трансформациями (от капитализма свободной конкуренции, к примеру, к монополизму, от монополизма к этатизму, от этатизма к международному интегратизму, от интегратизма к глобализму с явной уже гегемонией глобального центра). В настоящее время мир переживает кризис именно глобализма, или же глобализированного под эгидой

глобального центра мирового хозяйства, причем кризис, из которого нет ни автоматического выхода, ни вполне программируемого выхода, ни выхода посредством новой миромасштабной войны — это безусловно, апокалиптический кризис, требующий уже не ремонта кризисной системы, не ее формной реконструкции, а полнообъемной замены. И замену эту без новой миромасштабной войны осуществить практически невозможно. Противоречия и разногласия в мире слишком велики, а глобальный центр ничего фундаментального уступить не желает. Ситуация цуг-цванга: каждый шаг лишь усугубляет общее нехорошее положение.

Обратимся к собственно экономике, которая явно уже стала финансовой экономикой, или финансомикой, когда не деньги с финансами служат экономике, не говоря уже о производстве, хозяйстве, реальной экономике, а экономика, производство, хозяйство, вся житейская реальность служат деньгам и финансам. Последние, оторвавшись от «реальной реальности» и погрузившись в реальность виртуальную, ориентируются уже по преимуществу на самих себя, на свои произвольно проектируемые потребности и интересы, вполне доминируя над брошенной в долговую кабалу реальной реальностью, ее под себя конструируя и нахраписто эксплуатируя. Отрыв от реальной реальности по содержанию позволил денежно-финансовой сфере оторваться от реальной реальности не только по содержанию, но и функционально. Налицо переизбыток денег и финансов, их гиперразвитие, но при этом и идущий от них гиперпроизвол. «Экономика снизу» — от производства, торговли и обычного банковского дела — давно уже замещена на «экономику сверху» — от избыточной и вольноопределяющейся с кавальным прицелом денежно-финансовой сферы.

Расцветшие за последние три десятка лет глобальные гипермонетаризм и гиперфинансизм впали сегодня в собственный системный кризис, но от присущих им систем-остовов отказываться не собирается. Внезапный и полный крах глобальной денежно-финансовой системы, несмотря на ее явную уже порочность и историческую бесперспективность, никому в нынешнем мире не нужен, отчего планетарный мир с нею считается, не забывая ни на секунду и о наличии преобладающей на планете глобальной силе — геополитической, научно-технической, военной, в чем-то и магической.

Однако все же потребен какой-то выход из безвыходного (вполне апокалиптического) положения. Глобализм стремится найти решение посредством определенного демонтажа неудобной для него части современного мира и его частичной же реконструкции, разумеется, в свою пользу. Для этого он не пренебрегает силовыми методами и агрессивными действиями, ведя с противостоящим ему миром вполне

уже мировую войну, но не тотально горячую и не сугубо холодную, как бывало прежде, а войну, скажем так — селективно-рассредоточенную (по горячим точкам и холодным локалиям), а также организационную, информационную, антикультурную, психологическую, биотехнологическую, нанотехнологическую, электронную, эфирную и т. д. войну — вполне, кстати, сетевую и тотальную, а во многом, конечно же, конспирологическую.

Противостоящий глобальному центру мир не располагает к настоящему моменту аналогичным миромасштабным центром, как и необходимым для этого миромасштабным единством. Но очаги сопротивления есть — как национальные, так и международные. Складываются и локальные международные центры, закладываются основы так называемой монополистской или партикулярной конструкции планетарного мира.

Однако просто так, т. е. без напряжения, борьбы и потрясений, не говоря уже о катастрофах, все это миромасштабное перестроение мира — что под новый переживший себя глобализм, что под рождающийся полицентризм, что под возможный в будущем планетарный солидаризм — не произойдет. Впереди эпоха крайне соревновательной и вполне судьбоносной турбулентности, когда многое непременно уйдет, и многое, надо полагать, возникнет, но это уже будет в совершенно, знаете ли, ином мире.

* * *

15 ноября 2011 г. в рамках Ломоносовских чтений — 2011 состоялся научный симпозиум «Историческая поступь великоросса — М.В. Ломоносов (к 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова)», на котором выступили доктор наук Ю.М. Осипов, Л.А. Тутов, М.А. Маслин, Г.Р. Наумова, Е.А. Карцев, Л.И. Ростовцева (г. Тула), Н.Б. Шулевский, Н.А. Шапиро (г. Санкт-Петербург), Т.Н. Юдина, Ф.И. Гиренок; кандидаты наук Е.В. Косов, А.А. Соболевская, О.В. Доброчеев, В.К. Петров; писатель С.Н. Белкин; соискатель И.И. Рудяк.

Анонсы

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Интеллект-революция: свершения и ожидания

К 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова

Интеллект как хозяйственный и хозяйствующий фактор. Интеллект как производительная сила. Интеллектуальная сфера хозяйства. Общественный интеллект, его обустройство. Производительная сила интеллекта. Интеллект и техника, техника и интеллект. Интеллектуализированная техника и технизированный интеллект. Технобщество. Интеллект и этика, интеллект и свобода. Метафизика интеллекта. Современная интеллект-революция. Свершения и ожидания. Интеллект, сознание, человек. Современный интеллектуал. Интеллект, ноосфера, общество. Интеллектообщество. Контуры интеллект-будущего.

7—9 декабря 2011 г.

* * *

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

**«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»**

на тему:

Философия хозяйства: взгляд в будущее

В России любят задаваться вопросом «Что делать?», как будто вокруг ничего не делается. Делается, хотя, быть может, совсем не то, чего хотелось бы. На сакраментальный вопрос всегда есть ответ, но делать-то что-либо «невкусное» согласно такому ответу почему-то не хочется, к примеру, перераспределять более справедливо национальное богатство или перестать брать и давать взятки. Так что дело тут не в ответах, а в получающих эти ответы гражданах России.

Жизнь всегда продолжается: от бывшего через настоящее к будущему. Человек не может не думать о будущем, причем лучшим, чем настоящее, хотя никакой гарантии улучшения жизнь не дает. Кто бы признал в каком-нибудь 1980 г., что в 1991 г. случатся кое-какие события, перевернувшие страну, мягко выражаясь, не в ту сторону. Так что впереди будущее, но вовсе не обязательно светлое и беспроблемное.

Задумывается над будущим и философия хозяйства: она уже достаточно сложилась, почувствовала себя и весь мировой контекст, чтобы окинуть своим взглядом будущее свое, людей, мира в целом.

Каковы они, прогностические возможности и абрисы философии хозяйства? Каково оно — будущее, через призму философии хозяйства? Попробуй-ка ответить, но... без ответов тоже нельзя! Так что вперед — в будущее, которого еще нет, но которое непременно будет!

21 февраля 2012 г., в 15 часов

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

**«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»**

на тему:

Иной взгляд на вещи

(по поводу книги Ю.М. Осипова «Обретение»)

«Обретение» — книга, фиксирующая явление в умственном мире философии хозяйства как уже вполне целостного и по-своему ответственного учения, через посредство которого уже возможны во многом иные суждения о человеке, обществе, хозяйстве, экономике, истории, цивилизации, войнах, мире в целом. Есть, о чем поговорить тяготеющим не к обычной научной новизне, а к необычно иному видению и пониманию что самого мыслящего субъекта, что обмысливаемого им объекта, что выпадающего вдруг размыслительного итога. Иная тут гносеология, иная и онтология, иное бывает и умозаключение! А может, все вдруг вовсе и не так! Тогда как?

20 марта 2012 г., в 15 часов

**МГУ, экономический факультет,
3 уч. корпус (пр. Вернадского)**

Ломоносовские чтения — 2012
МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

Секция лаборатории философии хозяйства

**Обновление инновационного механизма:
неолиберализм вкупе с неодирижизмом**

Либерализм, получивший глобальную деловую интерпретацию, не может не встречать ограничения и ориентации в виде и со стороны дирижизма — глобального, международного, регионального, национального. Так или иначе, но данные силовые полюсы имеют место и вынуждены взаимодействовать. Нынешний мировой кризис высказывается за усиление второго — дирижистского, но, и, разумеется, в новейшей «редакции». Новую «редакцию» обретает и либерализм. Речь поэтому идет о новых, или обновленных, феноменах — неолиберализме, считающемся с усиливающимся дирижизмом, и неодирижизме, непременно выходящем на либерализм. До органического единения двух начал тут далеко, но вне какого-то их эффективного взаимоположения и взаимодействия тоже нельзя. Инновационный процесс требует того и другого, что, видно, пора уже хорошо осознать и уйти от ненужного и вредного противопоставления либерализма и дирижизма. И особенно это актуально для нынешней России, явно страдающей от избытка либерализма и недостатка дирижизма, как, впрочем, и наоборот — ежели посмотреть на реальность чуть-чуть иначе...

**Апрель 2012 г.
Время и место проведения конференции будут сообщены
дополнительно**

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

***Философско-хозяйственная мысль:
София, софийность и софиология***

*К 100-летию выхода в свет классической работы
С.Н. Булгакова «Философия хозяйства»*

Центральный и в то же время высший, но при этом еще и конспирологический, вопрос булгаковской философии хозяйства — вопрос о Софии и связанной с нею софийности хозяйства, а соответственно — вопрос софиологии. Очень сложный, трудный для понимания и трактования, а в чем-то глубоко и вполне неразрешимый вопрос, вокруг которого и оригинальные мысли, и крутая полемика, и неизбежное нелицеприятие. Однако думать надо, обсуждать надо, что-то и заключать надо! Недаром же в Константинополе (нынешнем Стамбуле), Киеве и Новгороде стоят храмы, посвященные Софии Премудрости Божией, как не вполне случайно их нет в Москве и Петербурге; недаром же русские философы рубежа XIX—XX вв. пришли к Софии, основав по сути софийную философию; недаром же С.Н. Булгаков обратился к Софии, прорываясь через посредство философии хозяйства к Иному. Есть своя сакральная предначертанность и в том, что современные мыслители идут, каждый по-своему и своим путем, к Софии, осмысливая феномен софийности бытия и хозяйства, не избегая погружения в актуальную софиологию.

14—15 июня 2012 г.

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

Россия в новом политико-экономическом цикле

По завершении в «роковом» 2012 г. перевыборов высшей государственной власти российская нация вступила в новый этап своего исторического бытия, сопряженный и с новым политико-экономическим циклом. Каковы особенности момента, какие смыслы в нем таятся и могут, выскочив наружу, повлиять на текущую действительность? Что потребно России и что ее ожидает в просматриваемой перспективе? Что есть актуальная Россия?

Сентябрь 2012 г.

(РДЦ «Орленок», пос. Новомихайловский,
по персональным приглашениям)

* * *

VII ФЕСТИВАЛЬ НАУКИ

**Публичная коллективная лекция профессоров
Ю.М. Осипова, Н.Б. Шулевского и Л.А. Тутова
на тему:**

Философия хозяйства: вводный абрис

***К 100-летию выхода в свет классической работы
С.Н. Булгакова «Философия хозяйства»***

Почему возникла философия хозяйства? В чем ее главный смысл? Каковы концептуальные основания философии хозяйства? Зачем нужна философия хозяйства, что она дает мыслящему и действующему человеку?

Октябрь 2012 г.

Время и место проведения будут сообщены дополнительно

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»

на тему:

*«Актуальное интервью: Н. Ленин (Вл. Ильин).
Империализм, как новейший этап капитализма.
Петроград, 1917*

*К 95-летию выхода в свет классического труда
В.И. Ленина «Империализм, как высшая стадия
капитализма»*

Написанная в свое время и для этого времени работа В.И. Ленина в основе и многих чертах не теряет актуальности, более того, получает смысло-концептуальные подтверждения. Не все сегодня так, как помышлял когда-то Ленин, но вряд ли все новое современное можно счастливо осмыслить без обращения к замечательному ленинскому труду. Слово Ленину! Ленинское слово, историческое слово, но и наше слово — слово нынешнее.

13 ноября 2012 г., в 15 часов
МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

***Постреформизм на службе России:
вырыв к развитию***

Что бы ни говорили сегодня о завершении реформирования России, ее общества и экономики, реформный воз и ныне там — в реформировании, пусть и не столь масштабном, дерзком и безответственном, как в лихие 1990-е, но не менее, а даже более необходимом для вроде бы уже пореформной страны. Реформа завела Россию в тупой, но зато прочный и комплексный тупик: глобальной зависимости от внешнего контекста (и от глобализма как такового тоже), энерго-сырьевой флюсовости «нацхозяйства», физического и морального старения всего и вся, непроизводительности и неразвиваемости. Любой стандартный ход, иной раз и экстравагантный, лишь усугубляет смертельно аномальную ситуацию. Требуется что-то экстраординарное — и не от кого-то, а от самой российской власти, которая пока лишь признает назревшие проблемы, но бежит упорно от их разрешений. Впереди — новая реформа, причем совершенно уже иная реформа, совсем не реформная, а постреформная. Впереди — неординарная экстраординарность, влекущая невозможный вырыв из постигнутого Россией тупика и возможный прорыв к всестороннему развитию!

Секции:

1. Российская аномалия в острокризисном общемировом контексте.
2. Зарвавшийся экономизм: триумф, кризис, преодоление.
3. Научно-техническое инновирование: цели, возможности, средства, последствия.

5—7 декабря 2012 г.

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

Заявки с указанием темы и заполненную анкету просим подавать (пересылать по электронной почте) до 20 ноября 2012 г.

Тексты статей до 0,33 печатного листа принимаются в электронном и печатном виде (eszotova@mail.ru) до 15 января 2013 г. (требования к оформлению статей смотрите на сайте: МГУ, экономический факультет, лаборатория философии хозяйства: <http://www.econ.msu.ru/cd/110/>).

Информация для иногородних: место в гостинице МГУ необходимо забронировать по e-mail: <eszotova@mail.ru> до 15 ноября 2012 г.

Контактный телефон: +7(495)9394183,
пн., чтв. 13.00 — 19.00.

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

президент Академии философии хозяйства (АФХ), вице-президент Академии гуманитарных наук (АГН), действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра общественных наук при МГУ, заведующий лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ, председатель Философско-экономического учебного собрания; член Союза писателей России (*osipov.msu@mail.ru*).

ПШЕНИЦЫН ИВАН ВИКТОРОВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, кафедра общей экономической теории, Российский государственный торгово-экономический университет (*piv3@yandex.ru*).

КУХТА ПАВЕЛ ВЛАДИМИРОВИЧ,

к.э.н., ассистент, кафедра менеджмента инновационной и инвестиционной деятельности, экономический факультет, Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко (Украина) (*kukhta@ua.fm*).

ЭЛОЯН МАРИНА РИНАЛЬДОВНА,

действительный член АФХ, д.ф.н., доцент, профессор, Азовский технологический институт Донского государственного технического университета (г. Азов) (*marina.eloyan@mail.ru*).

ВАХТИНА МАРГАРИТА АНАТОЛЬЕВНА,

к.э.н., доцент, проректор, Поволжский государственный университет сервиса (г. Тольятти) (*vahtina@tolgas.ru*).

СМИРНОВ ИГОРЬ ПАВЛОВИЧ,

действительный член АФХ, к.и.н., заместитель директора, Центр общественных наук МГУ (*post123_2000@mail.ru*).

СЛЕПАКОВ СЕРГЕЙ СЕМЕНОВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономики и управления на предприятии, филиал Северо-Кавказского государственного технического университета (г. Пятигорск) (*sslepakov@yandex.ru*).

МОЙСЕЙЧИК ГАЛИНА ИВАНОВНА,

действительный член АФХ, к.э.н., главный советник, Главное управление денежной политики и экономического анализа, Национальный банк Республики Беларусь (г. Минск) (*g.mojsejchik@nbrb.by*).

МОЛЧАНОВ КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ,

действительный член АФХ, член-корреспондент АГН, д.ф.н., к.э.н., к.соц.н., научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет МГУ (*mailconst@gmail.com*).

СИНЕЛЬНИКОВ СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ,

действительный член АФХ, старший научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет МГУ (*eszotova@mail.ru*).

ПРОНЧАТОВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ,

к.ф.н., доцент, кафедра философской антропологии, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (*vnpronchatov@yandex.ru*).

СОБОЛЕВСКАЯ АЛИСА АЛЕКСАНДРОВНА,

действительный член АФХ, старший научный сотрудник, Институт мировой экономики и международных отношений РАН (*irdenkhan@gmail.com*).

ТОЛКАЧЕВ ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ,

к.э.н., доцент, кафедра государственного регулирования национальной экономики, Государственный университет управления (г. Ростов н/Д) (*dtr.paulo@mail.ru*).

КРАСНОКУТСКИЙ ПАВЕЛ АНАТОЛЬЕВИЧ,

к.э.н., доцент, кафедра мировой экономики и международных экономических отношений, Донской государственной технической университет (*apologet@mail.ru*).

МАРТЫНЕНКО ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА,

к.э.н., доцент, Южно-Российский институт — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Ростов-на-Дону) (*tatianamart@list.ru*).

ПОЛОНСКИЙ ДАН ЭМАНУИЛОВИЧ,

к.э.н., доцент, кафедра экономики и финансов, Ростовский государственный университет путей сообщения; генеральный директор, ЗАО «Торговый комплекс “Горизонт”» (г. Ростов-на-Дону) (*andreevalarisa@mail.ru*).

ПЕТРОВ ВИТАЛИЙ ПЕТРОВИЧ,

ведущий инженер, ЦНИИ «Агат» (*petrov.vsho@yandex.ru*).

ЛАМАКИН АЛЕКСАНДР СТАНИСЛАВОВИЧ,

к.э.н., доцент, кафедра экономики и менеджмента, Российская международная академия туризма (Владимирский филиал) (*alexlamakin@mail.ru*).

СОТНИКОВА КРИСТИНА ИЛЬИНИЧНА,

м.н.с., кафедра политической экономии, экономический факультет МГУ.

ДОНЧЕНКО АННА ВАЛЕРЬЕВНА,

юрист, Торгпредство России во Франции; постоянный член Российской ассоциации международного права; соискатель степени к.ю.н., Всероссийская академия внешней торговли (г. Париж, Франция) (*anna_v_porova@mail.ru*).

РОСТОВА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА,

к.ф.н., ст. преподаватель, кафедра антропологии и комплексного изучения человека, философский факультет МГУ (*nnrosotva@mail.ru*).

ОКЕАНСКИЙ ВЯЧЕСЛАВ ПЕТРОВИЧ,

действительный член АФХ, член-корреспондент РАЕН, д.фил.н., профессор, заслуженный деятель науки и образования, заведующий кафедрой культурологии и литературы, научный руководитель Центра кризисологических исследований, Шуйский государственный педагогический университет (*ocean_65@mail.ru*).

РАДКОВСКАЯ ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА,

старший преподаватель, кафедра информатики и эконометрики, Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург) (*rev@ekat.ru*).

КОЛЫЧЕВА ЕКАТЕРИНА ЮРЬЕВНА,

аспирант, кафедра философии, Курский государственный университет (*angelphilosof@mail.ru*).

КОНОРЕВА КАРИНА ВЛАДИМИРОВНА,

соискатель степени к.ф.н., кафедра философии, Таганрогский государственный педагогический институт имени А.П. Чехова (*carmen_84@inbox.ru*).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, кафедра философии гуманитарных факультетов, философский факультет МГУ, заместитель директора, Центр общественный наук МГУ (*shylevsk@mail.ru*).

РУДЯК ИРИНА ИЗЯСЛАВОВНА,

действительный член АФХ, соискатель степени к.ф.н., кафедра эстетики, философский факультет МГУ (*panterafilm@mail.ru*).

Содержание за 2011 г.

<i>Ю.М. Осипов</i>	
Год тринадцатый: год М.В. Ломоносова и год С.Н. Булгакова	№ 1
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Историческая поступь великоросса: М.В. Ломоносов.....	№ 6
Философия хозяйства	
<i>У.Ж. Алиев</i>	
Какая модернизация нужна для России сегодня? (некоторые теоретические размышления)	№ 5
<i>Л.Р. Батукова</i>	
Концепция модернизации: выявление системно-генетической основы как приоритетного объекта управления развитием.....	№ 1
<i>А.В. Бузгалин, А.И. Колганов</i>	
В поисках будущего России: «экономика для Человека», или Десять тезисов к разработке «Стратегии опережающего развития III» (неюбилейное приглашение Ю.М. Осипова к новому раунду дискуссии)	№ 4
<i>М.А. Вахтина</i>	
Приносят ли экономические выгоды добродетельные поступки?.....	№ 6
<i>В.А. Гордеев</i>	
Учитель.....	№ 4
<i>О.В. Добročеев</i>	
Масштабы участия России во всемирной гонке научных исследований (глобальной инновационной волне), или От «призрака коммунизма» ко «всемирному человеку»	№ 2
<i>Н.Д. Елецкий</i>	
Неопределенность развития современных социально-экономических структур	№ 5
<i>П.П. Жуликов</i>	
Матрица развития современной экономики — философия хозяйства (философия хозяйства от С.Н. Булгакова до Ю.М. Осипова)	№ 2
<i>П.П. Жуликов</i>	
Современный капитализм и его гносеологические корни.....	№ 3
<i>В.И. Корняков</i>	
На повестке дня — общая мегатеория (к 70-летию Ю.М. Осипова)	№ 4
<i>В.И. Корняков</i>	
Проклятие и/или спасение. Погибнет ли человечество в XXI веке?	№ 5
<i>В.К. Королев</i>	
Социально-экономический кризис и модернизационный «ренессанс» философии хозяйства	№ 3
<i>В.К. Королев</i>	
Феноменология в «Философии хозяйства» С.Н. Булгакова	№ 1
<i>П.В. Кухта</i>	
Полемичность марксистской концепции прогресса через призму идей С. Булгакова	№ 6
<i>В.А. Луковенко</i>	
Апология конца (к юбилею Ю.М. Осипова).....	№ 4
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Интеллект-революция: завораживающая реальность	№ 6
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Русская софийная философия	№ 3
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Смысл и имена	№ 2
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Философия хозяйства как просвечивание реальности.....	№ 5
<i>А.А. Погребняк</i>	
Безумие и заумь: о софийной философии хозяйства (к 70-летию Ю.М. Осипова).....	№ 4

<i>Д.В. Полежаев</i>	
Трудовая установка русского менталитета: опыт социально-философского осмысления	№ 1
<i>И.В. Пиеницын</i>	
Духовный антагонизм хозяйства и экономики.....	№ 6
<i>Л.И. Ростовцева, Р.Н. Ростовцев</i>	
Мыслитель. Энциклопедист. Подвижник (к юбилею Ю.М. Осипова).....	№ 4
<i>М.А. Румянцев</i>	
Державинские мотивы в творчестве Юрия Михайловича Осипова	№ 4
<i>М.А. Румянцев</i>	
Смыслы в философии хозяйства	№ 3
<i>В.В. Рышкус</i>	
Хозяйственный потенциал развития России	№ 3
<i>А.К. Скаленко</i>	
Трансформационная глобалистика мира — XXI	№ 2
<i>З.Э. Скрынник</i>	
«Финансовая цивилизация»: тупик или перспектива?.....	№ 3
<i>И.П. Смирнов</i>	
Идея прогресса в Европе и в России	№ 6
<i>Р.Е. Соколов</i>	
Идейные концепции современной канонической философии хозяйства.....	№ 1
<i>С.А. Строев</i>	
Либерализм: судьба «победителя»	№ 1
<i>Л.А. Тутов</i>	
С.Н. Булгаков и Ю.М. Осипов: взгляд в будущее	№ 4
<i>Н.И. Усик, Н.А. Шатице</i>	
Благодаря новому времени... ..	№ 4
<i>В.А. Ушанков</i>	
Наука о хозяйстве и философия хозяйства.....	№ 1
<i>И.Г. Шевченко</i>	
Эстафета.....	№ 4
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Апостол Археолог софийного мира	№ 4
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Власть в поисках... самовластья	№ 2
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Метаисторическая трансформация России.....	№ 1
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Софиология и философия в творчестве С.Н. Булгакова.....	№ 3
<i>М.Р. Элоян</i>	
История философии хозяйства: ветхозаветная теология и ее роль в становлении философии хозяйства иудаизма	№ 6
<i>М.Р. Элоян</i>	
Философия хозяйства С.Н. Булгакова: история и современность	№ 3
<i>Т.Н. Юдина, Г.Б. Артюнов</i>	
Конфуцианство как философия хозяйства и эволюция китайской экономической мысли в ходе модернизации (конец 1970-х гг. — по настоящее время)	№ 5
<i>Т.Н. Юдина</i>	
Матрица Ю.М. Осипова — ИНОЕ (ренессанс русской софийной философии, в том числе философии хозяйства, перестроение и... новое домостроительство).....	№ 4
Экономическая теория	
<i>Г.В. Будкевич</i>	
Вызовы эволюции экономической системы — адаптивная трансформация бифуркационного развития.....	№ 4

<i>А.Н. Бычкова</i>	
Нравственные, общечеловеческие ценности как фактор развития воспроизводства основного капитала	№ 5
<i>Е.Н. Григорьева, Н.Р. Рогожина</i>	
Мировой финансовый кризис: государство и рынок слияний и поглощений банков	№ 5
<i>А.В. Донченко</i>	
Особенности пакета антикризисных мер, предпринимаемых французским правительством, в период мирового финансового кризиса 2007—2009 гг.	№ 6
<i>И.В. Ефимчук</i>	
Сетевой капитализм: новое — это хорошо забытое старое?	№ 4
<i>А.Н. Клепач, О.В. Доброчеев</i>	
Сильной может быть только умная экономика (о духовных и физических составляющих современной экономики, или поэзия и проза экономической деятельности)	№ 4
<i>В.М. Комаров</i>	
Перспективы формирования общей теории инноваций	№ 5
<i>А.В. Коньшова</i>	
Особенности патентной системы как механизма защиты прав интеллектуальной собственности	№ 5
<i>О.В. Корнищева</i>	
Анализ ликвидности при оценке экономической безопасности железнодорожных операторов грузов	№ 3
<i>Г.А. Котова</i>	
Полезность бесполезных абстракций	№ 3
<i>П.А. Краснокутский</i>	
Преимущества применения кластерного подхода с позиций теории транзакционных издержек	№ 6
<i>А.С. Ламакин</i>	
Сетевая экономика — феномен информационной эпохи	№ 6
<i>П.С. Лемещенко</i>	
«Усталость» рынка, или Антиинновационные тенденции институциональной архитектоники современной хозяйственной системы	№ 3
<i>Е.М. Мартишин</i>	
Методологический инструментарий современного исследования экономической эволюции	№ 3
<i>Т.В. Мартыненко</i>	
Концепции государства и государственной собственности в российской экономической мысли	№ 6
<i>Ю.А. Мирошников</i>	
Производительность труда как экономическая категория в теории и практике российского хозяйства	№ 5
<i>Г.И. Мойсейчик</i>	
Архитектоника глобальной финансовой системы: роль региональных финансовых центров	№ 5
<i>Г.И. Мойсейчик</i>	
Новая сущность денег в эпоху глобализации	№ 6
<i>К.В. Молчанов</i>	
О понятии экономического строя	№ 6
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Время «ФИН»	№ 5
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Развитие и его парадигмальное осмысление	№ 3
<i>В.П. Петров</i>	
О корректировке теории прибавочной стоимости	№ 6
<i>Д.Э. Полонский</i>	
Диверсификация лояльности потребителей в условиях сервисации экономики	№ 6

<i>В.Н. Прончатов</i>	
Из пункта А в пункт Б.....	№ 6
<i>Т.И. Сафаров</i>	
Необходимость повышения корпоративной культуры в деловых организациях	№ 3
<i>С.Ю. Синельников</i>	
Общие вопросы мобилизационного потенциала национальных экономических систем ..	№ 6
<i>С.С. Слепаков</i>	
Формирование типов экономического поведения	№ 6
<i>А.А. Соболевская</i>	
Государственное регулирование цены труда	№ 6
<i>К.И. Сотникова</i>	
К вопросу о барьерах на пути инновационного развития	№ 6
<i>А.И. Субетто, В.В. Чекарчев</i>	
Философский концепт военной экономики в интерьере национального хозяйства и общей экономической теории	№ 3
<i>П.С. Толкачев</i>	
Понятие экономической аксиологии.....	№ 6
<i>П.С. Толкачев</i>	
Цели национального экономического развития	№ 5
<i>М.Л. Хазин</i>	
Нужна новая экономическая парадигма	№ 4
<i>Т.Н. Шелегина</i>	
Сверхдлинные волны мирового, американского и российского хозяйственного развития.....	№ 4
<i>В.Г. Шелепов</i>	
Проблема формирования конкурентноспособных финансовых институтов в условиях реализации системных рисков.....	№ 5
Актуальная философия	
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
О нерадикализме радикальной философии Гуссерля	№ 5
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Что такое философия?	№ 2
<i>Е.Ю. Кольчева</i>	
Нравственное измерение экономической категории «богатство» в философских воззрениях Эпиктета	№ 6
<i>К.В. Конорева</i>	
Социокультурное проектирование в образовании: синергетический подход.....	№ 6
<i>А.В. Коровин</i>	
Философская антропология С. Кьеркегора и проблема отчужденности личности в датской литературе	№ 5
<i>В.А. Кутырев</i>	
Модернизация: против бездумного инновационизма — за контролируемое развитие.....	№ 2
<i>В.Ф. Маслов, В.А. Орлов</i>	
Исторический процесс как смена цивилизаций в России.....	№ 4
<i>В.П. Океанский</i>	
Неподконтрольное в символической структуре мирового хозяйства: значение наследия Гераклита Эфесского для современной интеллектуальной культуры ..	№ 4
<i>В.П. Океанский</i>	
Этика закона и благодати в миропонимании А.С. Хомякова и в контексте нашего времени	№ 6
<i>Л.Д. Петряков</i>	
Особенности отношений понятийных аппаратов теорий как аналог отношений в системе: ценности — понятия	№ 5
<i>Т.И. Пороховская</i>	
Нравственные отношения и этическое регулирование в организациях	№ 4

<i>Г.П. Прокофьева</i>	
Потребностные предпочтения современной цивилизации.....	№ 5
<i>Е.В. Радковская</i>	
Философские категории в исследованиях экономического развития.....	№ 6
<i>П.В. Скотный</i>	
Феномен знания в науке и типологии познавательной деятельности	№ 4
<i>Р.Е. Соколов</i>	
Оппоненты современной канонической философии хозяйства.....	№ 5
Актуалии экономики и общества	
<i>М.Л. Альтидовская</i>	
Бренность бюрократической экономики постмодернизма.....	№ 2
<i>А.Д. Антонов</i>	
Стратегическое поведение фирмы в новом социуме: вопросы теории	№ 2
<i>З.М. Закарьяева</i>	
Управление современным образованием: организационные механизмы	№ 2
<i>Г.А. Родина</i>	
Эволюция критериев экономического благосостояния населения	№ 2
<i>А.В. Сорокина</i>	
Эффективность государственных инвестиций в человека (на примере образования и здравоохранения).....	№ 2
<i>П.С. Толкачев</i>	
Духовно-нравственные начала экономики	№ 2
<i>М.А. Чирков</i>	
Последствия ускорения хозяйственных взаимосвязей в экономике Российской Федерации	№ 2
<i>С.В. Чистяков</i>	
Формирование института доверия как процесса, передающего и обменивающего знания в сетях.....	№ 2
Иновации	
<i>А. Бэттлер</i>	
Научно-технологический потенциал России: сравнительный анализ	№ 3
<i>П.П. Жуликов, А.С. Фузеев</i>	
Шанс России возродить индустриальный потенциал	№ 3
<i>Г.И. Мойсейчик</i>	
Перестроение вместо модернизации (о необходимости новой парадигмы русской реформации)	№ 3
История, культура, цивилизация	
<i>М.А. Вахтина</i>	
Особенности российской экономической ментальности.....	№ 3
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Мир после истории	№ 3
<i>Р.М.-А. Гусейнов</i>	
История — это всемирный суд.....	№ 3
<i>В.Я. Курбатов</i>	
Предел.....	№ 3
<i>В.П. Океанский</i>	
Метафизический конфликт подвижных означающих «столица» и «провинция» — в структуре проблематики «Россия и Европа»	№ 3
<i>И.М. Покидченко</i>	
Модерн и социализм (социально- экономические взгляды Т. Карлейля, Д. Рескина и У. Морриса)	№ 3
<i>Л.И. Ростовцева</i>	
Самоутверждение России — в традиционности	№ 3
<i>П.С. Толкачев</i>	
Духовно-нравственные ориентиры мировой экономики.....	№ 3

<i>Н.М. Чуринов</i>	
Русский экономический проект	№ 3
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Апокалипсис не отменяется, но конца не будет!	№ 3
Россиеведение	
<i>С.В. Прокопенко</i>	
Исторические этапы формирования предпринимательской культуры в России	№ 2
<i>В.В. Рышкус</i>	
О развитии России	№ 2
Самоутверждение России	
<i>А.Ю. Архипов</i>	
Императивы, направления развития посткризисной экономики России.....	№ 1
<i>С.В. Бирюков</i>	
Россия: менеджмент развития как ответ на современные вызовы.....	№ 1
<i>С.Ю. Глазьев</i>	
Стратегии опережающего развития российской экономики.....	№ 1
<i>И.А. Горюнов</i>	
Россия от мегапроекта к мегакорпорации?.....	№ 1
<i>С.Г. Кара-Мурза</i>	
Аномия России — заслон модернизации.....	№ 1
<i>П.С. Лемеценко</i>	
Россия — Белоруссия: риторика отношений и реальные тенденции будущего развития .	№ 1
<i>В.Т. Рязанов</i>	
Циклы модернизации в России: реформы и контрреформы	№ 1
<i>Хан Сеонг-Чин</i>	
Республика Корея — Российская Федерация: перспективы экономического сотрудничества.....	№ 1
<i>А.И. Субетто</i>	
Самоутверждение России в XXI веке как лидера в ноосферном прорыве человечества...	№ 1
<i>Н.А. Шапиро</i>	
Территория России как рыночное пространство (или идеальная модель рынка для политики модернизации)	№ 1
Актуальная социология	
<i>А.Л. Андреев</i>	
Парадигма модернизации в российской ментальности	№ 1
<i>Н.В. Литвак</i>	
Кризис социологических концепций информационного общества в сфере социально-экономических отношений	№ 1
<i>И.Ю. Фомичев</i>	
Этика поведенческого радикализма	№ 1
Актуальная политика	
<i>С.В. Бирюков</i>	
Год 2011: начало нового электорального цикла или новой политической эпохи?	№ 4
Менеджмент	
<i>М.А. Вахтина</i>	
Роль морально-ассоциативного механизма в обеспечении доверия между экономическими субъектами.....	№ 1
<i>А.А. Резванов</i>	
Неформальные практики в российском малом бизнесе.....	№ 1
<i>В.С. Сизов</i>	
О принципах нового менеджмента.....	№ 1

Булгаковедение

<i>Ф.И. Гиренок</i>	
С.Н. Булгаков: между христианством и социализмом.....	№ 4
<i>В.А. Гордеев</i>	
С.С.Н. Булгаковым в запостмодерн через обращение к истокам.....	№ 4
<i>Р.М.-А. Гусейнов</i>	
Все меняется, но все остается по-старому.....	№ 4
<i>И.В. Назаров, Н.Г. Филиппенко</i>	
Проблемы отношения Церкви и культуры в творчестве Сергия Булгакова и Василия Зеньковского.....	№ 4
<i>Н. Озолин</i>	
Учение протоиерея Сергия Булгакова об «описуемости Бога» в свете православной иконологии.....	№ 4
<i>Ю.М. Осипов</i>	
С.Н. Булгаков: цена прорыва.....	№ 4
<i>А.А. Погребняк</i>	
Актуальность Булгакова: критика экономизма как мотив первой философии.....	№ 4
<i>М.Г. Покидченко</i>	
С. Булгаков — предшественник нового институционализма.....	№ 5
<i>В.Т. Рязанов</i>	
С.Н. Булгаков и современность: философско-хозяйственный метод в политической экономии.....	№ 5
<i>С.В. Сняжков</i>	
Эпоха С.Н. Булгакова: метафизика истории.....	№ 4
<i>А.А. Соболевская, А.К. Попов</i>	
Идеи С.Н. Булгакова в философии хозяйства сегодня.....	№ 4
<i>А.И. Субетто</i>	
Космоноосферная парадигма философии хозяйства в контексте «метафизического коммунизма мироздания» С.Н. Булгакова.....	№ 4
<i>Н. Чернокрак</i>	
Отец Сергий Булгаков — русский мыслитель в Париже.....	№ 4
<i>Н.А. Шапиро</i>	
Философско-хозяйственная концепция С. Булгакова и современная экономическая теория.....	№ 5

Обретение

<i>Ю.М. Осипов</i>	
Обретение.....	№ 5

Рецензии и отклики

<i>У.Ж. Алиев</i>	
Духовно-интеллектуальная школа Осипова (введение к серьезному разговору в будущем).....	№ 5
<i>К.Р. Баянов</i>	
Язык как фактор моделирования социоприродной динамики.....	№ 2
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Алгоритмическая эстетика.....	№ 3
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Семь дней в Париже.....	№ 5
<i>И.И. Джадан</i>	
Кто делает философию для России?	
<i>Г.В. Задорожный</i>	
Женщина и женственность как актуальное основание целостного воспроизводства и самоутверждения человеческого социума.....	№ 1
<i>В.П. Казарин</i>	
Неактуальный Самокиш (послесловие к юбилею).....	№ 1
<i>В.К. Королев</i>	
«Реквием» по экономисту России? (От С.Н. — к М.А.).....	№ 2

<i>Г.И. Мойсейчик</i>	
Реквием, или Откровение к Откровению?	№ 4
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Социо-хозяйственная модернизация как момент реконструкции.....	№ 3
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Философия хозяйства сегодня — в 2011-м.....	№ 6
<i>С.В. Панченко</i>	
Вечные ценности — главные смыслы.....	№ 1
<i>Н.Н. Ростова</i>	
Геронтофобия как антропологический диагноз	№ 6
<i>И.И. Рудяк</i>	
Книга Ю.М. Осипова «Постижение России»: идеология как оглушение масс и пожар как карнавал экономики.....	№ 2
<i>И.И. Рудяк</i>	
Михайловичи: Бахтин, живая книга в «Реквиеме» Осипова, «Чайка» Чехова и принцип дополнительности в искусстве	№ 4
<i>И.И. Рудяк</i>	
Осипов и новая структура науки: душа как один из ракурсов Бога	№ 6
<i>И.И. Рудяк</i>	
Север как гарант композиции: Россия и Север после Вернадского — в эпоху Александра Субетто	№ 1
<i>З.Э. Скрынник</i>	
Россия в преддверии великого неизвестного: ответы и вопросы (о романе Юр. Михайлова «Реквием»)	№ 2
<i>С.С. Слепаков</i>	
Любовь еще быть может	№ 6
<i>А.Н. Фатенков</i>	
Се человек... и чёрт с ним?.....	№ 5
<i>С.О. Хохлов</i>	
Конец литературы	№ 2
<i>Э. Шац</i>	
Некоторые размышления о нетрадиционной традиции романа.....	№ 4
<i>Л.П. Шиповская, В.А. Ковтун</i>	
Разгадана ли тайна искусства?.....	№ 1
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
София, Реквием, Россия	№ 6
Научная жизнь	
Выход через кризис (интервью Ю.М. Осипова газете «Завтра»).....	№ 1
Международная научная междисциплинарная конференция «Самоутверждение России: социум, экономика, политика», 8—10 декабря 2010 г. (обзор выступлений)	№ 1
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Век Булгакова (Москва — Париж — Москва)	№ 4
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Мировой кризис и перемены	№ 6
Памяти В.Г. Белолипецкого	№ 1
Политическая экономия: место в системе экономических наук (<i>М.Ю. Павлов</i>)	№ 2
Социальная философия XXI в.: ренессанс марксизма? (<i>Л.А. Булавка</i>)	№ 2

Научно-образовательный журнал «Философия хозяйства»

Центр общественных наук при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, экономический факультет МГУ продолжает в 2012 г. выпуск научно-образовательного журнала «Философия хозяйства», призванного отражать новейшие мировоззренческие и общетеоретические искания современной гуманитарной, экономической и философской, обществоведческой науки, нацеленные на комплексное и сущностное осмысление актуальных проблем, стоящих перед хозяйствующим человечеством, мировым экономическим и политическим сообществом, Россией. Философия хозяйства — особая сфера знания о человеке, его жизни и хозяйственной деятельности, для которой характерны проблемы и смыслы, сопряженные с феноменом человека вообще, началами и целями жизни, устремлениями человека хозяйствующего и творящего, историческими судьбами человека и мира.

Научное направление издания: исследования в области гуманитарных и общественных наук, развитие научного направления философии хозяйства и примыкающих к нему отраслей знаний, создание условий для свободного научного творчества, выражения различных мнений, дискуссий, способствующих развитию фундаментального и прикладного знания.

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом не более 12 страниц, т. е. не более 20 000 знаков (без пробелов).

К статье обязательно должны прилагаться: электронная версия (файл на дискете 3,5 или присланный по электронной почте на адрес: eszotova@mail.ru); сведения об авторах (имя и отчество полностью — без сокращений, научная степень, место работы, должность, контактный телефон, адрес, e-mail); аннотация и список ключевых слов (на русском и английском языках), а также название на английском языке. Прикрепленный файл — неархивированный. Формат doc.

Требования к электронной версии: текст статьи в формате Word for Windows шрифтом Times New Roman, размером 14 pt, через 1,5 интервала.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Источники представляются в порядке цитирования в тексте. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]).

Таблицы должны выполняться табличными ячейками Word. Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Графики должны быть построены с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные). Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не используйте в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставляйте их в документы Word.

Редакция плату за публикацию не взимает, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 20 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331. Контактный тел. (495)939-4183. По вопросам распространения журнала обращаться к Ирине Анатольевне Ольховой (пн., чт., 14.00—18.00).

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам редакционно-издательского совета (РИСО).

2. Обязательному рецензированию подлежат тексты соискателей ученых степеней, а также присылаемые в редакцию статьи.

3. Не рецензируются по усмотрению редакции статьи:

- заказываемые приоритетным авторам редакцией журнала;
- подготовленные авторитетными в стране и за рубежом учеными и специалистами, а также высококвалифицированными авторами, регулярно публикующимися в журнале;
- авторами которых являются члены РИСО.

4. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

5. В отдельных случаях рецензирование проводится конфиденциально. Автору рецензируемой работы предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.

6. Если в рецензии на статью имеется указание на необходимость ее исправления, то она направляется автору на доработку.

7. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается главным редактором.

8. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и РИСО, сохраняются.